

ISSN 1680-645X

07001

9 771680 645003

ЕСЛИ

ЯНВАРЬ 2007

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕСЛИ
1'2007

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

**ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ
ЖИВИ,
ПОКА МОЖЕШЬ**

**СЕРГЕЙ СИНЯКИН
КАРЛ ФРЕДЕРИК
ПАВЕЛ АМНУЗЬ
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ**

**АНТОН ПЕРВУШИН:
НЕЗВАННЫЕ ВИЗИТЕРЫ**

серия "Тайный Город"
ВАДИМ ПАНОВ
ДЕНЬ ДРАКОНА

**НОВАЯ
КНИГА**

Другая сторона Москвы

Более 1 000 000 проданных книг

На правах рекламы

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ

Кэролин Ив **ДЖИЛМЕН**
«ОКАНОГАН-ЛИП»
Криса **БЕКЕТТА**
«ПЕРИМЕТР»

РАССКАЗЫ

Алексея **КАЛУГИНА**,
Владимира **ПОКРОВСКОГО**,
Рона **КОЛЛИНЗА**,
Гельмута **МОММЕРСА**

СТАТЬЯ

Глеба **ЕЛИСЕЕВА** и Сергея **ШИКАРЕВА**

ОЧЕРК

Вл. **ГАКОВА**

КОММЕНТАРИЙ К ОПРОСУ
Эдуарда **ГЕВОРКЯНА**

ЧИТАЙТЕ ФЕВРАЛЬСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»

Текущую подписку на наш журнал
вы можете оформить в своем почтовом отделении
по двум каталогам: «Пресса России»
и «Роспечать. Газеты и журналы».

Цена одного номера (без стоимости почтовых услуг) —
53 рубля. Индекс — 73118.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА:
Дмитрий БАЙКАЛОВ.

КОРРЕКТУРА:
Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА:
Тамара ШЕЛАМОВА.

ВЕДУЩИЙ САЙТА:
Павел ГУБАРЕВ.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:
www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91 (доб. 181).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ИЗДАТЕЛЬ:
Издательский дом
«Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», «Центропечать»,
«Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург),
«ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать», «Желдорпресс»,
«АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат»,
142300, г. Чехов Московской обл.
E-mail: marketing@chp.ru
Тираж 15 300 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.

© «ЕСЛИ», 2007

99 Владимир МИХАЙЛОВ

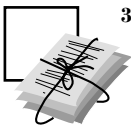
ЖИВИ, ПОКА МОЖЕШЬ

Патриарх отечественной НФ полагает, что работорговля неистребима. Но рабов далекого будущего оденут в военную форму.

223 Сергей СНИЯКИН

МЕДНАЯ ЛУНА

Предупреждение от автора: «Тем, кто любит все летоисчислением проверять, читать не рекомендуется».

3 Павел АМНУЭЛЬ

ЗЕЛЕНЫЙ ЛИСТ

Возможно ли личное счастье в одном, отдаленно взятом мире? Сомнительно, говорит наука эвереттика, ведь частичка вашего «я» может обнаружиться «под небом голубого Альциора», куда автор уже заглядывал.

27 Дмитрий КОЛОДАН

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КРАБЫ

Выбравшись из несуществующего моря, они способны принести вполне реальные беды.

61 Карл ФРЕДЕРИК

МЫ — КОШКА

В такую пещеру нельзя войти дважды... Да и выйти из нее — большая проблема. Физическая.

195 Даля ТРУСКИНОВСКАЯ

СУССИ

Этот национальный герой вдохновил композитора Глинку на бессмертную оперу, Государственную Думу — на учреждение нового праздника, а известную писательницу — на НФ-рассказ.

81 **Александр РОЙФЕ**
НЕ СТРЕЛЯЙТЕ ГАДКИХ ЛЕБЕДЕЙ!
Спор сценариста и режиссера продолжился на экране.

88 **Степан КАЙМАНОВ**
ШВЕДСКИЙ СТОЛ ГОЛЛИВУДА
...или Бери готовое!

93 **Тимофей ОЗЕРОВ**
РУССКИЙ СЕЗОН В МОСКВЕ
В России фантастических фильмов снимают все больше и больше. Дело за малым — чтобы снимали все лучше и лучше.

84 **ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ**
Японцы окружают!

267 **Мария ГАЛИНА**
В ПОИСКАХ ЗОЛОТОГО ВЕКА
Да тут даже не век, а целых три столетия!

280 **Антон ПЕРВУШИН**
КОСМИЧЕСКИЕ УШЕЛЬЦЫ
И по сей день многих мучает вопрос: «Кто мы и откуда мы?»
А ведь для фантастов недавнего прошлого ответ был очевиден...

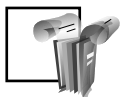
291 **ЭКСПЕРТИЗА ТЕМЫ**
На этот раз мы получили весь спектр оценок: эксперты сомневаются, допускают, соглашаются, отрицают.

270 **РЕЦЕНЗИИ**
У рецензентов всегда так: найдут, что похвалить, отыщут, что поругать.

299 **КУРСОР**
«Последний из могикиан» американской НФ чуть-чуть не дотянул до ста лет...

276 **Александр ГРОМОВ**
ПОНИ БЕГАЕТ ПО КРУГУ
Плюрализм мнений — отличная штука, но иногда так хочется согласиться с одним...

296 **Дмитрий БАЙКАЛОВ**
«ЕСТЬ ТОЛЬКО ТЫ И ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ»
Завет великого режиссера воплощают юные актеры.

302 **ПЕРСОНАЛИИ**
Имена в основном знакомые. Ну, а если вы чего-то о них не знаете или забыли, то вам обязательно нужно заглянуть в эту рубрику.

ПАВЕЛ АМНУЭЛЬ

ЗЕЛЕНЫЙ

Иллюстрация Людмила ОДИНЦОВОЙ

ЛИСТ

У меня плохая память на лица и имена, а одежду я запоминаю сразу и навсегда. Соседа я узнала только потому, что на нем был тот же поношенный серый в темно-синюю полоску костюм гэдээровского производства, в котором я видела этого человека, когда он спускался мимо нашей двери по лестнице или, наоборот, поднимался, понунив голову и пряча взгляд, а может, и не пряча, не могу сказать точно; просто мне казалось, за те годы, что он жил в нашем доме, я ни разу не встретила с ним взглядом, но это могло быть причудой моего воображения, а не реальной действительностью, которую я не всегда воспринимала такой, какой ее видели остальные.

Он стоял за низким столиком, на котором лежали несколько серебряных ложек, три старых (именно старых, а не старинных) медальона и пара фаянсовых кувшинов, довольно больших и очень красивых.

Кто-то толкнул меня локтем, потому что я загородила узкий проход между рядами, и мне пришлось подойти ближе, чего я, честно говоря, не собиралась делать.

Он поднял на меня взгляд (за столько лет впервые), и я обратила внимание, что лицо у него не такое старое, как мне всегда казалось, а глаза ярко-голубые, чистые и распахнутые, словно книга, которая ждет, чтобы ее прочитали.

— Это вы... — пробормотал он. Наверное, ему не хотелось, чтобы кто-то из знакомых застал его на блошином рынке, где он за облезлым столиком продает ненужную домашнюю утварь.

— Здравствуйте, — сказала я и замолчала, потому что имени соседа, естественно, не помнила и о чем с ним говорить, не представляла. С другой стороны, просто отойти в сторону мне казалось невежливым: мы столько лет встречались на лестнице и, хотя не обменялись даже парой слов, здесь было чужое пространство, в котором мы оба ощутили некую общность, единение, не знаю что... Я была уверена, что и у него возникла такая мысль, именно мысль, а не ощущение, потому что сосед (так мне казалось) был человеком рациональным, больше думающим, нежели чувствующим.

— Вы, — спросил он со стеснением в голосе, — хотите что-то купить? Или... просто так?

— Хочу купить, — сказала я и добавила: — Просто так.

— Ну да, — сказал он и тоже добавил, помолчав: — Если вы мне дадите три минуты, я сверну свое хозяйство, и мы сможем пойти в «Либерти» выпить по чашечке кофе.

Не дождавшись моего решения, он стал быстро собирать и складывать в черный потертый дипломат серебряные ложки, туда же полетели медальоны, и даже кувшины странным образом поместились — крышка закрылась со щелчком.

Кивнув мне, сосед пошел, не оглядываясь, к выходу, я поплелась следом, хотя могла остаться или направиться в противоположную сторону. Он и не заметил бы моего отсутствия, может, до самого «Либерти» — маленького кафе на углу Семеновского проспекта, где действительно можно было выпить чудесного кофе с удивительно вкусными плюшками. Я заходила туда как-то раз с Герой Маклаковым, который вроде в меня влюбился на втором курсе, но после нескольких коротких свиданий исчез без объяснения причины — нечего было объяснять, я сама все прекрасно понимала, не то у меня воспитание, чтобы целоваться в первую же неделю.

Я не считала себя недотрогой, но была ею — что поделаешь, много всяких комплексов вбила в меня мама, пытаюсь сделать из дочери существо высокой духовности, рассеянно вззирающее на этот безумный, безумный, безумный мир. Но если героев любимого фильма моего детства, американского, между прочим, ждал в финале большой приз, меня в жизни не ждало ничего, кроме разочарований и унылого прозябания в районной библиотеке, где, несмотря на свое высшее филологическое образование, я числилась простым библиотекарем, а место начальницы у нас занимала старая мымра Бадаева, окончившая техникум вскоре после войны... не знаю какой, может, русско-японской.

Он открыл дверь кафе, посторонился, пропуская меня, и я направилась к дальнему столику, откуда можно было видеть улицу сквозь большое окно.

— Вас Юля зовут? — спросил он.

— Юка, — машинально поправила я и сразу добавила: — То есть Юля, а Юка — так меня зовут... некоторые...

— К числу которых я, понятно, не допущен, — улыбнулся он. — А меня зовут Станиславом. Некоторые называют Станиславом Никоничем. Для иных я Стан — не Слава, терпеть не могу, когда меня называют Славой, я же не капэээс, чтобы...

Я не собиралась называть его ни Славой, ни Станом и вообще никак. Я собиралась выпить кофе и уйти. Вообще-то я хотела уйти прямо сейчас, но было неудобно: пришла, села и вдруг...

Он заказал по большой чашке «эспрессо» и: «Вы не против, Юля?..» — каждому по фирменной плюшке.

— Знаете, Юля, — он вошел в разговор осторожно, как входят в холодную воду осеннего моря, — вы можете подумать, что я... что эти вещи мне просто не нужны. Действительно, зачем одинокому пожилому мужчине серебряные ложки и сервиз, из которого не пили уже лет сто...

— К вам никто не приходит в гости? — вырвалось у меня. Я часто задаю вопросы, не подумав, правда, почти всегда потом оказывается, что попадаю в точку, но, видимо, не в этот раз.

— Ко мне? — удивился он так, будто я спросила, приходила ли к нему в гости статуя Командора. — Бывшие коллеги, да. Я по специальности физик. Был, если говорить точно. Мы спорим. Есть много такого, что мы не успели обсудить... Впрочем, вам это не интересно.

Он откинулся на спинку стула, чтобы дать возможность официантке переставить с подноса на стол чашки с кофе (какой аромат, даже пить не надо, только сидеть и вдыхать) и тарелочки с плюшками.

— Интересно, — сказала я. — Я встречала вас на лестнице и думала: наверное, ученый.

— Значит, вы меня все-таки узнали, — пробормотал он. — Тогда... — он помолчал, принимая, видимо, какое-то решение, и, чтобы ускорить мыслительный процесс, отпил из чашки и откусил от плюшки; ни то, ни другое не произвело на него впечатления, он просто отпил и просто откусил, думая совершенно о другом, а когда решение было наконец принято, поставил чашку на блюдце, плюшку положил на стол — не на тарелочку, а мимо — и спросил:

— Вы пока не нашли свою вторую половинку?

Я как раз подняла чашку... хорошо, что не успела отпить, иначе наверняка поперхнулась бы. Бережно поставила чашку и столь же осторожно переспросила:

— Не нашла — что?

— Я сам был молодым, — вздохнул он и неожиданно улыбнулся — улыбка его оказалась такой... светлой?... нет, скорее, робкой?... нет, это уж совсем не то слово... не знаю, я никогда не видела, чтобы кто-то из знакомых мне мужчин так улыбался. Мне не с кем было сравнить, не с литературными же героями, на самом деле: те улыбались по-всякому, но сейчас был другой случай, и я смугилась еще больше, хотя и постаралась напустить на себя вид равнодушной и все понимающей особы.

— Когда мне было двадцать, — сказал он, сохраняя в углах губ странную улыбку, жизнь которой продолжалась независимо от выра-

жения лица, как у Чеширского кота, — я влюбился в свою однокурсницу и решил, что мы с ней — те самые половинки, которые, соединившись... Вы понимаете, это как резонанс. Каждый сам по себе, и не более того. А вместе — и только они двое, никто иной! — вдруг становятся единой сущностью, способной своим желанием передвигать горы... «Они жили долго и счастливо и умерли в один день». Вот. Так две половинки одного целого существуют в этом мире, а потом вместе уходят.

— Понимаю, — сказала я и добавила, хотя не собиралась говорить на эту тему: — Что-то такое у меня было с Володей, пять лет уже прошло, мы собирались... то есть он хотел... но я вовремя поняла, что нет — он не моя половинка... А свою я потом нашла, но потеряла, то есть отдала, нет, это тоже оказалась не моя, а свою я пока не нашла, вы правы, это трудно, это, наверное, просто невозможно, потому что круг ограничен: ну что, хожу каждый день на работу, читатели со мной дел не имеют, я ведь не на раздаче, а в фонде, и никого, а вечерами тоже... Нет, я не жалею, это глупо, но свою половинку можно найти, если бывать на людях, знакомиться... Вы ученый, вы поймете: это как метод проб и ошибок в науке... Пробуешь, ошибаешься, находишь, если повезет, а если не повезет, чаще всего и не везет. Все равно что миллион в лотерею выиграть, я никогда не выигрывала...

Я все-таки поднесла чашку к губам и сделала большой глоток, просто чтобы заставить себя закрыть наконец рот.

— Вот, — сказал он. — Вы точно заметили — метод проб и ошибок.

Заметила, да. Хотя и не поняла, почему это сравнение пришло мне в голову. Какой из меня физик? Я даже законы Ньютона забыла...

— Жена давно от меня ушла, — сказал он, глядя в чашку. — Сын, менеджер по профессии, он с семьей в Штатах, раз в году звонит, поздравляет с днем рождения, я благодарю... никогда не спрашивает, как я тут... мамино воспитание...

— Это была не ваша половинка, — вставила я.

— Нет, конечно. Мало ли что кажется по молодости... После университета... извините, Юля, что я рассказываю, вы потом поймете, почему это важно... после университета я работал в теоретической лаборатории ФИАНа, занимался квантовыми структурами, а потом ветвлениями. Это область квантовой физики...

— Я в этом ничего не понимаю, — сказала я, пресекая дальнейшие рассуждения на темы физики, уравнений и каких-то там квантовых функций.

— Неважно, Юля, я не собираюсь вас утомлять... Один только вопрос: вы хотите быть счастливой? Хотите найти ее — свою половинку?

— Да, — сказала я, хотя, наверное, правильнее было поблагодарить за кофе (неужели я уже выпила свою чашку? даже не заметила!) и плюшку (которой не попробовала), встать и уйти отсюда подальше, то есть домой, дальше просто некуда, и потом, встречая соседа на лестнице, вжиматься в стену и делать вид, что мы не знакомы.

— Все хотят, — кивнул он, улыбаясь, — но никто понятия не имеет, что это означает на самом деле.

Наверное, он хотел, чтобы я спросила: «Что же это означает на самом деле?» Я отвела взгляд, мне расхотелось разговаривать, потому что это никого не касается! Меня тоже. Если у человека больше нет второй половинки, что он будет делать еще с одной? Я не слушала, о чем он говорил, думала о своем, а он все это время разговаривал, губы его шевелились, он произносил какие-то слова, которые плохо доходили до моего сознания.

— ...И все это не так, понимаете, Юля? Мы ищем себя, только себя и никого больше. Мы себя самих хотим собрать из наших же осколков, разбросанных по всем ветвям мироздания. Понимаете? Нет, — огорченно сказал он, — вы меня даже не слушаете. Вспомнили, как нашли свою половинку и потеряли ее? Уверяю вас, ничего вы не потеряли, потому что он... ну не мог он быть вашей половинкой, никак, ни при каких обстоятельствах!

— Откуда вам знать? — возмутилась я, забыв, что не собиралась с ним разговаривать.

— Я и не знаю, — улыбнулся он. — Конкретно о вас, Юля, мне ничего не известно... Но я физик, всю жизнь занимался квантовыми системами. Волновые функции — это абстракция, к реальной жизни никакого отношения не имеющая. На самом-то деле... нет, скажу иначе. Вот вы сейчас выпили чашку кофе, посмотрели на булочку и решили для себя: не буду я ее есть, а то поправлюсь... или еще почему-то... есть не стали, отодвинули даже, чтобы избежать соблазна. То есть приняли решение. А могли решить иначе и съесть булочку — она, кстати, очень вкусная... Так вот, квантовая физика, о которой вы так плохо думаете, утверждает, что в природе всегда выполняются все возможные варианты выбора. Это не предположение, как вам может показаться, это установленный факт, еще Эверетт в пятьдесят седьмом... нет, это сложно, не буду. Вы отодвинули блюдце с булочкой, и в тот же момент мироздание разветвилось, и возникла другая ветвь, где вы,

та же самая Юля, сидящая передо мной, решили иначе и съели эту булочку, и разговор наш на той ветви пошел, может быть, немного по-другому. Понимаете?

— Что-то я читала об этом, — неуверенно сказала я. Не для того, чтобы согласиться, а чтобы прервать хотя бы на минуту поток слов, мне совершенно не интересных. Он хотел сказать о моей... или своей... половинке? При чем здесь кванты, ветви мироздания, булочка эта, которую я не собиралась пробовать, ни в этой реальности и ни в какой другой? — Да, читала, кажется, в журнале «Знание — сила». Будто бы вселенных на самом деле миллионы. Но мы никогда не узнаем, что в них происходит, потому что...

Дальше я не помнила. Кажется, в статье говорилось о горизонте событий, заглянуть за который невозможно.

Он кивал в ответ на мои слова, подобно китайскому болванчику, и я замолчала, чтобы остановить эти движения.

— Да, — сказал он, — множество вселенных, о которых мы ничего не знаем. Об этом я и думал все годы. Каждый наш выбор... и не только наш... любой! Электрон выбирает траекторию движения — одну из двух, — и мироздание ветвится. Амеба может разделиться на две, а может на три части — и возникают вселенные, в одной из которых амеба разделилась надвое, а в другой — на три. И опять возникают ветви в мироздании... А человек! Вы представляете, Юля, сколько важных и несущественных решений каждый из нас принимает за свою жизнь! Все эти миллиарды вселенных реально существуют, они здесь, в нас самих, потому что наше сознание выбирает, в каком из миров окажется в следующее мгновение, понимаете?

— Ага, — сказала я, дотронувшись до тарелочки с плюшкой: может, действительно, съест и оказаться в такой вселенной, где... Где — что? Все давно прошло, и я не хочу, чтобы вернулось. — Если я сама выбираю себе мир, то почему всегда выбираю неправильно? Почему не самый лучший?

— К этому я и подвожу, — сказал он и положил свою ладонь мне на руку. Ладонь была теплая и легкая, я могла скинуть ее, могла сказать ему, что он не должен... Но почему-то я не сумела пошевелить даже пальцем, не захотела; моей руке оказалось уютно в его ладони, будто в пришедшейся впору варежке.

— Это физика, понимаете, Юля? Физика, а не психология, как все думают. Наше сознание выбирает мир. А на что мы всегда ориентированы? На поиск нашей второй половинки! На выбор счастья в жизни.

Вот и выбираем. Когда я предложил гипотезу *просвета*, было столько споров...

— Гипотезу просвета? — повторила я. Странное сочетание. Как формула тени.

— Ну да, — сказал он. — Пространство световых квантов, так я его назвал. Потому что там нет ничего, кроме фотонов и иных частиц с нулевой массой покоя. Просвет — двумерное пространство, отделяющее каждую ветвь мироздания от соседней. Один выбор от другого. Иначе все вмиг смешалось бы, и выбор оказался бы попросту невозможен. Как смешиваются жидкости, если между ними нет преграды, так и ветви Многомирья вращались бы одна в другую, не будь разделяющего их пространства... Они все — я имею в виду коллег — и сейчас уверены, что ветви Мультиверса существуют в одном гамильтоновом... Ох, простите, я совсем...

Я поднялась, он растерянно замолчал и поднялся тоже; я увидела перед собой его глаза, не растерянные, как ожидала, а совсем наоборот — это был взгляд человека, до такой степени уверенного в своей правоте, что ему было решительно все равно, что о нем думают окружающие, сотрудники, бывшая жена и эта взбалмошная девчонка, не умеющая даже слушать, не говоря уже о том, чтобы понять.

— Извините, Юля, — сказал он, и голос его, неуверенный, ломкий, как сухая солома, так контрастировал со взглядом, что казался принадлежащим другому человеку. — Извините, я... Собственно... Вы хотите быть счастливой, Юля?

Я отрицательно помотала головой и сказала:

— Да.

— Тогда приходите, я вам расскажу еще... о своей работе. Вы знаете, где я живу?

Я уже была у выхода, но обернулась:

— Конечно. Пятый этаж, да?

* * *

В интернете можно найти все, даже если не очень точно знаешь, что искать. Работы в фонде было немного, читателей на абонементе еще меньше, и к вечеру, выключив компьютер, я знала, что Станислав Никонович Савранский тридцать семь лет проработал сначала в ФИАНе, а потом в Институте физических проблем, в последние годы занимался новым направлением в физике, эвереттикой, то есть Многомирьем — по-научному, Мультиверсом. Что-то похожее на па-

раллельные вселенные, о которых я читала в фантастике, но не совсем то же самое. Были отличия, о которых, как я теперь поняла, рассказывал сосед: «Вы принимаете решение, Юля, и мир раздваивается».

Два года назад Савранский опубликовал работу, вызвавшую резкую критику коллег. Я нашла две его публикации и восемнадцать отрицательных отзывов, из которых уяснила, что мой сосед пошел против общего мнения, уже установившегося в ученом сообществе. Подумать только, даже в такой новой науке, как эта эвереттика, уже появились свои школы, свои течения, свои классики и подрыватели устоев. Как у нас в библиотеке, которая только из читального зала могла показаться тихой гаванью с милыми женщинами, лощманами книжных морей.

В прошлом октябре соседу исполнилось шестьдесят, и его в тот же день отправили на пенсию, прекратив на этом и дискуссию, и научное творчество человека, отдавшего физике всю жизнь.

Домой я возвращалась в восьмом часу, в сумке несла новую, еще не занесенную в каталог книгу Йена Пирса — не для себя, для отца: он любит такую литературу. Шла обычной дорогой и думала о соседе, о том, что человек может жизнь положить на никому, в общем, не нужную работу. Многомирие или многомерие — разницу между этими словами я не уловила. Просвет. Двумерное пространство. Счастье. Вторая половинка...

Второй моей половинкой был Витя, я всегда это знала, иногда мне казалось, что первым словом, которое я произнесла в жизни, было «Ви-тя», и, хотя мы только в седьмом классе стали сидеть за одной партой, я видела его рядом с собой постоянно — с того момента, когда впервые вошла в школу и столкнулась в дверях со смуглым мальчишкой, который так размахивал портфелем, что, конечно же, сбил меня с ног. Я была уверена, что Витя — моя вторая половинка, потому что жизнь прекращалась, когда мы не виделись, а после школы мы почти и не встречались. Может, я потому и выбрала филологию, а потом библиотеку, чтобы рядом не было никаких мужчин, никаких парней, никаких соблазнов, хотя на самом деле я всегда хотела именно соблазнов, чтобы их преодолеть и понять, что, кроме Вити, нет на земле никого.

И сейчас нет. И Вити нет тоже — это он мне объяснил популярно, доступно для моих куриных мозгов, он так сказал, и я даже обидеться не смогла, потому что не сразу поняла главное: я ему не нужна. Совсем.

«У тебя кто-то есть?» — спросила я и представляю, каким действительно глупым было в тот момент выражение моего лица.

«Нет, — сказал он с сожалением, — но только я никогда на тебе не женюсь... Никогда. Мне не нравятся такие женщины».

Повернулся и ушел. В ночь. Нет, на самом деле был полдень, разговаривали мы у входа в его подъезд, я выскочила с работы на пару минут, зная, что он в это время приходит домой обедать, солнце ярко светило, но все равно настала ночь, темнота, затмение...

* * *

Дома я прошла в свою комнату, встала у окна и смотрела в слепое городское небо, подсвеченное фонарями, как театральный занавес, на котором можно собственной фантазией нарисовать созвездия. Может быть, сосед прав, и моя половина вовсе не Витя, а какая-нибудь звезда в созвездии Ориона? А может, моя половина нечто совсем нематериальное, идея, которую я должна найти в жизни, чтобы стать счастливой?

Стоя у окна, в темноте, обхватив руками плечи и глядя на красноватый от уличных огней фон облачного неба, я поняла, что ничего не хочу, то есть не хочу ничего сейчас, пока... Пока — что? Господи, это же понятно, неужели я должна объяснять самой себе? Пока Витя... пока он... Вот: пока он не будет счастлив, пока он не найдет в жизни своей половинки. Знаю, что это не я, ну и пусть, но он должен найти, должен, должен... И только тогда, зная, что ему хорошо, я смогу... Может, моя половина — комета в небе, теплое (или холодное?) течение в океане, лед на вершине Гималаев. А у Вити это наверняка красивая, добрая, умная, молодая... Я не ревную, я даже не знаю, что это такое. Пусть Витя найдет свою половину, и тогда... Мне станет хорошо? Нет, мне станет совсем плохо, так плохо, что я не смогу больше думать о нем... и подумаю наконец о себе.

Странно, но утром, проснувшись от звонка будильника, я не помнила, когда легла. Я вообще ничего не помнила — стояла у окна, думала «пусть ему будет хорошо», а потом вдруг...

На работу мне нужно было к девяти, родителей не оказалось дома: мама ушла в поликлинику, а отец уехал на завод, что-то они там сегодня сдавали, то ли новую конструкцию, то ли проект.

Я выпила большую чашку кофе, надела синий брючный костюм, подкрасилась в меру и поднялась на пятый этаж, впервые, по-моему, за все годы, что мы жили в этом доме. На площадке стоял покосив-

шийся стул, а к одной из дверей крепилась табличка: «28. С.Н.Савранский».

Он открыл после первого же звонка, будто стоял за дверью. На нем был огромных размеров старый полинявший халат, запахнутый на груди и перевязанный толстой тесьмой. Когда-то халат был, наверное, красивого оранжевого цвета, но давно выгорел и стал похож на подстилку, по которой долго ходили; на груди остался едва различимый след то ли туфли, то ли утюга.

Квартира, конечно, оказалась запущенной. Я прошла за ним в комнату, которая, вероятно, служила гостиной, села на край стула, в точности такого же, какой стоял на лестничной площадке, и сказала, делая вид, что не хочу отнимать ни его, ни своего времени:

— А если, — сказала я, — нужно отыскать половину не мне, а другому человеку?

— Не вам? — переспросил сосед.

Он стоял, прислонившись к старому буфету, который даже на барачке невозможно было бы продать не столько по причине ветхости, сколько по неоспоримой несовместимости с современной жизнью.

— Я понимаю, Юля, что вы хотите сказать, — сообщил он. — Честно говоря, никогда об этом не думал, это другая задача... То есть, в принципе, та же самая, но иные граничные условия. И коэффициенты в уравнениях просвета...

— Да-да, — сказала я. Меня не интересовали его заумные теории, я спрашивала о своем.

— Юля, — сказал он и повторил: — Юля... Я ведь вам хочу помочь...

— Мне, — сказала я. — Вы поможете мне. Если найдете половинку для человека, которого...

Я не смогла закончить фразу, что-то сдавило мне горло; сосед, к счастью, не обратил на это внимания. Он на меня и не смотрел, думал о чем-то, может, что-то высчитывал в уме.

— Знаете, Юля, — сказал он наконец, — вы задали очень интересную задачу. Когда ищешь для себя, то хотя бы понимаешь, кому твое счастье может нанести вред... находишь свои части в мире, становишься собой, делаешься сильным, но при этом отбираешь что-то у другого. Зная себя, можешь хотя бы оценить...

Я молчала.

— Но вы предлагаете решать за другого человека, — продолжал он. — Вы хотите найти для другого его второе «я», а может, третье и чет-

вертое, я не могу сказать заранее, сколько компонентов бытия должно совместиться, чтобы этот человек стал собой... и кому это может причинить зло...

— Станислав Никонович! — воззвала я. — Не надо мне ничего говорить. Я не хочу об этом знать. Мне все равно. Мне нужно, чтобы он...

— Значит, это мужчина, — кивнул сосед.

— ...чтобы он нашел наконец себя и стал счастливым человеком. Если второе его «я» — женщина, значит... ну, я переберюсь. А если вулкан какой-нибудь...

— Вулкан может проснуться и обрести такую силу!..

— Пусть.

— Да, — сказал сосед, помолчав, — вы решили.

— Вам нужно его имя? — спросила я. — Адрес? Что-то еще?

— Нет, — покачал он головой. — Ничего не нужно.

— Я читала об одном целителе, который лечил по телефону всех, о ком его просили, даже имени не спрашивал. Он оказался...

— Шарлатаном, — кивнул Савранский. — И что? Мне не нужно знать имя... У американского фантаста Шекли есть повесть «Обмен разумов». Там главный герой, не помню кто...

— Флинн, — подсказала я. Шекли мне нравился в восьмом классе, я прочитала все, что могла найти, а потом разлюбила, потом у меня были Воннегут и Булгаков.

— Флинн, да. Он потерял девушку Кэти и попросил знакомого, специалиста по теории поисков, найти возлюбленную. «Хорошо», — сказал тот и пошел. «Куда вы? — удивился Флинн. — Вы ничего не знаете о Кэти, как вы будете искать?» «Скажите, — ответил приятель, — если бы вы знали о своей Кэти все: адрес, телефон, профессию, то могли бы найти ее сами?» «Конечно», — уверенно сказал Флинн. «Ну вот. Я знаю все о теории поисков. Зачем мне нужно знать что-то о Кэти?»

Савранский подошел ближе и посмотрел мне в глаза. Я думала... Я боялась... Нет, это был нормальный взгляд человека, уверенного в своей правоте.

— Я знаю все о Мультиверсе, — сказал он. — О многомерном строении всего сущего. И разделяющее ветви Многомирья пространство открыл я. Больше, чем об этом известно мне, не знает никто.

— Да, конечно, — сказала я и неожиданно оказалась на лестничной площадке перед закрытой дверью квартиры номер 28.

* * *

Это все, что я хотела рассказать о моем соседе Станиславе Никониче Савранском. Может, он и открыл пространство, где не было ничего, кроме света. Я читала в каком-то журнале, что в самые первые дни жизни Вселенная состояла из одного лишь света, а все остальное возникло потом, когда свет сгустился. Может, просвет между мирами, о котором говорил сосед, это и было на самом деле все, что осталось до наших дней от той, молодой, Вселенной?

Мне-то какая разница? Я ходила на работу, в воскресенье поехала с родителями в гости к дальним родственникам, у которых не была лет пять или больше. Несколько раз проходила по дороге на работу через блошинный рынок, но соседа больше не видела — то ли он продал не нужный ему фаянс, то ли все-таки решил, что неловко с его образованием, статусом... глупости, конечно, при чем здесь образование и статус, если умному и порядочному человеку не хватает пенсии для нормальной жизни?

Умному — да, в этом я не сомневалась. Порядочному? Он обманул меня. Он обещал найти Вите его половину, обещал сделать его счастливым. Конечно, он не мог этого сделать. Он даже не спросил имени. Задурил мне голову Шекли.

Все у Вити оставалось, как раньше. Я знала, у нас было много общих знакомых, и некоторые, как мне казалось, даже догадывались о том, что творилось в моей душе при одном упоминании его имени. Впрочем, время, наверное, действительно лечит. Я почему-то перестала вздрагивать, когда кто-нибудь вспоминал о Вите, а потом... сколько прошло времени? Полгода? Кончилось лето, осень выдалась дождливой, и я ездила на работу на троллейбусе, зимой мы познакомились с Мишей, и еще что-то происходило в моей жизни, что-то медленно менялось, что-то возникало, странное, необъяснимое... Однажды я поймала себя на том, что, вспомнив о Вите, не ощутила ничего, кроме равнодушного сожаления о чем-то далеком и мне не нужном. Потому, что прошло время — или потому, что рядом со мной был Миша?

Он пришел в библиотеку менять книги, а Полина вышла в магазин, и мне пришлось сесть на выдачу. Знаете, как это бывает. Взгляд — и будто между вами натягивается тонкий невидимый провод, ты говоришь себе «да», а что «да»? Что-то такое, что глупо описывать словами. Я не думала о том, что Миша может оказаться той самой моей половиной... Он не был половинкой меня, он просто был мной. Или я была им? Может, и так. Мы стали одним существом, и еще...

Я как-то спросила Мишу, знает ли он физика по фамилии Савранский. Миша не знал, да и откуда? Он работал программистом, рассказывал о компьютерах так необычно и захватывающе, как может говорить только влюбленный.

И еще. Не представляю, как это происходило, но я начала ощущать странные вещи. Может, со мной это было и раньше, а я не обращала внимания? Разве, когда я была маленькой — года в три-четыре, — мне не приходилось летать во сне? Многие летают, я знаю, это естественно в детстве, а потом проходит. Прошло и у меня, а нынешней зимой началось опять.

А еще я была огромным растением, я росла из почвы, подставляя свои ветви голубому солнцу, мои длинные красноватые листья трепетали, вдыхая прохладный по ночам и жаркий в полуденные часы воздух, я любила это солнце, этот воздух, любила себя и ту, кем я была еще; мне было так хорошо, что я не хотела просыпаться, но это был не сон; я прекрасно понимала, хотя и не могла объяснить, и счастье мое было в том, что Миша ощущал то же, что и я, потому что мы были одним целым — и ураганом в американской пустыне Калахари, и огромным деревом Ламмат на далекой планете Кендар, — мы знали, конечно, где эта планета находится, и если бы кому-то пришло в голову дать мне... нам... карту Галактики, мы легко нашли бы светящуюся точку, одну из множества звезд, ничем друг от друга не отличавшихся для всех людей на земном шаре, а для нас эта звездочка была таким же домом, как Земля: мы там росли, мы там любили...

Я, наверное, совсем не могу рассказать о себе так, чтобы было понятно, да? Мне не нужно, чтобы нам поверили, потому что я... мы... Может быть, все-таки вернее говорить о нас с Мишей и обо всем, что еще является мной... нами... правильнее говорить «я», ведь если я — это единое существо, то какая разница, сколько сущностей заключено в нем на самом деле?

Я, мы — неважно. Я, мы поженились, чтобы не создавать лишних сложностей — не для себя, для родственников. Все равно в паспорт не впишешь ни воздушный поток, переместившийся в Колорадо и затихший, спрятавшийся от нависших дождей в пещере, ни дерево на Кендаре.

Я... мы... ах, все равно, пусть будет «мы», так, наверное, понятнее, хотя и совсем не соответствует моей единственной сути... мы сняли двухкомнатную квартиру в квартале от моих родителей (а мои жили во Фрязино, и к ним мы ездили по субботам), но жили ли мы в этой квар-

тире? Или в той пещере в Колорадо? Или под небом голубой звезды Альциор?

Были ли мы счастливы? Мы не задавались этим вопросом, потому что... Да, наверное, это счастье — быть собой. Понимать себя. Найти свои потерянные в мирозданиях половинки. Правда, когда я была одна, то вкладывала в это понятие совсем иной смысл... Но что я понимала, будучи одинокой закомплексованной девушкой... да и я ничего не понимал тоже, честно могу признаться, хотя, в отличие от тебя, не думал, что у меня были какие-то комплексы, и если бы мы не нашли друг друга... себя...

Если бы не Савранский...

Почему мы так долго не вспоминали о нем? Наверное, счастье — это еще и великий эгоизм, когда замыкаешься в себе, осознавая такие свои глубины, о существовании которых и не подозревал.

Но я хорошо помню утро, когда проснулась с ощущением, что должна сделать что-то важное, и я долго лежал, соображая, что же это должно быть, пока ты готовила завтрак; было воскресенье, я чувствовал, конечно, что тайфун в Колорадо опять начал набирать силу, но не это меня беспокоило; слушая шипение закипавшего кофейника, я вдруг вспомнила; и я увидел коричневую дверь, и стоявший рядом старый стул, а потом подумал, что никогда не видел их раньше; но я запомнила, и я вспомнил; как мы могли забыть, нужно сегодня же...

Мы пошли к нему после полудня, потому что хотели собраться с мыслями, придумать единственные слова, которые скажем человеку, сумевшему соединить нас через этот свой просвет. Он, конечно, все упростил, рассказывая ничего не понимавшей в квантовой физике девушке о бесконечно сложной жизни мироздания, но все равно он хорошо придумал — как же еще соединять сути, если не через свет и любовь?

Мы поднялись на пятый этаж, позвонили в знакомую дверь и долго ждали. Савранский не открывал, из квартиры не доносилось ни звука, мы подумали, что колорадским смерчем могли бы подлететь снаружи к окнам и увидеть, ощутить, что там, в комнатах, происходит...

— Юля? — спросила, выглянув из двери соседней квартиры, пожилая женщина, имени которой я не помнила, хотя и встречала ее, конечно, на лестнице, да и дома видела много раз, когда она спускалась за солью, спичками или просто так — поболтать с мамой о погоде и ценах. — Юля? А вы — Миша? Очень приятно. Вам нужен Станислав Никонович? Вы разве не знаете?..

Что она говорила? Упал на улице... в Склиф, а потом перевезли в Первую градскую...

— Он там? — спросили мы. Соседка поджала губы, покачала головой и сказала:

— Умер. Еще... когда? Да, как раз перед первым сентября, я внука в школу собирала, надо было тетради купить. Сын его позвонил... Из Штатов вызвали, он прилетел на пару дней, отца хоронить, и от квартиры ключ забрал...

— Простите, — сказала я, а я добавил: — Мы действительно не знали.

Повернувшись, мы стали спускаться по лестнице. Шли и шли, а лестница не кончалась, она была бесконечной и вела на Кендар, нужно было подумать, и как же хорошо думается, когда стоишь, крепко вцепившись в почву корнями, голубой Альциор припекает крону, и мысли перемещаются сквозь миры — в том пространстве световых квантов, о котором говорил он...

«Вы можете найти половинку не для меня, а для другого человека?»

«Интересная задача, надо подумать...»

Мне тогда было все равно, и я не поняла.

— Юля! Юля, я совсем забыла! Юля, вы уже спустились?

Соседка... как же ее имя... смотрела сверху в лестничный пролет и подавала нам знаки.

— Что? — спросила я.

— Минуту! — крикнул я. — Мы поднимемся.

— Станислав Никонович... он... за неделю, а может, за несколько дней до того... ну, как это с ним случилось... да вы поднимитесь... Может, зайдете на минуту?

Большая комната, куда ввела нас хозяйка, была так заставлена мебелью, что пройти между диваном и огромным шкафом я смог только боком, а я и проходить не стала, остановилась в дверях, глядя на женщину с испугом, которого не могла скрыть.

— Вот, — сказала хозяйка, достав из ящика серванта запечатанный конверт без марки и адреса, с короткой надписью: «Юлии». — Станислав Никонович сказал, чтобы я передала это вам, но только если вы сами появитесь.

— Да, — сказала я, протянув руку.

— Дай мне, — сказал я и забрал конверт у тебя из рук.

Внутри оказался листок белой нелинованной бумаги. Прямым,

без наклона, упрямым, четким почерком было написано: «Юля, спасибо Вам. Вы подсказали мне чрезвычайно интересную задачу. Если Вы читаете это письмо, значит, задачу я решил. Ведь Вы счастливы? Нет, не так нужно спрашивать. Вы стали собой, верно? Простите, что не выполнил Вашу просьбу — сейчас Вы наверняка знаете, почему я так поступил».

— Спасибо, — сказала я хозяйке.

И мы ушли. И оказались на улице. Почему-то мне чудилось, что если смотреть в небо — вечернее, с золотистой кромкой низких облаков на западе, — то лучше виден просвет, та, как он говорил, двумерная граница, отделяющая миры друг от друга, но и соединяющая тоже.

* * *

У меня была плохая память на лица, а незнакомые имена я запоминала еще хуже. Сейчас это не так, потому что память свою я тренировал с детства, будучи уверенным, что непременно стану программистом, и твои воспоминания были для меня открыты, но черпал я из них мелкими горстями, не зная, как это повлияет на нас... на наше... в общем, на то, что составляло нашу единую душу, как бы ни относиться к этому слишком общему и расплывчатому понятию.

Я встретила его по дороге на работу, на перекрестке, откуда одна улица вела к блошиному рынку, а другая — через сквер с голубями — к библиотеке, в которой мне с некоторых пор стало неуютно, потому что я слышала, даже если не хотела того, женские пересуды по поводу нашей с тобой странной для многих жизни: молодая пара, а ни с кем не общаются, никуда не ходят, какие-то они, эти двое, сами в себя погруженные, оба не от мира сего, ну, Юлька всегда была такой, и мужа себе под стать выбрала, наверняка дома они друг с другом ругаются и швыряются тарелками: если на людях все прекрасно, то в тихом омуте... Чуть все это, конечно, но ощущать краем сознания глупые разговоры мне было неприятно, и тут я тебе ничем не мог помочь, предложил как-то уволиться и поискать другую работу, но я не согласилась — в библиотеке мне, по крайней мере, все было знакомо, а на другом месте...

Он стоял у кромки тротуара и ждал, когда появится зеленый, я подошла и встала рядом, мне не было до него дела, я не смотрела в его сторону и потому вздрогнула, когда он неожиданно обернулся и сказал:

— Простите, пожалуйста, вы — Юлия?

Я не знала этого человека — точно, я мог это подтвердить, в твоей памяти, которой ты просто не умела пользоваться, это лицо отсутствовало, как и имя, которое он назвал:

— Игорь Гольцев. Мы со Станиславом Никоновичем работали вместе лет восемь... почти девять. Его назначили старшим научным, а я только пришел после университета.

Он говорил быстро и много — не был уверен, что я захочу его слушать. Зажегся зеленый, и мы оба поспешили на противоположную сторону, где должны были разойтись: мне в библиотеку прямо через сквер, ему в свой институт — налево.

— Вы разве меня знаете? — спросила я.

— Я давно вас знаю, — Игорь улыбнулся, и мне сразу стало с ним очень легко разговаривать, я не смогу объяснить словами, но мне показалось... — То есть я вас видел. На фотографии. Ваша фотография стояла у Стана на столе. Теперь это мой стол, но я все никак не решусь ее убрать. Мне кажется, что если я уберу вашу фотографию, то Станислав Никонович окончательно уйдет из этого мира, вы понимаете, что я хочу сказать?

— Нет, — покачала я головой, хотя все уже поняла и внутренне сжалась, ожидая его следующих слов.

— Но вы же знали, наверное... Это невозможно было не заметить...

— Чего? — спросила я. Я хотела, чтобы слово было произнесено вслух, и он сказал:

— Ну... Стан любил вас, Юлия. Последние годы. По-моему, он вас просто боготворил.

— Но я... Он мне никогда... Мы были соседями и встречались на лестнице... Я даже в лицо его плохо знала, у меня слабая память на лица и имена...

Наверное, я говорила совсем не то, что нужно; конечно, ты говорила не то, зачем было этому Игорю знать, какой ты оказалась слепой?

— Вот как... — произнес он со странным оттенком в голосе: то ли с сожалением, то ли с обидой.

— Юлия, — сказал он. — Наверное, будет правильно, если я верну вам вашу фотографию. Стан хотел бы этого, я думаю. Послушайте, мы могли бы... Давайте встретимся в четыре...

— В пять, — быстро сказала я. В пять заканчивался мой рабочий день, и я могла бы... Зачем?

— Хорошо, — сразу согласился Игорь. — Неподалеку есть непло-

хое кафе — «Либерти». Там можно посидеть, выпить кофе, и плюшки там замечательные.

— Знаю, — вырвалось у меня, хотя я совсем не собиралась рассказывать Игорю о том, как мы сидели там с Савранским, и он втолковывал мне азы какой-то теории, которую я все равно не поняла.

— Отлично! — обрадовался Игорь. — Тогда в пять.

* * *

Я попросила тебя пойти со мной, но я не согласился, сказал, что буду неподалеку, посижу в сквере или поброжу по рынку, это ведь твой разговор, меня Игорь не знает и, возможно, будет неприятно разочарован. Ни к чему.

В кафе я сразу направилась к дальнему столику, чтобы видеть улицу через большое окно, и села на то место, где сидела... сколько же времени прошло... почти год. Год, как жизнь, которой у меня стало много больше, чем было, а у Савранского не стало вовсе...

Фотографию он достал из модного рюкзака, с такими сейчас многие ходят, очень удобно: и руки свободны, и спину поневоле держишь прямо. Фото оказалось в тонкой деревянной рамке, я взяла карточку в руки и не сдержала удивленного вздоха. Мне было восемнадцать, я недавно поступила в университет, и мы с новыми подругами — человек десять — праздновали начало семестра у меня дома, потому что мама с папой отправились в тот вечер в театр (на «Шопениану» в Большой — выудил я из твоей памяти) и нам не мешали, мы вволю повеселились, и несколько раз Машка, у которой был фотоаппарат, щелкнула нас вместе и по отдельности. Меня тоже, конечно.

Как эта фотография оказалась у Станислава Никонovichа?

— Я не знаю, — сказал Игорь. — Но Стан этой фотографией очень дорожил.

— Спасибо, — сказала я и положила рамку на стол изображением вниз. Почему-то мне не хотелось, чтобы я-прежняя вмешивалась своим взглядом в разговор.

Нам подали (та же самая официантка, между прочим, — подсказал я тебе) кофе и плюшки. Возможно, даже на тех же самых тарелочках.

— Юлия, — напряженно сказал Игорь. — Вы действительно не знали, что...

— Нет, — сказала я, — и в мыслях не было. Он был... просто сосед, я и имени его не помнила, пока мы случайно не встретились неподалеку, на блошином рынке.

— С ним отвратительно поступили, — убежденно произнес Игорь. — Да, характер у него был тяжелый, идеи его не всем были понятны, но это не причина, а повод. Его не должны были отправлять на пенсию, он и дня не мог прожить без дискуссий, расчетов, идей, мыслей.

— Знаю, — сказала я, — многие мужчины, оказавшись в такой ситуации, быстро стареют... А у него даже семьи не было. Наверное, поэтому сердце и не выдержало.

— Вы так думаете? — произнес Игорь все с той же странной интонацией.

Он повертел в руках кофейную чашку, но пить не стал, поставил на блюдце и отодвинул в сторону. Я к своей чашке не притронулась. Ну, говори же, думала я, не тяни.

— Ваше второе «я», — сказал Игорь, взглядом изучая узоры на полировке стола, — и ваше третье, и ваше четвертое... Вы с мужем, и еще ветер в американской пустыне, и дерево на планете, у которой нет названия, как и у голубой звезды, вокруг которой...

— Альциор, — сказала я, и Игорь вздрогнул:

— Что?

— Альциор, — повторила я. — Так называется звезда. А планета — Кендар. А меня... ну, то есть, как вы сказали, дерево... зовут Ламмат.

— Ага, — сказал он, — вот значит как. Извините, Юлия... вы действительно ощущаете все это как часть себя?

— Я — это я, вот и все. Вы ощущаете, что эта рука — ваша? И сердце? Вы ощущаете, что сердце — часть, без которой вы... Но я не понимаю, откуда... Это Станислав Никонович вам рассказал о... Мы с ним на эту тему не говорили...

— Знаю, — кивнул Игорь. — Вы не говорили. Видите ли, Стан был замечательным генератором идей, его интуиция была невероятна: он мог о чем-то просто догадаться, а потом расчеты показывали, что он прав. А я математик, Юлия. Стан был моим научным руководителем, он ставил задачи, я их решал.

— Значит, это вы...

— Да, это мои расчеты. Он мне все о вас рассказал. Конечно, не называл имени, но на его столе стояла фотография, и на обороте — ваше имя. Вы посмотрите.

Я посмотрела. Там было написано: «Юлия. 21 сентября 2004 года».

— Почему? — спросила я.

Я не должна была задавать этого вопроса, я сказал тебе — не надо, но ты все равно спросила:

— Почему он решил задачу для меня, а для себя — не стал? Он нашел во Вселенной все мои частички и соединил их, а для себя...

Игорь покачал головой.

— Не во Вселенной, Юлия. В Многомирье. Вы думаете, тайфун в Калахари — он в нашей Америке, той, что за океаном? Нет-нет, это в какой-то другой ветви мироздания. И звезда... как вы ее назвали... Альциор? Нет такой звезды в нашей Вселенной, она тоже в другой ветви, но это не мешает вам быть единым целым. Я бы никогда не смог найти эти решения, если бы не главная идея Стана — о просвете. Он говорил вам? Двумерное пространство, облегающее каждый из миров, как перчатка облегает ладонь. Пространство, соединяющее миры и разъединяющее их. Если бы не просвет, все ветви перепутались бы друг с другом, словно лианы в тропическом лесу. Мы бы жили в мире хаоса, где все наши решения реализовывались бы на наших глазах и взаимодействовали друг с другом. Физически это похоже на кошмар бесконечностей. Вы, наверное, не знаете, но у физиков в конце девятнадцатого века была, как им казалось, нерешаемая проблема — бесконечности в ультрафиолетовой части спектра черного тела. Из-за этого покончил с собой Больцман, не выдержал противоречия. А в середине прошлого века возник другой кошмар — это бесконечности, от которых невозможно было избавиться в квантовой механике. И если бы не идея Стана о просвете, о двумерной оболочке, своеобразной коре, в которую одеты ветви мироздания, то физика Многомирья сейчас...

— Он был гением? — перебила я.

— Наверное.

— Зачем вы мне все это рассказываете? — спросила я, не обращая внимания на твои знаки и на то, что на Альциоре произошла вспышка, опалившая мою крону так, что я ощутила ожог.

— Я только хотел вернуть фотографию, — сказал Игорь, пряча взгляд.

— Нет, — сказала я. — Фотографию вы могли выбросить.

— Стан любил вас, Юлия.

— Да, я это уже поняла. И поняла, что решение задачи... Я ничего не смыслю в этой вашей науке... Он — и вы, потому что без вас он не мог сделать расчет, — нашел в Многомирье мои... части, да? Нашел то, что сделало меня мной. Он хотел, чтобы я была счастлива. Не качайте головой, он хотел этого, я знаю, потому что когда-то тоже больше всего хотела, чтобы был счастлив человек, которого я тогда люби-

ла. Я говорила об этом Станиславу Никоновичу, и он мне обещал, а решил на самом деле другую задачу, для меня, и теперь я понимаю почему, но это ведь не все, верно? Есть еще что-то, о чем вы не решаетесь сказать? Есть, я чувствую...

— Да, — кивнул Игорь. — Наверное, лучше, чтобы вы знали.

Он все-таки выпил кофе — залпом, будто опрокинул рюмку водки.

— Видите ли, Юлия, — сказал он, — мы еще очень мало знаем о Многомирье. Что знали физики о Вселенной сто лет назад? Даже галактики еще не были открыты. А Многомирье — это миллиарды вселенных, может, даже бесконечное количество, видите, мы даже этого не знаем. И каждое мгновение рождаются новые ветви, новые миры, мы пытаемся понять связи, придумываем аналогии. Менский представил его в форме кристалла, Савранский говорил о просветах между ветвями, Лебедев — о склейках, когда просвет в каком-то месте истончается, и ветви начинают взаимодействовать. А еще мы знаем теперь, что человек, всякая личность — это не индивидуум, не единица в нашем пространстве-времени, а мультивидуум, то есть существо, живущее во множестве ветвей и представляющее собой... Да что я вам рассказываю, Юлия, уж это вы знаете, чувствуете... благодаря Стану.

Он говорил много, он, по-моему, говорил не по делу, он хотел что-то сказать и тянул время, толкуя о вещах, которые меня совершенно не волновали. Кристаллы, склейки, просветы, мультивидуумы — физика, теория... Зачем мне?

Не торопи его, сказал я; я и не тороплю, подумала я, но когда же он наконец...

— Видите ли, Юлия, — произнес Игорь. — Стан был человеком идей, а расчеты... Впрочем, я уже говорил... В общем, он вас любил. Да, это я говорил тоже. Он хотел, чтобы вы не просто стали собой в Многомирье, но чтобы вам было хорошо в нем жить. А это оказалось невозможно без... Ну, он ведь был связан с вами своим чувством. Вы могли стать собой, только если прервать эту связь, этот причинно-следственный поток...

— Вы хотите сказать, что Стан умер... не от сердца?

Игорь помолчал. Он не смотрел мне в глаза, старательно отводил взгляд, будто считал себя в чем-то передо мной виноватым.

— От сердца, — сказал он наконец. — Стан поставил начальные и граничные условия задачи. И систему уравнений мы собрали вдвоем. Он предполагал всего лишь получить условия разрыва непрерывности — чтобы рассчитать обрыв связи между ним и вами.

- Он хотел убить свою любовь, — жестко сказала я.
- Можно сказать и так.
- Почему он решил за меня? Почему он это с вами обсуждал, а не со мной?
- Ну... Стан был уверен, что...
- Что безразличен мне, да? Но ведь он мог хотя бы намекнуть!
- Он говорил, что женщина прекрасно чувствует, когда ее любят.
- Господи!
- Его система уравнений, — печально сказал Игорь, — была с вашей несовместна, поверьте.
- Как он умер? — спросила я.
- Вы знаете. Сердце. Коронарная недостаточность.
- А точнее? Это можно вызвать искусственно?
- Нет, конечно. Искусственно можно растянуть просвет, это ведь двумерная поверхность, разделяющая ветви — те, в которых счастливы вы, и те, в которых он... Это мы и рассчитали вдвоем.
- Связь между нами прервалась, и он умер, — сказала я. — А я даже ничего не почувствовала.
- Ну... — это его «ну» стало меня раздражать, захотелось схватить Игоря за лацканы пиджака и хорошенько встряхнуть. — Вы не могли почувствовать, Юлия, это была односторонняя связь.
- Неразделенная любовь, — пробормотала я.
- Ну... да. Так, собственно, это и происходит на самом деле.
- Он понимал, что умрет?
- Не надо так, сказал я; надо, подумала я, надо, мы должны знать все. Зачем? — подумал я.
- Не знаю, — помолчав, ответил Игорь. — Вот что меня гложет все это время. Я не знаю. Что мы понимаем в физике Мультиверса? В ветвях, склейках, просветах, ветвлениях? Мы пока, как те древние греки, для которых весь мир состоял из четырех стихий, так же все упрощаем. Стан мог не представлять последствий, но мог догадываться, а мог и знать точно, я же говорю — интуитивно он предвидел почти любые мои решения: мог сказать, каким окажется результат расчета, еще до того, как я включал компьютер. Это меня и мучит — знал или нет.
- И решили переложить груз на меня, — сказала я. — На нас.
- Он наконец поднял на меня глаза. Взгляд был совершенно больным. Он измучился, не сумев для себя решить, в чем на самом деле виновен.

— Вы подумали, — продолжала я, — что мне... нам... легче будет нести этот груз, потому что я... мы...

— Человек Многомирья, — тихо произнес он, я едва расслышала и наклонилась к нему через стол. — Мультивидуум. А я всего лишь просто человек.

— Но вы — специалист! — воскликнула я. — Вы и для себя можете рассчитать...

— Рассчитать могу, да. Но нужно создать задачу. Вы думаете, расчет — главное? Что я без Стана? Ни-че-го. Ноль.

Я встала. Мой кофе и моя плюшка так и остались нетронутыми.

— Извините, Игорь, — сказала я, и на этот раз я даже не попытался сдержать тебя; я должна была сказать это, и я с тобой согласился. — Извините, но в каком бы мире мы ни жили и кем бы себя ни ощущали... вы в вашем трехмерье, а я, какой себя сейчас знаю... каждый несет ответственность за сделанное им.

— И вам нисколько не...

— Перестаньте!

Я вышла из кафе, чувствуя спиной его взгляд; наверное, мне это только казалось, может, он вообще не смотрел в мою сторону, погруженный в собственные мысли.

Иди ко мне, сказал я, сейчас, сказала я, мне нужно подумать, давай думать вместе, но мы и так вместе, верно, и мысли у нас общие, послушай, ничего уже нельзя изменить, мы никогда не узнаем, принял ли он решение сам или просто не выдержало сердце, разорвалось, когда прервалась связь...

Он хотел, чтобы я была счастлива.

Ты счастлива.

Да?

Тихий ветерок, прятавшийся в пустыне Калахари, набрал силу и обрушился ураганом на маленький городок, в котором было всего двести домов и три тысячи жителей. А дерево Ламмат на планете Кендар под голубыми лучами Альциора опустило ветви к почве и застыло.

Стан... Мне почему-то вспомнился художник, нарисовавший для больной девушки зеленый лист. Чего он хотел для себя? И знал ли, чем рисковал?

Это совсем не похоже, сказал я, не нужно аналогий, не думай об этом.

Нет?

Д М И Т Р И Й К О Л О Д А Н

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ

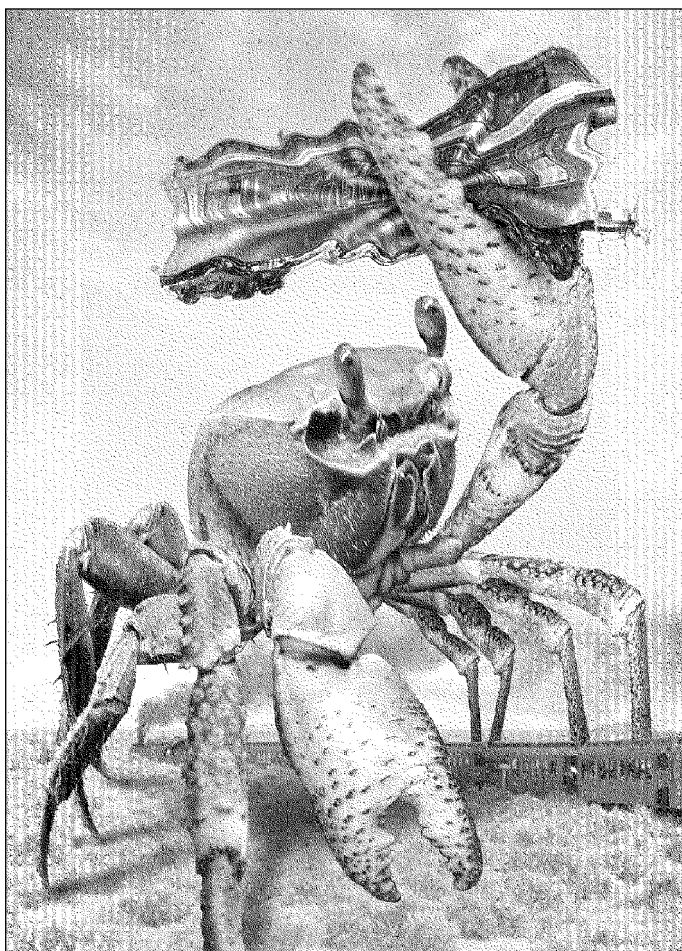

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

КРАБЫ

Рыба была очень храброй. Или просто глупой — тут уж как посмотреть.

Людвиг Планк постучал пальцами по выпуклому стеклу аквариума, тщетно пытаясь привлечь внимание. Рыба игнорировала его с вызывающей наглостью. Вот и сейчас она лишь глянула круглым глазом и с азартом Кусто углубилась в изучение керамических останков игрушечного галеона. Плавнички трепыхались часто, словно крылышки колибри.

Это был пузатый тетрадонт, рыба-шар, похожая на гибрид батисферы и старенького «нюпора»; на боках даже виднелись опознавательные знаки RAF — красные и синие круги. Должно быть, причастность к Королевским военно-воздушным заставляла рыбу держаться столь надменно и смело. Битые полчаса Людвиг старался нагнать на нее страху: раздувал щеки, пучил глаза, кривил рот, прижимаясь носом к холодному стеклу — и все без толку. Конечно, ужимки и гримасы забавляли дочь, но Людвиг хотел, чтобы Даника подивилась, как тетрадонт надуетя, точно мыльный пузырь.

Круглый аквариум стоял посреди обеденного стола, в окружении солонок, салфетниц, подставок для яиц и прочих кухонных мелочей. Соседство должно было насторожить рыбу — во всяком случае, Людвиг на это рассчитывал. Он бы почувствовал себя крайне неудобно, если бы какой-то великан поставил рядом перечницу. Однако нервы у тетрадонта были железные. Рыба не вздрогнула, даже когда Даника схватила ложку и громко заколотила по столу.

Дочь стояла на стуле, одной рукой опираясь о спинку, и подпрыгивала. Она уже начала скучать и пыталась развлечь себя, как умела: двенадцать месяцев не тот возраст, когда водная фауна увлекает надолго.

— Да, подвел ты нас, приятель, — вздохнул Людвиг и снова постучал по стеклу, уже не рассчитывая растормошить тетрадонта.

Рыба обошлась ему в четыре сотни. На первый взгляд, сделка казалась удачной, а в итоге выяснилось, что в зоомагазине его облапошили. Подло воспользовались неведением и подсунули бракованный товар.

Даника, похоже, это поняла: рыба с самого начала не вызвала у нее энтузиазма, и дочь оставалась на стуле только из вежливости. Вся в мать — Венди с тем же смирением принимала выходки мужа. Правда, Даника не так часто закатывала глаза.

Субботнее утро заканчивалось, Венди вот-вот должна вернуться из магазина. Стоило об этом подумать, как с улицы донесся автомобиль-

ный гудок, а следом — шорох шин по гравию подъездной дорожки. Выглянув в окно, Людвиг увидел красную крышу «орикса». Венди вышла, прихватив бумажный пакет с продуктами, и направилась к дому.

— Вот и мама приехала, — сказал Людвиг, беря дочь на руки.

Они вышли в прихожую, когда открылась дверь. Придерживая ее ногой, Венди проскользнула в дом, улыбнулась.

— Привет, — непослушный локон упал на лоб. Венди строго посмотрела на него. Телекинез не сработал. Она подула, но локон упал снова. Даника засмеялась, неумело захлопав в ладоши. Венди показала ей язык, вызвав новую бурю восторга. Куда уж тетрадонту! Людвиг сам не смог сдержать улыбки.

Прижимая к груди пакет, Венди прошла на кухню. Людвиг с опаской покосился на бледно-зеленые стебли сельдерея и клубящиеся рядом хлопья цветной капусты — набор не предвещал ничего хорошего. К овощам Людвиг относился с предубеждением. Давно установленный факт — пятьдесят процентов людей ненавидят цветную капусту. При подобном раскладе Людвиг не мог взять в толк, зачем вообще потребовалось ее изобретать? Разве что из-за таинственных витаминов и «неоспоримой полезности» в детском возрасте — хотя Даника воротила нос от разваренной до состояния пюре растительной массы. Человечество, впрочем, падко на бессмысленные изобретения.

— Там еще в машине, — сказала Венди, ставя продукты на стол и забирая дочь. — И чем вы тут занимались?

— Рыбу пугали, — ответил Людвиг.

— Успешно? — жена бросила рассеянный взгляд на аквариум.

Людвиг махнул рукой.

— Да ну ее. Какая-то неправильная рыба, бракованная. Надо вернуть ее. Есть ведь закон о замене неисправных товаров...

— А он распространяется на аквариумных рыб? — удивилась Венди.

— На то и закон, — уверенно сказал Людвиг.

Венди с сомнением пожала плечами, но спорить не стала.

Когда Людвиг вернулся с остальными покупками, Венди перекладывала продукты в холодильник. Даника из детского стульчика увлеченно наблюдала за матерью, постигая азы домашнего хозяйства.

— Тебе, кстати, пришла бандероль, — сказала Венди. — Я заскочила на почту за журналами, а она лежит, тебя дожидается. Я забрала, чтобы она не скучала. Посмотри в пакете с апельсинами, а заодно передай их сюда.

— Бандероль? — переспросил Людвиг, подавая жене фрукты.

Он достал пачку глянцевого журнала по цветоводству, благоустройству сада, икебана и акварельной живописи: Венди серьезно подходила к своим увлечениям. Среди прессы Людвиг откопал небольшую коробку.

Посылка была обернута плотной коричневой бумагой, испещренной почтовыми штемпелями и рыжими марками. Людвиг содрал обертку, заранее зная, что под ней скрывается.

Благородный красный цвет вспыхнул ярче огонька рыбы-удильщика. Это был коллекционный вагон игрушечной железной дороги, точная копия того, на котором легендарный цирк Барсума колесил по миру. «Долоко» выпустила тираж в двести штук, из которых полторы сотни даже не поступили в продажу, разошлись среди влиятельных коллекционеров. Писали про одного султана, который заполучил аж четырнадцать вагонов — Людвиг никогда не понимал такой жадности. То, что удалось достать хотя бы один, было несомненной удачей.

Конечно, вагон влетел в порядочную сумму: теперь на год можно забыть об обновлении подвижного состава. Но оно того стоило — вагон был само совершенство. Детализация завораживала: пружины, доски обшивки, стекла и ручки на окнах, даже миниатюрные потеки краски! Поднеся вагон к глазам, Людвиг разглядел крошечные гайки на колесах. Завинчивали их под микроскопом. Про гайки Людвиг прочитал в рекламном проспекте, сам бы он до такого не додумался. На боках вагона пыльным желтым шрифтом пылала надпись: «Невероятный цирк Барсума». Все нарисовано вручную — произведение искусства не терпело декалькирования.

— Красивый, — сказала Венди, заглядывая из-за спины.

— В этом вагоне возили настоящую русалку с Фиджи, — согласился Людвиг. — А еще белого слона...

— Альбиноса?

Людвиг усмехнулся.

— Не совсем. Барсум покрасил того, который оказался под рукой.

— Интересный подход к поговоркам, — признала Венди. — А это не пассажирский вагон? Вот окошечки...

— Ну... слону выделили отдельное купе, — сказал Людвиг.

— Надо же, — Венди покачала головой.

Даника, заметив игрушку, вскрикнула, попыталась встать, протягивая руку. К досаде девчушки, страховочные ремни удержали ее на месте. Дочь завертелась в тщетной попытке выбраться из плена.

— Тебе еще рано, — строго сказал Людвиг, пряча вагон за спину. В глазах дочери мелькнуло недоумение. Людвиг поспешил пояснить:

— Там много мелких деталей...

— Это папина игрушка, — сказала Венди. — Тебе не понравится.

В грозном взгляде Даники явственно читалось: «Позвольте мне самой судить!». Выгнувшись, словно Прометей на скале, дочь протестующее взвизгнула.

— Не похоже, что она тебе поверила, — сказал Людвиг.

— Естественно, — развела руками Венди. — Сама не убедится — не успокоится. Сходи лучше проверь, как он работает. А мы займемся обедом...

Венди была права. Как-то Людвиг прочел в «National Geographic» большую статью о белых носорогах. Животные эти обладали фантастическим упорством и шли к намеченной цели, не считаясь с препятствиями, не важно — лев то, баобаб или незадачливый охотник. А годовалый ребенок даст фору любому носорогу. Даника уверенно подбиралась к границе, за которой начинались крики и слезы. Людвиг попытился к двери.

— Кстати, а что на обед? — спросил Людвиг, вспомнив о цветной капусте. — Если тушеные овощи, то я не голоден. Я перекусил, пока ты ездila...

Венди улыбнулась.

— Рыба под грибным соусом. Иди, я позову.

Лаборатория представляла собой деревянный сарай, прилепившийся к задней стене дома. От старости здание покосилось, а широкие доски приобрели цвет сухого асфальта, который, по слухам, притягивает пауков и призраков. Ни тех, ни других пока не наблюдалось, но Людвиг допускал, что рано или поздно они появятся. Быть может, когда прохудится жестяная крыша и тучи с океана начнут заливать сарай осенними дождями. Давно подмечено — привидениям нужна сырость; паукам, наверное, тоже. Но пока можно было спокойно заниматься исследованиями, не отвлекаясь на таинственные шорохи, звон цепей и замогильные крики.

Венди называла лабораторию «детской», хотя Людвиг предпочитал более весомые слова. Впрочем, жена Резерфорда точно так же называла кабинет великого ученого.

В сарае Людвиг создал настоящую железнодорожную страну. Она

раскинулась на трех соединенных столах, покрытых газоном из крашеного мха. Посередине возвышалась гора из папье-маше с тремя туннелями, вокруг извивались две речки из эпоксидной смолы. Общее число железнодорожных мостов — девять. Рельсы оплетали столы хитроумной паутиной, столь сложной и плотной, что кое-где между колеями невозможно было поставить и игрушечного деревца. Но три станции обслуживались всего двумя составами. У Людвиг были «Юнион-Пацифик», модель 1903 года, и новенький СТ-2000. Разница почти в сто лет ничуть не смущала: поезда все равно ездили с одинаковой скоростью, а для опытов это было самое главное.

Жену поезда особо не увлекали. Ей больше нравилось склеивать и раскрашивать домики да расставлять пластиковые деревца и аккуратненькие клумбы. По сути, она всю жизнь этим и занималась — склеивала дом, разве что в более крупном масштабе. Про отрицательных крабов Людвиг ей не рассказывал, не хотел пугать. Сложно готовить ужин, зная, что в любую секунду мир может разлететься в калейдоскопическом блеске осколков.

Первого и пока единственного краба Людвиг поймал случайно. Ничего удивительного: все великие открытия совершаются неожиданно, это заложено в их природе. А разговоры о долгой предварительной работе — лишь форма научного кокетства. Ньютон не ждал под деревом, когда на него упадет яблоко.

В то утро Людвиг занимался решением одной забавной математической задачи по теории графов. Проще говоря, пытался провести поезд по всем мостам, не проехав по одному и тому же дважды. То ли он напутал в расчетах, то ли задача и в самом деле не имела решения, но сколько бы Людвиг ни шелкал тумблерами, переключая стрелки, всякий раз приходилось возвращаться к уже пройденному.

Все случилось, когда поезда промчались навстречу друг другу, жужжа, как сердитые шмели. Людвиг на секунду отвлекся, рассчитывая маршрут. Раздался сухой треск, в воздухе пахнуло электричеством. «Юнион-Пацифик» подскочил на рельсах, завалился на бок, да так и остался лежать, вращая колесами. Людвиг уставился на рухнувший поезд, ожидая, что из электрического моторчика повалит густой дым. За всю историю железнодорожной страны это была первая катастрофа. Второй поезд покатило дальше, а на рельсах остался лежать крошечный краб из голубоватого стекла.

Это была ничем не примечательная поделка, вроде тех, что втридорога продают туристам на побережье. Не меньше десятка подобных

стеклянных зверушек — жирафов, рыбок и собачек — стояло у Венди на книжной полке еще в относительной недосыгаемости для Даники; но среди них не водилось членистоногих. Появление краба было необъяснимо. Людвиг, не задумываясь, поставил бы сотню: секунду назад краба здесь не было.

Он взял игрушку, неприятно теплую на ощупь. Выпученные глаза блеснули, словно подмигнув, и Людвиг выронил краба. Закатившись под стол, тот замер, переливаясь в свете электрической лампочки.

Людвигу потребовался почти месяц, чтобы найти объяснение таинственной материализации. Он уже склонялся к тому, что стал свидетелем спонтанного холодного синтеза, однако такая гипотеза не объясняла, почему конечный продукт появился именно в виде стеклянного краба. Остановиться на очередной шутке природы — не самой удачной, гораздо хуже муравьедов, — означало признать себя никудышным исследователем. Людвиг на это пойти не мог.

Подсказка пришла неожиданно, с первым летним номером «Популярной науки». В заглавной статье журнала разбирались некоторые нестыковки в теории относительности. Автором значился кембриджский профессор, нобелевский лауреат, к несчастью, лишенный способности внятно излагать свои мысли. Уже на четвертом абзаце Людвиг заблудился в хитросплетениях терминов и формул, а дочитав, не смог вспомнить, с чего все начиналось. Он вернулся на пару страниц назад и наугад просмотрел один абзац:

...Подем Дираком было предложено существование ненаблюдаемого моря электронов, обладающих отрицательной энергией. Если выудить из этого моря один электрон, то в результате образуется дырка, принимаемая за положительно заряженный электрон — позитрон. Считается, что эта идея пришла к Дираку во время решения знаменитой задачи с отрицательными рыбами...

Людвиг захлопнул журнал. Невидимое море и отрицательные рыбы — образ мгновенно пленил его. Было в нем что-то величественное, как на знаменитой фотографии Дэвида Дубиле, где вокруг одинокого аквалангиста кружат тысячи морских щук. Может быть, сейчас рядом с ним тоже плавают рыбы и именно из ненаблюдаемого моря пожаловал краб?

Но в работах Дирака не обнаружилось ни слова о крабах: только отрицательные рыбы и мучительные попытки примирить теорию относительности с квантовой механикой. В итоге, конечно, ученому дали Нобелевскую премию, на пару со Шрёдингером. То, что одному

она досталась за несуществующую кошку, а второму — за отрицательных рыб, свидетельствовало только о чувстве юмора Нобелевского комитета.

Пришлось признать: Дирак не довел работу до конца. Глупо погнался за первой ассоциацией. В дальнейшем его ошибку повторил Эшер на знаменитой мозаике из переплетающихся черных и белых рыб. Конечно, картине нельзя отказать в наглядности: художник старательно изобразил пересечение материи и антиматерии. Однако столь плотное наполнение пространства противоречило наблюдаемой гравитации. Даже школьнику ясно, что такое количество невидимой трески абсурдно. И ученый, и художник забыли, что водная фауна не исчерпывается рыбами.

Мысль о прочих отрицательных созданиях, населяющих невидимое море, показалась Людвигу логичной. Она замечательно вписывалась в симметричную картину мироустройства. То, что вместо живого краба ему досталась стеклянная поделка, Людвиг не смутило. В статье, посвященной античастицам, он прочитал, что они являются стабильными величинами и в пустом пространстве могут существовать бесконечно долго. Чего-чего, а стабильности у игрушки было не отнять. Но если следовать теории, ее столкновение с обычным крабом должно приводить к аннигиляции с колоссальным выходом энергии и образованием пары примитивных созданий. Дафний, быть может. Проще говоря, крабы взорвутся, как Алиса, наглотававшаяся зазеркального молока.

В таком ключе появление краба вселяло нешуточное беспокойство: Людвиг случайно стал обладателем самой мощной бомбы в мире. С ядерной физикой он был знаком поверхностно, но прекрасно понимал: последствия распада даже незначительного членистоногого будут катастрофическими. От города ничего не останется. Людвиг допускал и более страшные сценарии. Вселенная, хотя и выглядит прочной, на деле весьма хрупкая штука. По сравнению с ней Шалтай-Болтай просто верх устойчивости — даже если бы он скакал по стене. Да и королевская рать внимательно присматривала за этим парнем. А кто присмотрит за Вселенной? Достаточно неловкого шага, чтобы мир полетел в тартарары.

Людвиг запер краба в жестяную коробочку из-под леденцов, обмотал скотчем и спрятал среди инструментов в дальнем углу сарая. Если в дом пожалуют положительно заряженные ракообразные, им придется изрядно повозиться, чтобы добраться до своего антипода. Защита, конечно, несовершенная, но лучшей Людвиг придумать не смог.

Оставалось выяснить, как удалось поймать краба. Вышло один раз, может получиться и снова. А где гарантии, что в следующий раз чудовищное оружие не попадет в руки какому-нибудь неучу?

Единственным разумным ответом были поездка. Краб появился, когда паровозики пробегали рядом. Очевидно, их взаимодействие и привело к таким неожиданным последствиям.

В глубине души Людвиг был горд. Ученые годами бьются, пытаются поймать жалкие крупницы антиматерии на многокилометровых ускорителях; ему же удалось добиться серьезных результатов куда как с меньшими затратами. Каждой рыбке своя снасть. Ловить сельдь гарпунной пушкой — занятие бессмысленное.

Основательно все обдумав, Людвиг решил, что причина в жужжании и перестуке колес. Звуки приманили краба, как приманивает его сородичей шум прибоя или удары по консервной банке: из-за особого устройства вестибулярного аппарата ракообразные чутко реагируют на ритмические колебания. Проводили даже эксперименты по воздействию на них популярной музыки; в итоге удалось заставить крабов танцевать.

Приманить краба оказалось несложно, а чтобы вытащить, хватило слабого поля, создаваемого парой электромоторчиков. Открытие Людвига не обрадовало. Игрушечная дорога — уменьшенная копия настоящей, а значит, и там могли появиться отрицательные крабы. А учитывая масштабы, вероятность такого происшествия довольно высока.

Раньше, во времена паровых машин, крабы могли сколько угодно щелкать клешнями в своем ненаблюдаемом море безо всякой надежды оттуда выбраться. Сейчас же, когда появились мощнейшие электродвигатели, все изменилось. Складывалось впечатление, что истинное назначение технического прогресса — не облегчать человечеству жизнь, а свести его в могилу самым извращенным способом. За жалкие сто лет простая поездка в соседний город превратилась в рискованное предприятие. Играть в футбол на минном поле и то безопаснее.

Людвиг не знал статистики железнодорожных аварий, но помнил фотографию острова Рождества, на которой грязный поезд пробирается через колонну мигрирующих красных крабов. Догадывался ли бедняга-машинист, как ему повезло, что он вел старенький дизель? А не за горами тот день, когда ему придется пересечь в электровоз. Вроде бы защитники природы собираются издать закон, запрещаю-

щий любые двигатели, загрязняющие атмосферу. Понять их можно, но, как известно, благими намерениями...

У Людвиг оставалось не так много времени, чтобы придумать, как избежать катастрофы. Сидеть сложа руки, пока Вселенная раскачивается на стене, было не в его правилах. Кто-то должен стать королевской ратью, и хотя Людвиг чувствовал себя так, будто теннисной ракеткой пытался остановить камнепад, отступить он не собирался.

Для начала нужно окончательно разобраться с появлением крабов. Теория теорией, но без экспериментальных фактов грош ей цена. Меж тем попытки повторить опыт не складывались. Людвиг гонял поезда, увеличивал длину составов, и все без толку. Вся надежда на новый вагон. Скрупулезное исполнение максимально приближало эксперимент к реальности. Уж эти-то колеса стучали как настоящие. На секунду Людвиг подумал о султани с четырнадцатью вагонами: кто знает, может, его дорога уже завалена стеклянными крабами? Оставалось надеяться, что это не так.

Людвиг аккуратно поставил вагон на рельсы и закрепил сцепку. Затем сосчитал до пяти и шелкнул трансформатором. Поезд дернулся и пополз вдоль пластикового перрона, набирая скорость. С противоположной станции тронулся другой состав и скрылся за горой. Людвиг перевел стрелки, выводя паровозики на параллельные пути.

Первая встреча прошла без происшествий. Взаимодействие длилось считанные секунды: поезда пронеслись мимо друг друга и ушли на новый круг.

— Ту-ту, — тихо сказал Людвиг по старой привычке. Его всегда огорчало, что игрушечные паровозики не умеют гудеть, и каждый раз он старался им помочь. Раньше Людвиг хотел завести фуражку, как у машиниста, однако отказался от этой мысли. Он исследователь, а Эйнштейн не носил глупых шляп.

Не сбавляя скорости, поезд с новым вагоном проехал мимо станции. На перроне стояли два оловянных солдатика: им снова не удалось уехать. Бедолаги ждали третий месяц, проявляя завидную стойкость. Вот у кого стоило поучиться терпению.

Через минуту поезда опять встретились и снова с нулевым результатом. Людвиг передвинул рычажок, увеличивая скорость. Казалось, с самой границы различного звука доносится ритмичный перестук. И что-то еще... Скрип суставчатых лапок, шорох трущихся панцирей?

Прикусив ноготь мизинца, Людвиг следил взглядом за поездами. Время выписывало такие кренделя, что Эйнштейн зубами бы скрипел

от зависти. Людвиг думал — прошло не меньше часа, оказалось — всего двадцать минут. Поезда носились на пределе скорости. Вблизи Людвиг не различал вагоны, все смазывалось в разноцветную ленту.

Вдоль состава пробежала голубоватая молния. Воздух над рельсами сгустился, а сами паровозики точно ползли сквозь варенье. Затаив дыхание, Людвиг наклонился вперед. Воображение живо дорисовало, как, словно всплывая из темных глубин, проступают нечеткие контуры отрицательного краба. Или он появится мгновенно, в ослепительной вспышке?

Дверь сарая оглушительно заскрипела на несмазанных петлях. Людвиг подскочил как ужаленный, оборачиваясь. В светлом прямоугольнике дверного проема стояла жена.

— Я звала, но ты не слышал, — сказала Венди.

Людвиг взглянул на железную дорогу. Поезда разошлись, но на рельсах не осталось никаких признаков стеклянных крабов. Черт! А почти получилось. Должно быть, их вспугнул скрип двери.

— Обедать пора, — напомнила Венди.

Людвиг выключил трансформатор. «Юнион-Пацифик» так и не успел выбраться из туннеля.

— Довел бы хоть до станции, — усмехнулась жена. — У тебя слон остался под горой, как его будут вытаскивать?

— Слон? — переспросил Людвиг, поглощенный своими мыслями. — Какой слон?

— Крашенный, — ответила Венди. — Какой же еще?

Людвиг разгладил вилкой картофельное пюре. Когда площадка стала ровной, зубчиками прочертил четыре аккуратные дорожки. Потом еще четыре, создавая кулинарный аналог японского сада камней. Говорят, успокаивает, помогает сосредоточиться... Японцы, наверное, очень рассеянный народ, раз придумали столько способов для концентрации внимания. Бонсай, оригами, вычурная каллиграфия и сады камней... Людвиг постарался припомнить другие знаменитые изобретения Страны восходящего солнца, но на ум пришли только караоке да гигантский огнедышащий динозавр.

Подцепив кусочек рыбы, Людвиг положил его в центр композиции и украсил веточкой петрушки.

— Не хочешь есть, так и скажи, — немного обиженно произнесла Венди. — Не надо играть с едой, когда за столом дочь.

— А? Извини, — Людвиг наколот рыбу на вилку, макнул в густое

озерцо соуса и отправил в рот, не доведя шедевр до логического завершения. — Задумался... о Японии.

— Надеюсь, не из-за рыбы? — спросила Венди. — Мне сказали — это лосось, да и выглядит она как лосось. Думаешь, фугу?

По лицу Венди было совершенно непонятно, шутит она или нет. Впрочем, как всегда.

— Если она была надута как футбольный мяч, то точно фугу.

— Ну конечно! — обрадовалась Венди. — Фугу ведь тоже рыба-шар. Хотя, судя по нашей рыбе, совсем непросто заставить ее надуться...

Аквариум с тетрадонтом все еще стоял на обеденном столе. Иллюстрация была более чем наглядной.

— Может, фугу перестали надуваться? — продолжала Венди. — И теперь их не отличишь от лосося. Похоже, ты прав — рыба действительно немного горчит...

— Это соус горчит, — заметил Людвиг. — Как ему и положено.

Венди покачала головой.

— Думаю, все из-за того, что в океан сливают радиоактивную гадость. Под водой кишмя кишат мутанты. Насмотришься на них и больше ничего не испугаешься.

— Просто наша рыба бракованная. Сегодня же обменяю...

Венди подняла руку.

— Не спорь. Час назад я видела в универмаге живого камчатского краба. То есть на ценнике было написано, что это камчатский краб, а на самом деле...

Людвиг насторожился. Рука с вилок застыла на середине пути, и хвостик петрушки раскачивался зловеще, точно маятник. В появлении краба в магазине не было ничего странного, но Людвиг воспринял это как предзнаменование.

— И кто же это на самом деле?

Жена выдержала паузу и произнесла драматическим шепотом:

— Марсианин.

Никак не ожидая такого поворота событий, Людвиг закашлялся. Рука дернулась, рыба шлепнулась обратно в тарелку.

— Прости, кто?

— Марсианин. Все признаки налицо: десять ног, клешни, жуткие шипы и наросты... И красный, как пески далекой родины.

— Это признаки крабов. На Марсе живут зеленые человечки с гипертрофированным мозгом.

— Кому ты больше веришь, мне или Тиму Бартону? У пришельца был очень внимательный взгляд... Прямо читалось: скоро мы вас поработим, недолго осталось! Известный факт: каждый марсианин рождается с мыслью поработить пару-тройку землян, хотя совершенно не представляет, зачем ему это нужно. Жертвы инстинкта...

Не выдержав, Венди расхохоталась, утирая глаза тыльной стороной ладони. Людвиг тоже засмеялся, но замолчал, опасаясь выдать себя наигранностью. В крабовой угрозе он не видел ничего смешного, но рассказывать об этом жене не стоило. Венди, конечно, не болтушка, но новость, известная одной женщине, известна и ее лучшей подруге, — а там пошло по цепочке.

— Сейчас они готовят вторжение, да, — продолжала Венди, уже не пряча улыбки. — Сидят себе на дне и ставят опыты на рыбах и морских звездах. А люди в своей беспечности поставляют им материалы. Сколько мутантов можно сделать из одной бочки ядерных отходов? Еще они тренируются: ходят маршем и выдают это за миграцию, я по телевизору видела. Одна надежда на енотов-крабоедов.

Людвиг поперхнулся. Жена пыталась изобразить крабовое вторжение иллюстрацией к наивному фантастическому роману, но Людвигу оно представилось жутким, как картины Босха. Марширующие ряды крабов, и каждый — бомба невероятной мощности. Марсиане и мечтать не могли о подобном оружии. Поработить землян? Как бы не так! Если Венди права, и Марс действительно населен крабами, то их истинные цели совсем иные: уничтожить Землю, чтобы не портила вид на звезды. Тут никакие еноты не помогут.

— Кстати, о енотах, — сказала Венди, словно отвечая на его мысли. — В Бернардо будет трехдневная выставка Вебба Гаррисона...

— Вебба Гаррисона? — нахмурился Людвиг.

— Художник-анималист, — пояснила Венди. — В «АртВестнике» напечатали рекламу и пару репродукций. Думаю, стоит сходить...

— Погоди, выставка же в Бернардо, а не у нас.

Венди дернула плечом.

— И что? Шесть часов на поезде — зато не буду всю жизнь жалеть, что пропустила.

Людвиг замер. Тревожный колокольчик тихо звякнул на краю сознания, а потом разразился громогласным набатом. Шесть часов на поезде... Сквозь невидимое море, полное отрицательных крабов. Проклятье! Не знай он об угрозе, все бы было в порядке. Можно сколько угодно ходить по краю пропасти, пока не подозреваешь о ее

существовании. Но стоит крикнуть: «Осторожно!» — твердой почвы как не бывало.

— Ну, покажи своего Гаррисона, — сказал Людвиг нарочито небрежно.

Венди внимательно посмотрела мужу в глаза. Сделав вид, что заинтересовалась содержимым тарелки, Людвиг отвел взгляд. Потыкал вилок пюре, провел глубокую дорожку, пуская ручеек соуса в обход рыбной скалы... Когда он поднял голову, Венди все еще глядела на него.

— Смотри, — сказала она, растягивая слово, словно в нем спрятался с десяток смыслов и значений. Передала журнал, заложив страницу цу пальцем.

Людвиг взял его осторожно, словно боялся, что животные с репродукции укусят за палец. На картинке печального вида енот выглядывал из рабочего башмака. Зверю явно не нравилось позировать, но воспринимал он это с несвойственным для животных смирением.

Людвиг придал лицу кислое выражение. Ему никогда не удавались обходные маневры, но попытаться стоило.

— По-моему, ничего выдающегося. По стилю тот же Роквел, только вместо девиц опоссумы да еноты. Ну, сама подумай: что за искусство — енот сидит в дырявом башмаке, ха! — смех прозвучал, словно галка каркнула.

— А мне нравится, — сказала Венди, и Людвиг понял, что возразить нечего. Есть совсем расхотелось, и он отодвинул тарелку.

— Ну что ты обижаешься? — примиряюще сказала жена. — Сам подумай, до каких пор анималисты должны слепо копировать Дюрера?

— Эдвард Лир не копировал Дюрера... во всяком случае, в картинках к стихам. Но это не помешало ему прослыть лучшим анималистом своего времени и учить королеву Викторию рисовать.

— Так в чем дело?

Людвиг глубоко вздохнул.

— Обязательно ехать на поезде? Почему нельзя взять машину или поехать на автобусе?

Венди грустно покачала головой.

— Не вариант. Автобус не выдержу ни я, ни Даника. Чем тебя не устраивает поезд? Быстро и дешево, а главное — не укачивает.

— Знаешь, сколько железнодорожных катастроф происходит каждый день?

— Понятия не имею, — сказала Венди. — Но точно знаю, что авто-

мобильных — на порядок больше. Если верить статистике, поездка на машине не далека от самоубийства... С чего вдруг такая поездобоязнь? Ты же любишь поезда.

— У меня поезд сошел с рельсов, — буркнул Людвиг.

Венди прыснула от смеха.

— О да, — согласилась она. — Не иначе как высшие силы решили послать знак. Оставь ты эту ерунду — нет ничего глупее, чем искать тайные смыслы. Совпадения на то и совпадения, что не значат ровным счетом ничего. Успокойся, все будет в порядке.

— Конечно, — Людвиг выдавил улыбку. На краю сознания скреблись невидимые крабы.

За годы супружества Людвиг твердо усвоил одно: если жена что-то решила, переубедить ее нельзя. Раз уж она собралась ехать на поезде, значит, так оно и будет. Людвиг подозревал, что если бы он пошел на крайние меры и запер их с Даникой в спальне на втором этаже, Венди бы и это не остановило. Сбежала бы, связав лестницу из разрезанной на полосы простыни. Очень аккуратную лестницу.

Все, что он мог, это попытаться остановить крабов; выяснить, как прогнать их от поезда. Беда в том, что человечество за всю свою историю ни разу не задумывалось над вопросом отпугивания крабов — его больше интересовало, как их приманить, желательнее уже готовых к употреблению, с рисом, зеленью и соевым соусом.

После обеда Людвиг битый час слонялся по дому, пытаясь найти выход. Но мысли разбегались, как пугливые мыши. Мерный перестук башенных часов в гостиной напоминал о железной дороге. Кукушка, выскочившая отрапортовать о новом часе, прокричала глумливое «ту-ту». Эйнштейн сто раз прав насчет относительности времени. Сонные сутки летней субботы и сутки до того, как чудовищный взрыв разнесет поезд, на котором едут любимая жена и дочь, — совершенно разные сутки. Выглядывая в окно, Людвиг видел Данику, играющую на заднем дворе с пирамидкой из разноцветных колец. Рядом в плетеном кресле сидела Венди и листала журнал; легкий бриз колыхал ленты на соломенной шляпке. Почти пастораль, но Людвиг в кровь сгрыз ногти.

Чтобы успокоиться, он решил съездить в зоомагазин. Аквариум Людвиг поставил на переднее сиденье, на всякий случай пристегнув ремнем безопасности. Кто знает, какие правила распространяются на рыб. Не хватало еще лишиться прав из-за подобной глупости.

Ехать все равно пришлось медленно, иначе вода бы расплескалась. Кроме того, Людвиг сделал изрядный крюк — вместо центральной улицы проехался вдоль окраины, по узеньким аллеям, у которых вместо названий были лишь номера. Вдоль обочины стояли похожие как две капли воды белые домики с неизменной красной черепицей и аккуратно подстриженными лужайками. Изредка встречались добропорядочные отцы семейств, как на подбор лысоватые, полные и в клетчатых рубашках. Перед каждым стояла новенькая блестящая жаровня, прямо из каталога заказов. Людвиг старался не смотреть по сторонам, уставившись в воображаемую точку метрах в пяти впереди машины. Главное, чтобы они не начали махать и скалиться в улыбках — верный признак того, что дело плохо. Сколько фильмов ужасов начинается с подобной идиллии? Людвиг поймал себя на том, что опять ищет дурные знаки там, где их нет и в помине.

Он свернул на Сосновую улицу, проехал два квартала и ударил по тормозам. Из-за вишневых деревьев красный краб размером с небольшой автомобиль махал увесистой клешней. Чудовище то ли приветствовало, то ли подзывало на пару слов. Людвиг запоздало понял, что принял за монстра вывеску морского рестораника. Можно было догадаться: настоящие крабы не носят капитанских фуражек.

Перегнувшись через руль, Людвиг уставился на вывеску. Ничего особенного: крашенная фанера да электрические гирлянды. Единственная подвижная клешня вращалась на выпуклом шарнире, к ней прилепилась пара рыбок из гнутых неоновых трубок.

Людвиг вздохнул. Вселенная определенно решила свести его с ума, подсовывая крабов в самых неожиданных местах. Нервы того и гляди лопнут. Можно уже набирать номер лечебницы: Людвиг не сомневался, там его примут с распростертыми объятиями. С другой стороны, на то он и исследователь, чтобы подмечать мельчайшие детали. Один-два краба — еще случайность, третий — уже закономерность.

Раздался протестующий гудок; в зеркальце Людвиг увидел груженный досками пикап, которому он перегородил дорогу: ширина улицы не позволяла разминуться. Людвиг проехал вперед, и вывеска скрылась за деревьями. Когда он снова ее увидел, взгляду предстал неприглядный задник — вздувшаяся фанера да серое дерево.

В магазин он успел за полчаса до закрытия. Посетителей не было, а продавщица лет пятидесяти, полная женщина в очках, собиралась уходить. Высыпав на прилавок содержимое своей сумочки, она с пу-

гающей методичностью раскладывала пудреницы, тюбики губной помады и прочие хитроумные приспособления, призванные обмануть время. Двигаться с околосветовыми скоростями она вряд ли догадывалась.

— Вот, — заявил Людвиг, ставя аквариум на прилавок. Продавщица еле успела отодвинуть баночки и тюбики.

— Простите? — она сделала вид, что не догадывается о целях визита Людвиг. За ее спиной в пыльных аквариумах копошились противные на вид белые мыши и морские свинки. Коричневая игуана грелась под раскаленной лампой.

— Вы продали мне бракованную рыбу, — с вызовом сказал Людвиг. — Я мог бы сразу обратиться в суд, но решил пойти вам навстречу...

Продавщица сняла очки и склонилась над аквариумом. Она щурилась и морщила нос, словно недовольный грызун.

— И что не так? — наконец спросила она.

— Вы посмотрите, — Людвиг нагнулся к аквариуму, и, выпучив глаза, громко выкрикнул: — Бу!

Продавщица отпрянула, будто ее ударило током. По широкому лицу пробежал испуг, мешаясь с недоумением и отзываясь дрожью в дряблом подбородке. Часто моргая, она уставилась на Людвиг.

— Что вы делаете! — сказала она, запинаясь. — У меня слабое сердце!

В подтверждение продавщица схватилась за грудь, но Людвиг отступать не собирался. Тетрадонт парил над корабликом, и было очевидно: ничто в мире не в силах нарушить его спокойствия.

— Вот! Видите? — Людвиг ткнул пальцем в аквариум. — Вы испугались, а ему хоть бы что!

— Я не поняла... — начала продавщица, но Людвиг было уже не остановить.

— Это рыба-шар, она обязана надуваться, когда испугается. Однако она этого не делает. Вы подсунули мне крашеного слона!

Продавщица хмыкнула.

— А доставать не пробовали?

Взяв из-под прилавка сачок, она ловко подцепила рыбку и вытащила из воды. Тетрадонт протестующее пискнул и часто захлопал ртом, заглатывая воздух. Белесое брюшко вздулось, словно внутри вырос мячик для пинг-понга, голова и хвост оттопырились. Шаром рыбу мог назвать только человек, начисто лишенный представлений о стереометрии.

— Довольны?

Людвиг смущенно отступил. Как он сразу не догадался: внутри должен быть воздух? Исследователь называется... Пугай — не пугай, а водой рыба не надуется. Все равно что надувать мыльные пузыри из поливального шланга.

Продавщица опустила сачок обратно в аквариум. Тетрадонт некоторое время полежал на поверхности, затем сдулся и погрузился, как батискаф. Иллюминаторами сверкнули выпученные глазки.

Поездка обернулась фарсом — только выставил себя полным неучем. Хотя на лице продавщицы и застыла вежливая гримаса, Людвиг видел, что в глубине души она потешается над ним. Бормоча невразумительные извинения, Людвиг взял аквариум и попятился к выходу.

— Ничего покупать не собираетесь? — строго спросила продавщица. — Водоросли, корм для рыбы? Тетрадонты предпочитают живой корм, особенно улиток. У вас дома достаточно улиток? А дафнии для прикорма?

— Нет... — Сказать по правде, в холодильнике лежала упаковка мороженых французских улиток в чесночном соусе. Третий месяц Людвиг не решался попробовать деликатес, но делить его с рыбой не собирался. — Я, пожалуй, возьму немного, а еще...

Он оглядел прилавок. Нужно купить еще что-нибудь, задобрить продавщицу. Если повезет, она больше не вспомнит о его конфузе; иначе — будет посмеиваться всякий раз, когда Людвигу придется заходить в магазин.

Взгляд упал на выстроившиеся у кассы тюбики с мыльными пузырями. Глупая безделушка, рассчитанная успокоить разбушевавшихся детей, которым не купили говорящего попугая или пушистого кролика.

— А еще две банки мыльных пузырей, — сказал Людвиг. — Для дочери.

Он замолчал, сообразив, что нет никакого смысла оправдываться. Взрослые имеют глупую привычку стесняться, покупая игрушки. В играх нет ничего предосудительного, но, по словам Уайльда, «как важно быть серьезным». А в итоге все выливается в нелепые отговорки, якобы способные объяснить, зачем человеку на третьем десятке потребовался набор оловянных солдатиков и игрушечный поезд. Дети, племянники, внуки — не более чем ширма, Людвиг это знал точно.

Уголки губ продавщицы чуть дернулись — пузыри напомнили ей о рыбе-шаре. Людвиг мысленно отругал себя за неудачный выбор. Захватив покупки, он поспешил выйти из магазина.

Солнце катилось по дальним крышам, окрашивая черепицу и жесть багряным золотом. Пора было возвращаться, но Людвиг решил заскочить в рыбный ресторанчик. Особой нужды в этом не было: дома ждал сытный ужин, а Венди готовила так, как не снилось лучшим поварам. Поездка в крабовый ресторан была скорее бравадой. Так дети идут посреди ночи на кладбище или в заброшенный дом: доказать друзьям и себе, что не боятся привидений и мертвецов. Антиматерия антиматерией, бомбы бомбами, но всему должен быть предел. Не считая его сарая, в этом ресторанчике — самая большая концентрация крабов в городе, но там научились с ними справляться. Венди была права, когда говорила про енотов-крабоедов. Подумав о енотах, Людвиг вспомнил, что времени на поиски почти не осталось. Вселенские часы оглушительно тикали, и адская машина была готова разнести мир в клочья. Даже если не мир, а всего один поезд — суть не менялась.

Людвиг выехал на Сосновую, когда прогремел взрыв.

Столб ярко-рыжего пламени взметнулся в небо, прямой, точно прицельный удар из космоса. Если бы из-за деревьев показался марсианский треножник, Людвиг не удивился бы. Он вдавил в пол педаль тормоза. Пронзительно заверещав, «орикс» крутанулся на месте и чиркнул задним крылом о бордюр. Людвиг швырнуло на руль. Удар пришелся в солнечное сплетение и верхнюю губу. Из легких точно выбили весь воздух; струйка крови поползла по лицу.

Пламя плясало за кронами деревьев. Сквозь густую листву пробились оранжевые отсветы, жуткие в своей неестественности. Огонь съежился и почернел, затерявшись в клубях маслянистого дыма. Людвиг с ужасом понял: горит ресторан. Только он об этом подумал, как громыхнул еще один взрыв. На дорогу, вращаясь, вылетел кусок фанеры и рухнул у капота — клешня с вывески: даже погибая, краб пытался до него дотянуться!

Людвиг выругался. Если бы он ехал чуть быстрее... Если бы не задержался в магазине, покупая мыльные пузыри! Они спасли ему жизнь. Людвиг хихикнул, провел по лицу рукавом, размазывая кровь.

Нервный смех уступил место панике: в ресторанчике наверняка полно посетителей, не говоря о поварах, официантах и подсобных рабочих. Людвиг выскочил из машины и бегом бросился к полыхающе-

му зданию, не представляя, чем может помочь, но зная, что должен предпринять хоть что-то.

Навстречу, воя как выпь, вылетела пожарная машина. Секундой позже промчалась «скорая». Объятый пламенем краб накренился вперед, качнулся и рухнул на стоянку, рассыпая искры. Перед кафе стояло минимум шесть автомобилей, и пожарные заливали их хлопьями пены во избежание новых взрывов. Кого-то пронесли на носилках — толстая медсестра едва поспевала с капельницей.

Из-за поворота вырвалась черная полицейская машина и устремилась прямо на Людвига. Затормозила в последний момент, разворачиваясь боком и перегораживая дорогу. Сполохи мигалки ударили по глазам. Людвиг остановился, стукнувшись коленом о крыло. Чтобы устоять, пришлось схватиться за зеркало. Из машины выскочил коренастый полицейский и грубо оттолкнул Людвига.

— Куда?! Жить надоело?!

— Я думал помочь...

— Вот и не путайтесь под ногами!

— Но...

— Ваша машина?! — полицейский указал на «орикс». — Чтоб через секунду не было!

Людвиг мысленно хлопнул себя по лбу. Идиот! Бросил машину посреди дороги, не подумав о том, что «скорой» надо уезжать. На узкой Сосновой это равносильно преступлению. Он вернулся бегом.

Забравшись на сиденье, Людвиг дернул рычаг переключения передач, давая задний ход. Мотор взревел, Людвиг резко отпустил сцепление, развернулся к Центральной. Мимо, надрываясь сиренами, проехали две «скорые».

Людвиг не помнил, как добрался до дома. Машину он вел на автомате, совершенно не следя за дорогой; чудом не попал в аварию.

Взрыву не было никаких разумных объяснений. Бандиты, террористы — на кой черт им сдалось кафе в крошечном прибрежном городке? Единственным вариантом была спонтанная аннигиляция.

Фактически, взрыв подтвердил его теорию. В одном китайском ресторанчике он видел, как повара работают с рыбой и морепродуктами. Тогда его еще позабавило, до чего быстрый стук ножей по разделочным доскам похож на звуки несущегося поезда. Сейчас он понимал, насколько был прав — сходства оказалось достаточно, чтобы подманить отрицательного краба. Нужное электрическое поле обеспечила пара микроволновок.

Странно, что взрыв не случился раньше. Видимо, на появление крабов влиял неучтенный фактор. Магнитные бури, вспышки на солнце, силы Кориолиса?

На ум пришла строчка из детского стихотворения, которое Людвиг читал Данике: «Краб, не зная почему, любит полную луну». Полная луна... Она может влиять на отрицательных крабов. Лунный свет — отражение солнечного. Может, причина в отраженных под определенным углом фотонах? Луна, как опытный теннисист, посылает на землю хитро закрученные мячики элементарных частиц, и эта энергия выманивает крабов? Бомбардировка невидимого моря странными фотонами... Подобными методами пользуются в физических лабораториях, получая новые бозоны и мезоны и щелкая Нобелевские премии, как семечки. А если метод работает с элементарными частицами, он, возможно, применим и к крабам.

Впрочем, дело могло быть в обычной гравитации, силе приливов и отливов. Невидимое море могло подчиняться этим законам, вздымаясь на зов Луны и вынося к поверхности своих загадочных обитателей. Лунного календаря под рукой не было, но, кажется, вчера действительно сияла полная луна, яркая, как свежоотчеканенная монетка. Или это шутка воображения и всю ночь небо было затянуто плотными тучами?

Он не стал заводить машину в гараж, да и забрать тетрадонта не было сил. Людвиг поднялся на крыльцо и долго возился с ключами, прежде чем понял, что дверь не заперта.

Держа дочь на руках, Венди вышла в прихожую. Она хмурилась, но стоило ей увидеть мужа, как на лице отразились испуг и беспокойство.

— Что случилось? — даже Даника напугалась: посмотрев на отца, она скуксилась, готовая вот-вот разреветься.

Людвиг краем глаза глянул в зеркало. Вид ужасный — бледный как смерть, щека вымазана засохшей кровью и сажей, круги под глазами. Встретил бы себя на улице — не задумываясь подал бы монетку.

— Взрыв, — выдохнул он. — Ресторан на Сосновой...

— Ты был там?! С тобой ничего...

— Проезжал рядом, — поспешил успокоить жену Людвиг. — Ничего страшного...

Не выдержав, он сел на тумбочку в прихожей. Слабость прокатилась ледяной волной; задрожали руки. Венди опустила дочь на пол и

присела на корточки. Обняв мужа за колени, она долго смотрела на него.

— Огонь был выше деревьев, — наконец сказал Людвиг. — Я никогда не видел столько пламени...

— Взрыв газа, — сказала Венди. — Сообщили по радио. Списки пострадавших уточняются. Страшное дело: субботний вечер...

— А потом приехали пожарные, врачи, полицейские. Я хотел помочь, а мне сказали — не путайся под ногами.

— Тебе нужно отдохнуть и успокоиться, — сказала Венди. — Был тяжелый день. Давай-ка ужинай и отправляйся спать.

Людвиг вяло кивнул.

— Там в машине аквариум и...

Венди приложила палец к губам.

— Умойся и иди на кухню. Я все заберу и сделаю, договорились?

— Спасибо, я... — хотелось крикнуть, чтобы она ни в коем случае не садилась на поезд. Особенно сейчас, когда крабы близко, когда полная луна вздымает отрицательное море в невидимом приливе, а вселенский эфир под завязку наполнили неправильные фотоны; когда самое обычное кафе готово взлететь на воздух... Взрыв газа! Да что они понимают! Никакие еноты и башмаки не стоят такой цены. Однако он промолчал.

Ужин показался сухим и безвкусным. Битых полчаса Людвигковырялся вилкой в куриной ножке и гонял горошины. В итоге Венди забрала тарелку и прогнала его в спальню.

Под одеялом было жарко. Задыхаясь, Людвиг барахтался на скомканной простыне, пытаясь как можно глубже нырнуть в призрачный мир сновидений. Но сна ему не досталось — так, волчья дрема. Людвиг отчетливо понимал, что может открыть глаза, слышал рядом ровное дыхание Венди. И в то же время в реальность вплетались таинственные и болезненно яркие образы.

Гремя колесами, новенький СТ-2000 несся по зеленой равнине. Вдалеке виднелась одинокая гора. Людвиг не мог видеть, но точно знал — сквозь скалу прорублено три туннеля. Такая расточительность (кроме горы в округе не было ни одной заметной возвышенности) не казалась чем-то неправильным и странным. Математика сновидений проста: раз есть гора и есть поезд, значит, имеются и туннели. Людвиг знал, что на поезде едут Венди и Даника.

Откуда взялся краб, Людвиг не понял. Пурпурное чудовище воз-

никло рядом с поездом, покачиваясь на суставчатых лапках и потрясая клешнями. Глаза на стебельках безостановочно двигались. На крабе была капитанская фуражка, но это не выглядело ни удивительным, ни смешным. Краб рос — только что был с автомобиль, потом с дом, а спустя мгновение оказался настолько огромным, что на его фоне поезд выглядел игрушечной моделью.

Людвиг понял, что если переключить тумблер, то поезд поедет гораздо быстрее, и тогда никакой краб его не догонит. Трансформатор лежал под ногами, но когда Людвиг поднял его, оказалось, что провода вырваны с корнем. Отбросив бесполезную коробку, Людвиг побежал к поезду, размахивая руками, чтобы хоть на мгновение отвлечь внимание краба.

Бургистая клешня вцепилась в вагон, вырвала его из состава. Поезд вспыхнул, как спичка, расцвел рыжими лепестками пламени. Краб пару раз тряхнул вагон, и тот громко зашуршал, словно жестяная банка с рисом. Они там, в вагоне... Людвиг прибавил ходу, глотая на бегу воздух, и понял, что надувается, точно вытасенный из воды тетрадонт. Чудовище следило за ним взглядом, не переставая трести своей погремужкой. Вокруг толстой, как ствол старого дуба, ноги краба суетилась давешняя медсестра с капельницей. Людвиг оторвался от земли, и ветер погнал его в сторону... Вскрикнув, Людвиг открыл глаза.

Сквозь щель в занавесках луна заливала спальню серебристо-молочным светом. «Полная», — механически отметил Людвиг. По темному, как чернила каракатицы, небу расплескались ослепительные звезды. Он не разбирался в сплетениях созвездий, но, похоже, мутное пятно справа от обрезанной занавеской луны — Крабовидная туманность. Вроде просто скопление космического газа, а по сути — жуткое напоминание о нависшей угрозе. Духота уступила место пронизывающему холоду. Зыбкий лунный свет будто вытягивал частички тепла.

Людвиг повернулся на бок и неловко задел жену. Венди заворчалась.

— Не спишь? — прошептала она. Ее глаза влажно блеснули в темноте комнаты.

Людвиг покачал головой.

— Да у тебя жар, — сказала Венди, коснувшись его лба кончиками пальцев. Она приподнялась на локте. — Кошмар?

— Да. Что-то вроде... — Людвиг сел на кровати. Его бил озноб,

капля холодного пота сползла между лопатками. Перед глазами еще стояли краб, клацающий чудовищными клешнями, и искореженный вагон. Сейчас казалось, из поезда доносились истошные вопли. Но он ничего не смог сделать...

— Принести воды?

— Проклятье, мне холодно! — выкрикнул Людвиг.

Венди вздрогнула, и Людвиг отвел взгляд.

— Прости, — сказал он. — Мне нужно подышать свежим воздухом.

— Хорошо, — кивнула Венди.

Просто сон... Игры подсознания, нелепый коктейль из переживаний и событий прошедшего дня. Ничего же не случилось: Венди рядом, Даника спит в кроватке. Тут Людвиг вспомнил о взрыве в кафе. Случилось. И если он не сможет это остановить, случится снова.

Людвиг встал, натянул джинсы и свитер, вздрогнув от укусов колючей шерсти. Он должен работать. Нельзя терять ни минуты: он не имеет права тратить время на сон. Слишком многое поставлено на карту.

Венди сидела, укрывшись одеялом, и молча смотрела на его сборы. Небось думает, что муж повредился умом и пора вызвать врача. Быть может, она и права, но если б она знала!

— Все будет хорошо, — пообещал он. Венди грустно улыбнулась в ответ.

Громко жужжа, игрушечные поезда носились по просторам крошечной страны. Освещенная лунным светом железная дорога ожила: Людвиг то и дело примечал краем глаза движение, но это были не крабы. Уставшие оловянные солдатики разминали ноги, а пластиковые коровы незаметно щипали искусственную траву. Игра воображения, глупые шуточки усталого мозга.

Он давно потерял счет времени. Ночь отступала, и в щели между досками пробирались первые лоскутки утреннего тумана. Людвиг продрог до костей, — через пару дней сляжет с простудой. Если у Вселенной будет эта пара дней. Голова раскалывалась, черепную коробку словно набили липкой сахарной ватой. Любые мысли путались в ней и пробирались не быстрее улитки.

Сколько он ни старался, опыты не принесли никакого результата. Не было ни молний, ни вспышек, ни, на худой конец, обычных искр. Крабы попрыгали в свои невидимые норы и упрямо не хотели выле-

зять. А ведь все условия на месте — стук колес, электрическое поле и свет полной луны. Людвиг был на грани отчаяния. Прав был Гераклит, сравнив время с рекой. А он, не вняв разумному совету, пытается остановить поток решетом. Вместо того, чтобы оставить бесплодные опыты и заняться поисками другого решения, продолжает гонять поезда. Людвиг готов был схватить топор и разнести железную дорогу на куски. Ему стоило больших усилий держать себя в руках и продолжать эксперимент.

— Ту-ту...

Дверь сарая тихо скрипнула. Подскочив от неожиданности, Людвиг обернулся. Он бы не удивился, если бы увидел гигантского краба, но на пороге стояла Венди в одной ночной рубашке.

— Ты здесь? — Не дожидаясь ответа, она прошла в сарай и остановилась рядом с железной дорогой. Некоторое время молча смотрела на носящиеся по кругу поезда. — Ты как?

Людвиг пожал плечами. Можно соврать, мол, все в порядке, однако Венди слишком давно его знает. Поезда жужжали, но было ясно, что опыт провалился.

— Я хочу знать, что происходит, — сказала Венди. — Я не слепая. Дело не только во взрыве, ведь так? Я понимаю, подобное любого выведет из равновесия, но на тебе лица нет...

Прикусив губу, Людвиг некоторое время обдумывал ситуацию. Наконец он кивнул. Пройдя в угол сарая, откопал коробочку со стеклянным крабом. Потребовалось время, чтобы снять скотч — клейкая лента упорно не хотела отдираться и липла к пальцам. На одно жуткое мгновение представилось, что коробочка пуста и краб исчезнет, точно шрёдингеровская кошка. Но стеклянная поделка оказалась на месте.

— Вот, — выдохнул Людвиг, демонстрируя жене свое таинственное и страшное сокровище. Венди склонилась над коробочкой, затем взяла краба, повертела в пальцах. Голубоватое стекло переливалось в лунном свете.

— Симпатичный, — сказала жена. В стеклянных зверушках она знала толк. — Я ожидала более жутких скелетов...

— Куда уж страшнее? — сказал Людвиг, забирая у нее краба. — Внешность обманчива, самые опасные вещи выглядят мило и безобидно. Закон природы...

Он глубоко вздохнул и пересказал Венди всю крабовую эпопею. Жена ежилась от холода, но слушала внимательно, не перебивая.

— Вот видишь, — подвел итог Людвиг. — Вселенная трещит по швам. Взрыв в кафе — начало. А поездка на поезде в Бернардо? Безопаснее слетать куда-нибудь на ракете с ядерной боеголовкой. Еноты и башмаки того не стоят.

Венди некоторое время молчала, обдумывая его рассказ.

— Помнишь у Лира? — наконец сказала она:

*Один Старичок из Уэста
Гулял у причала с Невестой,
Мимо краб пробежал,
Старичка напугал:
Он с тех пор ни ногою в то место.*

Людвиг криво усмехнулся. Поэт жил задолго до того, как Дирак открыл невидимое море, однако уже тогда понял исходящую от крабов угрозу. Говорят, люди искусства тоньше чувствуют мир, и в этом было разумное зерно. Джойс, в конце концов, предсказал существование кварков раньше ученых.

— Искать смысл в бессмысленных стихах глупо, — продолжила Венди. — Но все же... Испугались и убежали, как портняжки от улитки. У страха глаза велики, но разве это повод больше не гулять по берегу?

— Нет, но...

Венди остановила его взмахом руки.

— В твоей науке я ничего не понимаю, но сам подумай: если ты прав, то рестораны с морской кухней должны взрываться через день. Япония давно взлетела бы на воздух... Уж там-то крабов, поездов и электроприборов как нигде в мире. Однако, если верить новостям, Токио ничего не угрожает.

— Ну, есть еще другие факторы, — возмутился Людвиг. Восхитительно стройная теория громко трещала, налетев на рифы экспериментальных фактов. Людвиг забарахтался, выискивая разумное объяснение несоответствию. — Наверное, крабы боятся японцев? Там столетиями только и делали, что ели крабов. Вот и выработался рефлекс.

— Вот чем мне нравится научный подход, — сказала Венди. — Для всего найдется убедительное объяснение.

Людвиг смотрел на носящиеся поезда. Он уже не надеялся на синые молнии и искры и все равно ждал, что краб вот-вот появится, привлеченный жужжанием и светом луны.

— Знаешь, у меня такое чувство, что я строю замок из песка во время шторма. Стараешься, лепишь башенки и балконы, возводишь

крепкие стены, прорываешь ров. И знаешь ведь, что накатит волна и не останется ни балконов, ни башенок. Песчаные стены не остановят цунами... Вселенная ползет к катастрофе с упрямством осла, и ее не удержать. Сколько не вой с термодинамикой, черт бы ее побрал, со вселенской энтропией, все без толку. Солнце остывает, звезды сжимаются, галактики разбегаются, как тараканы, пространство завязывается в узлы. Темная материя, искажения гравитации, — мало, что ли? А тут еще эти крабы... Что прикажешь делать?

Венди пожала плечами.

— Продолжать строить песчаный замок. Если постараться, получится очень красиво. А бояться просто и скучно. Нет ничего легче, чем запереться в четырех стенах, жалеть себя и ждать, когда все рухнет. Ну, а если рухнет, значит надо начинать сначала. Иначе — всхлип и пепел на рукаве старика...

Немного подумав, она неожиданно предложила:

— Давай съездим к тому ресторанчику? Может, там найдется ответ на твою крабовую загадку?

Людвиг вздрогнул. Как он не сообразил! Именно во взорвавшемся кафе крабы проявили себя во всей красе. Конечно, пожарные уничтожили большую часть улик, но что-то должно остаться.

— Прямо сейчас? — переспросил он, заранее зная: ждать до утра не сможет.

— Только надену что-нибудь потеплее и попримечнее, — сказала Венди.

Спустя десять минут Венди вышла к машине. Ярко-желтая ветровка с капюшоном почти светилась, точно вымазанная флуоресцентной краской. Людвиг тихо выругался — неужели не нашлось ничего менее заметного? В конспирации жена ничего не смыслила.

Он уже весь извелся, ерзая на переднем сиденье. Людвиг несколько раз включал радио, но из динамиков доносился лишь треск помех. Коробочка с крабом стояла на приборном щитке: Людвиг решил захватить ее с собой, но смотрел, как на спящую гадюку, способную в любой момент проснуться и ужалить.

— У нас есть часа полтора, — сказала Венди, садясь в машину. — Пока дочь не проснулась.

Съехав с подъездной дорожки, Людвиг развернулся и включил фары, осветив пустынную улицу. Мотор тихо рывкнул, машина направилась к Сосновой.

— Что это? — вдруг спросила Венди.

Покрутившись на сиденье, она достала мыльные пузыри, о которых Людвиг и думать забыл.

— Купил в зоомагазине, — пояснил он.

— Смотри-ка, — усмехнулась Венди и вслух прочитала надпись на этикетке, стараясь передать истеричный пафос, свойственный многим защитникам природы:

Покупая эти пузыри, вы помогаете спасти красного краба на островах Тихого океана!

Каждый год во время миграций миллионы красных крабов гибнут под колесами автомобилей и поездов! Каждый год незаконно вылавливаются тонны крабов, панцири которых идут на производство дешевых удобрений! В ближайшем будущем мы можем окончательно лишиться этих поразительных созданий! Люди, одумайтесь!

Часть средств от продажи этих пузырей пойдет на создание крабового заповедника и миграционных коридоров. СПАСЕМ КРАБА ВМЕСТЕ!

Людвиг вздрогнул. Предчувствие слизнем заворочалось в груди. Вселенная упрямо продолжала кричать ему о крабах, выбирая самые неожиданные методы. Впрочем, Венди была настроена более легкомысленно.

— Не такие они опасные, твои крабы, раз для их спасения потребовались мыльные пузыри...

Она встряхнула флакон, отвинтила крышку. Немного помедлив, выдула пузырь размером с кулак. Едва ли стоило делать это внутри машины, но Людвиг знал свою жену — она не могла противиться искушению. В свете автомобильной лампочки по тонкой пленке расплзались оранжевые отблески, напомнившие Людвигу о пожаре.

— Мыльная пленка считается одной из прочнейших вещей во Вселенной. Поверхностное натяжение...

— Неужели? — Венди ткнула в пузырь пальцем. — Ничто так не хрупко, как самые прочные вещи. И в тоже время...

Закончить она не успела. Фары высветили ползущего по разделительной полосе краба величиной с блюдо. Людвиг едва успел среагировать. Машина рванулась к обочине, чиркнула боком по бордюрно-му камню и остановилась. Венди швырнуло вперед, содержимое флакона с пузырями выплеснулось ей на джинсы. Хорошо еще догадалась пристегнуться, иначе бы ударилась лбом о приборную панель.

— Ты чего? — выдохнула она испуганно и удивленно.

Людвиг сдал назад, мечтая, чтобы никаких крабов не было. Ему почудилось, галлюцинации на нервной почве... Краб по-прежнему сидел на разделительной полосе. Крупные клешни подняты над головой, а сам замер, точно взломщик, застуканный на месте преступления.

Вспотевшие ладони скользили по пластику руля. Воздух сгустился, каждый вдох требовал усилий. Температура в салоне упала на пару градусов, несмотря на гудящий обогреватель. Людвиг кожей чувствовал бурлящие потоки странных фотонов лунного света. Коробочка со стеклянным крабом мелко завибрировала...

— А вы похожи, — рассмеялась Венди. — Глядите друг на друга и пучите глаза, словно увидели привидение.

Опомнившись, краб засеменял к придорожным кустам. Людвиг откинулся в кресле, провожая взглядом членистоногое. Появление краба не было случайным. Вселенная играла с ним, точно маньяк, подбрасывая многозначительные намеки на преступление. Вот только сыщик из него никудышный. Холмсу хватило бы и половины имеющейся у Людвига информации, чтобы найти выход.

— Зачем крабы переходят дорогу? — сказала Венди.

Людвиг нервно пожал плечами; он был не в состоянии отвечать на глупые вопросы.

— Никто не знает, — вздохнула Венди. — Одна из тех задачек, которые не имеют правильного решения. Или имеют бесконечное множество правильных решений. Я к тому, что не забивай голову. Это просто краб, просто проползал мимо: отсюда до океана от силы четыре километра. Кстати, его судьбе не позавидуешь — далеко забрался от воды. Бродячие собаки, еноты и опоссумы не упустят такого шанса. И клешней от него не останется. Бедняга... Может, стоило дать ему мыльных пузырей?

Как всегда, Венди умудрилась разбавить серьезную тему шутками. Людвигу самому ситуация показалась смешной и глупой. Сковывающее напряжение отступило, и он улыбнулся.

— Ну, долго будем стоять? — поинтересовалась Венди. Она щелкнула по часам на приборной панели, напоминая: времени у них немного.

Вскоре Людвиг остановил машину рядом с чернеющим на фоне неба каркасом сгоревшего здания. С улицы стоянку перед пепелищем огораживала желтая целлофановая лента, трепыхавшаяся на ветру, точно змея в припадке эпилепсии. В приоткрытое окно машины прокрался запах мокрого угля, сажи и горелой резины.

— Выключи фары, — посоветовала Венди. — Слишком заметно. Не хочу, чтобы нас приняли за кладбищенских воров...

— Так мы еще больше будем похожи на мародеров, — ответил Людвиг, но свет все-таки выключил. Некоторое время они сидели в темноте, но их ночной визит не привлек внимания. Тишина лежала на Сосновой, как саван. Наконец, когда ожидание практически зазвене-ло в воздухе, Людвиг громко прошептал:

— Пошли.

Он достал из бардачка карманный фонарик и открыл дверь. Сырой ветер чиркнул по лицу водной взвесью, точно наждачной бумагой.

— Ты знаешь, что ищешь? — спросила Венди.

— Да, — Людвиг уверенно кивнул. — Хотя нет... Когда найду — пойму.

— Лучший из раскладов, — сказала жена. — А как ты поймешь, е-ли не найдешь?

— Там посмотрим, — захватив коробочку, Людвиг зашагал к сто-янке. Спустя пару секунд к нему присоединилась Венди.

Луна клонилась к закату и едва виднелась над деревьями. Хлюпая по лужам, они прошли на стоянку. На площадке громоздился горелый хлам: обломки мебели, остовы стульев, битая посуда и съездившийся пластик. Мусор прикрывал обглоданный пламенем кусок фанеры — остатки вывески.

Людвиг огляделся, не зная, с чего начать. Отпихнул ногой барный стул, пошарил фонариком по асфальту. Что он надеется найти? Опла-вившихся стеклянных крабиков? Вряд ли — от них ничего не могло остаться. Как, впрочем, и от обычных, положительных крабов. Но должно быть что-то вроде реликтового излучения... Представить ре-ликтовых крабов было сложно. На ум приходили только трилобиты.

Венди осталась посреди стоянки, пряча ладони в рукава и огляды-ваясь. Людвигу и самому было неуютно рядом со сгоревшим зданием. Нужно скорее заканчивать с этим делом. Вцепившись в липкую от ко-поти железную трубку, Людвиг выволок ее из общей кучи.

Вся конструкция рухнула с отвратительным лязгом. Он замер. Вот и все: перебудили половину квартала. Какая-нибудь бдительная стар-рушка не замедлит вызвать полицию, и продолжать поиски крабов придется уже в участке. Некоторое время он стоял, не шелохнувшись, прикрыв фонарик ладонью.

— Ты слышишь? — громким шепотом спросила Венди.

Людвиг прислушался, готовый к далекому вою сирены или хлопа-

ню соседских дверей. Но вместо этого различил сухой хруст, будто сотни кроликов яростно грызли капусту. Звуки доносились со стороны дома.

— Да, — ответил он. Луч фонарика скользнул в темноту, осветив обуглившиеся балки, гнутые перекрытия из черного железа. Пятно света уперлось в стену, поползло вверх и остановилось, поймав свою жертву. Круглую и красную, с четырьмя парами ног и овальными клешнями. Краб полз по горизонтальной балке, бешено вращая глазами. С границы тени появился еще один и поспешил следом.

Фонарик в руке дернулся, высветив колышущуюся живую массу. Бугристый красный ковер раскинулся на десяток метров. Крабы: тысячи, сотни тысяч, а то и миллионы. Треск клешней, удары панцирей сливались в ритмичный рокот. Они приближались с неотвратимостью цунами.

Людвиг и Венди переглянулись и, не сговариваясь, бросились к машине. Крабы выплеснулись на стоянку, растекаясь по асфальтовой площадке и скрывая мусор под грудой хитиновых тел.

Людвиг не понял, как очутился на крыше автомобиля. Вроде бы стоял среди горелых обломков, а уже помогает Венди забраться следом. Спустя секунду крабы, подобно волнам, штурмующим затерянную в океане скалу, ударились о борта машины.

«Орикс» предательски зашатался. Людвиг запоздало выругал себя за то, что не догадался залезть внутрь. Ничего не стоило взять и уехать, а они оказались на тесной и скользкой крыше, окруженные крабами, точно миссионеры каннибалами. Но в критической ситуации рефлексы работают быстрее мозга. Люди чаще вышибают двери, чем проверяют, не открываются ли они в другую сторону.

Крабы бессильно скреблись, соскальзывая с металла. Людвиг подумал, не разорвут ли они клешнями шины, но решил, что это маловероятно.

— Что им от нас надо-то? — голос Венди заметно дрожал.

— Отрицательный заряд, — громко сказал Людвиг. — Мог бы сразу догадаться, он притягивает их как магнит. Плюс к минусу.

Он потряс коробочкой в подтверждение своих слов. Делать этого явно не стоило: все равно что размахивать тряпкой перед мордой носорога. Крабы устремились к машине с утроенной яростью.

— Больше так не делай, — попросила Венди, вцепившись в крепление багажника.

Людвиг нервно кивнул. Хотя крабы пока не могли до них добрать-

ся, крыша машины перестала казаться надежным убежищем. Членистоногих было слишком много, и при усилии им ничего не стоило опрокинуть «орикс». Прояви они чуть больше сообразительности, ситуация стала бы плачевной.

— И что теперь делать? Сидеть до утра и ждать, пока нас кто-нибудь спасет? Даника скоро проснется. Из кровати она не выберется, однако расплатится... Не хотелось бы ее огорчать.

— Пока у нас отрицательный краб, они не уйдут, — покачал головой Людвиг. — Если мы отсюда выберемся, крабы последуют за нами. Будут ползать по дому, пока не найдут. Примитивные создания... Слышала про животный магнетизм? Вот он во всей красе.

— Так отдай им эту игрушку! Что ты за нее цепляешься?!

Людвиг дико посмотрел на жену. Венди отшатнулась.

— И все взлетит к чертовой матери?! Из всех извращенных способов самоубийства... У тебя под носом самая наглядная демонстрация неосторожного обращения с крабами.

Он махнул на горелый остов бывшего рестораника.

— Не кипятись, — сказала Венди. — Я только предложила. Должен же быть выход?

Некоторое время Венди хмурилась, обдумывая ситуацию. Маленький проворный краб умудрился забраться на капот. Но вскарабкаться на крышу было выше его сил: он соскальзывал с лобового стекла. Бесплодные попытки ничуть не уменьшили энтузиазма. Точно десятиногий Сизиф, он упрямо лез вверх.

— Мыльные пузыри? — сказала Венди. — Если верить этикетке, они защищают крабов?

— А не от крабов, — заметил Людвиг. — Есть разница...

Обхватив голову руками, он пытался заставить себя думать. Треск клешней, стук и шорох мешали сосредоточиться. Мысли проплывали и исчезали в неведомых глубинах. Он будто пытался в кромешной темноте поймать руками скользкого угря. Сколько ни старайся, а получалось выудить только плети водорослей.

Столкновение частицы и античастицы приводит к их аннигиляции с образованием пары гамма-квантов. И как ни переноси это на крабов, схема оставалась той же. Теория была беспощадна.

— А если все-таки попробовать с пузырями? Мы ничего не теряем, а если получится...

Пузыри. Людвиг ухватился за эту мысль. Он вспомнил надувшегося тетрадонта и поездку в зоомагазин. Немного улиток и дафнии для

прикорма... Людвиг радостно вскрикнул. Венди удивленно посмотрела на него, а угорь уже бился в руках рыболова.

При участии гамма-квантов электрон и позитрон образуют устойчивую пару. И если распад краба и антикраба приводит к появлению пары примитивных ракообразных, то, возможно, дафнии помогут нейтрализовать крабов.

— Улитки, — сказал Людвиг. — Когда ты забирала аквариум, ты брала улиток? Там еще был пакетик...

— Не помню никаких улиток, — сказала Венди. — И пакетиков тем более. Я вот думаю, как достать пузыри? Они в машине, а мы сверху.

Он положил дафний в «бардачок»... Людвиг взглянул на бурлящее крабовое море. Рано или поздно придется в него прыгнуть. Нельзя всю жизнь стоять на берегу.

— Держи, — сказал он, вручая Венди коробочку. — Не позволяй им до нее добраться!

— А ты... — начала она. Людвиг поцеловал жену и спрыгнул с машины.

Под ботинками хрустнуло. Его пребольно ущипнули за лодыжку; если бы не плотная ткань джинсов, вырвали бы кусочек мяса. Людвиг отпихнул тварь ногой. Распахнув дверь, забрался на сиденье. Следом за ним в машину пролез десяток крабов, размерами от монеты до кулака.

Людвиг открыл «бардачок» и принялся шарить среди дорожных карт, рекламных проспектов и прочего хлама, годами скапливавшегося в недрах «орикса». Бумажный пакетик с дафниями обнаружился в дальнем углу. Людвиг бережно приоткрыл его и удовлетворенно ухмыльнулся при виде желто-коричневого порошка.

Опустив стекло, он по пояс высунулся из машины и столкнулся нос к носу с Венди.

— Достал пузыри?

— Лучше, — ответил Людвиг. Перегнувшись, он выбрался на крышу машины. — Открой коробочку.

Венди приподняла крышку. Встряхнув пакет, Людвиг высыпал содержимое на стеклянного краба. Затем перебрался на капот и поймал ползающую по нему тварь. От близости к заветной цели и невозможности ее достичь краб совсем ополоумел. Он яростно сучил лапками и размахивал клешнями; глаза раскачивались маятниками. Людвиг пихнул его в коробочку, одновременно захлопывая крышку, и отшвырнул далеко, насколько хватило сил.

Людвиг ждал взрыва, но обошлось: никаких вспышек и грохота, столбов пламени и лучей до неба... Коробочка покатила по асфальту, закружилась и остановилась возле бордюра. Людвиг выпрямился. Сработало?

— И все? — спросила Венди.

— Думаю, да. Дафнии образовали соответствующее...

Коробочка подпрыгнула на месте, как от удара. Треск клешней и панцирей стих внезапно, словно кто-то выкрутил ручку громкости. Крабы застыли, будто боясь пошевелиться, и от их неподвижности Людвигу стало не по себе. Неужели ошибся? Вместо дафний надо было использовать креветок?

Людвиг мысленно отсчитывал секунды: три, два, один, взрыв? Коробочка не шелохнулась. Зато ожило крабовое море; перестук клешней ударил как гром. Крабы отхлынули от «орикса». Их организованность и ярость будто испарились. Крабы расплзались, спеша вернуться к своим делам.

Людвиг слез с машины и помог Венди спуститься. Лавируя среди разбегающихся под ногами членистоногих, они подошли к коробочке. Людвиг нагнулся, поднял ее; жест оказалась теплой. Он открыл крышку и расплылся в улыбке. Внутри оказалась пара стеклянных игрушек, вцепившихся друг в друга клешнями и сливающихся на стыке. Стабильная пара с нейтральным зарядом. Венди заглянула через плечо.

— Ого! — сказала она. — Красиво получилось. Их можно будет поставить на полку?

Людвиг улыбнулся.

— Думаю, там им самое место.

Они вернулись к машине, и Венди взяла с сиденья мыльные пузыри. Вереница блестящих шариков полетела за расплзающимися крабами. Она некоторое время смотрела им вслед, затем повернулась к Людвигу.

— Все же, несмотря на суицидальные наклонности, у Вселенной есть инстинкт самосохранения. И знаешь что? Мне кажется, мой муж — часть этого инстинкта.

Мыльная пленка, тонкая и хрупкая и в тоже время невероятно прочная, как и сама Вселенная, расплывалась голубыми разводами. Пузыри плавно опускались на землю, и Венди выдула еще немного.

— Поехали домой, — сказал Людвиг.

КАРЛ ФРЕДЕРИК

МЫ — КОШКА

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Б улыжники падали и разбивались, ударяясь об отвесные стены, но даже сквозь оглушающий гром Пол услышал вопль боли. — Проклятье! — вскричал он. — Я же сказал: не смотреть вверх!

Он вжимался в небольшую трещину в расширяющемся гроте. Съежившись, насколько возможно, буквально в паре метров от вертикального спуска в пещеру, он надеялся, что ни один из камней, бухающих в каску, не будет столь массивным, чтобы сломать ему шею.

Он немного повернул голову и осветил лучом своей шахтерской лампы Алекса. В тот же самый момент пучок света Алексова фонаря ударил в глаза самому Полу, и тот невольно зажмурился. Если бы дело происходило при ясном солнце на улице, а вовсе не во мраке пещеры, каждый из них увидел бы свое отражение в глазах друга.

Снова Пол услышал крик страдания, на этот раз жалобный стон, и повернулся на звук: третий «пещерник» — Конрад Фрит — лежал, почти засыпанный камнями, и, казалось, был без сознания. Его каска криво съехала с головы, а лампа не горела.

Камнепад прекратился так же внезапно, как и начался, а вскоре стих и грохот, вызванный обвалом известняка и усиленный резонансом пещеры. Когда слух приспособился к мрачной тишине, Пол смог слышать только стук стекающих со сталактитов капель.

Через несколько мгновений, когда он почувствовал уверенность, что опасность миновала и ни один камень больше не упадет, Пол вытолкнул себя из узкой трещины в стене пещеры и стал подсчитывать повреждения.

Он обратился к Алексу, будто бы влипшему в стену чуть в стороне: — Как дела?

Алекс отлепился от стены, потом снова прислонился, съехал по ней и уселся на пол. Его лицо, недавно выражавшее смертельный ужас, теперь было одновременно расслабленным и страдальческим. Он вздрогнул, когда попытался помассировать левую ногу прямо под коленом.

— Боже, — простонал он, — чертовски болит. — Он пробежался по конечности обеими руками. — Но, думаю, перелома нет. — Он пошевелил лопатками, поерзал на месте и выдохнул сквозь сжатые губы: — Если не считать ноги, то, видимо, у меня все о'кей.

Снова Пол услышал дробь камнепада, но в этот раз отдаленную. Он направил лампу в сторону третьего «пещерника» и увидел, что Конрад уже почти вылез из каменного крошева.

— Конрад, — позвал Пол. — Ты в порядке?

— Да... Кажется...

Карабкаясь через осыпающуюся кучу, Пол подобрался к другу и направил свет прямо ему в лицо.

— А лично мне кажется, что нет. У тебя весь лоб в кровище. — И крикнул через плечо: — Алекс, там аптечка в рюкзаке со снаряжением. Если можешь ходить, достань, а?

— Сейчас, секундочку, — отозвался Алекс.

Пол снял с Конрада каску, и луч лазерного диодного фонаря осветил арийские светлые волосы с темно-алым пятном.

— Вот черт! — выдохнул Пол.

— Боже! — воскликнул Алекс, и Пол повернулся на звук.

Алекс дергал лямку рюкзака, скрывающегося в камнях; лямка натянулась, другой ее конец исчезал в огромной куче каменюк.

— Погробен, — подытожил Алекс, — и даже если нам удастся его раскопать, там всё раздолбано!

— Черт возьми! — Пол сдернул перчатки и расстегнул молнию комбинезона. Он с трудом вытащил руки из плотных эластичных рукавов, снял хлопчатобумажную рубашку и передал Конраду. — Вот, прижми к голове.

Дрожа в прохладной сырости подземелья, Пол неуклюже застегнул молнию, надел перчатки и постарался побыстрее согреться. Он восстановил дыхание, забрал у Конрада рубашку и попытался, несмотря на громоздкие толстые перчатки, соорудить из нее что-то наподобие тюрбана. Он привязал ее к голове Конрада рукавами, критически осмотрел результат и кивнул:

— Вот так. Очко в пользу скаутской выучки.

Хотя часть импровизированной повязки покраснела, кровотечение почти остановилось, и Пол позволил себе с облегчением вздохнуть.

— Спасибо... м-м... — замялся Конрад. На миг его лицо исказила болезненная мука. — Спасибо, Пол.

— Что случилось? Тебе больно? — всполошился друг.

— Нет, я не потому. — Конрад отвел глаза в сторону, избегая прямого взгляда. — Я... м-м... просто на минутку забыл, как тебя зовут. — Он покачал головой. — И это меня немного пугает.

— Я бы на твоём месте не волновался по этому поводу. Возможно легкое сотрясение.

— Ну да... Сотрясение... — судя по голосу, Конрад успокоился.

— Надеюсь, у этой пещеры есть другой выход, — небрежно и как бы между прочим сказал подошедший Алекс.

— Нету, — ответил Пол. Его все еще беспокоило состояние Конрада.

— Ты уверен? — это звучало скорее как требование, чем вопрос.

— Я никогда ни в чем не уверен, — заявил Пол. — Я же занимаюсь квантовой теорией...

— Круто, мужик, это нам здорово поможет, — ехидно заметил Алекс. — Спасибо тебе, доктор Гейзенберг.

Пол повернулся вокруг себя, луч света сделал быстрый круг по стенам пещеры. Алекс говорил как обычно легкомысленно, несерьезно, но дрожь в голосе выдавала его.

— Всё ты виноват, — улыбнулся Пол. — Это нам за то, что опытные аспиранты-«пещерники» взяли с собой в поход новичка-студента.

— О нет! — воскликнул Алекс.

— Да ладно, шучу.

— Я не об этом, — Алекс указал в сторону входа: вместо светлого колодца, по которому они спустились в грот, перед ними возвышалась стена блестящих булыжников. — Нам никогда не пробиться сквозь эту кучу.

Пол вернул отвисшую челюсть на место и справился с приступом паники. Глава этой небольшой, но все же экспедиции, лидер маленькой, но группы, он должен излучать спокойствие и уверенность.

— Теоретически такое маловероятно.

— Боже! Они у нас теоретики! — простонал Алекс, качая головой и посылая дергающийся пучок света на стены пещеры.

— Давай выключим лампы, — предложил Пол, — и посмотрим по сторонам. Возможно, где-нибудь и увидим пробивающийся свет.

Пол и Алекс выключили фонари. У Конрада он и так не работал.

— Ни-че-го, — отчитался Алекс.

— Погоди, не включай, — сказал Пол, — пусть зрение адаптируется.

Пол пытался различить оттенки темноты, но тщетно. У него вдруг создалось впечатление, что он ослеп, а в кромешном мраке рядом с ним — никого. Он попытался уловить дыхание друзей, но не слышал ничего, кроме редких шлепков капающей на камень воды.

«Интересно, зачем мне все это?.. — думал Пол. И уже заранее знал ответ. Голова его — спасибо занятиям физикой — была загружена на все сто, но он считал, что столь же мощная встряска требуется и для его тела, этаким всплеск адреналина. — Да разве я когда-нибудь переживал хоть что-то подобное?! Боже, мне чертовски страшно!»

Казалось, прошла целая жизнь, а может, всего несколько секунд.

— Алекс! — позвал он.

— Чего?

— Ладно, включаем лампы. — Пол щелкнул переключателем и по-

чувствовал тепло, даже от холодного бело-голубого свечения лазерных диодов.

Но лампа Алекса оставалась темной.

— Проклятье! Теперь моя лампа сломалась, — возмутился Алекс. Он постучал по прикрученному к каске фонарю, затем отстегнул и снял шлем и несколько раз пощелкал переключателем. По-прежнему нет света. — Сомневаюсь, что наш турклуб когда-нибудь приобрел новое оборудование!..

Пол судорожно вздохнул. У них остался всего один источник света. Пол содрогнулся от мысленного образа тотальной тьмы. Повернувшись, чтобы посмотреть на Алекса, он отметил, что двигает головой медленно, будто удерживает на каске хрупкое сокровище. «Черт побери! Нам что, придется вернуться к карбидным лампам?»

Тем временем Конрад с отсутствующим видом вертел в руках свою каску. Вдруг его фонарь зажегся, и он удивленно воскликнул:

— Надо же!.. «И стал свет».

— Слава богу, — сказал Пол. Он еще раз внимательно изучил «захоронение» рюкзака с оборудованием, остро переживая потерю не только аптечки, но также совершенно необходимых резервных источников света. — Держите лампы включенными. Батарей хватит на неделю, так что если мы не переломаем все выключатели, то хотя бы свет у нас будет. И о питьевой воде можно не беспокоиться, потому что это «живая» пещера.

— Неделя, — выдохнул Алекс. Он нервно терзал переключатель мертвой лампы. — Как ты думаешь, сколько времени пройдет, прежде чем нас хватятся?

— Не знаю, — ответил Пол. — Когда ты брал ключ от ворот, что сказал владельцу клуба? Сколько мы будем лазать по пещерам?

Алекс перестал теребить выключатель, но ничего не ответил.

— Алекс! — позвал Пол.

— Никого дома не было, и я просто снял ключ с крючка.

— А записку оставил? — Пол говорил спокойно, стараясь, чтобы его голос звучал ровно.

— Когда он вернется домой, увидит, что ключа нет.

— Проклятье! — Конрад сидел, откинувшись к стене пещеры; его каска была надета на колено. Он повернул лампу, и пучок света уперся Алексу в лицо. — Чтoб вы знали, в данный момент парень отдыхает в Новой Зеландии. И... — Луч задрожал, и тень Алекса на противоположной стене грота тоже задержалась.

— Что с тобой? — спросил Пол.

— Я забыл, где находится Новая Зеландия.

Алекс озадаченно взглянул на него и произнес:

— Она возле Австралии... В любом случае кто-нибудь обязательно заметит фургон, не говоря уже о Квантуме.

— Я бы на это не рассчитывал, — сказал Пол. — По этой дороге ездит только владелец клуба, ну и мы, «пещерники». — Пол опустил взгляд на руки и усилием воли унял дрожь.

Конрад закрыл глаза и заговорил:

— Дорога проходит, грубо говоря, с севера на юг. Мы находимся на сорок первом градусе северной широты, а поводок пса позволит ему дотянуться до ручья. — Конрад несколько раз с силой шлепнул по полу, перчатка громко чавкала по мокрому слою грязи. — Значит, в это время года, принимая во внимание длину привязанного к машине поводка и движение солнца, Квантум всегда сможет найти прохладное местечко в тени джипа.

— Боже! — Алекс хлопнул по мокрой каменной стене. — Мы заперты в ловушке, отрезаны от мира, а все, что ты способен рассчитать, это удобно ли твоей собаке!

Конрад открыл глаза и злобно глянул на товарища.

— Это заняло у меня гораздо больше времени, чем должно было. — Он открыл рот, будто хотел что-то добавить, затем закусил губу, немного помолчал и вдруг выдал: — При отсутствии массы пространство не становится плоским, оно становится неопределенным, то есть вероятностным.

— Чего? — удивился Пол.

Алекс сморщил нос.

— Если нет массы, не требуется пространства, — пояснил Конрад.

Пол заметил, что у Конрада начала трястись рука.

— Какого черта ты там рассуждаешь?

— Но это верно, не так ли? — Конрад говорил без своей обычной самоуверенной убежденности.

— Ты в порядке? — забеспокоился Пол.

Конрад надел каску, ойкнул, поморщившись от боли, поправил головной убор, встал и заявил:

— Мне страшно, ребята. Я теряю память. Я почти чувствую, как она исчезает.

Алекс и Пол уставились на него.

— Мне надо постоянно тренировать память. — Конрад прислонился затылком к стене пещеры. — Мне надо постоянно разговаривать, говорить о разных вещах, о всяких физических материях...

— Помимо физики есть масса вещей, о которых мы вполне можем поговорить, — заметил Алекс.

— Я физик, — заявил Конрад. — И больше никто и ничто.

Пол, несмотря на свое состояние, рассмеялся:

— Да пошел ты, Конрад! Тебе не кажется, что ты несколько преувеличиваешь?

— Нет, — Конрад рассеянно посмотрел в черноту пещеры и тихо сказал: — Я из бедной семьи.

Он повернулся и посмотрел прямо на Пола. Выражение его лица не было обычной смесью напускной холодной сдержанности и глубокой сосредоточенности. Пол видел, что лицо Конрада отражало настоящее глубокое страдание. А его глаза, наполненные блестящими в луче слезами, светились, словно маленькие голубые велосипедные рефлекторы.

— Все, что у меня есть, это мои знания и способность хорошо думать. — Конрад провел рукой по щеке, оставляя мазок грязи у носа. — Я не курю, не пью. Я не делаю ничего, что могло бы повредить моему мозгу. И вот теперь это... — Он подошел и сел напротив Алекса и Пола. — Пожалуйста. Я просто не знаю, что еще можно предпринять.

— Ладно, — согласился Пол, — все равно нам только и остается, что сидеть и ждать.

Пол вдруг понял: он не хочет быть старшим в группе, ведь тогда ему не придется скрывать свой страх.

— Мы можем поискать другой выход, — предложил Алекс. — Ведь существует вероятность, что таковой имеется.

— Вполне, — голос Конрада обрел свое обычное спокойствие, выдавали его только глаза.

Конрад всегда отличался цепкой, практически идеальной памятью, и Пол за него очень переживал.

— Конрад, — сказал он с притворным спокойствием, — мы с тобой не раз спускались в эту пещеру. Это простая пещера. Мы никогда не видели даже намека на другой выход.

— Вот видишь! Я все забываю! Я теряю память! — воскликнул Конрад. Его резкий, раздраженный голос многократным эхом прокатился от стены к стене. Он подскочил и ударил по стене кулаком. — Итак, в случае эксперимента с двумя щелевыми каналами, — заговорил он, призывая на выручку все свое самообладание, — даже когда происходит наблюдение за каналом, по которому проходит частица, фактор вмешательства не проявляется, если измерение не сохраняется в памяти.

— Что? — удивился Алекс. — Это неверно. Любое наблюдение за каналом, через который проходит электрон, является вмешательством и разрушает систему.

Пол улыбнулся. Он не знал, насколько полезным или целебным

был этот разговор для Конрада, но уж точно отвлек Алекса от сиюминутных проблем.

— Это официальная точка зрения, — пояснил Конрад, — но она неверна. Смотри. Электрон заряжен. Эта частица имеет поле, и когда она проходит по каналу, атомы, составляющие его стенки, ощущают эффект поля. Следовательно, атомы производят наблюдение. Но не «запоминают» его результат. Это вопрос памяти... — голос Конрада дрогнул, — памяти...

— Все правильно, Конрад, — попытался отвлечь мысли друга Пол. — Я не так уж уверен насчет другого выхода.

— Да здравствует принцип неопределенности и все неуверенные люди вместе взятые! — проскандировал Алекс. — Может быть, им повезет увидеть доктора Гейзенберга!

Пол испепелил студента взглядом и повернулся к Конраду, а тот уже удалялся в глубь пещеры своей обычной легкой походкой.

— Конрад, погоди. — Пол быстро поднялся на ноги. Алекс тоже встал.

Конрад остановился и оглянулся. Пол знал, что его друзья очень нуждаются в поддержке, особенно Конрад, и старался хоть чуть-чуть поднять им настроение.

— Итак, ты утверждаешь, что наблюдение разрушает систему только в том случае, если оно зафиксировано и передано остальному миру.

— Истинно так. И этот аргумент верен также в парадоксе кошки Шрёдингера.

— Чепуха, — махнул рукой Алекс, — память не физическое понятие.

Пол подавил острое желание хорошенько пнуть Алекса в голень.

— Ладно, возьмем триггер*, пусковую схему «туда-сюда», — сказал Конрад. — Представь, что образуется задвижка, когда атомы стенок канала обнаруживают электрон.

— «Туда-сюда» тоже не физическое понятие, — заметил Алекс.

Пол лениво, просто на всякий случай, попытался вспомнить, какую из своих голеней повредил Алекс.

Конрад повернулся и потопал по направлению к ответвляющемуся проходу, смутно видневшемуся в дальней стене. Пол, вопреки ситуации и своему состоянию, не мог не думать о физике. Он последовал за Конрадом. Алекс плелся рядом.

— Все верно, — сказал Конрад, — забудь о триггере. Думай лучше об обращении времени.

** Элемент, который может находиться в одном из двух устойчивых состояний, обеспечиваемых обратными связями, причем изменение состояния называется входным сигналом. (Здесь и далее прим. перев.)*

Пол остановился.

— Погоди. Ты говоришь, что если обратишь эксперимент назад по стреле времени, при том, что обращение времени имеет смысл, тогда это не будет наблюдением?

— Да, — Конрад двинулся дальше. — Я так думаю. Я думаю, что я так думаю. Если нет направления времени, тогда... — Конрад ускорил шаг.

— Куда ты пошел? — спросил Алекс.

— Искать другой выход.

— Иди сюда, Конрад, давай посидим, — предложил Пол. — Ну, силы побережем, и все такое. Мы вполне можем говорить о физике. — Он шлепнулся на сглаженную вершину известкового образования и обратил внимание, что его друзья вернулись и подошли поближе. Алекс уселся неподалеку, а беспокойный Конрад продолжал бродить по пещере.

— Эй, Конрад, сядь, — сказал Алекс. — Я думал, ты хотел поговорить о физике.

Конрад на миг остановился, начал было задумчиво поворачиваться, затем замер и снова направился к дальней стене пещеры.

— Да, — согласился он, — хотел. Но я забываю основы. Я помню все определения, что о чем говорится, но не помню, почему это именно так.

— Пожалуйста, Конрад, — обратился к нему Алекс, — я бы хотел спросить тебя о кое-каких материях, которые мне ужасно интересны.

Пол снова почувствовал уважение к физику-второкурснику — он и вправду пытался помочь.

— Послушай, — продолжал Алекс. — Когда доходит до дела, я не понимаю даже магнетизма. Как магнитное поле может проходить сквозь вакуум? Ведь тогда он перестает быть вакуумом.

Конрад остановился и посмотрел назад:

— Мир сложнее, чем кажется.

— Вот не надо мне этого! — вспыхнул Алекс. — Просто красивые слова, означающие «я и сам этого не понимаю».

— Я это понимаю, — вздохнул Конрад. — То есть до последнего времени понимал. — Он отвернулся и пошел дальше.

— Посиди с нами, — настаивал Пол. — Это всё из-за сотрясения...

— Может быть. — Конрад зашагал быстрее. — Но я не хочу, чтобы вы наблюдали, как я превращаюсь в идиота! Я не хочу, чтобы вы видели во мне несостоятельного физика!

Алекс начал подниматься, но Пол махнул ему рукой, призывая ос-

таваться на месте. Они оба смотрели, как Конрад скрылся в темноте, и луч его фонаря метался по стене при каждом шаге.

— Ты не должен был его отпускать, — сказал Алекс, когда отблески фонаря Конрада исчезли.

— Ну и как бы ты остановил его? Он абсолютно не тот человек, которому можно приказывать. — Пол сжал кулак. — А я не собираюсь унижать своего друга.

Алекс вздохнул и взглянул на Пола.

— Я догадался. Но сейчас его процессор функционирует только на накопление информации, и наш физик может заблудиться.

Пол пристально вгляделся в дальнюю стену, слишком далекую, чтобы луч шахтерской лампы мог выхватить ее из темноты.

— Это пещера простая — обычная линейная геометрия.

Он поднял ноги повыше на известняковое отложение, как на скамеечку, согнул колени, вытянулся вперед и обхватил их руками. Пол сконцентрировал взгляд на нервно дрожащем ярком кружочке света на ботинке.

— Но о чем я действительно сейчас беспокоюсь, так это о том, что у нас осталась одна лампа.

— Что делать будем? — спросил Алекс, его голос будто бы отражал паническое дрожание лучика на ботинке Пола.

— Ничего. Тупо сидеть.

— Я не могу, — Алекс повертел головой, высматривая что-то по сторонам, будто действительно мог видеть в темноте. — У меня навязчивое ощущение, что пещера сейчас обрушится и раздавит меня.

Пол выдавил усмешку:

— Клаустрофобия. Это твоя первая пещера. Нормально.

— Ага. Большое спасибо. — Алекс вскочил на ноги и сделал пару шагов вперед, а потом оглянулся: — Я в состоянии справиться с клаустрофобией. — Он снова тяжело опустился на камень. — Но я не могу не думать, что будет, если и твоя лампа погаснет.

— Да уж. — Пол на минутку закрыл глаза. — Меня это тоже беспокоит. — Он медленно поднялся на ноги. — Ладно, нам придется найти Конрада. До этого момента я и не представлял, как скучаю по его во всех смыслах светлой голове.

Алекс приостановился, и Пол возглавил марш в сторону ответвления.

— Кстати, — сказал он, — ты совершенно прав. Тут больше и заняться-то нечем.

Алекс заглянул в трещину и, видимо, пораженный какой-то запоздалой мыслью, отпрянул:

— Этот шкурник* тесный... Что если мы застрянем?

— Через пару метров он расширяется, зато потом там лаз, эдакая каменная червоточинка, придется чуюток поползать. — Пол боком протиснулся в трещину. — А секрет лаза в том, чтобы держать руки по швам и по дюйму двигаться вперед, переступая и отталкиваясь пальцами ног.

— Не уверен, что мне это понравится, — заметил Алекс, когда полез следом.

— погоди, вот увидишь, что там, в конце... — Пол поморщился: этого не следовало говорить.

Шкурник кончился почти круглым, но очень маленьким лазом на уровне земли. Пол улегся на грязные камни.

— Итак, что я могу сказать об этой червоточине... — начал он, извиваясь и заползая в отверстие.

— Надеюсь, она не приведет нас в другую вселенную, — пробурчал сзади Алекс. — Знаешь, это еще один кошмар. А если мы застрянем?

— Непохоже... Хотя, если я застряну, ты подползешь ко мне поближе и я смогу оттолкнуться от твоей каски.

— А если застряну я?

— Ты — тоньше — меня, — теперь Пол говорил хрипло и отрывисто, задыхаясь от напряжения. — Ну да — это тебе — не туннель Линкольна**. В любом случае — если ты — можешь — дышать — полной грудью — то будь — уверен — ты — не застрял.

Он по дюйму продвигался дальше и дальше, зарываясь носками ботинок в каменное крошево и толкая себя вперед:

— Только — когда коридор — становится — таким узким — что едва дышишь — значит — дело дрянь — и дальше — опасно... Трудно — говорить — в этих дырах... Чувствуешь — что ты тут — один.

— Мне это не нравится, — снова пожаловался Алекс.

— Да ты молодец, — прохрипел Пол, — мы сейчас — в самом узком — месте — а ты — всё болтаешь.

Червоточина кончилась в огромном зале. Пол и Алекс выбрались наружу и поднялись на ноги.

Поворачивая лампу из стороны в сторону и как бы отодвигая тьму, Пол смотрел на необычные полупрозрачные колонны, бледно-зеленые

* Шкурник, шкуродер — очень узкое место в расщелине (спелеол. сленг).

** Платный автомобильный шестиполосный туннель под рекой Хадсон в Нью-Йорке, длиной в 2506 м, шириной 6,55 м и высотой 3,96 м; соединяет центральный Манхэттен со штатом Нью-Джерси. Построен в 1937—1957 гг.

и розоватые: кальцитовые пещерные отложения толщиной около двух метров. Вода сочилась с потолка, искрясь в подвижном ярком луче. Словно огромные ледяные сосульки, свисали со сводов сталактиты, их цвета варьировались от молочно-белого до светло-зеленого и бледно-голубого, с редкими брызгами розовых вкраплений. Влажно блестящие стены, вертикально изрезанные водой, обнажали многочисленные напластования, как бы отслеживая тысячелетнюю историю пещеры.

— Мило, не правда ли? — спросил Пол.

— Ага... — Алекс тарашил глаза с глупым видом обалдевшего туриста. Потом он вытер лоб рукой в перчатке, оставив на бровях больше грязи, чем стер. — Но, я думаю, было бы гораздо милее, по крайней мере для меня, если бы исчезло ощущение, что придется глазеть на это всю оставшуюся жизнь.

Пол хихикнул, хотя и несколько напряженно.

— Да черт с ним, Пол, — Алекс стукнул кулаком по стене пещеры. — Ты что, совсем ничего не боишься?

— Я стараюсь не поддаваться страху. К тому же что толку? — Пол испытал минутное удовлетворение. Он смог обмануть Алекса — замаскировал свою панику.

Алекс пожал плечами и покачал головой.

— Я тоже страшно дрейфил, когда залез в пещеру в самый первый раз, — признался Пол. — Я запаниковал и, боюсь, выглядел полным придурком.

— Ну, это совсем не то, чего боюсь я.

— Знаю.

Алекс с отсутствующим видом отломил маленький сталактит и покрутил его в руках.

— Не делай так, — попросил Пол. — Надо сохранить пещеру для следующих посетителей.

Алекс рассмеялся, его голос эхом отразился от стен и сводов огромного зала:

— Ага, для следующих!

— С нами все будет в порядке, — снова попытался успокоить приятеля Пол. — Возможно, нам придется немного тут поболтаться, но все закончится хорошо. — Он указал в дальний конец зала: — Пойдем туда, найдем Конрада.

Две расположенные рядом щели пронизывали дальнюю стену. Пол стоял в паре метров и молча смотрел на них.

— Ты пытаешься угадать, каким путем пошел Конрад? — спросил Алекс.

— Это не важно. — Пол покачал головой. — Оба шкурника ведут

в один и тот же зал. Я думал как раз о том, что перемещение Конрада похоже на эксперимент с двумя щелевыми каналами.

Алекс усмехнулся:

— Ага. Если Конрад действительно потерял память, тогда, по его же теории, он мог воспользоваться обоими путями одновременно.

Пол продолжал разглядывать трещины.

— Шучу, — пояснил Алекс. — Пол, пожалуйста, скажи: «Я знаю, что это шутка».

— Да, я знаю, что это шутка. Я не верю, что он пошел обоими путями одновременно. — Пол на секунду замер. — Но...

— Что «но»? — Алекс широко распахнул глаза. — Боже, только не говори мне, что ты тоже теряешь память!

— Я как раз думал... — Пол почесал нос и посмотрел на разломы в каменной стене. — Ведь мы находимся в том же положении, что и кошка Шрёдингера.

Алекс поднял глаза к потолку:

— Точно, ты тоже сходишь с ума.

— Парадокс кошки Шрёдингера в том, что она не жива и не мертва, пока кто-нибудь не откроет крышку ящика, то есть не произведет наблюдение.

— Я думал, там все гораздо серьезнее, — протянул Алекс, — линейные суперпозиции состояний, квантовые события и всякое такое.

— Квантовые события происходят постоянно, — пояснил Пол, — кошку делает особенной то, что она сидит в ящике и отрезана от остального мира.

— Не знаю, зачем я пытаюсь тебя взбодрить, — вздохнул Алекс. — Так ты говоришь, что мы не живы и не мертвы?

— Только умозрительно, — поправил Пол. — В интерпретации квантовой многомерности изолированность означает, что мы не находимся ни в одном из миров.

— Ты хочешь сказать, что мы — кошка?

— Просто подумал. — Пол пожал плечами. — Конрад верит, что только память или наблюдение как действие удерживают систему в одном мире.

— Я знаю, в каком мире живу, — заявил Алекс, — я все помню.

— Это да, — сказал Пол, — но, возможно, Конрад не знает. Возможно, сейчас многочисленные Конрады мечутся среди многочисленных миров. — Пол пнул мелкий камешек, легким ударом освобождая его от сантиметрового слоя грязи. — Но как только наши волновые функции вступают во взаимодействие, мы с большой вероятностью удерживаем нашего Конрада в нашей же Вселенной.

— Ладно-ладно, — сказал Алекс. — Хватит, а то я уже тупить начинаю. Пойдем искать нашего Конрада. — Он подошел к левой трещине и дал дорогу старшему товарищу, ведь только у него была лампа.

Пол торопливо скользнул боком в расщелину:

— А в этом шкурничке попросторней будет.

Алекс последовал за ним, ворча:

— Просторней? Я бы чувствовал себя лучше, если бы мог просто прямо ходить, попеременно переставляя левую и правую ноги... Ай! — вдруг вскрикнул он. — Что-то пролетело возле моей головы!

— Наверное, летучая мышь. — Пол крутанул головой и стукнулся каской о стену. Его лампа погасла. — Черт! — Он несколько раз шелкнул переключателем, но лампа осталась темной. — Черт побери!

— Что случилось? — всполошился Алекс.

— Шарахнул лампой об стену, и она погасла.

— Это я вижу, — голос Алекса сочетал сарказм и нервозность. — Включи же ее!

— Пытаюсь! — Пол дергал рычажок вперед и назад, вверх и вниз.

— Пол!

— Что?

— Я тебя не слышу. И не вижу.

Пол, все еще занятый переключателем, не ответил.

— Это тоже кошмар какой-то, — сказал Алекс.

Пол на ощупь попытался отсоединить лампу.

— Пол! — позвал Алекс с дрожью в голосе. — Ты здесь?

— Конечно. Где мне еще быть?

— Тебе что, ни капельки не страшно?

— Блин! — вспыхнул Пол. — Ну да! Я не дрожу от страха. — Он отсоединил лампу, но уронил батарею, и даже если бы мог ее увидеть, у него не хватило бы места наклониться и поднять ее. «Черт бы ее побрал!»

— Пол!

— Что?! — Пол обратил свою злость и раздражение с лампы на Алекса. — Пойми, мы не можем всю жизнь играть в Марко Поло*!

— А хорошая идея, — обрадовался Алекс. — Ты же не будешь возражать? Мне как-то очень не по себе становится, если я не обнаруживаю твоего присутствия. Давай, если я скажу «Марко», ты ответишь «Поло». И я тебе буду отвечать. Ну пожалуйста, сделай мне приятное, ладно?

Пол в темноте пожал плечами, прошуршав по стенам расщелины:

— Ладно. Поло.

— Спасибо.

* *Детская игра наподобие салочек, обычно на воде.*

— А что, разве ты не слышишь моего дыхания? — удивился Пол.

— Да слышу, и как ты ползешь по камням, тоже слышу, но... это...

— Но — что?

— Но когда что-то большое ползет и дышит... — Алекс натужно хмыкнул, видимо, не находя в этом ничего забавного. — Я же не могу быть точно уверен, что это именно ты.

Пол покачал головой, снова привинчивая теперь уже совершенно бесполезную лампу, и надел каску.

— Что теперь будем делать? — спросил Алекс.

— Пойдем дальше. Нам надо выбраться из этого шкурника и найти Конрада, причем побыстрее. — Он начал протискиваться по разлому. — Если Конрад примется нас искать и пойдет обратно по другому коридору, наше дело действительно дрянь.

Пол, несмотря на весь свой спелеологический опыт, вдруг почувствовал, что стены медленно перемещаются, сдвигаются вокруг него. Он сморщился в темноте; после стольких походов в пещеры только теперь он осознал, как ненавидит резкий и раздражающий запах влажного известняка.

Ударяясь коленками и выворачивая на ходу лодыжки, Пол рванулся вперед.

— Марко!

— Поло, — откликнулся Пол, странно успокоившись при звуке знакомого голоса.

Примерно через минуту энергичного и упорного продвижения в расщелине Пол позвал:

— Алекс, ты здесь?

— Конечно. Где мне еще быть? — студент повторил недавние слова приятеля с изрядной долей сарказма.

— Я только хотел убедиться, что с тобой все в порядке, — пояснил Пол.

— Нет, ты просто слишком гордый, чтобы сказать «Марко».

— Ладно-ладно...

— Пол!

— Что?

— Как ты думаешь, Конрад прав, когда утверждает, что при отсутствии массы пространство становится неопределенным?

— Да, возможно. — «Интересно, это вариант «Марко Поло», или он и вправду так увлекся квантовой физикой».

— Даже если Эйнштейн говорит, что оно становится плоским?

Пол усмехнулся:

— Эйнштейн не верил в квантовую механику.

— А как насчет множественности миров? Такое действительно возможно?

— Теория реально существует. Говорят, что фактически мы постоянно блуждаем между параллельными вселенными, но никто этого не замечает, поскольку все миры чрезвычайно похожи.

— Но Конрад думает, что без памяти, которая удерживает людей, нас может занести в совершенно иную вселенную.

— Спроси об этом Конрада. — Пол рванулся вперед и неожиданно вывалился из трещины. — Осторожно, Алекс, — предупредил он. — Тут шкурник кончается. Я сейчас нахожусь в огромном зале.

— Ага, — откликнулся Алекс, — я понял по звуку.

Пол услышал, как студент выполз из стены, осторожно хрустнули мелкие камешки под его ногой, и резкий стук ботинка споткнувшегося и удержавшегося на ногах человека.

— Ты в порядке?

— Ага. Что теперь?.. О Боже!

— Что случилось?

— Посмотри внимательно туда, в дальний конец, — взволнованно проговорил Алекс. — Боже, я даже не могу точно описать, куда смотреть в этой проклятой черноте!

— Ты о чем? Непохоже, чтобы тут вообще хоть что-нибудь можно было разглядеть.

— Но вон же! — Алекс даже взвизгнул от волнения. — В конце концов, мне так кажется.

Пол быстро оглядел окружающий его непроглядный мрак:

— Вероятно, это просто эффект темноты, когда мозг пытается восполнить недостаток света.

— А, — мрачно откликнулся удрученный студент. Примерно с полминуты оба молчали, но потом Алекс снова предложил: — Пол, все-таки попробуй увидеть. Кажется, оно по-настоящему...

Пол попробовал.

— Ну? — сказал Алекс.

— Возможно, но я уверен, что это ментальный глюк...

В этот момент Пол почувствовал, что по его спине скользит рука, и возмутился:

— Эй, ты чего?!

— Я хочу показать твоей рукой туда, где находится мой глюк, — пояснил Алекс.

Пол позволил направить свою руку и вслед за этим разинул рот. Его рука указывала примерно на 20 градусов вверх и в направлении, где темнота казалась не столь густой.

— Ну? — повторил Алекс.

— Хочется верить... — вздохнул Пол. — Ну давай пойдем посмотрим. Но не слишком надейся. Это может быть свечение самой пещеры. Никогда здесь такого не видел, но я раньше как-то и не оставался в такой крошечной тьме. — Пол поспешил вперед, насколько позволял мрак.

— Марко! — позвал Алекс сзади.

— Поло!.. Ой!

— Что случилось?

— Я впечатался в стену. Господи! Свет настоящий, и он идет из бокового коридора. Может, это Конрад. — Он подождал, пока Алекс врежется в его спину, и позвал: — Конрад! Мы здесь! — а потом сказал Алексу: — Пойдем встретим его. Еще никогда меня так не тянуло к обычному белому свету.

— Конрад! — крикнул Алекс сзади.

Они стали медленно пробираться в сторону манящего света.

— Почему он не отвечает? — спросил Алекс.

— И почему он не движется? — забеспокоился Пол. — Я надеюсь, он не потерял сознание.

И тут они услышали отдаленный зов:

— Пол, Алекс, сюда!

Пол повернул голову градусов на тридцать левее направления движения и чуть ниже. И здесь, слава богу, он увидел другой, мерцающий свет. Он остановился, и Алекс снова врезался в него.

— Если это Конрад, — сделал вывод Алекс, — тогда вон тот свет идет от другого входа.

Пол крикнул:

— Конрад, мы идем!

— Нет, оставайтесь на месте, — долетел до них командирский голос Конрада, самоуверенный, как обычно. — Я сейчас подойду и отведу вас к выходу.

— Ладно, — крикнул в ответ Пол. Затем очень тихо, почти выдохнул: — Я не могу поверить, что тут и правда есть еще один выход.

Алекс облегченно засмеялся:

— И благодаря этому выходу мы живы!

— А знаешь, — неуверенно произнес Пол, — может, и нет. Возможно, тут есть выход только потому, что мы живы.

— Не понял, о чем ты.

— Да ладно, — махнул рукой Пол, когда Конрад подошел ближе. — Я и сам не понял. Какая-то ерунда о множественности миров.

— Лампа погасла? — спросил подошедший Конрад.

— Ага, — кивнул Алекс. — Дружище, как же мы рады тебя видеть! Именно рады и именно видеть!

Конрад усмехнулся:

— Пойдемте. Давайте поскорее выбираться отсюда. Тебе-то уж точно на первый раз пещерного бытия хватит. — Он повернулся к Полу: — Ко мне вернулась память, думаю, что полностью.

— Великолепно, — обрадовался Пол, дружески хлопнув Конрада по спине. — А то сотрясения бывают очень серьезные...

Пол знал, что его веселость отчасти была наигранной; он, конечно, радовался счастливому избавлению, но не мог отбросить ощущения, что каким-то образом его здравый ум дал маху, твердая память слегка размякла, а крыша чуток съехала.

— Кстати, — он с напускной небрежностью продолжил разговор, — как ты нашел выход?

— Он оказался там же, где всегда. Я несколько удивлен, что ты этого не помнишь. — Конрад повернулся и зашагал по направлению к рассеянному свету вдалеке.

Алекс побежал за ним, предоставив Полу завершать процессию.

И правда, метров через тридцать они повернули в изгибе коридора и увидели лучи полуденного солнца, пробивающиеся сквозь плотную зеленую массу. Длинные ветки густых кустов переплетались с какими-то ползучими растениями и были украшены устрашающего вида шипами.

— Не самый лучший выход, — сказал Конрад, — зато функционирует.

Алекс опустил голову и бросился вперед, пробивая каской, как шитом, спутанную завесу колючей зелени. Шипы впивались в его высокотехнологичный микроволоконный комбинезон, но казалось, он этого даже не замечал.

Пол, воспользовавшись расчищенной Алексом «просекой», быстро шмыгнул следом.

Пока Конрад более осторожно пробирался на волю, Пол попытался определиться на местности. Шурясь от головокружительной яркости выбеленного солнцем неба, он осмотрел территорию; «пещерники» находились не слишком далеко от основного входа. Пол стоял и согрелся душой, наслаждался покоем родных пейзажей — зеленые, освещенные солнцем, скалистые холмы нью-йоркских окраин. Он смотрел на машину Конрада, припаркованную чуть в стороне от дороги, и видел даже резиновую крысу — украшение приборной панели. И привязанного за поводок к ручке дверцы Квантума, бельгийскую овчарку. Собака спала, вытянувшись в тени машины.

— Ладно, пошли домой, — сказал Конрад и легко потрусил к внедорожнику.

— Извини, я вел себя там, как дитё малое, — покаялся Алекс, остановившись возле Пола.

— Ничего, — поддержал его Пол. — Многие, первый раз спустившись в пещеру, чувствуют себя очень уязвимыми, беспомощными, как дети. Да и вообще, мы же физики. Нам и положено вести себя по-детски.

Пол, шагом направившийся вслед за Конрадом, останавливался каждый раз, чтобы приклепнуть комара. После часов, проведенных в пятнадцатиградусной прохладе пещеры, летняя жара подавляла, шерстяной костюм под комбинезоном насквозь пропитался потом.

Пол и Алекс подошли к машине. Квантум, радостно прыгавший вокруг хозяина и облизывавший его грязное лицо, оскалил зубы и зарычал.

— Эй, — Конрад опустился на колени перед собакой, — Квант, малыш. Это же старые друзья, — он посмотрел через плечо. — Не знаете, что в него вселилось? Вероятно, он считает вас виновными в том, что сидел тут на привязи все это время. — Конрад встал. — Или он догадался, что мы возьем его к «Квантовому механику».

— К ветеринару, что ли? — спросил Алекс.

— Ребята, может, вы сядете сзади, а Квантум впереди, со мной.

— Да, конечно, — кивнул Пол. Он взглянул на импровизированную повязку на голове Конрада: — Тебе тоже небольшой ремонт не помешал бы...

— Да нет, я в порядке. — Конрад осторожно потрогал раненую голову. — Ну, может, если я гавкну пару раз, то ветеринар и меня осмолит, как только закончит с Квантом.

Три «пещерника» выбрались из заляпанных грязью комбинезонов, вытерли лица и завернули то небольшое имущество, что у них осталось, в шерстяные спортивные костюмы.

— Плохо, что мы потеряли всё наше оборудование, — сказал Конрад.

— Хорошо, что мы не потеряли все наши жизни, — заявил Алекс.

Пока Конрад отвязывал поводок Квантума от ручки задней двери, Пол набирал код на замке машины. Но дверь не открылась.

— Эй, Конрад, ты поменял код?

— Нет. То же число «пи» до пятого знака.

— Я набираю 31415 — и не работает, — сказал Пол.

— Надо 31416. Округленно.

— Но ты всегда отбрасывал остальные цифры.

— Да никогда! — Конрад потянулся и набрал комбинацию. — Видимо, ползание по пещере повлияло на тебя больше, чем ты думаешь.

— Возможно...

Дверь открылась. Конрад плюхнулся на место водителя. Квантум запрыгнул через него и устроился на переднем пассажирском сиденье. Пол и Алекс разместились сзади.

Конрад включил зажигание. Из-за шума мотора трудно было разговаривать. Во время езды Пол глядел в окно и не мог стряхнуть ощущение, что видит знакомые декорации в ином ракурсе.

— Ну, Алекс, — Конрад попытался перекричать шум двигателя. — Как тебе первый поход в подземелье? Узнал что-нибудь новенькое?

Алекс засмеялся:

— Да, кучу физических понятий.

— Типа чего?

— Вот, например, — громко ответил Алекс, — при отсутствии масс пространство становится неопределенным.

— Что? — Конрад взглянул в зеркало заднего вида. — Это чушь! Пространство становится плоским.

Алекс и Пол переглянулись.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Пол у отражения в зеркале.

— Эйнштейн был убежден в этом, а после лекции Феликсахагена на прошлой неделе и я тоже, — Конрад покачал головой. — Знаешь, парень, этот Феликсахаген — настоящий спец. — Он в упор посмотрел на Пола. — Похоже, ты только что включился. Что думаешь по этому поводу?

— Черт побери, ты о чем? — Пол говорил гораздо громче, чем требовалось. — И кто этот чертов Феликсахаген?! — Он диким взглядом смотрел в зеркало. На удивленном лице Конрада было написано явное беспокойство.

— Интересные дела, — сказал Конрад, — кажется, теперь ты утратил память.

Алекс наклонился и прошептал Полу в самое ухо:

— Тут что-то не так. Меня это пугает.

— Да, кажется, меня тоже.

Квантум резко повернул голову назад и грозно зарычал.

— А Квант, — выдохнул Пол, — похоже, не любит кошек.

Перевела с английского
Татьяна МУРИНА

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ ГАДКИХ ЛЕБЕДЕЙ!

Каждая новая экранизация братьев Стругацких неизбежно привлекает к себе внимание публики. Многие ждут, когда же наконец завершит свой «кинодолгострой» Алексей Герман, снимающий «Трудно быть богом»; тем временем уже вышли «Гадкие лебеди» Константина Лопушанского. Его лента получилась противоречивой, провоцирующей на споры, и наш автор уверен, что это совсем неплохо...

Как известно, безупречных экранизаций не бывает. Литературное произведение невозможно без искажений перенести на экран просто потому, что язык литературы и язык кино совершенно различны. И странно было бы рассчитывать, что экранизация повести Аркадия и Бориса Стругацких «Гадкие лебеди» (это, собственно, одна из «половинок» романа «Хромая судьба», но издавалась она и самостоятельно) окажется чем-то иным, нежели субъективной трактовкой сценариста Вячеслава Рыбакова и режиссера Константина Лопушанского. Дело тут не в чрезмерной «креативности» этих людей — просто сам материал, в большой степени состоящий из философских бесед и моноло-

гов, требовал серьезной переработки по части сюжета.

А экранизировать повесть, конечно, было крайне соблазнительно: перемены, произошедшие в России в последние 15 лет, любопытным образом актуализировали канонический для любителей фантастики текст. Реалии условно-европейской страны, придуманной Стругацкими, стали весьма напоминать то, что мы видим за окном: ссыскались у нас и разгульно-продажные депутаты, и фашиствующие молодчики, и многомудрый господин президент, и безликая масса обывателей, живущих вроде бы только для того, чтобы смотреть отупляющие телешоу. Конечно, на самом деле Стругацкие писали и о СССР тоже — при желании лег-

ко можно было провести соответствующие параллели. Но сейчас-то и параллели проводить незачем, стилистика эпохи почти полностью совпала с плодом писательской фантазии, «погоды стоят предсказанные»...

И вот фильм снят и вышел на экраны. И оказалось, что он весьма неоднозначен, причем извлекаемые из него смыслы прямо противоречат друг другу. К счастью, читатели «Если» имели возможность ознакомиться с беседой режиссера и сценариста (см. № 9 за 2006 год). Эта беседа действительно проливает свет на причину такой неоднозначности. Коротко говоря, Вячеслав Рыбаков пытался полемизировать с пафосом исходной повести, пытался поставить под сомнение «прогрессивность» мокрецов (людей с измененной генетикой, выступающих в «Гадких лебедях» в роли архитекторов будущего) и отыскать способ преодолеть трагический разлад поколений. А Константин Лопушанский, напротив, пафос неприятия нынешней цивилизации полностью разделил и пошел еще дальше — постарался своим фильмом отвесить этой цивилизации «пощечину». Скрытый диспут сценариста и режиссера очень ярко отразился в последней сцене — когда герой фильма, писатель Виктор Банев, приходит в больничную палату к своей дочери, которую — вмес-

те с другими вундеркиндами, воспитанниками мокрецов, — он умудрился спасти от осуществлявших зачистку местности военных и которую вырвал из лап медиков, стремившихся «заглушить» открывшиеся в ней способности. Если бы девочка вскочила навстречу отцу — победил бы сценарист, фильм стал бы аргументом в пользу его взглядов. Но дочь писателя устремилась к пыльному окну рисовать на нем звездное небо — и мы понимаем, что способности-то при ней остались, но до отца ей по-прежнему дела нет, а значит, все так же безысходно, как и раньше.

О чем, собственно, повесть Стругацких? Не только о мерзостях, присущих современному человечеству, не только о том, что «будущее создается тобой, но не для тебя» и к тому же наступает совершенно неожиданно. «Гадкие лебеди» написаны в полном соответствии с заветами утопистов, с воззрениями Томаса Мора и Ивана Ефремова, считавших, что для создания более совершенного общества нужно разрушить традиционную семью, разлучить родителей и детей, а дело воспитания доверить профессионалам. В то же время Банев (а вместе с ним и авторы) отлично видит трагизм этой ситуации, сознает, что человек, изменивший свою жизнь столь радикально, уже не вполне является человеком, — видит и сознает, но встать на пути «прогрес-

са» не осмеливается! Стругацкие намеренно осложняют ему выбор, ведь их мокрецы неагрессивны, постоянно декларируют желание строить новое, не разрушая старого. В фильме все проще: мокрецы с самого начала предстают в виде опасной секты, «обрабатывающей» школьников, у которых нет взаимопонимания с родителями. Мокрецы Рыбакова—Лопушанского окружили свой город энергетическим барьером, убивающим нежеланных посетителей. Это сразу настраивает зрителя на определенный лад: ОНИ ничуть не лучше нас, хотя куда больше знают и умеют. Не лучше — потому что не добрее...

В таких мокрецах недолго и разочароваться, особенно после того, как они решают не просто погибнуть (армия собирается применить против них химическое оружие), но погибнуть вместе со своими воспитанниками. Однако, как уже говорилось, режиссеру относительно счастливый финал был не нужен — он предпочел ему несколько банальных инвектив в адрес сильных мира сего... Вообще, заметно, что Лопушанского куда сильнее интересует возможность выстроить интересный кадр, чем сценарные нюансы. Вот и появляются в картине «нестреляющие ружья» — вроде визита к загадочному карлику, который так ничего конкретного о мокрецах и не рассказывает (это, представьте

себе, профессор Пильман, перебранный сюда из «Пикника на обочине»), или проживания Банева в заброшенной библиотеке, где опять же ничего интересного не отыскивается. С другой стороны, некоторые кадры действительно очень красивы. Трудно забыть лесной пожар, плавание катера по затонувшему городу... Любители кино без труда отыщут в этом фильме «рифмы» к «Сталкеру» Тарковского: там герой на машине прорывался в запретную зону, сбивая шлагбаум, — и здесь он занимается тем же; там в конце показали девочку, тренирующую свои сверхспособности, — и здесь то же самое... А что же вы хотели — в эпоху постмодерна живем!

И все-таки на фоне засилья «киноаттракционов» и артхаусной бессмыслицы фильм «Гадкие лебеди» — настоящее событие. Да, с ним хочется спорить — но кто сказал, что это недостаток? К тому же работа оператора, художников, актеров (особенно Григория Гладия, исполнителя роли Банева) — профессиональна и убедительна. Словом, в фильмографии братьев Стругацких эта картина займет достойное место. Мечтать же о новых интересных экранизациях никто запретить не может. Вон поговаривают, что Федор Бондарчук снимет киноверсию «Обитаемого острова». Это будет совсем другое кино, тут уж сомнений нет...

Александр РОЙФЕ

ИЛЛЮЗИОНИСТ

(THE ILLUSIONIST)

Производство компаний Bull's Eye Entertainment, Bob Yari Productions, Contagious Entertainment и др., 2006.

Режиссер Нил Бургер.

В ролях: Эдвард Нортон, Руфус Сьюэлл, Джессика Бил, Пол Джаматти и др. 1 ч. 50 мин.

Кто из нас не любит разгадывать фокусы! Нет, не показывать, чего мы, по правде сказать, и не умеем, а именно разгадывать, глядя через плечо prestidigitатора, мысленно ощупывая его рукава и карманы, понукая свое инженерное мышление по поводу всей его техники...

Вот и претендующий на императорский трон австрийский кронпринц (между прочим, большая сволочь) озабочен тем же самым. И в этом — только в этом! — мы с ним солидарны.

Ну и какое дело ему, политику, до эстрадного манипулятора? Оказывается, нынешний фокусник еще подростком влюбился в юную герцогиню (и та по всем законам жанра ответила ему взаимностью), а теперь кронпринц — не забывайте: большая сволочь — желает сочетаться с ней династическим браком. И не то чтобы иллюзионист стоит у него на пути — слишком различны весовые категории, но столкновение личностей явно склоняет чашу весов в пользу «шарлатана». Тем более, что герцогиня не забыла свою первую любовь и дарованное обещание убежать с юношей на край света. Однако в игру вмешивается еще одна непростая фигура — старший инспектор полиции, преследующий свои карьерные цели...

Мелодрама? Светский киноман? Да, понемножку и того, и другого ингредиента, а еще щепотка мистики — но, к чести режиссера и сценариста, очень осторожно, «на кончике ножа». Ведь истинный фокус, сколь бы мы ни стремились пристегнуть его к действительности, все равно остается магией, а любое внедрение потусторонних возможностей его только разрушает. Создатели ленты виртуозно скользят по этому лезвию, не клонясь в грубую реальность закулисной машинерии и не падая в объятия inferнальных сил: любой эпизод можно трактовать так, как будет благоугодно зрителю. И странным образом этот сдержанный визуально и эмоционально фильм, демонстративно неброский, неэффективный, решенный в «ночных» тонах, держит зрителя в растущем напряжении, которое завершится, вопреки всем законам жанра, великолепной детективной развязкой.

Валентин ШАХОВ

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА ГОБЛИНОВ

(YOKAI DAISENSO/THE GREAT HOBGOBLIN WAR)

Производство компаний Kadokawa Eiga K.K. и NTV (Япония), 2005.

Режиссер Такаши Миике.

В ролях: Риюносукэ Камики, Бунта Сугавара и др. 2 ч. 4 мин.

Если сообщить поклоннику фантастики, что этот фильм — японская современная этническая технофэнтези, он несказанно удивится: а при чем тут гоблины? Да просто в английских переводах названия фильма присутствует слово *hobgoblin* (домовой) — так попытались передать суть японского термина йокай (дух, демон вещей). Наши же переводчики, услышав популярное созвучие «гоблин», ничтоже сумняшеся закатили в название зеленых уродцев. Стоит отдать должное издателям лицензионного DVD — мелким шрифтом на обложке предлагается и другой перевод: «Духи йокай и волшебный меч» (или это тэглайн?).

Создатели фильма явно попытались впихнуть на каждый метр пленки максимум древних легенд, странных существ, отсылок к классическим манга, аллюзий и реминисценций — как на понятные, так и на не очень понятные европейцам пласты японской мистической культуры. Если бы Александр Роу, по фильмам которого принято изучать русский фольклор, был бы современным японцем и обладал такой же мощью спецэффектов, он мог бы снять что-то подобное.

Десятилетний Тадаши после развода родителей вынужден с мамой перебраться из города в деревню. Городскому мальчику приходится несладко, к тому же на одном из сельских праздников его неожиданно выбирают Всадником Кирина — легендарным Стражем Мира. По преданию, только Всаднику покоряется волшебный меч. И так совпало, что Лорд Като, Дух погибших человеческих племен, в этот момент решил покорить мир. Он создал огромную фабрику, на которой в общем-то безобидных йокай переделывают в огромных железных боевых роботов-трансформеров.

Мальчишке предстоит взять меч и выйти на войну против врага рода человеческого. Приключений и масштабных (по спецэффектам) поединков хватит на несколько фильмов. Но Тадаши не супергерой, он обычный испуганный ребенок, которого только странное стечение обстоятельств привело в мир йокай. В результате мы понимаем, что японская семейная фэнтези — это помесь фольклора, приключений, юмора, хоррора, моральных страданий героев, спецэффектов и неожиданного финала.

Илья СЕВЕРОМОРЦЕВ

ПРОКЛЯТИЕ 2

(GRUDGE 2)

Производство компании Columbia Pictures, 2006.

Режиссер Такаши Шимицу.

В ролях: Амбер Тамблин, Сара Мишель Геллар, Такако Фуджи и др.

1 ч. 30 мин.

Такаши Шимицу вновь вдохновился собственным творчеством, и новый сиквел-римейк в точности повторил судьбу оригинала. Сначала обе части дилогии были сняты на видео, после появились немного измененные версии для японских кинотеатров, а затем подросли и американские римейки, засилье которых в последнее время пугает куда больше, чем сам факт переделки японских страшилок. Но не будем о грустном. Хотя... иначе не получится.

После недолгой передышки призрак-мама и призрак-сын взялись за старое. То есть начали страшно покряхтывать, широко разевать рот, покачивать грязными черными волосами, смотреть немигающим взглядом с экрана и подбираться к жертвам странной походкой, знакомой еще по «Звонку». Волею двух дурочек-студенток, решивших напугать сокурсницу в проклятом доме, злобная Каяко и ее глазастый отпрыск оказались на свободе. И первым делом добили Карен (Сара Мишель Геллар), которая перед долгим полетом с крыши токийского госпиталя успела рассказать приехавшей сестре и о доме, и о проклятии. Естественно, по законам жанра, ни предупреждения, ни таинственная смерть Карен не убедили опечаленную сестру, что все-таки не стоит посещать старый японский домишко. Так и начались «хождения по мукам» главной героини в исполнении Амбер Тамблин, чья игра достойна, как минимум, «Золотой малины».

К сожалению, «Проклятие 2» не стало исключением из правил, пополнив внушительный список нестрашных историй про вредных призраков. Дело, правда, не только в плохой актерской игре. Чтобы попытаться напугать нас до дрожи в коленях, Такаши Шимицу пошел проторенной дорожкой, не придумав ничего нового. Он лишь увеличил относительное количество известных саспенс-приемов и число жертв на каждую минуту экранного времени. Звуковое сопровождение также подкачало. Поэтому чертовщина под названием «Проклятие 2» способна пощекотать нервы разве что тем, кто никогда прежде не видел хоррора.

Алексей СТАРКОВ

КОМА

(THE PLAGUE/CLIVE BARKER'S THE PLAGUE)

Производство компаний Armada Pictures и Midnight Picture Show, 2006.

Режиссер Хэл Мейсонберг.

В ролях: Джеймс Ван-дер-Бик, Ивана Мелишевич, Брэд Хант, Джошуа Клоуз и др. 1 ч. 24 мин.

Клайва Баркера принято считать одним из тех, кто подпирает пьедестал Стивена Кинга. Именно поэтому, даже если писатель всего лишь зашел в список продюсеров фильма (не имея, в общем, почти никакого отношения к сюжету), его имя непременно будет вынесено в заголовок. Что и произошло с малобюджетным НФ-хоррором, название которого переводится скорее как «Чума» — так фильм выходил на пиратском видео. По обилию сюжетных штампов эта лента не выделяется на фоне любого среднего фильма ужасов, так что, выноси или не выноси имя в заголовок, ничего не изменится. Хотя...

В один ужасный день на Земле все дети моложе девяти лет впали в кому, а все младенцы, которые появлялись на свет с этого момента, рождались в коме. Авторы фильма почти не отработывают социальной составляющей, как это было сделано в ленте «Дитя человеческое», у них другая задача. Так, беглыми мазками: школы превратились в реанимационные отделения с рядами кроватей и капельниц, города пустеют, правительства вводят принудительные аборт... Но спустя десять лет все дети одновременно просыпаются, причем, по словам одного из героев картины, «в очень хреновом настроении». Это толпа молчаливых зомби, общающихся между собой телепатически и убивающих всех, кого заметят.

В центре повествования — группа людей: недавно освободившийся уголовник (самый положительный персонаж), его бывшая жена — медсестра, ее брат — местный забудыга, шеф полиции с супругой, полицейский, двое молодых влюбленных... Они хотят выбраться из маленького американского городка. Но все не так просто: перед героями постоянно возникают неразрешимые моральные задачи. Бежать или воевать? А может, остаться и попробовать понять, что происходит? И на фоне банального для кино такого рода кровавого натурализма, не слишком пугающего для спенса и не всегда логичных действий начинается просматриваться некий этический посыл. В результате получилось нечто философско-притчеобразное, с не очень внятным финалом. Ну, пусть хотя бы так, а то что-то в последнее время стало слишком много примитивного хоррора.

Тимофей ОЗЕРОВ

ШВЕДСКИЙ СТОЛ ГОЛЛИВУДА

Кинокритики не могут не ворчать — это закон природы. Их природы. Ну а нам-то с вами что делать? Может быть, прислушаться, поспорить и ждать, когда количество негодующей критики перейдет в качество устраивающего нас кинематографа.

Кинофантастика при смерти. Несмотря на обилие лент любимого нами жанра, кино как искусство пребывает в коме. И не нужно крутить указательным пальцем у виска и кивать на список релизов — дескать, глянть, сколько там фантастики! На любой вкус! С унынием гляжу: экранизации книг, комиксов и компьютерных игр, сиквелы и римейки. То, на чем держится современный Голливуд. Пять слонов, так сказать; пять жирных, неподвижных и унылых слонов.

Фильмы снимают к определенной дате, а спецэффекты создают еще до того, когда и сценарий толком не написан. Какое уж тут искусство. Продукция. Дорогие безделушки, не радующие глаз. Но ведь никто из нас в здравом уме не будет рассматривать пару десятков совершенно одинаковых безделушек, пусть и упакованных в разные яркие коробочки.

Количество всевозможных киноадаптаций растет в геометричес-

кой прогрессии, в то же время авторского кино год от года становится все меньше. Каковы причины? Чего нас лишают, обрушивая лавину фильмов «по мотивам»? Почему, невзирая на умопомрачительные спецэффекты и наличие любимых героев, многие экранизации и продолжения вызывают стойкую неприязнь? И главное: чем в недалеком будущем будут потчевать нас, любителей кинофантастики?

Читатель в осаде

Фантастические романы и рассказы экранизировали на Фабрике Грез с незапамятных времен. Произведения Филипа Дика, Майкла Крайтона и Стивена Кинга весьма часто получали достойные киноплощадки, каковыми стали «Бегущий по лезвию бритвы», «Парк юрского периода», «Зеленая миля» и другие.

Расчет прагматичных киноделов был прост. Название популярного романа на киноафишах действо-

вало лучше других известных рекламных приемов, еще до запуска гарантируя успех экранизациям. Кроме того, творцам таких проектов не нужно было начинать работу с чистого листа. И образы, и сюжетные ходы, и атмосфера — все это уже было в книге.

Расчет остался, а вот подходы к экранизации книг изменились, и изменились не в лучшую сторону. Создатели современных фильмов вынуждены не только задумываться над тем, как перевести на язык кино три-четыре сотни страниц текста бестселлера, но еще и следить, чтобы их кинокартина, не дай бог, не обидела представителей разнообразных меньшинств или религиозных конфессий.

Кто-то из российских журналистов сказал: «Америку погубит политкорректность». Честное слово, противно глядеть как на очередного бледнолицего дьявола, так и на очередного темнокожего Господа. Чудо из чудес, что в экранизации толкиновской саги не появилась ни одна эльфийка-негритянка. Даже в массовке. Прецеденты были. Достаточно вспомнить киноадаптацию (куда ни глянь, одни адаптации!) компьютерной игры «Подземелье драконов». И еще пример: дабы не гневить иноверцев, в экранизации саги К.Льюиса «Хроники Нарнии» христианскую составляющую свели практически к нулю, не подумав, что с ее исчезновением пропадет и смысл.

Дело не только в изменении подходов. Любая экранизация, в осо-

бенности экранизация «прямая», как, например, «Код да Винчи», это знакомые по книгам герои и сюжет. Какой интерес смотреть фильм, где каждый шаг персонажа известен заранее? К сожалению, таких фильмов становится все больше.

После кинотриумфа «Властелина Колец» и «Гарри Поттера» голливудские кинокомпании как с цепи сорвались и начали скупать права на все подряд. Киноделов интересует только и исключительно раскрученный брэнд, отчего проигрываем мы, зрители, читавшие Брауна, Льюиса и Толкина.

Кинокомиксы, в атаку!

Взглянем, кто становится кумиром подрастающего поколения. Не герои, добивающиеся победы умом, потом и кровью, а всяческие сверхчеловеки, обретшие силу на халяву, волей случая: упавший метеорит или выброшенные на обочину радиоактивные отходы. Конечно, когда у тебя кожа аллигатора, из глаз летят молнии, почему бы не побороться за мир во всем мире...

Удачные киноадаптации можно пересчитать по пальцам одной руки, и, судя по готовящимся экранизациям, в ближайшем будущем ситуация не изменится. Поэтому зрители опять проиграют. И сюжет, и образы комиксов почти всегда известны заранее. Достаточно посмотреть два-три, чтобы понять, чего ждать от следующих историй о супергерое. Развитие сюжета строится по одной схеме. Персо-

наж — обычно ничем не примечательная личность — обретает сверхъестественную силу, затем пускает ее в ход против вдруг возникшего суперзлодея и в итоге спасает красавицу, город или мир. Но никакие спецэффекты и трюки не в силах компенсировать отсутствие интриги. Предсказуемость всего и вся, от поведения героев до развязки, губит на корню кинопроизведения этого направления.

Нет, кинокомиксы вне всякого сомнения имеют право на существование. Создатели «Города грехов» и приквела «Бэтмена» доказали, что этот жанр может быть интересным... Но сейчас это жемчужины в куче навоза.

Игромания

Такое впечатление, что голливудские сценаристы разом лишились фантазии, и кинокомпаниям просто негде брать истории для фантастических фильмов. Авторское кино дышит на ладан, а кинодеятели черпают идеи в чужих колодцах. Например, в компьютерных играх.

В отличие от экранизаций книг и комиксов, история киноадаптаций игр сравнительно молода. Но уже подпорчена голливудскими подходами к съемке «картин по мотивам»: мол, одно лишь название популярной игры обеспечит кассовые сборы. Геймеры в их представлении выглядят «красноглазыми фанатиками», для которых нет большего счастья, чем увидеть героев любимых игрушек на широком экране.

Однако игроманы — те же зрители, желающие смотреть настоящее кино, а не жутковатые поделки.

Странно, что голливудские кинодельцы до сих пор не поняли очевидного. Того, что игры ценятся за геймплей, а фильмы — за сюжет и актерское мастерство. Что для успеха экранизации недостаточно засунуть в кинокартину грудастую красотку вроде Лары Крофт. Что создателям будущих экранизаций нужно хотя бы пару дней провести за самой игрой (как это делал Пол Андерсон, как это сделал Кристофер Ганс). Что, наконец, некоторые игры, несмотря на их популярность, и вовсе не стоит экранизировать (например, «Doom», где весь сюжет сводится к странице текста на экране монитора).

Судя по анонсам, кинокомпания при покупке лицензии до сих пор руководствуются исключительно популярностью брэнда, оставляя без внимания сериалы с сильной сюжетной составляющей. Ну что зрителю даст экранизация игры «Halo», проданной двадцатимиллионным тиражом? Очередную пресную историю о противостоянии людей и пришельцев, с неминуемым поражением последних...

Тотальная сиквелизация

Невероятно, но факт: лет пять назад слова «приквел» и «сиквел» знали только заядлые киноманы и профессиональные критики, а теперь они известны всем и каждому. Тогда выход продолжения

или предыстории популярного фильма становился событием. В наши дни страшно вато заглядывать в список релизов: перед глазами мелькают цифры «2», «3», «4».

Киноделы выступают как опытные наркоторговцы, сперва предлагая нам с вами совершенно новые ощущения и зрелища, а потом разбавляя дозу разнообразной дешевой дрянью. А чем разбавить продолжение? Главные герои были представлены, злодеи убиты, время и место действия определены первоисточником, остается заполнять дыры спецэффектами и экшеном. Пусть новых злодеев будет больше, чтобы герою жизнь медом не казалась. Пусть они станут еще могущественнее. Пусть вместо старого сарая во время финальной битвы они теперь разносят небоскреб. Так и рождаются сиквелы и триквелы. Понятно, что от фильмов, построенных по подобной схеме, ничего хорошего ждать не приходится. Как и в случае с экранизациями, мы с вами снова оказываемся в проигрыше. Снял Гор Вербински «Пиратов Карибского моря», рассказал отличную историю. Чем оказался сиквел? Бессюжетной дорожкой хохмой, не больше. Нас искусно дурят, пользуясь слабостью к полюбившимся героям, играя на любопытстве: а что там будет дальше? А дальше будет написанный в спешке сценарий, будет высосанный из пальца сюжет.

Дошло до того, что сиквелами обзаводятся картины, рухнувшие в прокате и получившие уничтожи-

тельную критику. К примеру, мистический триллер «Белый шум».

Да, самое печальное во всей этой истории то, что продолжения все чаще получают экранизируемые книги, комиксы и игры, сами по себе не несущие никакой тайны, изначально лишённые магии — магии кино.

Ловкость рук, и никакого...

Римейк — настоящий уродец, возвращенный Фабрикой Грез. Именно переделки старых фильмов как нельзя лучше свидетельствуют о кризисе идей в кинематографе. Чего только не пересняли за последние два года: и японские ужастики, и собственную киноклассику. Каков же результат? Вам нравятся бородатые анекдоты? Так вот, смотреть римейк — все равно что слушать бородатый анекдот. Рассказчик изменился, а смысл остался прежним. И еще хорошо, если пересъемщиком окажется кто-нибудь вроде Тима Бартона, а главную роль исполнит неподражаемый Джонни Депп. А если нет? Тогда точно придется, ерзя в кресле, с нетерпением ждать, когда же эта тягомотина закончится: вспомните хотя бы римейки «Тумана», «Темных вод» и «Омена».

Несмотря на то, что экранизаторы всего и вся на полную катушку эксплуатируют известные миры, неизменно остается вероятность, что режиссер или сценарист очередной киноадаптации привнесет в ленту нечто новое, свое. В осо-

бенности это касается фильмов по мотивам игр и комиксов. В таких случаях создателям кинофильмов достаются лишь элементы известных вселенных, на основе которых они выстраивают сюжет, не забывая оглядываться на особенности первоисточника. Так сказать, «я его слепила из того, что было». Римейк ничего нового не дает, кроме огорчения и ощущения, что тебя надули.

Правда, и здесь есть исключения. Например, превосходный «Кинг Конг» Питера Джексона. Чувствовалось, что режиссер действительно болел этим фильмом, вложил всего себя в его пересъемку. Конечно, большая обезьяна выделяла невероятные трюки на экране, да и декорации радовали глаз. И все же у фильма не было того, чего по определению лишен римейк. Не было интриги: дружба красавицы и чудовища закончилась ожидаемо печально. Магия кино опять разбилась о стену предсказуемости.

Если вспомнить фантастические картины 2005—2006 годов, то весьма трудно отыскать среди них проект, который не был бы ни римейком, ни сиквелом, ни приквелом, ни экранизацией комикса, книги или компьютерной игры. Для примера: «V значит «вендетта» — экранизация комикса Алана Мура; «Люди Икс 3. Последняя битва» — триквел кинокомикса; «Бэтмен: Начало» — приквел кинокомикса; «Дум» — экранизация компьютерной игры; «Хроники Нарнии» — эк-

ранизация повести К.Льюиса; «Плетеный человек» — римейк... Продолжать можно до бесконечности.

Кто не рискует, тот выигрывает

Парадокс! В Голливуде, где агентств по связи с независимыми сценаристами пруд пруди, а механизм продвижения их работ отлажен, практически перестали появляться авторские фильмы. Где новый Джордж Лукас? Где новые братья Вачовски? Нет их. Есть армия профессиональных сценаристов, готовых писать любую бредятину на заказ, лишь бы платили. Авторское кино, несущее тайну, магию, захлебнулось в буйном потоке всевозможных экранизаций, продолжений и переделок.

Почему так случилось? Кинодеятели перестали рисковать. Комиксы, сиквелы и экранизации приносят стабильный доход, а от добра добра не ищут.

Чем была интересна, к примеру, «Матрица»? Устраиваясь в кинозале, мы с вами совершенно не представляли, как закончится история Нео. Было увлекательно следить за развитием сюжета, знакомиться с новыми героями, распутывать вместе с ними клубок интриги. Братья Вачовски подарили зрителям настоящее волшебство кино, подарили тайну, которой никогда не будет ни в экранизациях, ни в сиквеллах, ни в римейках.

Степан КАЙМАНОВ

РУССКИЙ СЕЗОН В МОСКВЕ

Предлагаем вашему вниманию традиционный для январского номера обзор кинопремьер грядущего полугодия. Напоминаем, что даты выхода фильмов на отечественный экран могут изменяться — информация о них берется по состоянию на конец ноября 2006 года.

Особенно любят переносить даты премьер в нашем родном кинематографе. Мол, сначала назначим, а там как выйдет. И это касается не только малобюджетного кино, коего в первом полугодии зритель увидит предостаточно, но и широко разрекламированных блокбастеров. Вспомним, сколько раз переносился релиз «Ночного Дозора». Путем «Дневного Дозора» решили пойти и прокатчики другой крупной фантастической экранизации — после нескольких передвижек, премьеру блокбастера Николая Лебедева «*Волкодав из рода Серых Псов*» решили устроить **1 января**. Похоже, вид переполненных веселой новогодней публикой кинотеатров станет теперь фирменным знаком нашей кинофантастики. Вообще же, январь сулит еще много интересного — надо же как-то заполнить полуторанедельный рождественский досуг. Юные завсегдатаи кинотеатров получают в подарок игровую экранизацию сказки Е.Б.Уайта «*Паутина Шарлотты*» (*Charlotte's Web*), рассказывающей о дружбе девочки Ферн (ее сыграет юная суперзвезда Дакота Фаннинг) с разумными животными — поросенком Уилбуром и паучихой Шарлоттой. Не обойдется и без мультфильмов — немецко-американский анимационный проект «*Новая сказка сказок*» (*Happily N'Ever After*) поведает о том, что даже в классической сказке счастливый конец вовсе не является финалом — ведь что-то произойдет и после. А голландский кинематограф разразится совсем уж странным фильмом — «*Мальчик-оборотень и волшебный автобус*» (*De Griezelsbus*), — повествующим о том, что школьная экскурсия в замок ужасов может закончиться для юного героя целой чередой страшноватых и смешных приключений. На ниве эпичности с «Волкодавом» посоперничает «*Следопыт*» (*Pathfinder*) — сага о том, как задолго до Колумба в X—XI веках н.э. племена североамериканских индейцев противостояли нашествию викингов. Главный герой картины — викинг, воспитанный индейцами, — после гибели подобравшего и вырастившего его племени вынужден наняться проводником в отряд бывших соотечественников. Но месть его будет страшна и полна кровавых схваток, отрубленных голов

и прочих мрачных забав — недаром режиссер Маркус Ниспел до этого поставил римейк «Техасской резни бензопилой».

Не прогадают и поклонники классической НФ. Спустя почти три месяца после заокеанской премьеры до нашей страны доберется экранизация романа Кристофера Приста «Престиж» (*The Prestige*) в исполнении тезки писателя Кристофера Нолана. Непримиримая вражда двух бывших друзей — фокусников, а местами и магов — в исполнении Хью Джекмана и Кристиана Бэйла стала главной сюжетной линией картины, действие которой происходит в викторианской Англии. Особенно интересно будет посмотреть, как Дэвид Боуи сыграет великого иллюзиониста и изобретателя Никола Тесла.

Ну а любителей мистики и хоррора в январе ждет подлинный пир. Для начала зрители проследят за дальнейшими приключениями чудом выживших героев первой ленты в сиквеле «Белый шум 2: Сияние» (*White Noise 2: The Light*). Затем российская картина «Мертвые дочери» поведает о нашем взгляде на «проблему призрака в средней полосе». Потоки крови переполняют старинную словацкую гостиницу в еще одном сиквеле: «Хостел 2» (*Hostel 2*). Почитателей восточной экзотики займет корейский мистико-исторический боевик «Дуэль» (*Hyeongsa*), действие которого происходит в XVIII веке. Ну а мечтающих стать оборотнями пригласят вступить в странное сообщество, тайно существующее рядом с нами, — это будет экранизация романа Аннет Куртис Клауз «Кровь и шоколад» (*Blood and Chocolate*). О связи литературы с жизнью поведает лента «Неленей вымысла» (*Stranger Than Fiction*, другой перевод — «Убойное чтение»): писательница сочиняет книгу, а придуманный ею герой, оказывается, существует, причем написанное проецируется в его сознание. Описываемые события начинают происходить на самом деле, и свержзадача фильма — избежать в жизни трагического финала, уготованного герою на бумаге... До поклонников арт-хаузного кинематографа в январе дойдет наконец (правда, разделенная на три отдельных прокатных части) киносага великого режиссера современности Питера Гринуэя: «Чемоданы Тульса Люпера, часть 1: эпизод в Моабской пустыне» (*The Tulse Luper Suitcases, Part 1: The Moab Story*), «Чемоданы Тульса Люпера, часть 2: из Во к морю» (*The Tulse Luper Suitcases, Part 2: Vaux to the Sea*) «Чемоданы Тульса Люпера, часть 3: из Сарка к финалу» (*The Tulse Luper Suitcases, Part 3: From Sark to the Finish*).

Центральным российским фильмом февраля станет «Параграф 78» — экранизация рассказов Ивана Охлобыстина, повествующая о приклю-

чениях ветеранов спецназа в недалеком будущем на сверхсекретной базе (режиссер Михаил Хлебородов решил последовать примеру Гринюэя и также разбил свой фильм — вторую часть «Параграфа 78» зрители увидят в марте). Писателя и сценариста Дэвида С.Гойера не убедила собственная неудача постичь азы режиссерской науки в третьем «Блейде», и он решил продолжить это бесперспективное занятие мистической лентой «Невидимый» (*Invisible*), в которой душа подвергшегося нападению человека отделяется от тела, и пока оно не умерло окончательно, необходимо связаться с внешним миром — но слышать дух способна только мать человека. Гонщик-трюкач ради спасения отца продает душу дьяволу, и вернуть ее возможно при одном условии: гонщик обязан стать призрачным вершителем справедливости; в результате к зрителю придет в гости очередной комиксный супергерой, а случится это во время просмотра картины «Призрачный гонщик» (*Ghost Rider*). Главную роль в фильме режиссера Марка Стивена Джонсона (постановка «Сорвиголовы» и сценарий «Электрик») сыграет престарелый Николас Кейдж (и его в супергерое потянуло, что ж за мода такая в Голливуде?). Кроме того, февральский репертуар представят сразу два не совсем обычных мультфильма. На фоне захлестнувшей экран волны 3D-мультяшек о «смешных зверушках» белыми воронами кинопроката покажутся аниме Горо Миядзаки (сына знаменитого Хаяо Миядзаки) «Сказания Земноморья» (*Gedo senki*) — экранизация культового фэнтези-цикла Урсулы Ле Гуин; а также пародийный анимационный проект «для взрослых» — «Всем хана!» (*Disaster!*), — повествующий о странном экипаже, состоящем из порнозвезды, робота-гея, грудастой блондинки, парализованного ученого и других, не менее живописных персонажей. Команда должна спасти нашу планету от астероида с говорящим именем «Шон Коннери». Давно ожидал, когда же российские кинематографисты обратят внимание на московскую подземку — там можно дешево и сердито снять неплохой хоррор. Наконец это произошло: триллер режиссера Игоря Шавлака «Путевой обходчик» поведаст о противостоянии банды грабителей, скрывающихся от преследования в туннелях метро, и Путевой обходчика — гиганта, обитающего в катакомбах. По сравнению с монстром, вырывающим глаза своим жертвам, грабители и их предводитель, бывший морпех Гром (Дмитрий Орлов), кажутся белыми и пушистыми.

Март — месяц школьных каникул. Поэтому обычно именно в это время много премьер детских фильмов и анимационных лент. Так произойдет и на сей раз. Долгожданный мультфильм Люка Бессона «Артур

и миминуты» (Arthur and the Minimoys), снятый по мотивам собственных сказочных книг, расскажет историю десятилетнего Артура, пытающегося спасти дом своего дедушки при помощи забавных маленьких человечков. Нечто похожее представит студия Дисней в игровом фильме *«Мост в Терабитию» (Bridge to Terabithia)* — здесь простым пятиклассникам, мальчику и девочке, предстоит стать королем и королевой неожиданно обнаруженной в лесу волшебной страны. Любой первоклассник расскажет вам, что Леонардо, Микеланджело, Донателло и Рафаэль — это не великие художники, а благородные черепахообразные подростки-супергерои. В копилку доказательств данного факта в марте добавится еще и полнометражный кинофильм *«Черепашки-мутанты» (Teenage Mutant Ninja Turtles)*. Привет господину-товарищу Пелевину из Южной Кореи передадут создатели анимационной ленты *«Девочка-лисичка» (Yeou Woo Bi The Fox)*. Героиня мультфильма, юная лисичка-волшебница, живет в горах неподалеку от большого города; она умеет превращаться в десятилетнюю девочку, ведь ей всего 100 лет, что по меркам лис-оборотней еще глубокое детство. Но, влюбившись в мальчишку, лисичка Йоми хочет навсегда остаться человеком...

Взрослый поклонник нереалистического кино также не останется обездоленным в марте. Наконец-то, спустя целых четыре месяца после ноябрьской американской премьеры, до нашего кинозрителя доберется уже ставшая культовой, объездившая почти все кинофестивали НФ-лента Даррена Аронофски *«Фонтан» (The Fountain)*. В ней сплетутся три параллельные истории о любви, смерти и духовности, а само действие картины растянется почти на тысячу лет. Историю любви поведаст нам и другая лента, совместного франко-германо-японо-индийского производства — *«Долина цветов» (Valley of Flowers)*. Сюжет достоин индийского кино: влюбленные разбойник и разбойница, пару веков назад грабившие караваны в Гималаях, волею судеб становятся бессмертными, и случай вновь сводит их в современном Токио. Мартовский репертуар примечателен также присутствием сразу двух отечественных лент. Романтическая комедия Евгения Бедарева *«В ожидании чуда»* посоветует всем одиноким девушкам не отчаиваться — вдруг появится некто с дипломом «Фей третьего разряда» и превратит жизнь в сказку. В комедии кроме молодых актеров снялись легенды нашего кино — Нина Русланова, Татьяна Васильева, Мария Аронова. В другой российской комедии — Александра Стриженова *«Любовь-морковь»* — рассматривается отечественный вариант

классического сюжета «их поменяли телами». «Их» — это супругов, а в роли волшебника выступает психоаналитик, к которому преуспевающая пара обратилась за решением семейных проблем. В главных ролях снялись Гоша Куценко, Кристина Орбакайте, Евгений Стычкин, Ольга Орлова, Дарья Дроздовская, Андрей Краско, Михаил Козаков.

В **апреле** до наших кинотеатров наконец доползет анимационная НФ «*Сквозь созвездие Мебиуса*». Но, кроме этого, одним из признаков апреля станут культовые премьеры. Роберт Родригес и Квентин Тарантино давно уже помогали друг другу снимать сольные фильмы и даже разругались с американской гильдией режиссеров, запрещавшей ставить фильмы в тандеме. И вот долгое ожидание поклонников творчества «хулиганской» парочки будет вознаграждено: два режиссера выпустят полноправный совместный фильм — хоррор «*Молотильня*» (*Grindhouse*). Правда, он все равно сложится из двух самостоятельных сегментов: «*Планета Террор*» и «*Смертельное доказательство*». Еще один модный режиссер Джоэл Шумахер порадует своих фанатов лентой «*Номер 23*» (*The Number 23*) с Джимом Керри в главной роли — о некоем человеке, одержимом книгой, вроде бы описывающей его жизнь и заканчивающейся его убийством. Что-то подобное уже было — парой месяцев и парой страниц раньше, не правда ли?.. Жанр ужасов в апреле представлен одноименным римейком знаменитого «*Попутчика*» (*The Hitcher*) 1986 года — место Рутгера Хауэра в роли Джона Райдера займет Шон Бин; сиквелом римейка «*У холмов есть глаза 2*» (*The Hills Have Eyes 2*); а также лентой «*Жатва*» (*The Reaping*) — о женщине, которая развенчивает миф, что в маленьком тexasском городке осуществляются все 10 библейских проклятий. Юные зрители смогут посмотреть мультфильм «*Секрет Робинзонов*» (*Meet the Robinsons*), рассказывающий о 12-летнем приемном ребенке, который, чтобы узнать тайну собственного рождения, изобретает волшебный прибор — Сканер Памяти. Еще несколько российских фильмов попытаются найти своего зрителя. Это фантазия «*Русалка*» Анны Меликян — о девочке, способной исполнять желания, которую судьба занесла с берега моря в суетный мегаполис под названием Москва. НФ-триллер «*Беляев*» Игоря Волошина совсем о другом — в середине семидесятых годов секретная группа ученых под кодовым названием «Беляев» пытается создать аналог Иктиандра — новый вид человека Homo avertis, способного жить под водой. В замкнутой группе из семи ученых начинается серия убийств, и главному герою ленты, следовательно, предстоит распутать клубок преступлений.

Ну а поклонников хорошего НФ-кино в апреле порадует картина «Пекло» (*Sunshine*), повествующая о группа космических спасателей, которая вылетает на поиски пропавшей без вести команды астронавтов, отправившихся на Солнце, чтобы вновь «зажечь» умирающую звезду. Поставил эту ленту замечательный английский режиссер, автор таких картин, как «Миллионы» и «28 дней спустя»...

Сиквел последней «28 недель спустя» (*28 Weeks Later...*), снятый уже не Бойлом, а Хуаном Карлосом Фреснадильо, можно будет посмотреть в мае. Май вообще богат на крупные премьеры сиквелов. Здесь и операция по спасению капитана Джека Воробья в ленте «Пираты Карибского моря 3: На краю миров» (*Pirates of the Caribbean: At Worlds End/Pirates of the Caribbean 3: Uncharted Waters*); и новые приключения замечательного зеленого огра, которому предстоит подыскивать наследника трона и пресекать попытку дворцового переворота в мультфильме «Шрек Третий» (*Shrek the Third/Shrek 3*); а с Зеленым Гоблином (нет, не Шреком) и Песочным Человеком предстоит сразиться любимому супергерою детишек младшего школьного возраста в фильме «Человек-паук 3» (*Spider-Man 3*). Из оригинальных лент стоит ожидать разве что ужастика «Посланники» (*The Messengers*) о грозной силе, ворвавшейся в тихий быт маленькой американской фермы, и возможной премьеры российской версии приключений Лары Крофт «Скалолазка и последний из седьмой колыбели» — фильма режиссера Олега Шторма по мотивам произведений ярославского фантаста Олега Сиניцына.

Май, не выдержав такого количества сиквелов-блокбастеров, милостиво поделился ими с июнем, открыв первый летний месяц новыми приключениями суперквартета «Фантастическая четверка 2» (*Fantastic Four 2*), а также неожиданно прихватившим себе целый фильм «Эваном Всемогущим» (*Evan Almighty/Bruce Almighty 2*), второстепенным персонажем картины «Брюс Всемогущий». Отметилась и российская анимация. Очередной «фольклорный» мультяк от компании СТВ будет называться «Илья Муромец и Соловей Разбойник», а о содержании его можно только догадываться — вряд ли оно, как и в предыдущих фильмах компании, сильно соотносится с классическими сюжетами русских сказок. Под занавес июня выйдет еще один мультфильм, на этот раз от студии Pixar, «Рататуй» (*Ratatouille*) — история очаровательного французского крысенка, живущего под полом ресторана и мечтающего стать великим кулинаром.

Тимофей ОЗЕРОВ

В Л А Д И М И Р М И Х А Й Л О В

ЖИВИ,

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

ПОКА МОЖЕШЬ

1.

Советую: если противник зашел вам в спину, а прикрывающий уже выбит из боя, сделайте вид, что спасаетесь бегством, всю лепите из радионов задней полусферы. А как только противник пустится вдогонку — примените кувырок-два, вокруг поперечной оси, и когда ваши продольные оси совпадут — швырните в его тупое рыло залп из всего фронтального оружия. Спасти его сможет только ваше ротозейство и неумелость. Если вы неумелый ротозей, то он разделается с вами, как птичка с зернышком — и поделом: чурбакам нечего делать в Вольной охоте. Все. А сейчас, крапчатые попугаи, слушай мою команду: первая группа — взлет!»

У Река Телана, кандидат-угла Первой строки (единственного в группе-два, кто подошел к выпуску с такой характеристикой), сейчас было самое время вспомнить наставления группового инструктора Сомона Пула.

Дерьмо, а не прикрывающий, промелькнула мысль. Это ведь его обязанностью было беречь мою задницу, как зеницу ока, в ней сейчас и заключался весь смысл его ничтожной жизни. А он вместо этого ввязался в боевой контакт с прикрывающим противника. Надо срочно искать другого. А сейчас...

Сейчас следовало выполнять добрые советы ветерана.

Даю форсаж. Но не на всю шкалу, а на три четверти. Как бы в стремлении оторваться от преследователя. Ключет? Если бы противником был Вин Сит — такой же угол и тоже Первая строка, но в первой группе, — то он на это не купился бы. Что бы он сделал? Я, будь я догоняющим, швырнул бы гравиторпеду с дистанционной установкой. Он, конечно, ее вовремя заметил бы и отвернул, пропуская. Но ГТ, согласно программе, сработает, обогнав его, и воздвигнет такой гравиузел, в который он врежется, как тележка в столб. Да, против меня не Вин. А этот — клюнул. Ох, с каким азартом прется! И рука его наверняка уже легла на замыкатель, чтобы смешать меня с навозом. Ну ладно, дурачок...

Все по доброму совету. «Обратная радуга» пока, головокружение на миг. Машина (такой же «клюв», как и у соперника) продолжает убежать, но уже кормой вперед. А весь ее фронтальный набор оказался вдруг обращенным к противнику. И пока он решает, что ему сейчас предпринять — Рек Телан уже врубил «полную деструкцию».

Результат последовал немедленно:

«Охотник группы-один, вы подверглись прицельной атаке противника и уничтожены. Выходите из операции».

Вот так-то. Можно себе представить, что сейчас думает уничтоженный. У него в результате — незачет. Потеря привилегий. И дополнительные тренировки по тактике и обманным маневрам. Так ему и надо.

Эй, эй, а ты-то куда?!

Трудно поверить, но оруженосец той стороны, роланд, то есть прикрывающий, оставшись без ведущего, решил продолжить бой. Пытается выйти на меня в атаку!

Мальчик, ты плохо подумал. С твоими-то радионами, без единого деструктора, бросаться в бой? Смеюсь.

А хотя... что-то в его замысле есть. Думает, я забыл: прикрывающие вооружены, между прочим, и системой «Отбив». Я по нему — четырмя ракетами, а он «отбивом» заставит их развернуться и ухватить в прицелы уже меня, а не его. Неплохо, малец, подаешь надежды. А пока, чтобы привести тебя в чувство, дадим единственный, но не слабый импульс, чтобы от всей твоей троники пошел густой дым... На, получай.

«Прикрывающий группы-один, вы подверглись атаке позитронного луча и выведены из строя. Выходите из операции. Охотник группы-два, поздравляем с успехом. Вы сдали экзамен по разделу «Поединок в Нормали». Выходите из операции».

Вот и все. Благодарю тебя, Главком Вселенной!

Рек чуть было не вылез из кресла перед панелью имитатора, на котором и разыгрывался экзаменационный бой. Но вовремя спохватился: сейчас он был на грани провала. Вот так и сгорают люди.

Сначала надо вывести из работы имитатор. Обнулить приборы. Убедиться в том, что все программы закрыты, память свободна, система в полном порядке и готова к отключению. Затем — нажать «Отключ.» И только после этого можно наконец встать с кресла, повлажневшего от пролитого пота, глянуть на пол в напрасной попытке увидеть все те нервные клетки, что истрачены во время боя. Сладко потянуться и доложить: «Угол Рек Телан операцию закончил».

И выйти на свежий воздух, без озона и запаха пластика.

2.

Выйти — и идти, не спеша, вдоль ровно выстроившихся казарм, миновать квартал офицерских домов, свернуть и через три минуты

подойти к своему дому. Удивительно? Рек только что получил право именоваться субофицером в звании «круга», а в доме этом живет уже давно. Потому что является старшим семьи: отец, медиал десанта, погиб в бою где-то в Змееносце, воюя за Антар, мать пережила его ненадолго. В семье, кроме Река, остался еще брат Зор, ему сейчас шестнадцать, кадет выпускного класса Корпуса. Будущий воин. Это в мире Редан само собой разумеется.

Именно так. Любой мужчина здесь скажет вам: человек — значит, воин. Все равно: настоящий, будущий или прошлый. Остальные же — нет. Они никогда не стояли в строю, не ощущали тяжести оружия на своих плечах и главное — не готовились убивать и быть убитыми. Их жизнь пресна, в ней не хватает шепотки соли и другой — едкого перца. Он горек, но без него быстро становится скучно, перестаешь понимать: а чего ради ты вообще живешь?

Таков Редан.

Но на этот раз Рек Телан не стал сворачивать в свой переулочек. Теперь он шел уже по производственной части ЦОСа. Центра образования солдата. Здесь длинные учебные корпуса перемежались учебными же полями, системами, комплексами. Особняком возвышалось странное, как бы двугорбое здание местных представительств: Государственной лизинговой комиссии Редана (правый горб) и Учебно-строевого командата (левый). Сюда Рек и направлялся.

Он вошел, отсалютовал Знамени. Четко отдал честь медиалу-два, внутренне усмехнувшись: офицер этот был всего лишь чиновником, канцелярским пауком, так что Рек приветствовал в общем не его, а воинское звание, два круга — лишь желтых, а не почетных черных. Чиновник собственноручно прикрепил новенькие углы к куртке Река.

— Благодарю. Могу идти?

— Свободен. Удачи, угол! Живи, пока можешь!

Вновь Рек на улице. Зашагал, не обращая внимания ни на что.

На макеты боевых и транспортных кораблей, на ландшафты разных миров Конфедерации, где и сейчас занимались — тут кадеты, там курсанты: бежали, ползли, прыгали, стреляли — условными, конечно, импульсами. Дальше лежали полигоны. Стояли — в ангарах и на природе — машины разных армий. И мало ли что еще тут имелось и происходило, необходимое для производства продукции, на которую Редан держал монополию.

Продукция называлась «универсальные, всесторонне подготовленные солдаты экстра-класса».

Однако Рек Телан сейчас, медленно шагая по улице, переживал не

чувство гордости за себя и свою фирму, но просто размышлял. Один этап жизни закончен. Все хорошо. Но чего-то не хватает.

Ладно. В корпусе через десять минут сыграют отбой занятиям, и можно подойти туда, встретить Зора, чтобы малек доложил об успехах. Это всегда поднимает настроение: приятно, когда своей семьей можно гордиться. Да шагай ты, как следует, не тащись понуро, не волочи ноги, как цивильный недоносок. Хочешь, чтобы таким увидели тебя кадеты?

Раз, два, три!левой! С песней! Пой, хотя бы про себя.

3.

На Редане существует пять космопортов. Четырех активно действующих Старт-Финиш станций вполне хватает для нормальной связи со всеми мирами Галактической Конфедерации. А пятая станция закрыта для повседневной деятельности и оживает, лишь когда прилетают клиенты.

Такой визит для Редана всегда серьезное событие. Он означает, что прилетели большие деньги, которых тут всегда не хватает, и за эти деньги будет продан реданский товар. Потребность в нем в Галактике существует всегда, то в одном, то в другом ее конце, но где-нибудь — непременно. К тому же расходуется он быстро.

Впрочем, официально экспорт не называется продажей. Как-то слишком уж некрасиво государству продавать своих граждан, а другим покупать живых людей, пусть даже и солдат. Затхлои древностью пахло бы от этого. Во всех документах это называется лизингом с трех- или пятилетним сроком. Но всем известно, что Редан требует не постепенной уплаты, а немедленной, сразу при заключении контрактов. И получает, потому что солдаты покупают тогда, когда они действительно нужны, не для парадов их покупают. Так что, хотя в контрактах и стоит слово «лизинг», все называют это продажей. И никому не стыдно.

Наоборот: гордишься, узнав, сколько готовы за тебя заплатить.

Тем более, что и тебе (или в случае чего семье) от этих денег отломится не такая уж скудная толика.

4.

Рек Телан задержался у ограды плаца старшего уровня кадетского корпуса. Здесь тоже шла подготовка к выпуску. За восемь проведенных в корпусе лет ребята успели научиться кое-чему и — чем дальше, тем больше — отрабатывали задачи так, что весело было смотреть. Хотя еще зелены, конечно, четырнадцать, пятнадцать лет, даже шест-

надцать — до серьезного умения еще далековато. Но для второй ступени отлично. Рек Телан гордился братом: в своей группе малек тоже был первым. В конце квартала сможет нашить себе уголок на рукав. А уголок — всегда уголок. Вот так-то. Знай Теланов.

— Рек, честь и слава!

Такое приветствие принято на Редане.

Это брат-кадет уже подбежал со всех ног.

— Слава и честь, Зор. Ответь по-солдатски: в чем вы провинились, что вас гоняли после отбоя?

Сложная гамма переживаний: обида, негодование, возмущение. Так что даже голос подвел, кадет дал петуха, выкрикнув:

— Ты что? Не знаешь — не говори!..

Немалых усилий стоило не засмеяться, а серьезно потребовать:

— Кадет, доложи толком!

Командный голос сразу привел мальчишку в чувство.

— Докладываю: никто не провинился и не наказан! Мы сами подали рапорта, чтобы нам продлили занятия. Уже вторую декаду так занимаемся, а ты и не заметил!

Вот как? Мог бы и заметить. Но все последнее время шла подготовка к выпуску, ни на что другое и минуты не оставалось.

— Так. С какой же целью группа подала рапорта?

— Вас выпускают Вольными охотниками, да?

Рек не выдержал — усмехнулся не без самодовольства:

— Сведения соответствуют. Дальше?

— А Вольных продают не поодиночке, а звеньями, так всегда было. Значит, сейчас те, кто выпущен, будут подбирать себе роландов.

Черт его знает, откуда пошло это название «роланд» вместо понятно-го «прикрывающий». От какой-то старой легенды, что ли. Тьма веков.

— Кадет, в докладе жаргонные словечки неуместны. И...

— А в Уставе Вольной охоты сказано, что прикрывающим может быть и выпускник со второй ступенью.

— Вот что! Захотелось поскорее стать взрослым?

— В Уставе написано: «Не моложе шестнадцати лет». А мне уже шестнадцать. Рек! Возьми меня прикрывающим, ладно? Я в группе иду первой строкой...

— Идешь. В Академию.

— А если у меня будет боевой опыт — примут сразу на третий курс. Так что я ничего не потеряю! Рек, испытай меня хоть на имитаторе, увидишь, что я...

— Отставить разговоры!

Довел все-таки мальчишка до белого каления. Да, в шестнадцать всем им хочется поскорее в строй. Но сейчас войны суровые. И полужайкам делать на ней нечего. Устав давно пора бы переписать. Нет, братец, пройдешь всю науку — тогда пожалуйста. А сейчас — и не мечтай.

— Кадет, смирно! Приказываю: о таком больше не думать! Заниматься учебой. Оставаться первым. И готовиться в Академию. Вопросы есть? Вопросов нет! Кру-гом! Шагом марш!

Спохватился и вдогонку уходящему крикнул:

— Сходи на городок, потренируйся часок лишний на карусели, поднагрузи вестибуляр: у тебя с ним не все ладно.

И сам повернулся и пошел. Без особой цели. Куда глаза глядят.

5.

Это все происходило в Чусе, официально — ЦОС-18. На среднем юге населенной части планеты. А в центре этой части размещалась пятая, нерегулярная СФ-станция. И если в ЦОСах все пребывало в спокойном порядке, то на нерегулярном космодроме, а точнее — в расположенном подле него закрытом поселке обстановка была куда более напряженной. И не без серьезных причин.

Хотя происходил всего лишь разговор между двумя людьми. Один, двухзвездный госсоветник Ду Ду Ном, был главой Лизинговой комиссии, другой — средний генерал Лиз Берот — именовался Главным командором по учебно-строевым делам.

— Генерал, — проговорил глава с такой интонацией, словно за этим словом должно последовать какое-то серьезное обвинение. — Вот, читайте.

Генерал прочел то, что виднелось на экране. Сказал хмуро:

— Ну надо же! Что называется, невезение. А нельзя кого-нибудь из них отпасовать... перевести в режим ожидания, на худой конец?

— Можно — если хотим скандала. Это не выход. Сколько у нас готово к контрактации?

— Полный большой набор. Пять тысяч единиц высшего сорта. Марки «Стандарт Р». — Произнося эти слова, генерал невольно приосанился.

Тут может, однако, возникнуть сомнение.

И в самом деле: пять тысяч человек, всего-то? Что это за численность для серьезной войны? Хлипкая какая-то война миров, не так ли?

По понятиям двадцатых веков — конечно. Пять тысяч — ну, два полка, а в иной армии и всего-то один, разве что со средствами усиления. Такой силой войну не выиграешь.

Верно. Для двадцатых. Но здесь речь идет, точно определить затрудняемся, но о четвертом тысячелетии.

Войны существуют и там. Но совсем на другом уровне. Их исход решает не физическая сила, и не уровень моторизации, и не внедрение высочайших технологий. Эти войны — войны энергий. Громадных. И в гигаваттах, и в их денежном выражении. То есть убить одного врага там обходится, пожалуй, в миллионы раз дороже, чем просто зарубить его мечом в давнем идиллическом прошлом. Во многие миллионы. В том числе и потому, что войны давно не ведутся на планетах: при такой энергетике любая война означала бы полное уничтожение жизни в том мире, в котором она началась бы. Поэтому войны ушли в космос. Но при этом уже одна лишь доставка солдата к театру военных действий стала стоить столько, что о многотысячных армиях (не говоря уже о миллионных) думать более не приходилось.

И пять тысяч солдат и офицеров стали очень большой военной силой — учитывая, что один человек способен оперировать громадными энергиями. То есть добиваться таких результатов, какие раньше были по силам целым дивизиям.

Вот почему тот объем продукции, какой Редан предоставлял своим клиентам, вполне достаточен для выигрыша и самой серьезной войны.

— Всего-то, — тут же охладил Берота высокий чиновник. — А у нас — два заказа по пять тысяч. Что же вы посоветуете?

Генерал раздумывал недолго:

— Давайте посадим их плотно, с минимальным разрывом по времени — чтобы нельзя было придрататься к тому, что кому-то оказано предпочтение. А сядут — свести их вместе, и пусть договариваются между собой: кто возьмет первым, а кто подождет. Как решат, так и сделаем.

Чиновник покивал головой, высоко подняв брови.

— А вы сумеете усадить за один стол мадигов и леганов?

— Кого-кого?

— Ты не ошибся: мадигов и леганов.

Это «ты» со стороны высокого чиновника дало генералу возможность ответить примерно таким образом:

— Да какой же... ухитрился такое придумать?

Госсоветник вздохнул:

— Кто бы ни придумывал, а расхлебывать нам с тобой. И быстро. Минут через пятнадцать придется давать разрешения на посадку. Или не давать.

6.

В этом походе на «Покоряющем» держал свой флаг глава торговой делегации, сам Главнокомандующий Вооруженными силами мира Мадиг, Главный адмирал Юкан Маро. И потому, получив сообщение наблюдателей о присутствии в прилегающем к планете назначения пространстве еще одного корабля, командир корабля — капитан Симод — не стал принимать решения, но доложил обстановку командиру.

— Чей корабль?

— Это «Неодолимый».

— «Неодолимый»?

— Корабль Леганы. Нашего класса. Вы понимаете...

Юкан Маро понимал.

— Лучше бы, — проговорил он, — его здесь не было. Вообще. Скажите, капитан: зачем, по-вашему, они тут?

— Думаю, по той же причине, что и мы: для закупки здешнего товара.

— Срочно запросите разрешение на посадку, чтобы получить преимущество.

На борту «Неодолимого», атак-транспорта с Леганы, в это время происходило, надо полагать, нечто подобное, судя по тому, что запрос на посадку с этого корабля ушел в те же минуты, что и сигнал «Покоряющего».

«Капитану СФ-станции. Транспорт «Покоряющий» просит разрешения на немедленную посадку, глава торговой делегации мира Мадиг нуждается в немедленной высококвалифицированной медицинской помощи в условиях стационарной клиники. Счет идет на минуты. Командир Симод».

«Капитану и главному инженеру СФ-базы особого назначения. Требуем дать «добро» на немедленный финиш борта «Неодолимый». Главный энергоген корабля вышел из-под контроля, что грозит неуправляемым падением на планету. Принимаем все меры, но необходима аварийная посадка. Глава делегации, маршал высшего ранга Экибал Тустас».

Глава Лизинговой комиссии глубоко вздохнул:

— Ну что же, ситуация исключительная. — И велел диспетчеру: — Дайте разрешение обоим финиширующим бортам. Одному — на стол-три, другому — на восьмерку.

Оба больше не отрывали глаз от экранов. Приземление происходило на грани риска, и призрака катастрофы, казалось, маячил где-то совсем рядом с ходовыми экранами.

7.

Зор Телан, все еще переживавший обиду, вместо городка отправился на поиски Вина Сита. И без труда нашел в расположении Академии.

— Гуляешь, головастик? Ну, какие победы одержаны? Скоро уже начнете нас, стариков, подпирать?

— Слушай, угол Вин, я что хотел спросить... Ты роланда себе уже подобрал?

— А тебе-то что?

«Ничего себе вопрос: глупее не придумать. А еще угол!»

— А то ты не знаешь. Вин, слушай: лучше меня тебе все равно не найти. Возьми меня на имитатор, проверь.

Вин Сит сделал вид, что сердится.

— Разговорчики, кадет! Порядка не знаешь? Тебя с имитатора за уши снимут! Сперва подай рапорт, как полагается...

— Да я уже...

Зор не договорил.

Помешал новый, неизвестно откуда взявшийся звук. Он возник маленьким и ничем не угрожающим, тихим и очень низким, словно большая собака заворчала во сне. Очень быстро звук стал нарастать и повышаться. Одновременно все, кто находился в этот час под открытым небом, увидели светящуюся в вышине точку. Тут же возникла и вторая.

— Классные пилоты, — оценил Вин. — Корабли, судя по яркости — атак-транспорт. Интересно чьи?

— Два атак-транспорта сразу? — не поверил Зор. — Такого не бывает.

— Не бывало, это точно, — согласился черный угол.

Настроение вдруг изменилось. словно чужая сила прошелестела мимо, заставила ощутить, что тихий вечер может оказаться не таким уж безмятежным.

— Завтра тебя посмотрю, — сказал Вин негромко. — Каков ты в искусстве. Может, и в самом деле...

8.

Глава Государственной Лизинговой комиссии Редана, убедившись в благополучном завершении кораблями опасного маневра, проговорил:

— Насколько помню, такого никогда еще не возникало: чтобы нагрянули два клиента с точностью до секунды. Если бы каждому продать полную квоту, вот была бы выгода реданской казне, а? Двойная прибыль!

— И не только ей, верно? Жаль, что это — из области мечтаний.

Оба грустно усмехнулись.

— Если бы они между собой еще не воевали... А из-за чего они грызутся?

— Из-за Левида. Выставленного на заселение с месяц назад. Миром не договорились, оба хотят выиграть одним ударом. Вот и кинулись к нам.

— Ну что же, предложим каждому по половине квоты. Хватит?

— Вряд ли. У этих миров репутация такая, что...

— Это известно. Но Редану скандалы не нужны, наш лозунг — любой спрос всегда перекрывается предложением. Они через полчаса будут здесь. К их приходу мы должны знать, как удовлетворить их пожелания.

— Слишком мало времени остается.

— Значит, надо выиграть время.

— Каким образом?

— А вот каким! Клиенты ухитрились прибыть в конце декады. Впереди — два вольных дня и три ночи. За это время можно создать если не мир, то уж половину его во всяком случае.

— Славно придумано. Всего ничего: из нуля сделать еще пять тысяч готовых солдат. Однако клиенты — воробьи стреляные. Сейчас, я уверен, на обоих бортах прокручивают ситуацию, а понимают они ее не хуже нас. Предложим каждому полный груз — заподозрят.

— Вот ты и позаботься накрыть их надежным колпаком. И обезопасить ЦОСы от постороннего любопытства. Воздух над ЦОСами закрыть наглухо. Сунутся — уничтожить. Командуй.

9.

Пока станционная служба снаружи занималась обычными процедурами укрепления и охлаждения только что севшего «Покоряющего», глава делегации командующий Юкан Маро использовал время, оставшееся до открытия портала, для военного совета.

— Итак, — сказал он, — обстановка оказалась сложнее, чем предполагалось. Мы намерены закупить полный разовый объем реданской продукции: пять тысяч солдат. И на меньшее не согласимся. Но вне сомнения того же хочет и Легана.

Командующий сделал паузу, чтобы перевести дыхание.

— Позиция продавца ясна: он предложит нам обойтись половиной, мы откажемся, Легана тоже. Тогда нас постараются провести: вместо первосортной продукции нам подsunут людей, умеющих стоять «смирно», но не воевать. Чем это грозит — понимаете сами.

Все действительно понимали.

— Поскольку переговоры начнутся лишь в начале следующей недели, мы обязаны использовать время для того, чтобы получить настоящий товар.

Послышался легкий, но несомненно одобрительный гул. Командующий откашлялся, прежде чем продолжить:

— Чтобы владеть обстановкой, нужны сведения о положении дел в здешних Центрах образования. Выяснить: есть ли у Редана возможность честно удовлетворить наши пожелания или они пойдут на хитрости. Я готов выслушать ваши предложения. Итак?

— Позвольте мне? — звонкий женский алыт приятно контрастировал с командными голосами.

— Разумеется, — разрешил Юкан Маро. — Разведчик Нарин?

— Поставщик не предполагал возникновения нынешней ситуации. Он вряд ли заранее задумал хитрости, о которых вы, ваша смелость, говорили. Подготовка к обману не может остаться незаметной. Прошу разрешить мне выйти в поле. На местах я смогу установить: происходит ли такое или поставщик намерен играть честно.

— Признаюсь, — сказал Главный адмирал, — я собирался дать вам такое задание. Меня радует, что вы вызвались сами. Делайте. Я дам ракапс. Это вас устроит?

— Разведкапсулу? Да, командующий, вполне.

— Все мы желаем вам удачи! — напутствовал разведчицу адмирал.

10.

Разведчице по имени Нарин потребовалось семь минут, чтобы переодеться: надеть нормальное платье, а поверх — походный комби без знаков различия. И всего лишь нескольких секунд хватило, чтобы повесить на плечо небольшую сумочку. Женщина без сумочки является не вполне полноценной, не так ли?

Корабельный медиал галантно распахнул перед ней дверцу легко-

го овоида, изготовленного из пластика, который обычные радары не замечали, только гравископические.

— Вам приходилось уже пользоваться такими?

— Не беспокойтесь, да.

— Вы помните, конечно, что в случае повреждения в него заложена программа самоуничтожения? В таких случаях полагается немедленно покинуть...

— Я в курсе, спасибо.

Но медиалу явно хотелось пообщаться еще.

— Могу ли спросить, а что у вас в сумочке?

Нарин удивленно подняла брови:

— Косметика, разумеется. Что же еще? Простите, медиал: мне пора.

Дверца наконец захлопнулась. Зашуршал антиграв. Ворота выходного шлюза неторопливо распахнулись. Затем створки сомкнулись за кормой. Растворились внешние. Ракапс чуть качнуло. Наверху открылось звездное небо.

Нарин раскрыла сумочку. Там действительно находились румяна, кремы, карандаши, флакончики — много всякого. До самого дна. Верхнего. А вот под ним содержимое уже не походило на косметические принадлежности. Пластиковая коробочка величиной с книгу среднего размера, на верхней плоскости — несколько кнопок и матовое табло. Сбоку выходили провода, два пучка. Это — силовой, это — антенный. Разъемы должны совпасть, иначе... Совпали, да и что удивительного? Под стандарты аппарат и делался. Включила. И ракапс, в котором она летела, перестал быть видимым. Стал незримым. Удовлетворенно кивнула: схема работала нормально. Все спокойно. Можно оценить обстановку.

Командующий явно обрадовался ее готовности. Чему именно: тому, что какое-то время ее не будет на корабле? Для этого вроде бы равновато. Или, понимая опасность задания, рассчитывает, что она может и не вернуться? Если так — то почему? От обиды на то, что его мужская атака была успешно и категорически отражена? Если так, то не страшно. Или?.. Но об этом пока судить рано. Увидим.

Хорошо. Первая задача выполняется. Теперь можно подумать и о второй — той, что получена на корабле. Курс — на ближайший ЦОС. Как это местечко называется? Ладно, пусть будет Чус.

11.

Быстро смеркалось, но не темнота была причиной того, что Рек Телан, оставшись один, шагал медленнее, чем обычно. Даже как-то вяло.

При этом он и не пытался спросить себя: «Да что с тобой, угол, что за напасть такая?». Причина была ему ясна с самого начала. Весна. Томление духа, в каком Рек сейчас и пребывал. Чего ему хотелось?

Ответить он не успел. Причиной оказался звук. Не тот, недавний — порожденный тормозящими кораблями. На этот раз послышался только хлопок — негромкий, как если бы где-то рядом лопнул воздушный шарик. На несколько секунд к нему вернулась нормальная бдительность. На зрение во тьме можно полагаться лишь в узких пределах, но слух работал четко, как и спецчувство ощущения пространства, его отношения к тебе. Чувство подсказало, что вокруг него все благополучно. Может быть, слуховое восприятие исказилось из-за необычного душевного состояния? Тогда беспокоиться не о чем.

Пупп!..

Снова лопнул шарик. И Рек опять замер на месте. Повторение — это уже не случайность, это система, верно?

Звук на этот раз не остался одиноким. Напрягшийся слух уловил еще и дыхание. И — сдержанный стон. Стон мальчика?

Определив направление, Рек привычно бесшумным шагом преодолел несколько метров. Стон повторился. Звук шел снизу.

Пострадавший лежал на земле. В двух шагах. Теперь можно включить фонарик. Не раньше: зачем предупреждать человека преждевременно, давая ему возможность подготовиться к обороне?

Направленный луч осветил стонавшего. И Рек Телан на мгновение застыл, словно в него выстрелили из парализатора.

Потому что увидел не мальчика. Женщину. Молодую и красивую. Встретился с ее взглядом. И у него закружилась голова.

12.

Штаб торговой делегации мира Мадиг не только обсудил в подробностях создавшееся положение, но и предпринял определенные действия. На «Неодолимом» тоже трезво оценили обстановку. Однако действия наметили другие.

В частности, вопрос о высылке разведки решен был отрицательно.

— Любой человек, который покинет наш корабль этой ночью, — объяснил свое решение командующий Тустас, — назад наверняка не вернется. Мы, конечно, получим извинения, однако... Я полагаю, что нужную информацию мы добудем, обходясь пассивными методами.

Второй по старшинству, капитан Робус Туч, проговорил уверенно:

— Полагаю, маршал, вы имеете в виду радиоохоту?

— Было бы неразумно не использовать наши преимущества.

Это поняли не все; лишь узкому кругу лиц было известно, что Легана в недавнем прошлом купила (заплатив совершенно несусветную сумму) правительственные шифры Редана у одного высокопоставленного лица. На Редане тоже живут всего лишь люди.

— Продавец попал в затруднительное положение, — объяснил свой план главнокомандующий силами Леганы, — как, впрочем, и мы сами. Сколько он может выставить на продажу — нам известно. В таком случае, нам предложат половину. Если же нам пообещают полную квоту, не в ущерб Мадигу, значит — захотят всучить липу. Но липу надо создать, причем сделать это за крайне короткий срок. Следовательно, по связи пойдут распоряжения, приказы, команды. Наше дело — внимательно слушать, дешифровать и делать выводы.

— А если приказов и команд не последует? — подумал вслух капитан.

— Скажите мне — каким еще способом они смогут вывернуться? Пришлось признать, что другого выхода у Редана просто нет.

13.

Необходимо было срочно реформировать математику таким образом, чтобы при делении четырех на два частное оказалось бы равно не двум, как это чаще всего бывает, но четырем. Наука такую возможность отвергнет с порога. Но политика и коммерция, включая какие-то элементы науки, все же относятся скорее к искусствам. А для искусства не существует недостижимого.

— Итак, генерал, у нас имеется стандартное количество первоклассного товара. Ровно половина того, что требуется. Где взять вторую?

— Возможности есть. Помимо пяти тысяч полностью готовых, у нас имеется тысяча прошедших полный курс, но не поставленных в строй потому, что они еще не сдавали выпускных.

— Всего тысяча?

— Дотянем до двух: заберем выпускные курсы кадетских корпусов. Ребята уже почти взрослые.

— Где взять еще три тысячи?

Генерал ответил не сразу:

— Где взять — скажу. А вот как — не знаю.

— Ну?

— Щит Редана — десять тысяч профессионалов. На какое-то время их останется семь. Но ведь на нас вроде бы никто нападать не собирается?

— Тут нужно разрешение самого Главного Щитоносца. Думаешь, он даст? И кто войдет к нему с таким предложением?

— Ты.

— Я что, самоубийца?

— Ничуть. Все зависит от двух вещей. С чем войти и как назвать.

— Интересно. Какой же, по-твоему, может быть формулировка?

— Убойной. Тактические заатмосферные учения совместно с перодовыми в военном отношении мирами.

— А с чем к нему войти, чтобы он захотел меня выслушать?

Берот усмехнулся.

— Главное, чем он сейчас занят — подготовка мягкой посадки на предстоящую часть жизни. Судя по информации из Цитадели, еще не найден вариант, который его устроил бы.

— А я, по-твоему, предложу ему нечто, что его устроит?

— Слушай. Года четыре назад в вашем хозяйстве был сочинен доклад о передаче в частные руки всего лизинга. С полным обоснованием и выводом: реальный доход государства при этом возрастет на треть — поскольку документ предусматривал и налоговую реформу. Доклад не публиковался, однако все, кто был заинтересован, с ним ознакомились. Да ты должен знать все это лучше меня!

Советник Ном покачал головой и тут же согласился:

— Доклад я и сочинял. Однако когда сам Главный его отверг...

— Он с тобой лично разговаривал?

— Нет, конечно. Я тогда только что был назначен, с чего бы он вдруг?

— Как же ты уцелел?

Советник пожал плечами:

— До сих пор удивляюсь. Может, у вас знают?

— Одну гипотезу оглашу. До Главного доклад не дошел. Тесный круг не позволил. Там у них могучие фильтры стоят и постоянно действуют. А он ведь информацию только в этом кружке и черпает. Так вот, он доклада не отвергал и к тебе никаких претензий не имел. Правдоподобно звучит?

— Ну, как сказать... Тогда я в такое не поверил бы. А сейчас — легко.

— Возьми этот доклад, он у тебя наверняка сохранился. И поднеси. С дополнением: возглавить такую корпорацию не сможет никто, один лишь он. Опыт там, связи, авторитет, личные качества... Чтобы он ясно увидел, куда лежит его путь после отставки. И что ему этот вариант сулит. Думается, такая мелочь, как временное откомандирование трех тысяч солдат, проскочит без задержки.

Следующую, заключительную реплику Государственный советник подал не сразу. Видимо, мысленно искал явные, а еще более — скрытые нестыковки и ловушки. Вздыхнул.

— Сейчас свяжусь с Цитаделью. Буду просить принять меня завтра по личному вопросу. Но надо еще подстраховаться. Покупатели — люди опытные. Недоверчивые.

— Присягнуть, что мы их не надуем, что ли? Не поверят.

— В чем они могут нас подозревать? В том, что мы собираемся разбавить товар несортным материалом. Откуда мы этот материал возьмем? Призовем ветеранов, срочно выпустим два-три младших возраста. Как думаешь, клиенты раскроют наши замыслы?

— Не исключено. Забросят разведчиков в центры и городки, оседлают нашу связь. Но для этого им придется повозиться с шифрами.

Советник Ду Ду Ном ухмыльнулся:

— Полагаешь, у них нет наших шифров? Успокойся: есть. Еще три месяца назад мы организовали утечку шифров. Неплохо на этом заработали. Покупатели страшно довольны, наш обмен для них — открытая книга. И пусть читают на здоровье. Ведь распоряжения будут говорить только о штатной деятельности. Никаких изменений, пополнений, передвижений сверх обычного. Пусть клиенты прочтут и успокоятся.

— Прочесть-то прочтут, но вот поверят ли? Наша производительность им известна. Сейчас мы должны выставить вдвое больше, чем могли наработать после предыдущей продажи. И недостающий контингент мы должны — официально — где-то взять!

— Дадим им понять — откуда мы возьмем его.

— Сперва дай понять это мне.

— Видишь ли, у нас ведется регулярный радиообмен с секретной производственной базой «Отрог», размещенной в горах. База готовит столько же экстратовара, сколько все остальные ЦОСы вместе взятые. Но продукция эта не выставляется на открытую продажу, а предназначается для поставок по секретным соглашениям между Реданом и каким-либо из Больших миров. Грандов. И тот, кто прослушивает нас, не пройдет мимо распоряжения, которое отправляется «Отрогу» как раз в эти минуты: «Вследствие срочной и важнейшей необходимости вся ваша продукция должна быть готова к немедленной поставке ее другим клиентам путем обычной торговой сделки. Срок — первый день недели». И подпись Щитоносца.

— Я не ребенок, Ду. И не верю в существование такой базы.

— Виртуально она существует вполне убедительно. И сейчас твоя задача усилить этот обмен так, чтобы клиенты поняли и поверили.

— Склоняешь меня ко лжи, — усмехнулся генерал.

— Ничуть — только к военной хитрости.

— Не сомневайся, советник. Лети и действуй. Я медлить не стану.

14.

Полет походил на приятную прогулку. Когда до границы района намеченной проверки оставалось менее полминуты, компилот аккуратно убрал скорость и снизился до нескольких метров. На дисплее возникла картинка городка, к которому разведчица приблизилась.

Ночь уже наступила, но сверху было заметно, что городок спит. Ну что же, нормально, вот если бы сейчас работали все полигоны, стоило бы задуматься: с чего это такой форсаж? Не происходит ли срочное натаскивание незрелых, чтобы сбить их с рук под видом готового товара? Нет, похоже, подозрения не подтвердились — во всяком случае, пока.

Но это было лишь первым впечатлением, которое далеко не всегда бывает верным. А чтобы подкрепить его, следовало ознакомиться с обстановкой там, где находится сейчас большая часть здешней живой массы — в казармах и вокруг них. Нарин выбрала одну из казарм на плане. Прикоснулась к ней мизинцем. Велела исполнять. Компилот возразил: «Опасно». Одним движением пальца она перевела управление на себя. Уменьшила высоту до четырех метров. Через двадцать секунд пересекла границу жилого ядра. Собралась облегченно вздохнуть. И глазами стала искать место, удобное для приземления.

Не успела.

Быстро-быстро сменяя друг друга, на дисплее заскользили надписи:

«Опасно! Полевая защита. Свойства неизвестны».

«Некомпенсируемые нарушения. Продолжение полета невозможно».

«Самоуничтожение!»

Думать не было времени. Нарин действовала, как автомат. Вырвала из разъемов провода «Незримости». Распахнула дверцу. И нырнула.

Через секунду над ней негромко хлопнуло.

И надежный ракапс исчез сразу — не из видимости, в которой возник было, но вообще, как будто никогда и не существовал.

Нарин не успела даже вздрогнуть: падение с четырехметровой высоты занимает очень мало времени.

Но и за малое время могут произойти многие неприятности.

Удар о грунт. Острая боль. В ноге. В спине. Искры из глаз. Мгновенный страх. И невольно вырвавшийся стон.

Впрочем, все это уложилось в одну секунду. А дальше вступил в дело профессионализм.

Анализ: компилот был прав. Видимо, машина налетела на защитное поле, накрывающее Центр. Капсула уничтожилась. Значит, нормальной связи нет. Но «Незримость» уцелела. Стало быть, не так-то все и страшно.

Состояние: владение телом? Так... Ох! Так. Переломов нет. Ушибы — не страшно. Четверть часа медитации — и о них можно будет забыть. Место оказалось, к счастью, безлюдным.

План действий? В первую очередь, надо...

Тут мысли нарушились.

Ошибка: совсем близко оказался человек. Идет сюда. Мужские шаги.

Руки действовали сами по себе. Знали, что им делать. Освободиться от комби. Вырыть ямку. Положить в нее костюм. Засыпать. Переползти на это место, накрыть его собой.

А вот теперь можно простонать еще раз. Как можно жалобнее. Ты — женщина, тебе больно и страшно. Нужна помощь. Мужчина, ты просто послан свыше. Пожалей меня и помоги!

— О-о!.. — Самой себя становится жалко.

Луч света ударил. Нарин невольно зажмурилась.

Остановился, разинул рот. Женщин не видал?

Интересно, как я сейчас выгляжу? Боюсь, что не лучшим образом.

Постой, может, и не видал. У них тут режим...

О, господи! Опустился рядом со мной на колени. Правила рекомендуют в таких случаях не сопротивляться. Якобы, уступая мужчине, ты приобретаешь власть над ним. Интересно, сами они пробовали — приобретать власть таким образом? Бред собачий.

Сейчас выражать страх и покорность. Пусть почувствует себя хозяином положения.

Руки... Что у него, жар? Просто обжигают. Но это приятно.

— Вы упали? Споткнулись? Где у вас болит?

Голос нормальный. Даже приятный.

— Здесь? Здесь?

— Ой!

— Попробуйте встать. Я помогу...

Ну и объятия! Невольно вырывается:

— Вы меня переломите так!

— Простите. Нечаянно... Попробуйте опереться на ногу. Можете?

— Да... ох! Постойте. Нет, ничего. Могу. А вот спина...

— Потерпите. Сейчас я отнесу вас в санчасть...

— Все нормально, просто ушибы. Час-другой отдохну — и буду в полном порядке.

— Вы что, хотите отдыхать здесь?

— А вы можете предложить что-то получше?

— Ну... например, у меня дома.

— В казарме?

— Почему вдруг? В моем домике.

Ага. Профессионал, унтер-офицер. Так. Источник информации?

— Ни в коем случае. У мужчины?

— Послушайте... как вас, кстати, зовут?

— Нарин.

— Клянусь вам, Нарин, никогда ничего такого не позволю себе. Я военный. И под моей крышей вы будете в полной безопасности! Слово чести! Правда, уровень комфорта у меня, конечно, не столичный, но...

— Простите, болит все сильнее. Не до комфорта.

Не то еще учинит мне допрос прямо тут!

— Значит, решено? Тогда...

— Ой, что вы?! Я тяжелая.

— Тот, кто вам это сказал, соврал. Или был совсем уж хлипким.

А вовсе не плохо, когда тебя несет сильный парень. И пахнет он приятно. Начинаешь чувствовать себя маленькой девочкой, которой разведка и не снилась никогда, а снилось, что она — королева... Тигрица Небес, ну и приключение!

15.

Пришлось потратить шесть с лишним часов, не говоря уже о других потерях, чтобы получить в Главной канцелярии приглашение на утренний кофе к Главному Щитоносцу. Люди записывались за две недели, а то и за месяц. Три четверти записавшихся никогда к столу не попадали: сидевшие на отборе участников не зря получали жалованье. Государственный же советник Ду Ду Ном в этом списке избранных вообще не фигурировал. Не то чтобы ему не приходилось встречаться с хозяином Цитадели. Однако всегда лишь для доклада, как это называется. А в частных апартаментах — ни разу.

Тем не менее получить место за кофейным столом ему удалось. Хозяин за руку здоровался с каждым (и это уже было словно медаль получить), двадцать минут уходило на собственно кофе, потом от соро-

ка до полного часа — на личные разговоры с каждым. Большинство приходили, чтобы о себе напомнить. С серьезными делами сюда являлись редко.

Поэтому Ном подождал, пока прочие одиннадцать не сказали свое — сидел спокойно, смакуя вкуснейший кофе. А когда все наконец отметились, и хозяин спросил:

— Ну, Ном, чем порадуешь?

Встал, поклонился и проговорил только:

— Вы собираете математические парадоксы. Мне попался очень забавный...

С этими словами он положил перед хозяином конверт.

Главный Щитоносец вскрыл его. Прочел. Улыбнулся, чтобы все поняли: действительно, шутка. Молвил:

— И правда, забавно. Ты нашел решение?

— Моей логики не хватает. А вот вы на досуге...

— Какой у меня досуг, Ном! А впрочем... Ты торопишься?

— Я всегда в вашем распоряжении, Главный Щитоносец.

— У меня полчаса свободных. Поломаем голову?

— Почту за честь.

— Тогда... Господа, благодарю вас за внимание...

Через минуту они остались вдвоем.

Советник объяснял ситуацию десять минут.

— Да, это решило бы многие проблемы. Но что для этого нужно?

Ном сказал, не задумываясь:

— Продать треть внутренних сил. Формально — сдать в лизинг.

— Еще что?

— Отдать тех, кто уже прошел курс обучения, но не экзаменовался.

— Ном, тебе не страшно говорить такое?

— Правитель, никакой внешней угрозы нет...

— Я не о внешней говорю. О внутренней. Мои враги — не в Галактике. И выборы на носу.

Советник после крохотной паузы сказал:

— Но вы представляете, что значит — возглавить такую корпорацию? Сейчас прибыль идет в казну, и ею распоряжаетесь вы. Но прибыли не так уж много...

— А в корпорации больше станет?

— В сто раз! Вы — государство — не можете перенести производство в какой-нибудь другой мир: воспримут, как экспансию. Но вы — корпорация — можете: это всего лишь экономические связи. Брать

инвестиции. Расширяться галактически. На наш товар всегда будет спрос.

— Ты сказал — я как корпорация?

— Президент компании. И, естественно, серьезный акционер. Вам всего только и нужно — создать закон о передаче Комиссии в частные руки.

— Посиди тихо, — сказал хозяин медленно. — Я должен подумать. Советник замолчал. Судя по интонации, хозяин уже все решил.

16.

На вольный день во всех производственных центрах Редана и гарнизонах Щита все было расписано: кто отправляется в увольнение, кто остается нести дежурство, кого — на внутренние работы, на дополнительные занятия. Одним словом, предвольный день завершался спокойно. По всей планете одновременно.

Для тех, кто не знаком с особенностями географии Редана: вся жизнь на планете сосредоточена в одном районе. Это равнина, протяженная по линии север — юг на девяносто градусов, а с востока на запад — менее чем на два часовых пояса, ограниченная обширными горными странами. Поэтому на Редане принято единое время.

Одновременно везде прозвучал и общий сигнал. Люди ждали его, чтобы завершить уходящий день и отдохнуть перед приятностями наступающего.

Но звуки, прилетевшие из главного города, были настолько неуместны, что в первые секунды им просто не поверили. Кто-то заржал, кто-то проворчал: «Не иначе как перебрали...», иной покрутил пальцем у виска.

Потому что то был сигнал общей боевой тревоги.

Вообще-то эта музыка звучала на Редане не впервые. Команда подавалась, когда формировалась очередная партия экспортного товара. Но это время когда еще наступит! И вот вдруг, будто камни на голову.

«Всеобщее построение с оружием по штату и в полном снаряжении. Мобильная готовность. Немедленные доклады о выполнении!»

Следом прозвучало разъяснение.

«Указанные действия проводятся в порядке подготовки к Выпускным играм для наибольшего поднятия их уровня.»

И все встало на свои места.

Места построений в каждом ЦОСе определены раз и навсегда. Каждый обитатель точно знает свое место — квадрат, снабженный номером. И кадет, и курсант, и медиал давно зазубрили маршруты до

своего квадрата из точки, где застигла их команда. Время явки — тридцать минут.

Формирование блоков на местах, в Центрах должно было занять первую половину вольного дня. Тут сформируют звенья, группы, колонны. Нужно — довооружат, переоденут: все должно иметь товарный вид.

Выдвижение во всеобщий район сосредоточения должно произойти во второй половине дня и к вечеру завершиться. И уже там предстоит формирование окончательных блоков, пакетов и контингентов. К утру первого дня новой декады можно будет показать товар лицом.

17.

Команда на всеобщее построение застала Река Телана в его домишке. Ночь он собирался провести именно там. С женщиной. Это походило на чудо.

По дороге он болтал всякую ерунду. Внес женщину в комнату, бережно опустил на диван и стал смотреть на нее, глупо улыбаясь. Постепенно из ее глаз стала исчезать тревога.

— Как спина? — спросил он участливо.

— Могла бы и не болеть так сильно.

— А нога?

— Ох, с ней и правда нехорошо, — Нарин поморщилась.

— Дай-ка я взгляну.

Она сразу же подтянула ноги:

— Нет... нельзя. Ты же не врач?

— Я — Стандарт Редана, черный угол. Значит, если и не врач, то уж за фельдшера сойду.

— О-о! — уважительно протянула она.

Что мне сейчас нужно? Никакой информации пока нет. Возможностей передвижения — тоже. Времени мало: не позже завтрашнего вечера надо быть на борту. Нога и в самом деле достает так, что скоро вся моя выдержка кончится. Ну, что же...

— Не бойся. Лишней боли не причиню.

Она улыбнулась так, что стало ясно: ей очень, очень больно.

— Похоже, тебе можно доверять.

— Я рад. Ну что же...

Рек принялся за дело. Снял обувь с пострадавшей ноги. Обнажил успевший уже распухнуть сустав; на мгновение как бы сам ощутил боль.

Он отодвинул чувства на второй план. И увидел внутренним зрением схему. И сделал резкое движение, невольно ожидая вскрика. Но

ничто не нарушило тишины. Нарин выжидательно глядела на него. Он уверенно кивнул:

— Все. Сейчас сгоним опухоль — и сможешь хоть бежать, хоть плясать.

— Плясать — лучше, — сказала она. — Если бы еще спина успокоилась...

— Верно, — согласился он. — Справимся и с ней.

— Ты и это умеешь?

— Нормальный массаж. К утру забудешь, что были какие-то неприятности. Ты не против массажа? Вот и прекрасно. Тогда... — он вдруг запнулся, покраснел. — Тогда, значит...

«Господи, какой трогательный!»

— Надо раздеться, да? — помогла Нарин.

Он только кивнул.

— Отвернись.

Он повиновался. Слышал, как шуршат за спиной ткани. Наверное, не больше минуты прошло, прежде чем она проговорила:

— Я готова...

Рек повернулся. Нарин лежала спиной вверх. Совершенно правильно: массировать надо всю спину. Руки подложила под голову, глядела в сторону, спрашивая:

— Стесняешься?

— Нет, — сказал он неожиданно хрипло. — Где сильнее всего болит? Тут? Тут?

— Ох... вот тут, да.

— Ну, держись.

Думай, что это манекен. Или просто партнер по занятию. Не отвлекайся на посторонние мысли!..

Это легко сказать — не отвлекайся! Партнер: у него и тело другое, и кожа, и запах... чем это она пахнет, непонятно, ох, женщина... Рукам не дрожать! Работать!

Все заклинания — без толку. Руки вели себя, как выброшенный десант, не только освоивший место выброса, но и расширяющий, расширяющий... расширяющий плацдарм...

Она под его руками не сопротивлялась, только дыхание стало шумным, а прежде его вообще не было слышно; вдруг то ли простонала — но на сигнал боли это не походило, — скорее... скорее на...

«Господи, я сошел с ума, она сошла с ума! Что мы делаем!»

Да все то же самое.

18.

А потом — уже в спальне. В постели. Ночь летела. Вдруг захотели есть, поели чего-то из холодильника. Лежали рядом, тесно прижавшись. Разговаривали обо всем на свете.

— Рек, скажи, что это не сон.

— Сон — все остальное. А это — настоящее.

Он не шутит, только так он и может сейчас думать. А она ничего другого и слушать бы не стала.

— Рек! Ты...

Договорить не удалось. Дверь в спальню распахнулась без звука. Вин всегда входил так. Между равными в ЦОСах церемониться не принято. Зажег свет. Сказал усталым голосом:

— Рек, сейчас там...

— Пошел вон.

— Да ты...

Увидел. Прижав руки к сердцу, попятился. И дробью — вниз по лестнице.

— Как спина, Нарь?

— Спина? А она у меня есть? По-моему, от меня сейчас осталось — знаешь что? Дай руку...

И еще два с лишним часа в том же духе.

— Нарь, откуда ты взялась — когда я о тебе затосковал, еще тебя не зная? Кто послал тебя в нужный миг? Главком Вселенной?

— Ну, на самом деле все куда проще: я туристка, наша группа пролетала из Норса в... да ты наверняка знаешь — куда возят туристов из Норса через ваши места.

— В Стир? Там места первого людского поселения, останки того корабля, что сел тут на вынужденную... Хотя кого это может интересовать? Тебя, например?

— Еще как, Рек, ты даже не представляешь. А что ты сам знаешь о вашей истории?

— Ну, кое-что. Нашему миру всего-то двести пятьдесят лет, да и то исполнится в будущем году. И возник он случайно: корабль, на котором была куча военного народа, тысяч пять, вышел из Простора с неисправностями и не мог добраться до своего мира. Вообще никуда не мог. И единственное подходящее тело, до которого они смогли добраться, было вот это — безлюдное, но для аварийной посадки пригодное. Наверное, они садились в надежде наладить свою энергетику, и, скорее всего, из этого ничего не получилось. Связи с мирами не было: в те времена вневременной связи еще и не существовало вовсе.

Пришлось выживать, не питая особых надежд на будущее. Природа оказалась к ним благосклонной, еду и питье можно было добывать. Хотя для обитания пригоден был только небольшой клочок, то место, где мы живем сегодня — это уже работа поколений. И, как рассказывают, прошло семь лет, прежде чем к ним залетел корабль из обжитых миров — заметил признаки деятельности разума. Но к тому времени у предков уже пропало желание отправляться отсюда еще куда-то, прижились, тем более, что с тем миром, к которому они принадлежали раньше, что-то такое приключилось за это время — то ли он был разгромлен в войне, то ли по другой какой-нибудь причине, но его больше не существовало. А эти люди за прошедшие годы успели потерять вкус к войне — если он вообще был. Тогдашние войска — не чета нашим нынешним контингентам, набирались по мобилизации. А здесь они почувствовали себя свободными хозяевами. И визитом корабля воспользовались разумно: в другие миры направили приглашения, прежде всего для женщин: их здесь вовсе не было, а предки хотели, чтобы население росло, иначе государству не уцелеть. И уже через несколько месяцев женщины стали прибывать, из самых разных миров. И за десять поколений население из десяти тысяч — пять плюс пять — выросло до миллионов.

— Как интересно! — сказала Нарин. — Но как же получилось, что ваш мир стал заниматься поставкой солдат всей Галактике?

— Да как-то само собой. Когда нас нашел тот корабль, четверть из наших все же не захотела оставаться. Все это были кадровые вояки, опытные. А тем, кто оставался, было ясно: надо закупать и технику, и вообще все для жизни, своего ведь ничего не было. А чем платить? Вот и договорились: те — больше тысячи профессиональных бойцов — как бы сдаются нашим миром в наем желающим государствам, кому нужны хорошие солдаты. А деньги получают так: половину — бойцы, а другую — Редан; тогда уже возникло это название. Уходившие не возражали, потому что уже стало ясно: другого своего мира, кроме вот этого, у них не будет. Наши солдаты быстро завоевали авторитет. Да и что удивительного: вояки были первоклассные.

— Потрясающая история! Слушай, а как назывался тот мир, которому корабль прежде принадлежал?

— Этого, думаю, никто и никогда не объявлял. Да никто и не спрашивал. У нас не остается времени на отвлеченные материи.

— Ты все так прекрасно рассказал, я даже не жалею, что отстала от своей группы. Она почему-то совершила посадку тут — сказали, что на минутку, для проверки чего-то там. Меня немного укачало, я вы-

шла, чтобы прийти в себя, отошла совсем недалеко, никого не предупредила. Закружилась голова, и, наверное, я на какие-то минуты потеряла сознание, упала. На меня высота всегда влияет очень плохо. А очнулась — никого! Они и в самом деле справились за несколько минут. Я, откровенно говоря, сильно испугалась — и тут судьба прислала тебя.

«Вообще-то туристов этим маршрутом не возят: пролет над производственными центрами запрещен всем, кроме специальных машин. Но все знают, что туристические фирмы запрет нарушают, срезают углы для экономии времени и энергии. Так что... Да что об этом думать: раз она так говорит — значит, так все и было».

— Нарь! Давай поговорим о будущем. Ты будешь ждать меня? Нас ведь продают не навсегда, а на срок. И после его истечения я свободен и неплохо обеспечен.

— Ты так спокойно говоришь, что вас продают, словно вы — товар...

— А мы и есть товар. Нас продают — что же в этом такого? Я ведь объяснил тебе: этим живет наш мир с самого начала. И богатеет. Что делать, если ничем другим наша планета не богата?

— Но ведь вам приходится воевать. И тебе все равно, с кем придется драться, кого убивать?

— Никак не все равно. Драться — с врагом. Убивать — только его.

— Кто же враг?

— Кто меня купит, тот и укажет. Это забота политиков, не солдат.

— Но ведь и тебя могут убить!

— Запомни: убивают неумелых. Недоучек. И трусов. Как думаешь, почему в Галактике такой спрос именно на нас?

— Не знаю. Почему?

— Потому, что купить нас — все равно что приобрести вдвое больше бойцов, чем получишь за эти деньги в любом другом мире. После первого же серьезного боя половина тех выбывает — убитыми, ранеными. Убитых больше, потому что войны давно ведутся не на планетах, а в пространстве, где любое попадание дает разгерметизацию — и гибель. Так вот, на каждый маневр есть контрманевр, их надо знать и уметь ими пользоваться. Любое действие предсказуемо, надо только научиться предвидеть его в каждое мгновение. Этому нас и учат.

— И помогает?

— Суди сама. Ветераны, кто отработал где-то пяти- или десятилетний контракт, у нас населяют целые города. Значит, вернулись — жи-

выми и более или менее здоровыми. Возвращается большинство. Хочешь точнее? Удивишься: шестьдесят восемь процентов. Так что...

И тут прозвучал сигнал всеобщей боевой тревоги с немедленным построением.

Нарин, удивленная и встревоженная, лишь следила глазами за каждым движением человека, неожиданно ставшего ей дорогим.

— Рек, что это? Ты надолго? А я?

Он моргнул.

— Не знаю. Оставайся здесь. Я вернусь, слышишь?

— Да... — но ответ прозвучал уже в пустоту, каблуки прострочили где-то по ступенькам, негромко стукнула дверь, и все утихло. Словно ничего и не было. А он-то был? В самом деле?

Нарин так и осталась сидеть, словно в оцепенении. Как если бы всю ее энергию, способность не только двигаться, но даже и думать Рек забрал у нее до последней капли и унес с собой.

А Рек уже подбегал к месту построения, срезая угол, чтобы поскорее очутиться на своем квадрате. Чуть не столкнулся, лавируя между другими бегущими, с Вином, тоже (на их жаргоне) завинченным до последней гайки. Остановились на мгновение.

— Слава и честь!

— Честь и слава. Что бы это?..

— Доложат. Слушай, а кто это там у тебя?..

— Не поверишь! После отбоя, да?

Кивнули друг другу. Разбежались по местам. Рек занял свой квадрат. Перевел дыхание. Не удержавшись, сладко потянулся.

Сумасшедшая была ночь. Вроде бы совсем не спали, а никакой усталости. Наоборот — хоть сейчас в драку.

Хотя какая тут может быть драка? Очередная проверка готовности, ничего другого. Ну, полдня на все это уйдет. Зато потом...

19.

— Капитан, от нашей разведчицы есть что-нибудь новое?

Капитан «Покоряющего» Симод медленно покачал головой:

— Связь до сих пор не восстановилась, командующий.

— Что, по-вашему, могло произойти? Отказ техники?

Тревога командующего была вполне объяснимой. А вот голос и интонации ей как-то не соответствовали. Какими-то очень спокойными они были. Бодрыми.

— Техника испытана не раз. Здесь же все-таки не война.

— Что же могло случиться?

— Вероятнее всего — защита. ЦОСы закрыты для всеобщего доступа. Здесь ведь тоже обитают не малые дети. Надеюсь, она не пострадала.

— Надеюсь, девушка еще заговорит. И не слезайте с каналов Реда-на. Резервные частоты контролируете?

— Вся аппаратура сейчас только на это и заряжена. Кроме той, что стоит на прослушке «Неодолимого».

— Результаты?

— Знаете, неожиданно интересные. До сих пор мы практически не выходили на их базу под названием «Отрог». Бывали какие-то обрывочные упоминания, не более. А сейчас обмен идет очень активный. Я сделал выборку для вас...

— Давайте. Новости с Левида?

— Все по-прежнему. Планета пуста. Третьи миры понимают, что в этом деле серьезные претенденты — мы.

— И Легана.

— Пока мы не нагрянем туда...

— Тогда и конкуренты окажутся там. Если что-то неожиданное им не помешает. А если мы не можем предвидеть неожиданности, то должны создавать их.

— Если бы мы смогли стартовать первыми — хотя бы на час-другой...

— Вряд ли здешняя власть допустит такой маневр. Но если «Неодолимый» не сможет стартовать одновременно с нами, это не явится причиной, чтобы задержать нас.

— Думаете, с ними может произойти что-то еще тут, на столе?

— Досадное происшествие остается всего лишь происшествием, если нельзя доказать злого умысла.

— Однако, если здесь наш человек будет пойман за руку...

— Значит, этот человек не должен быть нашим. Дождемся, пока не начнется погрузка купленного товара. Неужели мы не найдем нужного нам, одного из пяти тысяч?

— Найдем.

20.

Построение в Чусе затянулось. Вооруженные кадр-плейерами строевики бродили между шеренгами, глазами упершись в экраны, где через каждые несколько секунд возникал очередной файл. Солдатам разрешалось стоять «вольно», разговаривать.

— Рек, докладывай: откуда вдруг взялась эта?..

Реку не хотелось болтать о происшедшем. Куда важнее было — снова увидеть ее, успокоить, успокоиться самому...

— Вин, будет время — расскажу, а сейчас — прикрой меня, если хватятся: я сбегая домой. Выручи!

Вин Сит поджал губы. Конечно, неписанные законы солдатских взаимоотношений требуют помочь. Да и пусть крохотное, но чувство вины теплится в душе: по чести, прежде чем брать к себе прикрывающим родного брата Река, надо было спросить согласия старшего. Однако покрывать отлучку из строя — нарушение правил. А если соби-раешься быстро подняться по военной лестнице, незачем пятнать свою репутацию.

— Рек, как тебе в голову пришло — покинуть строй хоть на мину-ту? Лучше посмотри туда!

На трассе, в седловине между двумя пологими высотками, только что появилась — из-за обратного ската — колонна. Пешая. Ветераны? Раскатилась общая команда:

— Смирно! От центра к флангам на два шага — разом-кнись!

Разомкнулись. Ветераны стали занимать освобожденные места. И справа от Река квадрат занял один из них. Чувствуется по дыханию: давно не тренировался, жил приятной ветеранской жизнью, сладко спал, вкусно ел. Заслуженно. Постой, постой...

— Сомон Пул? Не обознался?

— Ну. Он самый. А ты?.. А! Вспомнил. Уже вышел?

— Так точно. Слушай, вас-то зачем пригнали?

Сомон Пул, посопев, ответил:

— Сказали — большие учения.

— В середине года? Правила...

— Эх, попугай крапчатый! Правила для тебя. Тебе нарушать их нельзя. А у начальства правила другие, и то, чего тебе нельзя, им — можно. Послужишь — поймешь...

Ветераны воображают, что они самые умные.

— Слушай сюда, — продолжал Сомон Пул. — Ты выпущен кем? Черный угол... охотник? Прикрывающего подобрал? Вижу, что нет. Значит, так. Пока не подобрал — имеешь полное право двигаться, искать, выбирать его. На это у тебя полчаса времени, коробки составлять будут только после того, как закончат со звеньями. А когда сформируешь звено, уже не побегаешь. Дом далеко?

— Рукой подать.

— Вот сейчас и исхитрись, если хочешь проститься. Только не

проси разрешения: никто его не даст. Когда коробки будут сведены, тогда разрешается прощание, но не вы домой, а родня — сюда. Если время останется. А его никогда не остается, схватил? Твои-то подойдут?

Рек Телан покачал головой.

— В общем, я тебе растолковал, дальше решай сам.

— Сомон, такое дело... Прикроешь меня?

Ветерану долго объяснять не приходится.

— Дуй! Только вернуться не забудь.

21.

Подсчитаем. Первое: я оказалась в одном из основных Центров образования Редана — там, где из людей-болванок изготавливают солдат. И убедилась в том, что уровень их подготовки соответствует обещанному. То есть мы можем получить здесь именно то, в чем нуждаемся.

Второе, и очень важное: в последнее время их не пополняли, не разбавляли ни недоученной молодежью, ни уже отслужившими ветеранами, ни какой-нибудь национальной гвардией. А это говорит о том, что никто не собирается подsunуть нам подделку вместо качественного товара.

Итак, задачу ты выполнила. Остается найти способ доложить все это. То есть добраться до «Покоряющего». Сложно. Однако выполнимо. Но как?

Ты хорошо знаешь: переброска значительного контингента даже и на небольшое расстояние всегда связана с сумятицей. Кто-нибудь обязательно попадает не в свой экипаж. И какие-то лица неизбежно окажутся незнакомыми. Железное правило. Если форма, которую ты носишь, и твое оружие со снаряжением соответствуют здешним — тебя считают своим. В крайнем случае — по ошибке оказавшимся в этом контейнере. Так что до места доедешь.

До какого места? А куда могут сейчас перебрасывать войсковую часть, предназначенную для продажи? Это известно заранее: перед тем, как окончательно оформить сделку — происходит предпродажный строевой смотр. Туда и повезут.

А как затесаться в ряды отправляемого войска, чтобы осуществить задачу?

Думай, думай!..

Нарин и думала. Быстрый холодный душ. Растереться жестким полотенцем докрасна. Затем...

Затем все пошло не совсем так, как предполагалось.

Дверь ванной распахнулась. Рек Телан. Хозяин дома. В полном боевом.

— Нарин...

Как все-таки вовремя он вернулся! Потому что только сейчас ее сознание заработало наконец в полную силу и на предельной скорости.

— Рек, помоги мне. У тебя есть второй комплект обмундирования?

— Как же иначе? Одно носим, другое стираем.

— А снаряжение? Оружие?

— Как положено. Оружие — учебный комплект.

— Давай все сюда. Быстро!

Когда-то ей специально ставили командный голос. Вот и пригодилось.

Одеться, снарядиться — две минуты.

— Как я выгляжу?

— Нормально. Но... ты ведь женщина!

— Ты хочешь, чтобы я была рядом?

— Всем сердцем...

— Тогда не говори глупостей. Сейчас ты поставишь меня в строй.

Если спросят — найдешь, что ответить?

— Скажу... скажу, что ты мой прикрывающий. Но неужели ты думаешь, что тебя примут за...

— Сейчас проверим.

В сумочке, кроме схемы «Незримости», обязательный набор всякой всячины. В том числе и масок. Волосы и так короткие, по-военному.

— Ну, а теперь? Разрешите представиться: солдат первого класса Нар Вен, прикрывающий. Разрешите стать в строй?

— Здорово! Как это ты ухитрилась?..

— Неважно.

Нормальное мужское лицо, даже с усами. Фигура, конечно, остается. Но в полном снаряжении разницы никто не увидит.

Занять места в строю они успели вовремя: составители звеньев и групп подошли уже совсем близко.

— Вы? Рапортуйте.

— Угол Рек Телан. Ведущий звена, Вольный охотник в пространстве любой сложности. Рапорт закончен.

— Есть ли возражения против назначения в группу Вольных охотников?

— Никак нет. Благодарю за честь.

— Вы? Рапортуйте.

Не моргнув глазом:

— Солдат первого класса Нар Вен. Профиль: ведомый, прикрывающий Вольного охотника.

— В паре с охотником Теланом?

— Так точно.

— Контейнер бортовой номер восемьдесят четыре, отправляйтесь на посадку.

В тесном контейнере уселись рядом. Переглянулись. Улыбнулись друг другу — одними лишь глазами. Перевели дыхание. Вбегали последние. Прогудел зуммер. Трансляция донесла голос командира летящего вагона:

— Недоносок на восемьдесят втором месте, пристегиваться за тебя мамочка будет? И батарею отсоединит тоже она? А ну мигом!

И полетели. Центр образования восемнадцатый провалился куда-то — вниз и в прошлое.

22.

— Командующий, разрешите доложить...

— Ну, что там у тебя — конец света? Какого именно? Название!

— Девушка возникла по ближней связи!

— Что? Когда?

— Пять минут назад.

— Почему же докладываете только сейчас?! Спали там?

— Фильтровали, думали — может, наводка...

— Думали? Не корабль, а прямо академия. Докладывайте. Где она?

— Похоже, в движении. Появилась в десяти километрах, но пока мы фильтровали, оказалась рядом. Судя по вектору — в воздухе. Вроде бы прилетела на чем-то.

— В таком случае... Да!

Не командный центр, а проходной двор. Ломятся все, кому не лень.

— Командующий, разрешите доложить!

Помощник вахтенного начальника.

— Вы приказали сообщать, когда начнется доставка товара. Только что сел первый контейнер. Полная группа при оружии и снаряжении.

— Свободен. — И связисту: — Уж не оказалась ли наша красавица в составе этого груза? От нее всего можно ожидать.

— По времени совпадает, по вектору — тоже.

— Так. До полного построения пройдет еще, полагаю, не менее двух часов. Достаточно, чтобы отыскать ее и наладить связь. Для этого вы без промедления выделите десять членов экипажа. Снабдите их подарками для прибывших солдат. Что-нибудь такое — лакомства, сувениры с Мадига, карманная троника и тому подобное. Вручите эти знаки внимания трем десяткам прибывших, без особого отбора. Но одной из тридцати должна оказаться Нарин. И ее сувениром окажется коммик. Одновременно передать ей устно мое приказание: без промедления сообщить все, что успела выяснить при выходе.

— Ясно. Разрешите вопрос: если при разделении контингента она попадет к противнику — будем отбивать?

Командующий пожал плечами:

— Зачем? Разве лишним будет — иметь своего человека в войсках противника? Совсем не худшая перспектива. Ну, действуйте — хватит болтовни, время уходит!

Конечно, нет уверенности в том, что она действительно крот. Все-го лишь подозрение. С разведчиками никогда не знаешь, что у них за душой. Не мы их хозяева. А мысль родилась хорошая: как заслать на борт противника своего диверсанта? Если девица окажется там — ничего лучшего и желать не приходится.

23.

Контейнеры прибывали с десятиминутным интервалом, и на большом плац-параде становилось все многолюднее. Но команды на общее построение пока еще не подавалось, передвигаться по плацу можно было свободно. Этим стоило воспользоваться. Свой корабль находился соблазнительно близко...

— Рек, я отойду к кромке плаца.

— Зачем?

— Тебе обязательно знать? Нужно.

Тут возразить было нечего.

— Иди, конечно. Только быстренько. В любой миг могут скомандовать построение.

Рядовой Нар улыбнулся; маска улыбалась совсем не так, как подлинное лицо, но Рек по-прежнему за пленкой видел неповторимую ее.

— Не задержусь. Да и бегаю я быстро.

Пока шел этот разговор, Нарин боковым зрением заметила: несколько человек приближались к плацу извне — оттуда, где в отдале-

нии находились СФ-столы. На одном из них покоился ее корабль. Каждый близившийся носил форму Высокого флота Мадига.

Люди с корабля, зачем бы ни шли сюда, вскоре возвратятся на борт. Затесавшись в эту группу, прикрываемая ими, она могла беспрепятственно вернуться на «Покоряющий».

А как же Рек?

Ничего: находясь на корабле, она сумеет, конечно, устроить так, чтобы Вольного охотника Телана отобрали в мадигскую часть контингента.

Нарин шла — не быстро, как бы разминая ноги после построения и полета, направление держала не прямо на приближавшихся, но расстояние между ними сокращалось. До группы оставалось не более двадцати шагов, когда составлявшие ее люди разошлись, пошли вее-ром. Каждый человек с корабля держал в руках какие-то пакетики, коробочки, флажки... Вот один из флотских поравнялся с солдатом, окликнул его. Оба остановились. Звездник протянул солдату то, что держал в руке, и оба стали разглядывать это.

— Восьмой!

Она вздрогнула. Повернулась. Узнала — сублейт из Боевой части-2: кваркотронная служба. Офицер протягивал ей что-то, по размеру — футляр для перстня.

— Первый приказал вручить. Воспользуйтесь немедленно, нужна полная информация.

Вот так — торопливо, без предисловий, зато с дружеской улыбкой, для наблюдающих со стороны.

— Сублейт, доложу лично на борту. Обеспечьте...

Продолжая улыбаться, он едва заметно качнул головой:

— Таких указаний не имею. Выполняйте приказание.

Повернулся и пошел назад. Через три шага оглянулся, помахал рукой, изображая дружеское прощание.

Как?! Это уже другая операция. Меня швыряют в нее, не спросив?

Пренебрежение? Или... удобный способ отделаться от меня? По возникшим подозрениям? Или просто — нас нигде не любят, потому что мы не подчинены временным начальникам, а только нашему Корпусу?

Обидно. Однако порядок действий таков: сперва выполни приказание, а потом можешь обижаться хоть до заворота кишок.

Ну что же, все готово к скоростной передаче. Подключить чип памяти. Нажать кнопку.

Все так просто. Но... нет.

Потому что чип этот пишет без разбора всё происходящее с тобой и вокруг. Тебе он не подчиняется. Он — как «черный ящик» самолета, корабля...

Но в этом «всём» оказалось слишком много личного. О чем докладывать она не хочет и не станет.

Только лично, командующий. Или...

А что, собственно, «или»?

Или — открытое неповиновение, разрыв связей. И вместо «Покояющего» — леганский корабль. Где я всего лишь рядовой, никакой не разведчик...

Что же: есть выбор.

На приборчике трижды мигнул зеленый, с булавочную головку, индикатор. Требуют передачи.

Нет, впору обидеться как следует. От души. Как это так — ее отказались вернуть на борт? О нее уже и ноги стали вытирать?

Хотя, похоже, на обиду времени не остается. Все зашевелилось. Значит, сейчас объявят построение. И товар будет предъявлен лицом.

24.

— Главный Щитоносец волнуется: все ли идет как надо. Уже чувствует себя генеральным директором фирмы. И проявил заботу о людях: посоветовал дать им право выбирать самим — на чью сторону вставать. Как это тебе?

— Человеколюбец. Как будто им не все равно. А что ты ответил?

— Согласился. И успокоил. Все по программе, сложностей не предвидится. Сказал, что сумму страхования продаваемых следует увеличить — процентов на двадцать. На такой шаг нужно его разрешение, но он, думаю, позволит.

— А они?

— Согласятся, если дать им понять: мы — люди понимающие, с жизненным опытом. И если где-то, когда-то, у кого-то возникнут предположения, что суммы, которые Редан получит за своих солдат, значительно меньше тех цифр, какие будут стоять в отчетах командующих, мы никак не станем реагировать. Просто промолчим.

— Интересно... велико ли будет расхождение?

— Ну... думаю, такое же, что и у нас.

— Ничего себе у них аппетит!

— Не нам одним жить хочется. Грешно не воспользоваться таким случаем. Потомки не простят.

— Думаешь, эти деньги дойдут до потомков?

Вместо ответа советник проговорил уже иным тоном:

— Ну-с, похоже, пора и нам выйти — поприсутствовать на предъявлении товара и понаблюдать за впечатлением, какое наши ребята произведут на военачальников. А также — не сцепятся ли покупатели уже на этом этапе. Может понадобится и наше вмешательство. Ты готов? Пошли. Достоинно, неторопливо, уверенно, честный, открытый взгляд, доброжелательная улыбка, бездна демократизма, но и ощущение собственного достоинства...

— И почему ты не пошел в театральные режиссеры?

— Мало платят. В юмористы бы пошел, но глуповатости не хватает. И вкус мне родители привили, к сожалению, хороший. Ничего, мне и тут не пыльно. Постой. Мне положено показаться первым. Не обижайся.

— Только после тебя, ваше превосходительство!

25.

Вся солдатская масса услышала: каждому предоставляется свобода выбора — в северную группу идти или в южную. Представителям обеих покупающих сторон дано было по пять минут на краткий рассказ о том мире, за который людям предстояло сражаться.

Что можно сделать за пять минут? Оглушить слушающих таким количеством информации, пусть и самой неправдоподобной, чтобы у них голова кругом пошла и они, не размышляя, кинулись именно в эту сторону.

Правда, покупающие стороны в этом смысле находились не в равном положении. Второй обладает преимуществом: слышит все, сказанное первым, и может заметить и учесть все ошибки. А также пусть не прямым текстом, но достаточно недвусмысленно указать на несообразности в картинах, развернутых первым оратором.

После недолгих препирательств решили бросить жребий. Начал Мадиг, и командующий Юкан Маро за условленные пять минут успел рассказать войску, что «Мадиг — мир из самых древних, с цивилизацией высокого уровня, сильный, богатый, добрый, освоивший уже много планет, где люди процветают; выигравший два с лишним десятка войн, причем потери в них всегда были самыми ничтожными по всем галактическим меркам. При этом сам он никогда не нападал первым, агрессивность Мадигу чужда. К людям, защищающим его интересы, он относится с величайшим уважением, всегда готов предоставить им возможность поселиться в любом из освоенных ми-

ров, обзавестись семьей, найти занятие по вкусу, богатеть, процветать — и никогда больше не подвергать себя никаким опасностям, если только непреодолимые обстоятельства не заставят снова взяться за оружие. И в той войне, которую Мадиг теперь несомненно выиграет, каждый ее участник сможет получить землю на той планете, за которую ведется спор. Так что, выбирая Мадиг, выигрывает не только сам принимающий решение, но и все его родные и близкие, и все их потомство, поколение за поколением. Кстати, девушки на Мадиге — как известно всей Галактике, отличаются красотой, добротой, кротостью и домовитостью. Если же кто-то предпочтет и далее пребывать в военном ремесле, то нигде в Галактике он не найдет лучших условий для служебного совершенствования и роста. Иными словами: парни, почему вы все еще не в нашем строю?»

Когда адмирал закончил, возникший гул ясно дал понять, что его слова не прошли навялет, из уха в ухо, но были действительно услышаны, оценены и приняты к сведению.

Экибал Тустас отлично понимал это. Однако не смутился. И заговорил уверенно, напористо.

«Что же лучше: полная сил, надежд, дерзаний молодость — или общество, вынужденное по своей старости вести осторожный, скучный, лишенный серьезных интересов образ жизни? Такое, что не стремится более к прогрессу, новым успехам и блистательным победам, но пытается лишь заранее проигранной войной сохранить видимость величия? Прекрасное утро ближе вам или печальный вечер, пора затухания? Это ведь не просто вопрос возраста. Старость мира — это множество традиций, запретов, предубеждений, унаследованных от прошлого, а следовательно — отставание и в промышленности, и в торговле, и в культуре, и в военном деле. Желает ли настоящий солдат сражаться устаревшим оружием против войск, оснащенных техникой завтрашнего дня? Хочет ли солдат, чтобы им командовали согласно тактике прошлого века — или предпочтет пользоваться последними достижениями военной мысли? Безусловно, очень приятно считать, что после окончания контракта ты сможешь рассчитывать на местечко на каком-нибудь из третьестепенных мирков. Но для воина устаревших вооруженных сил велика ли вероятность — дожить до окончания контракта? Нет слов, вы, мои слушатели — военные профессионалы высокого класса. И способны с минимальным ущербом выполнить поставленную перед вами задачу. Но лишь при условии, что задача эта поставлена правильно, что замысел ее не ошибочен, процент риска в ней не превышен, короче — что она вообще выпол-

нима. У солдат, защищающих интересы Леганы, есть постоянная уверенность в правильности любой поставленной перед ними задачи, когда их профессиональное умение позволит решить ее без ущерба и для своей армии и командования, и для себя лично — а ведь это существенное обстоятельство, согласитесь. Наш мир ведет справедливые войны, потому что в каждый мир, вступающий в область нашего влияния, мы приносим дыхание современности — сегодняшнюю технику, сегодняшнее право, сегодняшние нравы и обычаи. И это дает любому из вас полную возможность не беспокоиться за судьбу и лично вашу, и всех людей, чей удел вас волнует: эта судьба в стремительно развивающемся, сильном и свободном мире не может не быть так же стремительно и успешно развивающейся. Друзья, мы все, граждане Леганы, пришли на эту планету исторически совсем недавно, мы рады, что оказались там — и призываем вас следовать тем путем, что мы для вас уже протоптали. Кстати: земля на спорной планете каждому из вас уже обеспечена, и это вовсе не пустое обещание. Так что — Легана: величие и счастье!»

И снова загудело, но трудно было сказать: громче, чем после первой речи, или нет.

Советник Ном заключил:

— Десять минут для самоопределения. Пошел отсчет.

— Как полагаешь, — негромко спросил генерал Берот, — куда пойдет большинство?

Советник пожал одним плечом, показывая, что это его не волнует.

— Большинство, — лениво ответил он затем, — не пойдет вообще никуда, будет дожидаться распределения. Сейчас определится процентов семь-восемь — думаю, примерно поровну.

— Так мало?

Советник усмехнулся:

— Не забудь: тут у нас треть — ветераны, а они знают цену посулам. А из молодых большинство еще продолжает верить, что это — игра, как было объявлено, и разговоры эти — всего лишь ее часть. Так что ребята не утруждают себя размышлениями. Ладно, вернемся в контору, посмотрим — все ли готово к обсуждению сделки. Вот там будет серьезно, остальное все — суета и томление духа.

26.

Рек Телан спросил своего прикрывающего:

— Ну, и куда же мы с тобой, как думаешь?

Одновременно к ним приблизился Вин Сит. Похоже, он принял прозвучавший вопрос на свой счет и уверенно ответил:

— Мадиг, конечно. У него чувствуется солидное основание. Фундаментальный мир. А Легана — вчера их еще не было, где гарантии, что они будут завтра?

После секундной паузы Рек покачал головой. Может быть, потому, что мгновением раньше точно так же качнула головой Нарин.

— Я еще подумаю.

— Ну, смотри, — ответил на это Вин. — Ладно, честь и слава. Живи, пока можешь.

— Живи, пока можешь, — вдогонку ему эхом откликнулся Рек. И перевел взгляд на стоявшую в двух шагах Нарин. Она повернулась к Реку:

— Нет.

— Нарь, что «нет»?

— «Нет» означает — выберем Легану.

— Почему?

— Объясню, когда будет время. Просто верь мне. Веришь?

— Осталось две минуты для решения, — раскатилось над плацем.

— Верю, — сказал Рек.

27.

В конференц-зал Государственной лизинговой комиссии обе торговые делегации вошли одновременно и заняли места на противоположных сторонах длинного прямоугольного стола. С короткой, торцевой, уже расположились представители продающей стороны. И глава Лизинговой комиссии не стал терять времени.

— Обе предъявленные вам партии товара, — заявил он, — абсолютно равнозначны. Каждая насчитывает в своих рядах ровно по пять тысяч сто шестьдесят человек. Переданные вам личные файлы контрагтуемых, надеюсь, убедили вас в том, что предложенный товар действительно является первоклассным.

— Для полной уверенности мы все же хотим проверить возможности товара в действии. Судя по вашим данным, в составе каждого контингента имеется Вольный охотник. Мы предлагаем проверить их звенья в поединке. Таково наше согласованное мнение.

— Благодарю вас, — сказал советник и даже изобразил полупоклон. — Предложение следует охарактеризовать как соответствующее обстановке.

28.

— Что будем делать? За себя я спокоен, но ведь ты...

— Не бойся, Рек. Постараюсь не сплеховать.

Разместиться в тесноватых кабинах имитаторов облаченными в пустотные скафы проверяемым оказалось непросто. Но — справились. Увидели на экранах мониторов друг друга — то есть те боевые аппараты, в которых они якобы находились. Черное пространство с всегда волнующими звездами. И в этом пространстве — на расстоянии в пару десятков километров — еще два кораблика: противник.

По связи доносилось:

— Три, два, один — бой!

— Давай, Нарь, покажем им — что почем!

Прежде всего — маневрирование. Стараешься понять почерк противника: что он любит, как реагирует вот на это движение твоего «клюва», легкий, едва заметный доворот? Быстро старается ответить тебе тем же. Притворяется, что это ты вынудил его сделать такое движение — а на самом деле оно у него уже было задумано, он лишь старался, чтобы ты этого не понял и сразу же не предпринял контрманевра. Но дурачки все давно повымерли. А вот сделай мне одолжение: выпусти с расстройства парочку ракет!

Нет. Против тебя — не «чайник». А боец, понимающий не меньше твоего. Дьявол! Зазевайся я сейчас на четверть секунды — и он захлопнул бы мышеловку, которую на моих глазах соорудил в общем-то из ничего. Это артист. Фу ты, даже пот прошиб. Ничего, жизнетехника вмиг все подсушит. Нет, с этого парня глаз не своди.

Но, кажется, и он сообразил, что не с простачком играет. Не стал повторять тот же маневр.

Похоже, против тебя выступил не кто-нибудь. Это Вин. Нарин, умница, настояла: не идти обоим в одно войско. Однако вот же приходится соревноваться. Пусть пока не всерьез: имитаторы не убивают.

Да. Но если ты сообразил, кто там против тебя, то и он то же самое понял о тебе.

Если среди наблюдающих есть профессионалы — они уже смекнули, чего мы стоим, и один, и другой. Вот сейчас я, в свою очередь, уже почти загнал его в чертовы штаны. Можно его добить. Бросить гравушку...

— Рек! Рек! Шесть часов!..

Это Нарин. Что там?..

Сукин сын, Вин! Он сознательно шел в ловушку, зная, что у меня

не будет времени отвлекаться на заднюю полусферу. Он знает, что мой прикрывающий на самом деле может всего лишь сыграть прикрывающего, но не всерьез. И отвлек меня, а его роланд — похоже неплохо обученный — тем временем подобрался ко мне, чтобы ударить в спину. Нарин предупредила. А в схватку с ним вступать не стала — ну не умеет она этого!

Вспору растеряться. Ударить сейчас по подкравшемуся со спины? Торпеды он не стоит, она — для главного противника. Крутануться «обратной радугой», ударить радионами, всей батареей? Опасно: там широкий захват, он-то не выскользнет, но и Нарин может попасть под удар. Она ведь...

Постой: где же Нарин?

Ее нет. Нет ее «когтя». Исчезла? Сбежала? Женщина...

А это что?

Рек не вмиг поверил тому, что возникло на мониторе.

А вернее — не возникло. Наоборот: исчезло. И не просто так. А со взрывом. Только что там существовал виртуальный «коготь» прикрывающего противной стороны. Ловкого роланда. И вот его больше нет.

А в подтверждение — плакетка на экране:

«Корабль-2 синего участника уничтожен».

Прости, Нарь. На миг потерял веру в тебя. Виноват.

Вот ты где — как будто из ничего возникла у Вина в тылу. Сказать ему, что это означает? Это...

Хотя ничего объяснять не стану. За меня это делают экзаменаторы:

«Корабль-1 синей стороны находится под перекрестным огнем условного противника. Ситуация оценивается как опасная».

Вот так. Получил?

Хотя... экзаменаторы молчат. Проглядели! Тоже мне, спецы...

Нет, каков стервец! Ну, красавец! Как он ухитрился? Совершить немыслимый пируэт, крутанувшись, как говорится, на пятке — и одним движением выскользнуть из поражаемого пространства. Нет, конечно же, Вин не умеет проигрывать — как он сам о себе говорит.

Что он сейчас — в атаку? Один против двоих?

— Ах, чертов ты сын!..

Это восклицание вырвалось невольно. Потому что противник не только выскользнул из поражаемого поля. Но ухитрился и так рассчитать траекторию, что оказался за кормой «когтя» Нарин. А она, видно, позволила себе чуть расслабиться — после того, как разделалась с противостоявшим ей участником. И вот результат: «клюв» противника дает залп из обоих деструкторов фронтальной полусферы.

Будь это в реальности, Нарь, мне хватило бы горя до конца жизни. Да, вот:

«Прикрывающий зеленой стороны уничтожен прямой атакой».

Ну погоди, Вин. За нее я тебя сейчас...

Жаль. Ничего больше не смогу тебе сделать. Время истекло. Пятнадцать минут.

«Отбой игре. Общая оценка: результат ничейный, но с преимуществом у синей стороны».

Получается, что Вин выиграл? Теперь и вовсе возомнит о себе. Нарь, ладно, не огорчайся. Мы им еще покажем.

Высвобождаясь из скафандра, он так и сказал Нарин. Она только кивнула, занятая в тот миг отсоединением от пульта имитатора какой-то схемы. Думала же она в тот миг совсем о другом: никто из наблюдавших ничего даже не заподозрил — настолько мгновенным был маневр. А выиграли или проиграли — все равно это только игра. Настоящее — впереди.

29.

Заключение сделки прошло быстрее, нежели предполагалось, споров и несогласий оказалось куда меньше, чем ожидали представители Редана. Похоже было, что оба покупателя непродолжительным конфиденциальным разговором с советником Номом остались удовлетворены. На чем такая уверенность основывалась — знали, пожалуй, только они сами, но делиться своими аргументами с кем бы то ни было не собирались.

Просочилась лишь информация: договорились о цене — три миллиарда с каждого покупателя.

После чего командующий силами Магида отправил своему правительству сверхсрочное и сверхсекретное послание:

«Удалось приобрести все требуемое. Компромиссная сумма сделки — три миллиарда пятьсот миллионов баллов. Срок трансфера — одни сутки. Главный адмирал Маро».

Депеша, ушедшая с борта «Неодолимого», отличалась от магидской лишь подписью: под ней стояло имя маршала Тустаса.

30.

Я, по собственной воле и желанию поступивший на военную службу в Вооруженные силы мира Легана...

Да, для него очень просто — произнести и подписать. Но совсем не так для нее. Служа в разведке, порой запутываешься до того, что...

...присягаю и торжественно клянусь: на весь срок, предусмотренный контрактом, заключенным мною с миром Легана, отдавать все свое время, силы и способности...

Нет, кажется, приходит время изменить жизнь. Так, чтобы не обидеть ни учителей и командиров, ни себя самое... и Река тоже. Разведкой руководят умные люди. И когда они понимают, что у подчиненного возникли действительно серьезные причины выйти в отставку, они не возражают. При том условии, конечно, что разведка при этом не потерпит никакого ущерба ни сейчас, ни в будущем. Но она их не потерпит. Наоборот. И, пожалуй, можно будет в осуществлении планов рассчитывать даже на поддержку со стороны Корпуса.

...делу защиты и утверждения государственных и иных интересов мира Легана в любой точке обитаемого и необитаемого пространства, на поверхности любой планеты или другого небесного тела, выполнять без страха и сомнений любой приказ или иное распоряжение людей, властью Леганы поставленных командовать и распоряжаться мною, даже если ради этого...

«Да, подруга Нарин, план твой хорош, хотя и выглядит сумасшедшим. Но в нем полно недостатков. Не возвратившись на «Покоряющий», ты теряешь возможность контролировать его связь. А это очень важно именно сейчас. Потому что сделка заключена, и по этому поводу наверняка Маро послал соответствующее сообщение. Интересно было бы узнать его содержание. Будь я на борту, я бы... но меня там нет».

...мне придется подвергнуть себя угрозе гибели. Если же я намеренно или произвольно нарушу эту торжественную клятву, то пусть меня постигнет наказание, предусмотренное для таких случаев военным законодательством мира Легана...

«Хотя, собственно, — продолжала думать она, — разве не осталось никаких возможностей? Они всегда есть — надо только вовремя увидеть».

У меня есть средство связи с кораблем: любезно переданный ими коммик. Предположим, я вызываю корабль. Мне отвечают. Что дальше? Мне надо там хоть за что-то зацепиться. Оказаться в корабельной сети. Сделать так, чтобы меня не отключили сразу. Это возможно? Чем я могу их заинтересовать? Моих — теперь уже бывших — командиров?»

Мысли бежали, а губы тем временем послушно повторяли:

Настоящая присяга сохраняет свое действие до конца срока заключенного контракта и автоматически продляется в случае перезаключенного контракта

чения контракта на новый срок. Действие присяги прекращается также в случае преждевременного расторжения контракта вследствие ухудшившегося состояния здоровья или иных необоримых причин.

«Всевидающий, какая же я дура! Есть, все есть! Нужно только как-то уединиться, чтобы никто не услышал — и не помешал».

— Идем, прикрывающий, одарим начальство своими автографами. Что ты там увидела?

Последние слова Рек произнес, заметив, что Нарин внимательно всматривается в происходящее на противоположной стороне плаца — где приносили присягу оказавшиеся на стороне Мадига.

— Твой якобы победивший друг, — объяснила она. — Похоже, ищет нас. Ага: увидел. Идет сюда. Как думаешь зачем?

Рек только пожал плечами:

— Да просто побыть немного вместе — перед расставанием. Нам обоим будет не хватать друг друга. — Он улыбнулся. — Но у меня есть ты. Так что я в выигрыше. Честь и слава, Вин. Рад, что вышло еще раз увидеться.

— Слава и честь, побежденный! — Вин странно усмехнулся. — Хотя, может быть, сегодня не я победитель, а вот он? — Кивок в сторону Нарин. — Или, вернее, она?

Ничего в этих словах вроде бы не было плохого. Но что-то в них Реку не понравилось; интонация, может быть?

— Ты так считаешь? — спросил он, все еще улыбаясь, но уже скорее по инерции.

— Поэтому и хочу поговорить с тобой до того, как разлетимся в разные стороны. Девушка, вам это вряд ли будет интересно...

Нарин вскинула голову, хотела, видимо, ответить что-то резкое, но вовремя сдержалась. Даже улыбнулась. И сказала:

— Рек, я пойду поближе к кораблю. Все равно скоро сыграют сбор.

И ушла, спиной ощущая взгляды, стараясь идти по-мужски: побольше резкости, поменьше грации. Вин с полминуты провожал ее взглядом, потом повернулся к Реку:

— Что за хитрости применяет твоя подружка в бою?

— Не понял.

— Да брось ты. Не верю, что ты не заметил. Объясни: как это она смогла оказаться у моего роланда за кормой? Чтобы попасть туда, ей обязательно надо было пройти в поле моего зрения. Но ее там не было! И тем не менее она возникла там, где никак не могла. Каким образом?

«Вот он о чем. Ну да, я, собственно, тогда и сам не совсем понял. Но не до размышлений было — бой есть бой, и в нем замечаешь лишь

главное: то, что относится к тебе, твоей позиции, твоим действиям. Хотя, конечно, я, ведущий в звене, должен контролировать и действия прикрывающего, но это — теория, а практика — это опыт, которого пока нет ни у меня, ни у Вина. Он тоже чего-то не заметил, вот и недоумевает, задает вопросы. А на самом деле все наверняка объяснимо самым простым образом».

Рек усмехнулся и пожал плечами:

— Вин, да нет у нее никаких особых приемов. Ты просто не ждал, что она покажет такое умение. Это понятно: ты ведь о ней ничего не знаешь. А она — из кадровой семьи и с раннего детства...

Не позволяя закончить, Вин отмахнулся от такого объяснения:

— Рек, нет времени на споры. Но совет мой: предупреди ее, чтобы в будущем таких хитростей не применяла. Это... это нечестно, скажу я тебе. Иначе...

— О, черт. Уже сбор. И у тебя тоже играют. Ладно. Прощаемся.

Они обнялись. Застыли на несколько секунд в такой позе. Затем разом сделали по шагу назад.

— Ну, живи, пока можешь.

— Живи, пока можешь, и ты.

— «Покоряющий»?

— Пост связи слушает. Назовитесь.

— Средлейт Нарин. Соедините с командованием. Даю информацию.

— Включаю запись. Командование ответит, если сочтет нужным.

— Передаю.

«Так. Вот мы и в сети. Информация подождет. Какой код исходящих? Он сидит в памяти, никуда не делся. Вызов. Соединение. Мой чип пишет. Вот как все...»

— Средлейт! Почему молчите?

— Минутку... что-то с моим чипом. Не могу... Вызову вас позже.

— Не прерывайте связь. Будет говорить капитан Симод.

— Слушаю.

— Нарин? Слушайте внимательно...

31.

На «Покоряющем» в апартаментах командующего состоялся разговор, собеседником в котором был капитан Симод.

— Объясните еще раз, капитан: что произошло и как? Я не все понял.

— Да, командующий. Прежде всего я, согласно вашему приказу-

нию, вызвал на связь разведчицу. Потребовал срочно слить добытую информацию. И изложил задание: на несколько минут сойти с корабля, встретиться с нашим человеком и получить от него взрывное устройство. Установить его по возможности поближе к командному центру. Покинуть корабль. Заверил, что мы немедленно возьмем ее на борт. Ответ оказался неожиданным. Она заявила, что отныне, являясь солдатом Леганы, прерывает всякие отношения с нами. Заверила, что работать против нас не собирается. И отключилась. На повторные вызовы не откликнулась. Вот все.

Командующий усмехнулся уголком рта.

— Сделаем вот что: сбросим им послание...

«Как бы от частного лица: нам-то они не поверят, а...»

— Конечно, там она объявлять себя разведчиком не станет. Но если она отказывается активно работать на нас, то почему бы не сделать этого нам? Потому что, узнав, что она разведчик, они, скорее всего, примут меры. Разведчик не может не собирать информацию — это для него все равно что дышать. А им это так же ни к чему, как и нам самим.

— Вы думаете, они нам поверят?

— А мы анонимно.

«Командующему войсками мира Легана на борту корабля «Неодолимый». От подданного нейтрального мира, сочувствующего делу Леганы и желающего ей успехов.

Я располагаю информацией о том, что среди приобретенного вами на Редане контингента имеется разведчик Мадига, чья задача — внедрившись, держать вашего противника в курсе всего происходящего на вашем корабле: о ваших перемещениях, маневрах и замыслах.

Этот человек оказался у вас под маской прикрывающего Вольного охотника. На деле это — женщина, профессиональный военный разведчик.

Считаю своим долгом сообщить вам эти факты.

Патриот Леганы».

На «Неодолимом» сообщение приняли. Но начальству не доложили: было приказано частную переписку не рассматривать до выхода в Нормаль. Дел и без того было выше головы.

32.

— Интересно, — сказал советник Ду Ду Ном, — удастся ли им и при старте сохранить синхронность, как при посадке? Ставлю сотню на то, что Мадиг вырвется первым.

— Принимаю, — откликнулся генерал. — Ставлю на одновременность в пределах секунды. Можно включать автоматику?

— Разрешаю. Пошел!

«Вам объявлен старт. Отсчет: десять. Девять...»

Голос автомата был сухим, резким.

«Четыре... три... два...»

Грянули сирены. Воздух вокруг обоих кораблей закрутило вихрем: включились стартовые антигравы. И амортизирующие системы обоих боевых транспортов одновременно оторвались от столов.

— По нулям, — сказал советник несколько разочарованно.

33.

Оба транспортно-боевых гиганта, стартовав и отдалившись от планеты на полагающееся расстояние, включили двигатели маршевой группы.

Для Редана эта операция закончилась. А для противостоящих друг другу Мадига и Леганы она только сейчас началась по-настоящему.

Для победы в войне нужно сражение, а для него требуется, кроме своего, еще и желание противной стороны: если такого нет, то врага необходимо вынудить принять бой.

Где? Вот вопрос, который не так-то легко было решить сразу. Выбрать один из двух главных вариантов.

Привычнее, надежнее было драться в Нормали, где не только известны, но и не раз испытаны тактические ходы и комбинации и для нападения, и для защиты. Где можно было бы задействовать только что приобретенную армию и все современное оружие. У такого решения была масса преимуществ. Но имелись и недостатки, с точки зрения командующего — достаточно существенные. Хотя к искусству ведения боя они не имели отношения.

Сейчас Главный адмирал испытывал странное ощущение, до сей поры незнакомое. То было едва ли не физическое давление, затруднявшее и мышление, и даже (так казалось) дыхание.

Давили деньги. Очень большие. Полмиллиарда баллов, совсем недавно перечисленные им на личный счет в Кредитном товариществе «Сириус» в маленьком мире Шевор, известном своими банками.

Не то чтобы до этого Маро был бедняком. Командующему никто не позволит прозябать в скудости. Однако то, чем он располагал до сих пор, было безделицей, карманной мелочью по сравнению с тем, что получил он после торговой операции на Редане.

И эти деньги давили. Они требовали приумножения.

О таком свойстве больших денег знают только те, у кого они есть. Лишь получив их, человек начинает понимать, кто теперь хозяин в его жизни, мыслях, поступках. Не он. Они.

Решение вопроса о месте сражения позволяло увеличить свой капитал еще на заметную сумму. Или — не увеличивать.

С этой точки зрения, выход в привычный континуум и сражение там никакого дохода не обещали. Наоборот.

А вот столкновение в Просторе сулило, напротив, такие выгоды, какими не бросаются.

В Просторе пятидесяти тысячному войску делать было совершенно нечего. Армия предназначалась для боя на поверхности планеты. В данном случае — спорного Левида. В Просторе же она могла по-прежнему спать.

Спящий не ест. Прокорм одного солдата в сутки обходится (в нынешнем случае — Юкану Маро, поскольку он, естественно, распоряжался кассой во время похода) в сто семьдесят пять баллов. А всего закупленного войска — в девятьсот три тысячи. Почти в миллион! В сутки! А сколько еще дней потребуется для одержания победы в Нормали? Учитывая расстояния, какие придется преодолевать в треугольнике Мадиг — Легана — Левид, вряд ли можно будет уложиться в месяц. Тридцать миллионов баллов на одну только кормежку!

С такими убытками можно бы еще примириться, если бы воевать в населенном, зажиточном мире. Армия кормилась бы за счет туземцев, не нанося ущерба экспедиционной казне.

А на Левиде взять нечего и не с кого.

Но это опять-таки сущая мелочь по сравнению с другими убытками.

Потому что при военных действиях их участников ранят и убивают. К сожалению. И не потому, что людей жалко. Нет, их жалко, конечно. И живых жалко — отцов, матерей, жен, детей... Но!

Но все эти родные-близкие получают очень неплохие страховые премии и за убитых, и за раненых. Они будут получать!

А он, главный адмирал Маро, будет платить!

В таких войнах наступающая сторона теряет убитыми до пятнадцати процентов личного состава. Семь с половиной сотен. Сумма страховки одного солдата — тут Редан просто взял покупателей за горло — миллион баллов. Все это получают реданские торгаши. И ведь их никак не заставишь поделиться.

В то время как, если эти семь с половиной сотен погибнут лишь в донесениях, то эти деньги будут якобы выплачены семьям, а на деле солдаты получают участки на завоеванной планете, деньги же присо-

единятся к тем, что уже лежат на Шеворе. И кормовые, и смертные.

Разве все эти соображения не говорят о том, что воевать нужно тут?

Говорят, и еще как громко! Как убедительно!

Воевать — в Просторе. Решено.

И только в крайнем случае, если Тустаса никак не удастся заставить принять бой здесь, придется перенести театр военных действий в Нормаль, проскочив Простор на предельно возможных скоростях, и по кратчайшей траектории двинуться не к Левиду, но именно к Легане. Когда угроза нависнет не над каким-то необитаемым, хотя и не совсем диким небесным телом (из-за которого, собственно, и вспыхнула война), но над самой Леганой, у ее армии и флота не останется иного выхода, как встать на защиту и принять сражение. Потому что альтернативой может быть только уничтожение этого мира, если и не физическое, то уж политико-экономическое во всяком случае.

Однако адмирал Маро был почти уверен в том, что и командующий Тустас не станет избегать сражения. Прежде всего потому, что и леганец явно зачерпнул из лившегося на него денежного потока — и не солдатским котелком, а налил большую-большую цистерну. Тустас хорошо умеет отличать черное от белого и прибыль от убытков.

Именно таким был ход размышлений командующего мадигскими вооруженными силами. А результатом их стало приказание, отданное командиру «Покоряющего»: немедленно начать сближение с «Неодолимым».

Командир же Симод осмелился возразить:

— Прежде следовало бы установить, куда ушел «Неодолимый».

— Вот новости! — сказал адмирал сердито. — Куда ушел? В Простор, ясное дело. И там мы должны его обогнать. И драться там! Вы слышали когда-нибудь о «Схватке под ковром»?

Робус Туч помедлил с ответом не более трех секунд.

— Если вы имеете в виду «атаку Стизла»...

— Именно ее.

— ...то как-никак два с половиной века прошло. Это история. Если все это было в действительности, то Стизл допустил риск, намного превышавший дозволенный уровень. Но при точном выполнении условий такие действия дают несомненный выигрыш.

— То есть вы не считаете, что это — всего лишь легенда, миф?

— Как вам сказать... Дыма без огня не бывает, не так ли?

- А вы лично решились бы на такое дело?
- Я высоко ценю Стизла, как судоводителя и воина — если только история не врет. Но я вряд ли сильно уступаю ему.
- Иными словами — рискнули бы?
- Не люблю нарушать устав. А по уставу такие операции — ваш уровень компетенции, не мой.
- Вам нужен письменный приказ?
- Безусловно, адмирал.
- Вы его получите.
- Благодарю за доверие.
- Детали обсудим, когда окажемся в Просторе.

34.

«Атака Стизла» в истории космических войн (а другие давно уже и не велись) занимала особое место потому, что была единственной в своем роде. Во всяком случае, только о ней и было известно, как о боевой операции, предпринятой в Просторе.

Вообще такие операции никогда и никем не запрещались — из-за их явной невозможности.

Желающих рискнуть собственным существованием для того, чтобы проверить, действительно ли всякая попытка активности приведет к гибели корабля вместе со всей его начинкой, не находилось.

Трудно сказать, руководило ли капитаном Стизлом желание опровергнуть общепринятую истину, проверяя возникшие у него идеи. Скорее всего, нет. Стизл, по отзывам современников, был человеком крутого характера, самоуверенным, вспыльчивым. В ярости уже не в силах был считаться с уровнем риска и требованиями здравого смысла. Как ни странно, это приносило ему успех.

Факты же таковы: в ходе Магнус-Артонской войны (со дня ее окончания прошло уже вести пятьдесят лет) «Двуглавый тигр», суперкрейсер-деструктор Артона, вырвался из Простора на минимальном расстоянии от поверхности Магнуса, что обеспечило внезапность удара. Который тут же и был нанесен всеми имевшимися у «Тигра» средствами. Не по военным центрам, поскольку все они уже в те времена базировались в пространстве, но по жизненным. Разрушения были колоссальными, убытки — неимоверными, число жертв — огромным.

Произведя этот суперзалп, «полосатая скотина», как именовали крейсер в стане противника, в считанные минуты вновь довел скорость до прыжковой — и исчез в Просторе, устраняя всякую возмож-

ность преследования. Так, во всяком случае, полагали люди и на «Тигре», и на Магнусе.

Кроме капитана Стизла.

Он в то время находился на борту «Рыжей Су» (это странное для корабля такого класса имя носил его супердест) в системе звезды Уль. По данным разведки Магнуса, «Двуглавый тигр» собирался выпорхнуть из Простора именно в тех краях, и Стизл намеревался встретить его там, дать бой и уничтожить. Как оказалось, то была всего лишь операция по дезинформации, которую разведка Артона провела на высочайшем уровне.

Узнав по вневременной связи, где появился «Тигр» в действительности и что там натворил, капитан Стизл мгновенно пришел в состояние неистового гнева. Одновременно он получил и приказ — немедленно прибыть на Магнус, чтобы обеспечить миру надежную защиту от возможного повторения разгромной атаки.

Последние остатки здравого смысла успели подсказать капитану, что это сейчас как раз менее всего вероятно: «Тигр» ждет именно такой реакции на проведенный им налет и возвращаться туда не осмелится. Последовавшее затем нарушение полученного приказа диктовалось уже не рассудком, а эмоциями. В те мгновения весь смысл жизни для Стизла сосредоточился на единственном действии: найти и уничтожить. Капитан Стизл немедленно начал разгон с предельно допустимым ускорением и вломился в Простор уже через два часа, даже не думая о том, что тем самым установил рекорд.

Очутившись там, в неведомо каком туннеле (карт Простора не существует потому, что он постоянно изменяется, его структура находится в вечном движении), Стизл, как настоящий сумасшедший, стал прошивать один туннель за другим на предельной скорости, нарушая все правила и установления. Как ему вместе с кораблем и командой удалось сразу же не разлететься в кварки, до сих пор остается непонятным, физика Простора даже и сегодня является только едва открытой книгой. Сам Стизл, как рассказывают, впоследствии на такие вопросы отвечал одно: «Судьба хранит пьяных и влюбленных, а также одержимых» — и, похоже, сам верил в это.

Лихие действия позволили быстро установить, в каком именно узле Простора находится «Двуглавый тигр». Пират занял один из узлов, близких к месту его последнего входа в Простор, и подстраховался там всеми возможными способами. Напомним, что узел — это точка, где пересекаются туннели (название, конечно, весьма условное), то есть

каналы видимости в постоянном, непроницаемом для чего бы то ни было тумане Простора. Чтобы обезопасить себя от любого нападения, достаточно туннели, ведущие в узел, запереть — то есть поместить в каждом хотя бы один предмет: маяк, катер, гравимину, мешок с мусором, все равно. Пропускная способность туннеля равна единице, и если в нем что-нибудь уже находится, то ничто другое пройти не сможет.

«Тигр» так и поступил. Почему он решил отстояться? Вероятно, по той причине, что имевшийся у него боекомплект израсходовал, атакуя Магнус. Кроме того, на борту «Тигра» находилось пять тысяч солдат, поскольку первоначально предполагалось не только разбомбить Магнус, но и выбросить десант. Этого, однако, не сделали: прежде нужно было избавиться от «Рыжей Су», потому что если бы она подошла и атаковала во время высадки, то десант непременно погиб бы: в момент высадки он беззащитен. И на «Тигре» решили прежде высадить на базе солдат, пополнить боезапас и лишь после этого начать охоту за «Рыжей».

Итак, место «Тигра» капитан определил. Как и то, что все три входящих туда туннеля перекрыты. Но сейчас ему было наплевать на все на свете.

И Стизл принял воистину сумасшедшее решение: толчком отшвырнуть выставленный «Тигром» катер, приблизиться к врагу и...

Тут было самое время самому себе задать вопрос: «И что?».

Действительно. Несмотря на то, что у «Рыжей Су» боезапас был в полном порядке, здесь это никакой роли не играло. Даже в приступе безумия Стизл не забывал: подобное невозможно!

Невозможно — потому что те крохи физики Простора, какими люди уже обладали, достаточно ясно говорили: подобные способы высвобождения энергии в Просторе способны запустить реакцию непредсказуемых масштабов и последствий.

Что же оставалось?

У Стизла не возникло ни малейших сомнений: ударить в слабое место. Свое уязвимое местечко имеет даже максимально защищенная система. Слабым местом любого корабля, способного выходить в Простор и там преодолевать звездные расстояния всего лишь за часы или, на худой конец, дни нормального времени, являлась система пространственных антенн. Порождаемое генераторами Нора—Сенина поле при помощи этих антенн в момент прыжка создает вокруг корабля подобие оболочки, удерживающей частицу нормального пространства. Полусферические антенны эти (число их варьировалось в

зависимости от размеров и массы корабля) симметрично располагались на поверхности звездолета, из-за чего он производил впечатляющие монстра, покрытого редкой чешуей.

Капитану Стизлу было известно: выход из строя одной-единственной антенны нарушал единство всей системы, в сохраняемом пространстве возникала дыра. Пусть даже маленькая дырочка. Но недаром говорят, что вода себе дырочку всегда найдет; и это — густая, массивная, вязкая вода, а уж пустота...

Следовательно: если нарушить исправность хотя бы одной антенны, то... Вот именно. Только как это сделать? Точным выстрелом из любого имеющегося на борту оружия? Отпадало: Простор, как уже сказано, не терпит вмешательства в его энергетику. А как же тогда?

Да очень просто: при помощи маленькой, такой несовершенной человеческой мышечной силы. Если человек, вооруженный хотя бы десантным кинжалом, подобрется к антенне, ее двухмиллиметровый металл он за несколько секунд превратит в лохмотья. Надо только подобраться к кораблю.

Но чтобы подобраться, человеку надо, пусть на секунды, оказаться в открытом Просторе. И это будет означать его немедленный конец.

А если в боевом скафандре?..

Нет: этот полезный аппарат не приспособлен для автономного пребывания в Просторе.

Все это Стизл прекрасно знал. Однако, хотя он и приказал приготовить его личный скаф к выходу за борт, соваться в нем в Простор то ли не решился, то ли (что более вероятно) о таком варианте просто не думал. А «Рыжая Су», отшвырнув с пути маячок и при этом не пострадав, была уже почти рядом с «Тигром»; во всяком случае, носовая часть ее изолирующего поля уже без малого соприкасалась с границей такого же прикорабельного пространства, или *пристранства* противника.

В чем заключался замысел капитана Стизла, выяснилось, когда он приказал старшему офицеру:

— Сим, так держать. Задача: поцеловаться с ним, да покрепче! И, слившись, тормози на пределе и сверх того. Постарайся не задеть меня, заденешь — вернись, и тебе мало не покажется, а не вернись — покажут другие!..

Произнеся эти проникновенные слова, Стизл упаковывался в свой скафандр. Он был в шлюзе, когда «Рыжая Су», словно испугавшись предстоявшего, задрожала крупной дрожью — но почти сразу

вибрация прекратилась, и два столкнувшихся объема нормального пространства после двухсекундного напряжения слились в один, теперь заключавший в себе оба корабля.

И тут же Стизл торпедой вылетел из отворившегося внешнего люка «Рыжей» в сравнительно безопасное нормальное пространство.

На «Тигре» не сразу сообразили, что, собственно, произошло. Все внимание было обращено на «Рыжую», тем временем уже круто тормозившую в опасной близости. Тиграм даже почудилось, что противник собирается идти на abordаж, который, конечно же, не мог ни при каких обстоятельствах закончиться успехом: на «Рыжей» солдат не было. Тем не менее внимание отвлеклось — и Стизл оказался уже на поверхности «Тигра», в двух шагах от ближайшей СП-антенны.

Он не стал прибегать ни к какому оружию из богатого набора, которым был снабжен драчливый костюм. Он просто, подлетев к антенне ногами вперед, ногами же ее и ударил, или, если угодно, вспрыгнул на нее. Хотя скорость его уже была почти погашена, удара массы, какой обладал снаряженный скафандр с капитаном внутри, оказалось более чем достаточно: антенна сплющилась, словно пивная банка под ногой прохожего. И это означало конец.

Потому что Стизлу понадобилось менее тридцати секунд, чтобы вернуться к внешнему люку своей «Рыжухи». Корабль, сманеврировав двигателями, начал все быстрее удаляться от «Тигра», унося свое пространство с собой и оставляя врага с большой дырой в скорлупе, куда и устремился Простор. И в неуловимо малый промежуток времени «Тигр» исчез, не оставив ни малейшего следа.

Значит ли это исчезновение полную гибель? Или перемещение — куда-то еще, в пространствах или временах? Или, или, или?.. Никаких мнений по этому поводу не публиковалось. Хотя, конечно, если о чем-то не говорят, это вовсе не значит, что об этом не думают и ничего не знают.

Капитана Стизла это ничуть не интересовало ни тогда, ни потом.

Вот и сейчас и командующего Маро, и капитана «Неодолимого» судьба побежденного давным-давно корабля тревожила меньше всего. Хватало у них своих забот.

35.

Мастерство — да, точный расчет — безусловно, полная исправность всего на свете — непременно. Однако есть и еще один фактор: везение.

Везение сегодня и впрямь было редкостным.

Локализовавшись в Просторе, «Неодолимый» оказался не в одном из туннелей, но в узле, да к тому же еще и пятитуннельном. Словно его туда рукой положили. И сразу получил возможность обзора по пяти направлениям.

— Командующий, четвертый туннель...

— Вижу.

— Остальные свободны.

— Ваше мнение?

— Это «Покоряющий». И мы в идеальной позиции: он нас не видит. Мы имеем все шансы пройти Простор незамеченными и спокойно вынырнуть в Нормали. Сделав это раньше противника, получим возможность атаковать его, как только он вылупится, но еще не успеет изготавиться к бою.

— Благодарю, капитан. Очень логично.

— Служу флагу. Разрешите отдать команды?

— Ни в коем случае. Вы построили действия по нормальной схеме.

Командующий Маро разбирается в схемах не хуже нас с вами. И будет поступать совершенно не так, как мы должны ожидать. Например, вовсе не спешить прочь из Простора, но затаиться в нем на время. На то, которое потребуется нам, чтобы, ожидая их в Нормали, потерять всякое терпение, начать волноваться, следовательно — совершать ошибки. Первой из которых стало бы возвращение в Простор, чтобы искать их тут — а пока мы будем ждать их там, они займут здесь какой-нибудь семи- или даже восьмитуннельный узел. Стоит нам показаться, как они на нас накинутся.

— Каким же это образом, ваша смелость?

— Будьте уверены: история капитана Стизла известна не только нам. И поэтому мы сейчас затаимся до тех пор, пока «Покоряющий» не войдет в узел, к которому сейчас направляется.

— Едва оказавшись в узле, они увидят нас: туннель окажется нашим общим.

— Не увидят, потому что нас здесь уже не будет. Потрудитесь дать команду уходить в третий туннель — он с того узла не просматривается.

— Мы потеряем возможность внезапной атаки...

— Так лишь кажется. Мы дадим им войти в тот узел и увидеть, что здесь, где мы сейчас — пусто. Они решат, что им куда выгоднее переместиться сюда и контролировать пять векторов вместо двух, и опрометью бросятся сюда. А мы вернемся в последний миг, когда они не

смогут уже повернуть. И вот тут все будет на нашей стороне. Так что сейчас же начните готовить Вольную пару. Им придется сделать главное дело.

36.

— Нарь, похоже, о нас вспомнили. Интересно, зачем мы могли понадобиться именно здесь? Мы ведь в Просторе, я не ошибаюсь?

Нарин знала, зачем они понадобились. Не могло быть, что Маро спустит ей с рук отказ работать на Мадиг. Наверняка попытается разоблачить ее здесь. Надо предупредить Река...

— Я все время хочу кое-что сказать тебе. Очень важное. Нужно, чтобы ты мне поверил — во всем и до конца. Именно сейчас.

— Хорошо. Кстати, я и сам хочу спросить тебя: тот странный маневр, когда ты... весь «коготь» вдруг исчез и тут же возник совсем в другом месте — это мне почудилось? Или...

— Или. У меня есть такая схема — «Незримость»...

— Что за схема? Откуда она у тебя?

— И об этом расскажу. Но это не самое главное. Дело в том, что...

Продолжить ей не позволил зуммер.

— Нарь, прости, не сейчас. Вызов! Нас ждут на командном посту. Солдаты не опаздывают. Бегом!

Пришлось и в самом деле бежать. Вперед. Вниз на две палубы. По трапу — скользя локтями по перилам, ногами отталкиваясь от каждой десятой ступеньки. Направо. Здесь.

— Разрешите? Ваша смелость, звено Вольной охоты в составе...

— Да-да. Угол Телан и вы, роланд, подойдите. Вам приходилось уже действовать в Просторе?

— Никак нет. То есть да, но лишь виртуально.

— Сейчас доберемся и до практики. Смотрите на монитор. Видите корабль?

— Так точно.

— Приказываю: атаковать и уничтожить. Реально, не в виртуале.

— Ваша смелость, но реально тут никакие военные действия не...

— По-вашему, мы не можем поразить их?

— Был такой капитан Стизл. И вот он...

— Стоп! Капитан, он знает о Стизле.

— Я не удивлен. Не знай он, я решил бы, что мы сильно переплатили.

— Похоже, деньги не выброшены на ветер. Телан, а лично вы решились бы на такой маневр?

— Ваша смелость, решиться должен тот начальник, что отдаст приказ на эту операцию.

— Ну, а если вы такой приказ получите?

— Я его выполню.

— Это смертельно опасно, угол.

— Я принес присягу, командующий.

— А вы, прикрывающий?

— Я точно так же присягал и не отстану от ведущего. Но разреши-те одно замечание?

— Ну что же, давайте.

— Позвольте для создания ложной цели вывести и третий корабль: ракапс. Он ведь снабжен двусторонним телеуправлением.

— Неплохая идея, роланд. У вас хороший прикрывающий, угол Теллан. Долго выбирали?

— Никак нет. Увидел — и сразу понял.

— Настоящий солдат всегда решает сразу.

37.

— Симод, что дают последние наблюдения? Что-нибудь важное?

— Да, командующий. Легана уступила нам столь выгодную позицию? Это пахнет ловушкой.

— Примитивная мышеловка. Расчет на то, что мы, не рассуждая, бросимся туда. А они — выскочат из-за угла, чтобы воткнуть нам кортик в спину. Ну что же, дадим им такую возможность. Но соответственно подготовимся. В переднюю точку нашего пристранства выдвинем охотничье звено. И атаку по Стизлу предпримем мы, а не они.

38.

— Ну вот, — проговорил Вин, — похоже, на этот раз работа будет настоящей. Так что настраивайся на серьезную драку, роланд.

Зор улыбнулся в ответ.

— Ну что, роланд, готов думать всерьез? Слушай внимательно. В схватке главное — не опередить противника, куда важнее — перехитрить его. Корабли одного типа. Значит, все решат пилоты. Так?

— Ну, верно...

— Ты, например, очень хорош в маневрировании, в уклонениях.

— Это потому что я...

— Старших не перебивают. А в прямой атаке ты послабее. Ничего стыдного: ты же не прошел курс охотника. Классическая схема боя: ведущие дерутся, прикрывающие мешают ведущим противника вы-

полнять задуманные маневры. Мы с тобой изберем другую тактику. Первую атаку предпримем против прикрывающего, у нас намного больше шансов выбить его из игры и потом уже разделаться с ведущим. Но им понадобится немного времени, чтобы разгадать наш замысел. Так вот, чтобы помешать им разобраться в нашей схеме, мы и применим хитрость. Перед стартом поменяемся кораблями. Ты пойдешь на «клюве». А я на «когте» стану играть прикрывающего.

— Я на «клюве»? Отпад!

— Не отвлекайся. И ты с самого начала затеваешь игру с ведущим. Тебе надо будет лишь дразнить его и постоянно уклоняться от его оружия. Этим ты не дашь ему прийти на помощь его роланду. Тот, в свою очередь, не особо встревожится, видя, что его собирается атаковать всего лишь прикрывающий, то есть боец, равный ему. Но на самом деле атаковать-то буду я! Только он поймет это слишком поздно. Уяснил?

— Вин, это будет просто здорово!

— Вот именно. Один против двоих он продержится недолго. А после этого мы сможем спокойно выполнить и вторую задачу.

— Какую, Вин?

«А вот этого знать ему совершенно не надо. Того, что мы просто вышвырнем тот корабль неизвестно куда, ко всем чертям. Снова начнет жалеть Река...»

— Какую? Вынудить корабль противника к сдаче. Ну, тут командовать будем не мы с тобой. Наша игра будет сыграна. Все понял?

— Конечно, Вин. Веселая будет игрушка, а? Потом, когда они сдадутся, соберемся все вместе и посмеемся от души, верно?

— Посмеемся, непременно.

39.

Все происходило именно так, как и предполагалось заранее в штабах враждебных сил. Именно так — просто потому, что никак иначе и произойти не могло. Соперники заранее приняли необходимые меры. Объем прикритости, окружавшего каждый из кораблей, был определенным образом деформирован. Продольная ось его, совпадающая с такой же осью корабля, удлинилась, поперечная — диаметр сечения — заметно уменьшилась. И на самом острие новой фигуры и «Покоряющий», и «Неодолимый» расположили свои звенья Вольных охотников.

«Неодолимый» должен был, выходя из туннеля, совершить поворот, чтобы оказаться на той же линии, по которой двигался сейчас ма-

дигский «Покоряющий». И, следовательно, на какие-то секунды становился почти беззащитной целью для противника. Не для его мощного оружия, конечно: применение такового исключалось. Видимо, единственным средством являлся таран — именно такой, какой был применен некогда капитаном Стизлом. Удар не корпусом в корпус, разумеется, но своим защитным пристранством в такую же защиту противника. Ударить, пробить, чтобы оба пристранства слились воедино — и тогда уже, действуя в пристранстве, малыми средствами вывести из строя систему СП-антенн противника и тем самым уничтожить его, не применяя высоких энергий.

Сейчас создалось самое выгодное положение для такого удара. Оказавшись наконец в узле, «Неодолимый» невольно подставил противнику свой борт, где напряженность энергетического защитного поля была почти вдвое меньше, чем в передней, заостренной части соответствующего поля «Покоряющего», в которой уже находилось звено Вольной охоты. Терять такой миг было невозможно. Следовало бить, не рассуждая.

Командующий Маро так и поступил. Прозвучала команда, скорость «Покоряющего» скачком выросла от среднего хода до полного и самого полного, с форсажем двигателей. Так что корабль уподобился стреле, направленной прямо в «десятку» мишени.

Замысел был ясен: корабль пробьет слабую часть защитного поля противника своей самой сильной частью, острием. Находящиеся в этом острие «клюв» и «коготь» окажутся почти рядом с бортом атакующего корабля, внутри возникшего единого пристранства, в то время как звено «Неодолимого», тоже располагающееся в острие, от вторгшейся силы будет отделено куда большим расстоянием. Значит, охотники Мадига смогут беспрепятственно приблизиться к незащищенным СП-антеннам противника и...

И на поле боя останется только один корабль. Победитель.

40.

— Рек, — прошептала Нарин, — мне страшно...

— Не бойся... — ответил он пересохшими вдруг губами. — Эта твоя штука вроде бы работает. Так что мы...

Остальные слова застряли где-то в горле. Потому что и машина, которой он управлял, и «коготь», что вела Нарин — все их малые кораблики внезапно, без участия пилотов, получили сильнейшее, почти предельное ускорение. В первое мгновение показалось, что противник уже нанес таранный удар. Но предположение оказалось неверным.

На самом же деле в то мгновение «Неодолимый» в ответ на ускорение «Покоряющего» выстрелил сам собой, развив предельную скорость и вовсе не заканчивая начатого поворота. Так что вместо того, чтобы задержаться в узле, стараясь повернуться к атакующему своей передней, заостренной частью, «Неодолимый» выскользнул из-под таранного удара и начал углубляться в туннель, служивший продолжением того, из которого он только что вылетел. И тут же начал торможение.

«Покоряющий» же, не встретив никакого сопротивления, пронесся мимо точки ожидавшегося удара и тоже вынужден был войти в туннель — конечно, не в тот, где укрылся противник, но в другой, прямо перед собой.

А леганский корабль вновь начал выходить в узел — кормой вперед, потому что на разворот в тесном туннеле не хватало времени. Оказавшись в узле, завершил наконец задуманный поворот и остановился на той же оси, где располагался «Покоряющий». Острие пристранства «Неодолимого» вместе с машинами охотничьего звена нацелилось в корму противника, в самую слабую часть защитного поля.

Командующий Маро понял: его переиграли. Инициатива оказалась утраченной.

Однако это вовсе не означало поражения. Ведь не были использованы все возможности.

И первая из них — снова изменить структуру пристранства. Энергетически усилить кормовую его часть, перебрасывая мощности с антенн носовой полусферы на кормовую, меняя конфигурацию, заостряя тыльную часть пристранства, превращая ее в острие.

А одновременно с перекачкой энергии перебросить туда же и охотничье звено.

Если бы задуманное удалось выполнить до соприкосновения энергетических «яиц», соперники вошли бы в поединок на равных. Однако это отлично понимали на «Неодолимом». И кормовая часть противника еще лишь начала усиливаться и заостряться, когда атакующий корабль, развив скорость, острием своего пристранства вошел в контакт с тылом «Покоряющего». Ударил.

Для невооруженного глаза при этом ничего не произошло: поля невидимы. Но приборы показывали: «скорлупа» мадигского корабля прогнулась, расход энергии на нем сразу же прыгнул вверх — «Покоряющий» пытался отразить удар. Какие-то секунды казалось, что защита выдержит, вогнувшись до предела, распрямится и вытолкнет противника обратно.

Не получилось. «Неодолимый» успел совсем оголить свою корму, перебросив всю энергию в острие. И мощность, помноженная на скорость, оказалась сильнее.

Два объема пространства слились воедино. Эффект оказался не столь сильным, как можно было ожидать, и взаимное расположение кораблей практически не изменилось.

Маленькие корабли Вольных охотников были, естественно, менее устойчивыми. Но и здесь кому-то повезло, а кому-то — не очень, и даже, можно сказать, не повезло совсем.

На этот раз везение выступило на стороне Мадига. Его охотничье звено в результате неудачного маневра оказалось, как мы помним, в самой удаленной от места пробоя точке пристранства. И вряд ли Вин и Зор успели бы занять позицию, пригодную для схватки со звеном «Неодолимого», готовым сразу же сблизиться с большим кораблем и начать антенный погром.

Однако всплеск пространства, который рассчитать заранее было невозможно, сорвал кораблики леганского звена с позиции и отшвырнул в сторону так далеко, что теперь на пути к цели оказалось звено Вина.

41.

— Не везет, — откликнулся Рек Телан, оценив положение.

— Что будем делать? — вопрос Нарин прозвучал совсем рядом.

— Следи за мной. Я пошел!

И одновременно с этими словами «клюв», пилотируемый Теланом, набирая скорость, устремился к такой же машине противника. То была самая примитивная, но от того не менее действенная лобовая атака.

— Ну-ка, — пробормотал Рек, — как ты на это ответишь?

Он знал, что именно в лобовой атаке Вин чувствовал себя, как рыба в воде. Обладал, похоже, самой крепкой нервной системой на Редане и никогда не сворачивал с пути. Поэтому, обрабатывая на имитаторах раздел «Поединок», другие пилоты, неплохие, в общем, кандидаты в охотники, такой атаки не принимали, уклонялись. Вин привык к тому, что его натиска, можно даже сказать, нахрапа никто не выдерживает. И сейчас он несколько удивится решимости, с которой противник несется на него. Удивится, даже предполагая, что противником его является Рек.

Удивление ведет к некоторой растерянности, растерянность приводит к ошибкам. Хотя вместо растерянности может возникнуть и злость: кто осмелился?! Но лишь хладнокровие позволяет принимать верные решения.

Таков был расчет. Однако он не оправдался.

«Клюв» «Покоряющего» не принял атаки. Уклонился. Был этот маневр сделан легко и элегантно, не было потрачено ни единой секунды сверх необходимого, и отклонение от курса сделано ровно на столько градусов, сколько требовалось, чтобы противник пронесся мимо, подставляя пилоту Мадига свою корму. Уклонившийся не увеличил скорости, и это позволяло ему сразу же развернуться, как говорится, «на пятке», чтобы, не теряя времени, ловить убегающего, вынужденного тормозить, в прицел, общий для всех средств огневого боя, какими обладал «клюв».

Мы не оговорились, сказав об огневом бое. Потому что если большие корабли, вооруженные мощнейшими средствами уничтожения, здесь были вынуждены не применять его, то на сравнительно слабое оружие ближнего боя, каким оснащались «клювы» и «когти» этот запрет не распространялся. Уровень энергии, высвобождаемой их радионами, микродеструкторами и магниканами, был на порядок меньше того, какого достигли бы орудия высокого класса, стоявшие на атак-транспоргах. Поэтому изолирующее, теперь объединившееся, поле кораблей спокойно выдерживало то незначительное повышение энергетики призрачного, что возникало при ведении огня малыми кораблями.

— ...Ах ты, сын вонючки! — выругался Рек. — Ну ладно, и я сейчас тебя удивлю! — И пальцы его затанцевали на пульте.

Предпринятый Реком маневр был, пожалуй, еще дальше от стандарта, чем уклонение противника. Он вовсе не стал тормозить — напротив, еще ускорился и одновременно вошел в «обратную радугу». Так делать не полагалось, потому что перегрузки при этом возникали не просто опасные, но роковые для пилота. Во всяком случае, о таком исходе предупреждала военно-космическая медицина. Однако Рек, надо полагать, решил рискнуть.

— Шеф, в глазах не двоится? — в голосе Нарин слышалась ирония, женщина и не скрывала ее. — Удивляюсь.

— Это хорошо, — Рек не замедлил с ответом. — Значит, он удивится еще сильнее.

Продолжая движение по немислимо крутой траектории, теперь уже машина Река заходила в хвост мадигскому «клюву». И сказанное Реком «еще сильнее» имело под собой основание: противником на поиски приемлемого контрманевра было потрачено не менее двух секунд. За такое промедление наказывают.

Однако снова последовала неудача: мадигский пилот опять уклонился очень умело — таким маневром, каким Вин уже воспользовался во время их демонстрационного поединка на Редане. Да, маневр был тот самый.

А вот исполнение — другое. Не та манера. Иной почерк. Не хуже, но — другой.

— Это не Вин, — хмуро проговорил Рек. — Так делает только...

Но не закончил, перебила Нарин:

— Меня атакуют. «Коготь». С двух часов, с румба...

— Вижу. Ты бросаешь меня. Разворачиваешься. И — в лоб его, в лоб!

— Думаешь, он...

— Проверим. Не отворачивать! Испытай его на сжатие! Ох, лихо идет. Знаешь, чудится мне, что...

И снова не договорил: мадигский «коготь», совершенно обнаглевший, в последний миг изменил курс...

— Вот скотина!

...И стало ясно, что закончится его новая траектория в ту секунду и в той точке, в которой окажется уже завершающий свой маневр «клюв» Леганы. Корабль Река Телана. Маневрировать на такой скорости «клюв» не мог, а замедлиться сейчас означало — не выполнив задуманного, оказаться между двух огней.

42.

— Командующий, разрешите доложить...

Экибал Тустас неохотно оторвался от экрана.

— Какого черта они там возятся! Сущий кордебалет — вместо того, чтобы сразу долбануть... Ну, что там у тебя?

— Я разбираю частную корреспонденцию, задержанную по вашему приказанию до выхода в Нормаль...

— Вот и доложишь потом — в Нормали. Нашел время!

— Однако содержание одного сообщения таково, что...

— Короче!

— Вот текст.

Командующий взял листок с расшифровкой. Глянул одним глазом. Скользнул по диагонали. Теперь уже двумя глазами. Еще раз — внимательно.

— Прикрывающий — баба? Бред какой-то. А?

— Я тоже так подумал. И даже спросил нескольких. Понимаете — никаких доказательств нет.

— Ладно, проверим... когда вернется. Если.

— Командующий, прошу извинения: вы не все прочитали, я думаю. Там, на обороте...

Он проглядел текст на обороте и выговорил только:

— Та-а-ак...

— Разрешите дополнить — я проверил: на нее... или него, все равно, в базе данных файла на это лицо не имеется.

Тустас поджал губы и молчал не менее полуминуты.

— Весело выглядим, а? — сказал он затем. — Зачисляем к себе солдата, которого нам не продавали. Мало того, признаем его привилегированное положение: как же, прикрывающий Вольного охотника! И этого мало, высылаем его на решающую схватку с теми, кто его — или ее, вернее всего — нам и запузырил. Даем им, кроме штатных кораблей, еще и ракапс — я так и не понял, чего ради. Чтобы остаться совсем без малого флота? И после этого прикажешь ждать, что мы этот бой выиграем? Откуда, ты говоришь, поступило сообщение?

— По местной связи еще до старта. С борта «Покоряющего».

— Ясно. Значит, перед нами просто ломают комедию. Стыд! Ну, пусть только вернется на борт...

— Думаю, командующий, они не вернуться. Вам не кажется — это их кружение все больше отклоняется в нашу сторону? Боюсь, вот-вот все четыре корабля накинута на нас.

— Ты прав. Командира БЧ «Огонь». Мигом!

— Командующий, командир БЧ по вашему приказанию...

— Слушай сюда! Уничтожить все малые корабли в пространстве. Любым возможным способом. Что можешь предложить?

— Подрывников-пустолазов. В автономных скафандрах. С парящими минами. «Клювы» и «когти» не выдерживают и малого заряда: борта тоненькие.

— Вышли восемь человек. С парящими минами.

— Командующий, у скафандров тихий ход: пока они доберутся...

— Пусть берут «Ковчег». И выйдут в пространство в непосредственной близости от объектов. По двое на корабль. Когда выполняют это — к «Покоряющему»! И его антенны — минами! Черт, с этого надо было начать...

43.

— Рек, изменение в обстановке. Посмотри...

— Некогда: сейчас они оба меня атакуют.

Нарин только кивнула, не отрывая взгляда от своего экрана.

«Коготь», которым она управляла, только что дал залп, стараясь попасть в «клюв» противника. Это была чисто психическая атака: магнетики выпускали болванки, опасные только при прямом попадании, не заряженные ни взрывчатыми веществами, ни тем более гравитарядами. Нарушения энергетики замкнутого пространства при этом не происходило. Но противнику приходилось совершать непредусмотренные уклонения.

Это и в самом деле вызвало некоторое замешательство у пилота мадигского «клюва». Но разве что на секунду. Затем пилот — Вин то был или кто-то другой? — ответил тем же самым. И увертываться пришлось уже Нарин.

Она и увернулась. Тем временем Рек ухитрился, скользнув не носом и не кормой, но левым бортом вперед, выполнить изначально задуманный маневр: оказаться между чужим «клювом» и «Покоряющим». Как раз близ той части его корпуса — второй сферы, — которая и несла на себе основную часть СП-антенн.

Один, последний шаг оставался до победы.

И Рек Телан начал исполнять победный марш на раскинутой перед ним клавиатуре.

44.

— Капитан, противник предпринимает новый маневр. Видите? Они открыли порт!

— Так точно. Выпустили в пространство... да это же автономный «Ковчег»!

— И он берет курс на нас. Вот кто, оказывается, будет атаковать наши антенны, а не «клювы» с «когтями». Подлый замысел, не так ли? Хотя чего еще можно было ждать от Леганы?

— Командующий, но ведь справиться с одной крупной целью легче, чем с двумя малыми и маневренными... Разве они этого не понимают?

— С одной? Двумя? А если на нем десант? Подрывная команда?

— Разрешите нашему звену огнем уничтожить «Ковчег».

— Гм. Вообще-то уничтожать спасательные корабли запрещено соглашением...

— В данном случае он выполняет боевую задачу. Да и... кто узнает?

— Ты прав. Командуй! Моим именем.

«Покоряющий» — «клюву»: немедленно уничтожьте выпущенный в пространство «Ковчег». Командующий».

«Что у них — мозги закоротило? На «клюве» ведь мальчишка! Хотя они этого не знают. Да все равно: против нас ведь не «чайники» выступают. Против них — только парой, по одному они с нами разберутся без особых проблем».

«Вольный — командованию. «Ковчег» — для отвлечения. Противник сразу же атакует вас».

— Пожалуй, он прав, командующий.

— Может быть. Ваше мнение, капитан: что делать?

— Полагаю, лавировать в пределах возможного. «Ковчег» — судно тихоходное, маневрирует плохо. Невооруженное к тому же. Отойдем, насколько позволит пристранство, и посмотрим, что он предпримет. Если приблизится — будем подставлять ему наш нос, угрожая тараном. А когда вольники закончат бой...

— Как же, закончат они! Они ведут бой очень странно, вам не кажется? Наверняка у них сохраняются еще старые, реданские связи. Дружеские, может быть. Слишком быстро пришлось им выступать друг против друга. О! Смотрите! Видите? Видите?

— Так точно, командующий.

— Цирк! Клоунада! Вы же видели: «клюв» Леганы только что мог без особого ущерба для себя таранить наш «коготь». Но не сделал этого! Выпустил! Без сомнения — это одна шайка! Капитан, я им больше не верю. Никому! Необходимо найти способ уничтожить всех четырех карнавальщиков. Своих и чужих. И после этого атаковать антенны «Неодолимого»!

— Каким образом, командующий?

— Так, как сделал Стизл! В боевом скафе. Я сам выйду! Вы выйдите! Только так!

45.

Не удалось. Сорвалось.

Пожалуй, впервые Реку не удалось заставить «клюв» точно выполнить продиктованное действие. То есть выполнить — но с секундной заминкой. А этого оказалось достаточно, чтобы вражеский «коготь» выскользнул. Очень знакомым маневром. И оказался вне зоны прямого удара. Начинай новую карусель!

— Рек! — услышал он. — Медлишь!

— Я... да, наверное. Нарин, как твоя система? Долго выдержит?

- Думаю, еще час.
- Хорошо. Тогда я...
- Их «клюв» выходит в атаку. Будь внимателен!
- Я... да, конечно...

«Клюв» атакует. Корабль, чей пилот сегодня ведет себя необычно — во всяком случае, странно для Вина. Уклоняется, вместо того чтобы вести настойчивые атаки, одну за одной — до полного успеха. Это не Вин. Говорите что угодно — это не Вин.

Но и «коготь» в этом бою действует не так. Он — прикрывающий — на деле играет за ведущего. И вот только что выполненный им маневр — это почерк Вина. «Коготь» — Вин? А почему нет? Простая подстановка.

А кто же тогда ведет «клюв», не очень убедительно показывающий, что намерен атаковать меня? Я поверил бы, если бы он шел сейчас с форсажем, чтобы не дать мне времени уклониться. Мое положение выгодно для него: я к нему обращен правой раковиной. Вин уж не упустил бы такой возможности. «Клюв» же ведет себя так, словно в его кресле кто-то, не имеющий ни опыта, ни даже теоретических знаний. Мальчишка. Вроде Зора...

Что?

Зор. Выпускной кадет. И лучший в Корпусе по выполнению уклонений, точных маневров. Но не умеющий атаковать, потому что курс атак начинается уже по окончании Корпуса.

Он не умеет атаковать — но атакует. Да, его петушиный характер.

Он ведь просился ко мне в прикрывающие — я отказал. Знал, что ему еще рано. Хотел побережь мальчишку: впереди еще много-много войн, хватит на любую жизнь. Он мой брат как-никак.

Сейчас стало совершенно ясно: от меня он пошел к Вину. И Вин его взял. Потому что Зор, объективно, на уровне нормального прикрывающего. В чем-то недотягивает, в чем-то, наоборот, опережает.

А бережь Зора Вину ни к чему.

Вин, но это — против чести! Направляешь брата против брата? Какой же ты после этого солдат? Зная, что я на другой стороне, ты не имел права брать парня к себе.

Родной брат идет на меня в атаку. Нападает, как умеет. Откуда ему знать, что он дерется со мной?

А Вин знает. Но говорить мальцу не станет.

Постой! Связь! Ищи частоту, пока еще можно. Вызови. Скажи: «Зор, это я...»

— Зор! Зор! Это Рек! Откликнись!..

— Рек, милый! На семь часов, пятнадцать градусов ниже! Все-таки ударил.

Но не «клюв». Первым нанес удар по слабой, кормовой части корабля, которым управлял Рек, подкравшийся «коготь», оказавшийся в нужной точке благодаря почти невысказанному финту. Это была вершина пилотского мастерства. Вин Сит не зря был Первой строкой своей группы. И его-то сомнения не беспокоили.

— Вот тебе, соседка, — пробормотал он, правым радиомом своей машины в упор прожигая тело леганского «клюва» и позволяя пустоте ворваться внутрь корабля.

Дело было сделано, и он реверсом отработал немного назад и завис. Если Рек выжил, он сейчас будет выбираться из обломков, неконтролируемо кувыркающейся теперь массы покореженного металла. Уцелевший пилот в скафандре вполне может подобраться к «коготю», нанесшему ему смертельную рану, и попытаться отомстить.

— Рек, это ты? Я Зор! Ты где? Рек, отвечай! Рек...

Вин смотрел внимательно, но не туда. Если бы он просматривал пространство левее и выше (высота — там, куда обращена твоя голова), то поспешил бы отойти от обломков подальше.

Потому что азартные мальчишки, бывает, играя, теряют чувство меры. А мысли о собственной гибели от них еще далеки.

Они, эти мальчишки, очень любят разогнаться до предельных скоростей даже на коротких дистанциях — но забывают вовремя начать торможение. И спохватываются слишком поздно. К тому же могут в самый неподходящий миг отвлечься хотя бы на разговоры.

Так что когда Вин Сит заметил наконец, что «клюв» его звена, управляемый вчерашним кадетом, держит курс прямо на место гибели противника и не успеет ни погасить скорость, ни отвернуть, — у самого охотника оставалось ровно столько времени, сколько нужно было, чтобы самому избежать удара. Чтобы спасти или хотя бы предупредить своего прикрывающего, у пилота, похоже, больше не имелось ни мгновения.

Наверное, именно по этой причине он так и не окликнул роланда, который только сейчас оценил обстановку. Понял, наверное: от

столкновения не уйти. Будет выплеск энергии из накопителя. И в этом выплеске сгорит ведущий Вин. Вместе с его кораблем. Зор включил тормозные. Поздно. И в последний миг успел все-таки переключить накопитель энергии в режим аварийного слива. В этом последнем режиме энергия высвобождалась направленным разрядом и возвращалась в накопители материнского корабля.

А еще через считанные мгновения произошло столкновение. Катастрофы удалось избежать, но жертвы были. Кроме Зора, погиб один из подрывников с «Ковчега». Первым выйдя в пространство, чтобы атаковать «клюв» Река, он оказался на прямой, соединявшей сливные шины «клюва» с приемными «Покоряющего». Человека испепелило вместе со скафандром. Но энергии на это ушло так мало, что на состоянии окружающего пространства это никак не отразилось.

Попутно разряд сжег антенну местной связи с корпуса «Ковчега», уже готового выпустить и второго подрывника.

В замкнутом пространстве двумя кораблями стало меньше. И тремя людьми.

Или не тремя все-таки?

46.

— Рек! Посмотри: над моим «когтем». Один, два... четверо! И на подходе — еще трое. А дальше по этой же линии — не «клюв» и не «коготь», намного больше... Его выпустил «Неодолимый», я видела.

— «Ковчег»! И пустотники в снаряжении... в снаряжении... это подрывники! К чему? Зачем?

— Наверное, чтобы уничтожить меня. Что другое они могут там сделать? Если бы их выслали на помощь нам — они целились бы в чужой «коготь», а не в наш.

— Двое уже слишком близко к тебе. Измени курс.

— Нет. Пусть атакуют меня.

— Смысл?

— Чужой «коготь» успокоится. У него не останется больше противников. И сразу же кинется к «Неодолимому», чтобы выполнить задание — смять его СП-антенны.

— А мы?

— Рек, разве ты не понял, что подрывники — с нашего корабля?

— Отчего же, понял.

— Это значит, путь к возвращению на «Неодолимый» нам закрыт. Если нас хотят уничтожить здесь, то там, по-твоему, передумают? Ну,

пусть не «нас», а только меня. Хочешь, чтобы меня убили? Ты — командир. Решай. Я тебя люблю, Рек. Куда ты?

— К «Ковчегу».

— Ты спятил?

— Ничуть. Ты права. «Коготь» больше не понадобится. Никому. Смотри, подрывники «Неодолимого» уже... Надеюсь, они не передозируют взрывчатку. Закрой шлем: мало ли... Прощай, «коготь»!

— Прости нас, кораблик.

Взрыв оказался не очень выразительным. «Коготь» на миг-другой как бы вспух, увеличившись в объеме — и тут же обломки поплыли в разные стороны, каждый сделался самостоятельным небесным телом в ранге космического мусора. Парящая мина — вообще средство не эффективное, но в умелых руках — весьма действенное.

— Ну, нас с тобой больше нет. Обоих. Что будем делать дальше?

— Все то же самое.

— Рек, мне что-то уже надоело воевать.

— Это нормально. А вот что мне надоело — это странно. Не ожидал от себя.

47.

— Командующий, мы остались без малого флота! Зато и без подозреваемых. Может быть, мы напрасно винили их?

— Уверен, что нет. Один погиб вследствие столкновения вместе с нападавшим: не справились с управлением, не хватило мастерства. Второго уничтожили наши подрывники. Теперь на очереди «Покоряющий».

— Но у Мадига «коготь» уцелел. Меняет курс, увеличивает скорость... Идет к нам. Нужно думать о защите, командующий!

— Этот «коготь» ведь однотипный с нашим?

— До мелочей.

— Пусть энергетики передадут его системе техническую команду: срочно слить энергию на наши зарядные шины.

48.

— Дьявол! — выругался Вин: его лишили удовольствия уничтожить «коготь» противника.

Правда, оставался еще «Ковчег». Но это можно сделать и в последнюю очередь: впереди соблазнительной целью маячит «Неодолимый»!

Предстоящая операция требовала всего внимания и умения. Все-

таки он был лишь начинающим Вольным охотником. И сразу — такая война! Боевой транспорт, многотысячетонник! Вот это станет настоящим триумфом! Особенно когда поймут, что ты угробил его минимальными средствами.

Главное — не упустить, если корабль начнет предпринимать какой-то маневр. Хотя при его габаритах и массе ему в поединке со мной ничего не светит.

Последняя коррекция курса. Включить авто. И приготовиться к ведению огня. С такой дистанции слабыми импульсами можно за несколько секунд искромсать не менее пяти-шести антенн. И этого хватит, чтобы изолирующее поле корабля начало разлезаться, как ветхая одежда. Больше восьми секунд оставаться по соседству с ним нельзя: сюда хлынет Простор, и сам погибнешь прежде всех остальных. Отстрелявшись, идти полным ходом — к своему «Покоряющему». Вовремя оказаться в его пристранстве, которое снова примет нормальные размеры.

Вот он, «Неодолимый» — в самом центре круглого боевого экрана.

Вин подработал рулями, чтобы в центре прицельной схемы радиона оказалась ближайшая из СП-антенн. Дал увеличение, чтоб уж наверняка. И с удовольствием нажал клавишу «Импульс».

«Цель поражена».

Спасибо за информацию. Это я и сам вижу. Одной антенной меньше. «Импульс».

И вторая пошла вслед за первой.

«Импульс».

Но вместо ожидаемого на экране возникло:

«Энергия израсходована. Произведите зарядку».

Это еще что такое? Как это — израсходована? Когда? Чуть.

Может, просто троника глючит? Проверим. Но сейчас самое время отвернуть — иначе воткнушь в антенну, которая все еще маячит в прицеле. Она при этом, понятно, накроется. Но, к сожалению, и я тоже. А так я не играю.

На клавиатуре Вин сыграл «Боевой разворот». Антенна послушно поехала к краю прицельного поля. Поехала? Черта с два! Поползла. Повторить команду!

Но он уже знал, что ответит машина. Так и есть:

«Энергия израсходована. Произведите зарядку».

То есть не только запас энергии радионов пропал, но и ходовые накопители пусты. Что прикажете делать теперь?

Можно, конечно, выброситься из «когтя», благо скафандр надет, и

совершить подвиг — ногами давить антенны. Победить гиганта даже не голыми руками, а голыми ногами. Сказка!

Но тем нанесешь больше ущерба себе, чем противнику. Не успеешь отдалиться: скафу такая скорость и не снилась. А ведь хочется еще возвратиться к «Покоряющему». У посмертной славы неприятный привкус.

А скаф-то энергию сберег? Или и он... Ну-ка?

Сберег. Не потратил ни ватта.

Ух, как разошлись с кораблем: впритирку, едва не чиркнули. «Коготь» теперь не может прекратить начатое вращение, так и будет медленно крутиться, пока не посинеет. Пора уходить. Закрыли шлем. Нажали «Аварийное катапультирование»...

Зря нажал: энергии-то нет.

Придется пешочком. И оба люка открывать вручную. Правда, у скафа есть усилитель.

Ну — храни меня, Главком Вселенной.

49.

- Командующий, две антенны поражены.
- Переживем. Прикажите энергетикам скорректировать поле.
- А этого — неужели упустим? Простим?
- Он и так обречен. Передайте подрывникам: уничтожив «Покоряющий», перехватить и распылить диверсанта. Сразу же после их возвращения — уходим в Нормаль. Здесь нам делать больше нечего.

50.

— Рек...

Он обернулся на голос: тон показался более озабоченным, чем требовала обстановка.

— Да, милая?

— Ресурс режима на пределе. Минут четырнадцать-пятнадцать, и все.

Это и в самом деле грозило неприятностями. Через четверть часа машина станет видимой, доступной даже невооруженному глазу. Маленькая, совершенно не оснащенная для боя капсула.

— Ну что же, выход есть. Возьми курс на «Ковчег». Подойди вплотную.

— А ты куда собрался? — спросила Нарин, видя, что Рек поднимается с кресла.

— Оденусь для визита.

Нарин поняла.

— Боевой скаф?

— Угадала.

За ее спиной Рек быстро влез в скафандр.

— Нарь, оторви-ка эту штуку...

И ткнул пальцем в эмблему «Неодолимого» на плече.

Женщина выполнила просьбу.

— И надрежь вот здесь. — Он подставил рукав. — Оторви побольше, чтобы лоскутом висело. — Не бойся, тут три слоя, а мне двух за глаза хватит.

Она рванула. Сильнее.

— Крепкий материал...

— Еще бы. Спасибо. И еще, обломай мою антенну. Это легко.

— Зачем, Рек? Я же не смогу общаться с тобой, а вдруг...

— Ты будешь видеть меня. И потом — всей работы тут на три минуты.

«Ковчег» был уже рядом.

— Нарь, я могу выйти — сейчас, когда мы еще в незримости?

— Вполне. Но, выйдя, перестанешь видеть машину.

— Главное, чтобы виден был я сам.

— Восемь минут, Рек. С экипажем. Без людей незримость сохранится больше, может быть — на целых полчаса.

— Восьми минут хватит.

— Возьми управление. Моя очередь одеться.

— Хочешь со мной? Не надо.

— Не обязательно. Но ведь мне нужно будет чем-нибудь дышать? Ты не заметил, что в этой машине нет шлюза? Она не для входа-выхода в пустоте.

— Прости за глупость. Позволь, помогу... Готово. Проверь.

— Порядок. Беру управление.

— Я пошел.

— Рек! Если с тобой что-нибудь случится, я...

— Не бойся. Будет полный порядок.

Ему было не по себе: как ни храбрись, но в реальном пространстве в автономном скафандре чувствуешь себя совсем не так, как в модели космического вакуума на родной поверхности. Пусть там и невесомость, и темнота, но тебя видят, за твоим состоянием неотрывно следят, в любое мгновение придут на помощь.

Здесь же и пустота настоящая, и если кто следит за тобой, то — враг.

Правда, есть и плюсы. Например, никакой космической пыли, метеоритов, излучения...

Однако в той, большой, Нормали ты уверен хотя бы в том, что она, независимо от тебя и твоей техники, никуда не денется. А этот «мешок пустоты» исчезнет вместе с генерирующим его кораблем.

Там — время необъятно. Здесь оно приходит к концу.

Вот и «Ковчег». Висит без огней. Но в инфравизоре все видно четко. Где его объективы внешнего обзора? Ага. Подать сигнал: «Нуждаюсь в помощи». Повернуться так, чтобы разорванный рукав скафандра был хорошо виден. И чтобы как можно хуже просматривалось плечо с содранной эмблемой. Что произошло? Просто один из подрывников ухитрился получить повреждение — возможно, тогда же, когда погиб другой — и, как полагается, вернулся к вывозящему кораблю.

Что-то они медлят. Ждут, что ты назовешься? Идиоты, не видят разве: моя наשלменная антенна снесена, лишь пенек остался? Рукой — не той, что повреждена — укажи на место, где антенны больше нет. Погрози кулаком: вы что, хотите меня тут заморозить?..

Ох...

Это было, как удар в лицо: вспыхнула фара «Ковчеха». Глаза невольно захлопнулись, веки сжались до предела. Потерпи. Они просто тебя не опознали, ищут номер на скафандре. Его место — на спине. Но вряд ли твой номер совпадет с мадигским. Нет. Слишком многого хотят...

Рек выключил микродвижок, позволявший ему сохранять свое место перед «Ковчехом». Его сразу же начало разворачивать, как и любое тело, понесло в сторону, на какую-то, положенную ему природой орбиту. Придурки, вам непонятно, что человек потерял сознание и жить ему осталось считанные секунды?

Только бы Нарь не поверила! Если и она покинет капсулу, то...

В «Ковчеге» поверили раньше.

Крышка лока втянулась. Выплыл скаф. Река уже вынесло за пределы светового конуса. Скаф приблизился. Рука ухватила за плечо, остановила вращение. И повлекла назад, к свету. Все-таки номер ему нужно увидеть. Какой дотошный! Ну-ка...

Трудно. Что-то мешает. Солдата учат убивать. Но учиться — одно, а убивать вот так, лицом к лицу, совсем другое.

И все же — научили.

Спусковая кнопка микродеструктора — в левой перчатке. Для первого импульса нажимаешь ее трижды с минимальным интервалом. Это защита от случайного нажима. Вас специально тренирова-

ли на скорость. Последующие импульсы уходят уже по первому нажиму.

Когда он приближался ко мне, луч фары не следовал за ним. Это может означать, что в «Ковчеге» больше никого нет. Не дальний рейс.

Рек вплыл в выходной тамбур осторожно. Затруднений не возникло: похоже, «Ковчег» реагировал на входы-выходы — один вышел, один вернулся, и после трехсекундной паузы люк встал на место. Вспыхнул свет. Громкое шипение. Внешнее давление растет, скафандр автоматически снижает внутреннее. Порядок. Внутренний люк гостеприимно распахивается. Вперед уверенно, палец в левой перчатке на всякий случай все еще на кнопке.

Никого. Мягкий свет, приборная панель, клавиатура. На экране...

Это что еще такое? Скафандр. Автономный. Двигается быстро. Но не сюда. В сторону.

Господи! Это же Нарин. А спешит она вдогонку за тем, улетающим скафом. Зачем, Нарь? Ты решила, что это я? Ну и ну! Такого обидного неверия я не ждал. Придется тебе за него ответить.

Но сначала я тебя подберу. Не верю, что ты решила убежать от меня. Шучу.

Рек еще секунды две таращился на панель, вспоминая. Ходы? Вот они. Самый малый. Фару — на скафандр. Догоняющий, а не медленно кувыркающийся. Поравнялись. Кажется, она стала соображать: замедляет ход. Уравновесились. Где тут открытие люка? Ну? Ну? Ага: вот. Нажали.

— Рек!..

— Я же говорил: будет полный порядок.

— Я и не сомневалась.

51.

— Командующий, наш «коготь» в порядке и атакует «Неодолимый». Смотрите, куда он метит. На второй сфере ничего нет, кроме антенн. И честное слово, на его месте я сейчас открыл бы по ним огонь.

— Вы правы, командующий. Вот сейчас... да! Да! Черт, почему он перестал?

— По-моему, он делает попытку отвернуть. Испугался?

— Вы видите? Смотрите! Он покинул «коготь». Не понимаю. Если бы он еще направил машину на таран — но он и этого не стал делать.

— Просто струсил. Где же хваленые реданские качества? Плохой солдат.

— Интересно, он держит курс не на нас.
 — Конечно. Ему была дана команда уничтожить «Ковчег». Нет, он не так плох, как мы с вами решили. Что?
 — Докладывает СНО. Неопознанные люди на второй сфере!
 — Симод! Пойдите... Вот же они!
 — Всем! Тревога! Противник на корпусе! Ставят мины!
 — Всю подвахту — в скафандры! С оружием — на корпус! Отразить! Разрядить мины! Они уже уходят. Быстро! Через порт — все разом!

От порта до антенн — восемьдесят метров. Не успеть. Великий Адмирал Вселенной!..

Словно на спектакле первоклассного иллюзиониста: только что висел в пространстве громадный корабль. Вот тут, на этом самом месте. И вдруг — перестал быть. Не взорвался, не разломился, а просто исчез. Словно не реальный корабль то был, а наведенная иллюзия. И пяти с лишним тысяч человек словно никогда не существовало. И не обучали их, и денег за них не платили...

Ничего удивительного. Антенны «Покоряющего» подорвали сразу семью зарядами. И места выбрали с умом: равномерно распределили по всей обшивке боевого транспорта. После этого, конечно, удержать свою часть изолирующего поля атакованный корабль никак не мог. И, можно сказать, утонул в Просторе.

Так тихо, так неожиданно вдруг это произошло, что все, кто мог это увидеть, не сразу поняли, но и поняв — не поверили. Командующий Густас даже рассердился:

— Капитан, ваша техника ни к черту не годится! Картинка пропала — в такой ситуации... Накажу!

И только в следующий миг понял, что видео тут ни при чем: когда громадину атак-транспорта вдруг так трянуло, что все, не закрепленное по-походному, посыпалось со звоном и грохотом.

Это пространство хлынуло во вдруг образовавшуюся брешь в полевой защите — под невероятным давлением внешнего Простора. Волна вакуума налетела; теоретически — это вроде бы всего лишь пустое место, но на деле — совсем не так. И не менее минуты понадобилось, чтобы уравновесить «Неодолимый» в его пристранстве, чью оболочку он сам и генерировал.

— Капитан! Приношу извинения. И поздравляю. С победой!

— Ваша смелость, мои поздравления!

— Подрывники молодцы. Надеюсь, вернутся без новых потерь. Передайте на «Ковчег»: пусть побыстрее возьмет их на борт.

— «Ковчег» почему-то молчит...

— Повторяйте, пока не получите ответа.

52.

Ах, скотина!

Только что цель была рядом. Вин Сит уже собирался, приблизившись к «Ковчегу», опуститься на его обшивку, подойти к люку, вскрыть его импульсом из радиона и...

И ничего не получилось.

Подхватило, закрутило, понесло с неимоверной силой: его в одну сторону, «Ковчег», хотя и не так лихо — в другую, и даже громадный «Неодолимый» вдалеке, похоже, клюнул носом и как бы провалился — во всяком случае, так Вину показалось.

А «Покоряющий»?..

Что за идиотские шутки: его как-то и не видно. Может, я к нему спиной?.. Задать скафу медленное вращение вокруг большой оси. Странно. Ладно, вокруг малой... Не попадаете на глаза. Что это за финт они придумали?

На самом деле он уже понял: корабля больше нет. Поединок выигран противником. И от всей армии Мадига остался, похоже, только он один.

Однако хороший солдат не должен терять самообладания даже в самой сумасшедшей обстановке.

Как это им удалось? Сейчас думать об этом некогда. Но и их корабль уже приговорен. Тобюо самим. Ты сделал все, что мог. Теперь задача — сохранить остатки армии. Самого себя. Как? Не уничтожать «Ковчег». Но захватить. Он автономен в Просторе. В нем — спасение.

«Ковчег» никуда не девался. Просто теперь оказался примерно в двух кабельтовых. Ничего, даже для тихоходного скафа расстояние пустяковое. Добрался однажды — достану и еще раз.

Сходим с орбиты. Движок на полный, и — победа ждет!

Жаль, что доложить о ней будет некому.

Хотя это здесь некому. А в Нормали все будет прекрасно.

53.

— Рек, что это было? Шторм?

— Дай оглядеться... Не виден корабль противника. И судя по

встряске... наверное, больше мы его и не увидим. Но кто-то направляется к нам. Незваный гость. Отойдем малым ходом подальше.

— Нас вызывают. Уже в третий раз, по-моему. Наверное, «Неодолимый». У тебя есть, что сказать им? Может, они хотят поздравить нас с воскрешением? Хотя вряд ли. Ага, понял. «Ковчег» ведь вывозил подрывников. Чтобы уничтожить нас с тобой, верно? Считается, что они задачу выполнили. И начальство хочет их подобрать. Кстати, где они?

— Посмотри по термоскопии. Сканируй. И по вертикали... Пстой, что-то мелькнуло. Ого! Семь целей... Они самые. Подрывники.

— Тоже взяли курс на нас.

— Считают, что их с нетерпением ждут.

— А когда разберутся — станут штурмовать?

— Увидим. Нарь, где наша капсула?

— Думаю — где-то рядом с «Неодолимым». Я задала такой курс.

— Зачем?

— Ты можешь наконец выслушать меня? Сейчас у тебя есть время?

— Нет. Потому что... Тот одинокий скаф. Я подумал бы, что это

Вин.

Но он — в «когте», близ «Неодолимого». Кто же?..

— Пстой. Похоже, «коготь» не управляется. Просто дрейфует. Вряд ли Вин допустил бы такое.

— Значит, все-таки он. И... та семерка. Они настигают его. Пытаются окружить со всех сторон. Хотят захватить?

— Или уничтожить. Семь против одного — убедительное преимущество. Поможем ему?

— Думаешь?

— Думать должен ты. Это ведь твой давний друг...

«Да. Был. Но он, по сути дела, убил моего брата. Он не имел права вовлекать мальчишку в эти дела. Зору еще далеко было до солдатской зрелости. Мало того: он заставил брата сражаться с братом!»

Но вместо того, чтобы сказать это вслух, Рек произнес:

— Семь против одного, да. Но если это и вправду Вин, то... я не хотел бы оказаться в этой семерке. Видишь?..

Семь нашлемных фар вспыхнули разом. Там, где лучи их скрестились, высветился одинокий скафандр. Семеро ринулись на него.

— Главком Вселенной, — пробормотал Рек. — Они же не умеют вести бой в пространстве, нельзя подрывникам бороться против охотника, это неслыханная глупость!

Он был прав, конечно: скафы подрывников, более легкие и потому, казалось бы, маневренные, не обладали многими средствами защиты, какими снабжены боевые костюмы. В частности — поляризованными иллюминаторами шлемов. Желая лучше видеть противника, семерка ослепила сама себя — всего на несколько секунд, но этого оказалось достаточно.

Уже в первую секунду из этих нескольких Вин выскользнул из освещенного пространства. Подрывники, ничего не видя, медленно сближались. Лучшей мишени нельзя было и пожелать.

Прицел. Тройное нажатие на кнопку в левой перчатке. «Импульс».

— Один...

Еще одно нажатие.

— Два...

«Это вы уничтожили мой корабль? Вы еще пожалеете об этом».

Наверное, они что-то кричали сейчас, слышали друг друга, их слышали, скорее всего, и в корабельном центре связи. Вин же — нет: его скаф был настроен на другую частоту. Он жалел, что не слышит. И, бессознательно повторяя: «Вы еще пожалеете...», продолжал свой счет:

— Пять... Шесть...

Вывраться удалось седьмому. Включив движок, он рванул, не выбирая пути, лишь бы подальше. Не повезло: он помчался если и не прямо на Вина, то почти впритирку. Вин повернулся. Можно было просто поймать удиравшего в прицел. Но охотник кинулся вдогонку. Преследование доставляло радость. Сладко — лететь рядом, приблизив свой шлем к его и видя выражение лица противника. А потом, насладившись, выщелкнуть из правого рукава зазубренный кинжал и медленно провести клинком по боку чужого скафандра — там, где к нему ничего не крепится. И видеть, как расходятся один за другим — внешний слой, и термослой, и внутренний, мягкий...

В приход себе пишем и этого. Выведенного в расход.

Ну, вот. Осталось лишь одно дело, последнее. И самое важное. Захватить «Ковчег». И — в Нормаль. А там видно будет.

Схватка с подрывниками увела в сторону. Но спасательное судно хода не имело, позволяло пространству медленно нести его по естественной орбите. Интересно, его пилот наблюдает за гибелью своих людей? Или безмятежно дремлет за пультом? Скорее, второе: иначе поспешил бы к своему кораблю-матке, «Неодолимому», теряющему свое пристанство, приближающемуся к неизвестности.

Кстати, у скафа запас энергии не бесконечен. Время пересаживаться. Держись, противник: я приближаюсь.

54.

— Командующий, мы теряем пристанство. Полностью восстановить полевую защиту не удастся.

— Я понял вас, Робус. Хватит энергии на выход?

— Если не форсировать скорость...

— Не надо. Робус, вы видели, что случилось с нашими подрывниками?

— Так точно. Это более чем печально.

— Это невезение, капитан. Расчет был правильным, но не повезло: уцелевший диверсант с «Покоряющего» ускользнул.

— Он как раз идет на сближение с «Ковчегом». Уж не хочет ли он атаковать спасатель?

— Главное, чтобы он снова не атаковал нас. У нас на борту — армия. Мы обязаны вывезти ее в Нормаль. Командуйте.

«Неодолимый» медленно тронулся с места, осторожно поворачиваясь вокруг вертикальной оси и одновременно слегка задирая нос, чтобы нацелиться на нужный туннель. Наблюдение сообщало: «Впереди чисто... Впереди чисто... Чисто...»

— Прямо руль! Равновесие!

Поворот прекратился.

«Трасса чиста...»

— Малый вперед!

«Святой Адмирал, позволь выйти благополучно, позволь!..»

— Ускорение два в секунду!

— Есть — ускорение два в сек!

«Трасса чи... Тревога! Опасность! Постороннее тело на курсе!»

Откуда оно взялось? Нелепое, кургузое, ничтожное суденышко. Но ведь только что его там не было, пространство просматривалось хорошо! Откуда же?..

— Да ведь это наш ракапс! Идет, словно на таран! Отвернуть...

Прямого столкновения удалось избежать. Но не соприкосновения. По касательной. Обшивка «Неодолимого» не пострадала.

А вот по антеннам пакостный кораблик прошелся. Измял, искромсал целую линию СП-антенн. Чуть ли не две дюжины.

— Всю энергию на антенны! И курс — на «Ковчег»! Теперь без него не обойтись.

— Есть — на «Ковчег»!

55.

— Вин Сит идет к нам.

— Для него мы мертвы, Рек.

— Я имею в виду «Ковчег». Очень разумно с его стороны.

— Ты хочешь взять его на борт?

— Нет.

— Тогда, может быть, увеличим дистанцию?

— Бежать? Мне — от него?

— Что ты решил?

— Доказать, что я действительно таков, каким меня считают.

— Доказать — кому?

— Всем. Тебе. Ему. И себе, конечно.

«Бесполезно, — поняла Нарин. — Разубедить его сейчас просто невозможно. А может быть, и не нужно?»

— Что же, сделай это. Только времени у нас не очень много. Так что не затягивай. — Нарин опустила руки на клавиатуру. — Я готова. Лети!

— Ты права. Я непременно вернусь. Выпускай.

Вин усмехнулся. Пилот «Ковчега», видимо, собирается облегчить ему задачу: вместо того, чтобы отсидеться в корабле, решил вступить в бой. Чего доброго, хочет отомстить? Наивный. Смотри, слабак, и учись: вот я делаю отвлекающий маневр, якобы для атаки справа. А теперь...

— Ну и ну! Прочитал, насекомое! А как ты отнесешься к моему куврычку с уходом из твоей видимости?

Последние слова Вин произнес вслух: известно, что это успокаивает.

— С удивлением, Вин. Что, ничего получше не мог придумать?

Это было, как удар. Совершенно неожиданный.

— Что? — вырвалось непроизвольно.

— То, что слышал. Рассчитывал на легкую жизнь?

Вин вовремя опомнился: расстояние между скафами сократилось до предела, теперь — или сразу в схватку, или нарастить дистанцию. Но в верхней точке куврырка правильный отход невозможен. Во всяком случае, если противник — это действительно...

— Рек, ты?

Говорить, говорить, отвлекая его внимание. И одновременно...

С той стороны не ответили. И скаф исчез из виду. Обратную раду, вот что он учинил. Сволочь. Это Рек. Но он же погиб на... Ох!

Последний вскрик был произвольным. Потому что Вин ощутил удар. В правое бедро. Не очень сильный импульс. Не проникающий. Но достаточный, чтобы завертеть волчком, лишиться чувства позиции, заставить ощутить на миг свою беспомощность... Но врагу этого показывать нельзя!

— Слабее ты, Рек: даже ударить толком не можешь!

— Правда?

Ага, он потерял секунду, чтобы выговорить это слово. За секунду умелый боец успеваешь соскочить с карусели, уравновеситься. Где ты, покойник? Рек? Где...

Рек Телан оказался сверху. Потому, наверное, что уравновеситься Вину удалось не самым лучшим образом. Сильной стороной Вина был бой на дальней дистанции: он давал и время для маневра, и пространство. А на расстоянии вытянутой руки он драться не любил: становиться не артистом, а дрессированным медведем, только крутишься, стрелять приходится наугад. Ну и ладно, пусть наугад. На тебе, на тебе, на!..

Дьявол. Все — мимо. Ну и мельтешит Рек перед глазами, уклоняется, прямо сказать, неплохо. Ну а...

На этот раз — по затылку шлема. И снова — малой мощностью. Опять волчок, только вокруг другой оси. И в ушах издевательское:

— А зачем мне бить сильно? Легкой смерти ждешь? Потерпи, куда не денется. Это ведь не я тебя ударил: это был Зор. И сейчас еще не я, а Нарин. А мой удар будет последним. Так что ты лучше не торопи меня.

Ага! Вот на этой тираде он и попался. Получи, болтун!

На этот раз Вин ухитрился все-таки поймать врага в прицел. Даже не успев уравновеситься. Всего на миг. Но мастеру этого хватает. «Импульс».

Цель поражена! Вот такие дела, хвостун ты...

Поражена, нет сомнения. То-то его отшвырнуло назад. Но совсем немного почему-то. И главное — не прожгло. Добавить!

Вот оно что... То были остатки заряда. Все ушло на подрывников.

Что остается теперь? Только ближний бой. Рукопашный. Нелюбимый. Но сейчас не до вкусов. Вперед — пока враг еще не сообразил, что я обезоружен. Кинжалы — к бою: и обычный, и лазерный. Одновременно отвлекающий акустический выпад:

— Рек, а шлюху твою все-таки поджарили, а? Какова жареная на вкус? Жаль — не пришлось попробовать...

И одновременно левая, с кинжалом, вперед. В грудь!

— И не попробуешь, Вин. Слабо тебе.

От неожиданности дрогнула рука. Сука! Жива? Как это получилось, что... А Рек к тому же ухитрился одновременно увернуться, так что удар прошел по касательной. Не пробил. Хотя зацепил. Еще раз! Добить ублюдка! Ага! Получил? Теряй воздух, давление, тепло. Подымай! А я еще добав...

— Что?

Слово опять-таки выскочило само собой. От удивления. И боли. Потому что удар, полученный в это мгновение Вином, оказался двойным. По руке — левой, занесенной для удара, так, что кинжал рассек пустоту. И десантным микродестом сквозь все слои в правый бок. В печень?

— А это, Вин, уже от меня лично.

— Ты... меня?..

Святой Адмирал, как вдруг озарилось светом все тут: и «Ковчег», и скафандр врага в двух метрах, и другой скаф — у открытого люка спасателя, и — да, и корабль вдалеке...

Это что: видение перед смертью?

Нет, это последний привет от исчезающего «Неодолимого».

Все-таки я уничтожил главного противника. Я — лучший солдат. Остальное — неважно. Сейчас пространство исчезнет, и Простор вберет меня.

Привет тебе, Простор!..

56.

— Рек, как ты?

— Теряю среду. Боюсь, что...

— Нет! Не бойся! Тащу тебя. Люк рядом. Все будет хорошо, Рек. Все будет очень хорошо! Ну, вот мы и дома. А тебя самого задело? Или только скаф?

— Похоже, что не сильно. Обойдется. Нарь, давай мигом за пульт. Создавай барьер. Пространство уходит, нужно перейти в автономию. Секунды остались...

Простор вокруг. Узел. И никого больше. Туннель? Хотя бы этот.

Малый ход. Осторожно войти. Хорошо. Не знала, что я справлюсь с таким кораблем. Осторожно — до среднего. Получается. Где тут программа выхода в Нормаль? Ага... да.

— Рек, я включаю выход. Хотя не уверена, что знаю куда.

Да, до конца не уверена. Но если в Большой Памяти Корпуса все

записано правильно, а мои выводы верны, то мы совсем близко к тому, чего я хотела. Если только при выходе не произойдет неожиданно-стей. Надеюсь, не произойдет!

— Была бы ты рядом, Нарь. А куда нас вынесет — все равно.

57.

— Нарь, куда ты пропала? Я, наверное, спал — вот только что пришел в себя. Мы вышли? Помню, как нас тряхнуло — это на выходе в Нормаль, да? И я сразу вырубился. Что с нами?

— Знаешь, Рек: по-моему, нам повезло. И не один раз. В общем, мы уже на грунте. На планете. Как ты себя чувствуешь?

— Почти в порядке. Ты, значит, сама благополучно села? Молодец. Откуда у тебя столько умений — откровенно говоря, неожиданных?

— Рек, все узнаешь: тут наконец ничто не помешает мне выговориться. Дай лишь нам обоим немного прийти в себя.

— Конечно. Только сперва скажи: где мы? Куда нас занесло? Привяжись. Включи программу локализации. Мы ведь в Нормали? Небо звездное? Найди эту программу.

— Уже все сделала. Ты будешь смеяться... Это — Левид.

— Потрясающе. А что такое этот Левид?

— Фу, возможно ли быть таким серым? Это тот самый мир, из-за которого сцепились насмерть Мадиг с Леганой. Мир, вполне готовый для заселения, но до сих пор необитаемый — потому что оба претендента не допускали сюда чужих осwoителей и мешали друг другу доставить своих. Так что мы с тобой тут — первые поселенцы.

— Жаль, что ненадолго.

— А собственно, почему ненадолго? Тебе все еще хочется драться? Не наелся войной досыта?

Он потер лоб, собираясь с мыслями.

— Хочется, не хочется... Я — солдат, дал присягу...

— Тех, кому ты присягал, уже нет. А если бы они были, то... Возьми. Прочти. И подумай.

— Что это за цифирь? Зачем мне это?

— Тут видно, сколько заработали командующие и их приближенные на купле-продаже вашего брата. И реданские чины тоже. И потому заставили нас драться в Просторе, где выжить невозможно. То, что мы уцелели — счастливая случайность, не более. Читай, читай.

Наступила пауза. Потом Рек поднял глаза:

— Нарь, не понимаю. А честь? Наша воинская честь?

— Это для вас, Рек. А они без нее обходятся. Подумай над этим. Рек вздохнул:

— Знаешь, многое представляется другим... Не таким, как в ЦОСе. И Зор погиб... Когда война касается тебя лично, все выглядит иначе — и та слава в том числе, о которой все мы мечтали. Есть над чем подумать.

— Это меня радует. Потому что у меня — другие планы. Для нас обоих.

— И в чем они заключаются?

— Прежде всего: остаться здесь.

— Как я понял, этот мир не заселен, верно? Хочешь стать дикаркой? Конечно, в этом немало романтики...

— Не больше, чем в солдатской судьбе. Нет, о дикости я не мечтаю. Ничуть. Я ведь сказала: Левид подготовлен к первичному заселению. А это значит, что здесь оставлена нормально оборудованная база — со всем, что может понадобиться, в том числе и с дальней связью. Тут работали очень неглупые люди.

— Да, наверное. Где эта база? Далеко?

— Вокруг. Это ведь ее автоматика посадила нас. Одна я на это никогда не решилась бы. Думаю, пора браться за дела. Их просто невероятное количество.

— Нарь, боюсь, ты строишь дом на песке. Кто позволит нам хозяйничать здесь? Пусть не Мадиг и не Легана, но и другие охотники, наверное, найдутся. Серьезные. А кто такие мы с тобой? Да никто.

— Кто позволит? Те, кто имеет право позволять. Скажи, Рек: там, где тебя учили, как его там...

— Восемнадцатый Центр образования солдата, так это называется.

— Хорошо звучит. Вам преподавали там хотя бы основы галактического права?

— Никогда не слышал. Конечно, нет. Зачем это солдату? В этом должны разбираться генералы, адмиралы, министры... Кто еще?

— Разведчики — потому что они обязаны разбираться во всем. Так вот, в этом праве есть такой раздел — право заселения и право провозглашения суверенитета.

— И что же?

— А то, что по этому праву *«первые поселенцы мира, доселе не обитавшего людьми, оказавшиеся на нем без применения насилия, имеющие своей целью население, возделывание и развитие этого мира, вправе подать в Конгресс Конфедерации прошение о признании их законным населением этого мира, равно как и ходатайство о провозглашении это-*

го мира суверенным государством, и равным образом — о защите их интересов силами Конфедерации на протяжении первых десяти лет колонизации мира. Указанные документы рассматриваются Конгрессом во внеочередном порядке и могут быть приняты при условии, что лица, возбуждающие указанные просьбы и ходатайства, могут убедительно обосновать имеющиеся у них планы дальнейшего заселения как путем естественного прироста населения, так и путем приема иммигрантов из других миров. Податели этих документов имеют право выбрать любое государство в качестве патронирующего в начальном процессе освоения. Права и обязанности патронирующего государства рассматриваются в разделе «Патронат» данного Закона». И еще там есть примечание: «Социально-политическое устройство и форма правления учреждаемого мира оставляются на усмотрение самих поселенцев».

Понял?

— Ну и память у тебя, Нарь!

— Увы, очень избирательная. Теперь скажи: отчего бы тебе не стать королем Левида? Или президентом?

— Королем лучше. Только если ты захочешь быть королевой.

— По-моему, мне это пойдет. Определенно.

— Конечно. По-моему, ты способна сыграть все на свете.

Нарин нахмурилась:

— Как прикажешь это понимать?

— Ты ведь из разведки, правда? Не знаю только из чьей?

— Почему ты так думаешь?

Помолчав, Рек ответил:

— Хотел я или нет, но все время думал о том: откуда свалилось на меня такое счастье? Туристка — это отпало сразу: к районам производственных центров на Редане их и близко не подпускают, а если ко-го и занесет, случайно или нет, уничтожают без разговоров. Это знает любая туристическая фирма во всех мирах Конфедерации. Я начал просеивать варианты, один за другим. И отбрасывать. Учел твою готовность выдать себя за солдата: согласишься, женщины Конфедерации к этому совершенно не готовы. Твое желание попасть на корабль Мадига, вдруг так резко изменившееся. И, в общем, все стало ясно...

— Интересно, — сказала она сухо. — Почему же ты сразу не выдал меня?

— Потому что тогда бы я лишился тебя. Возможно, навсегда. А потом возникло сомнение. Ты действовала так, словно бы не была так уж предана Мадигу. И еще одно: этот твой аппарат...

— Он называется «Система незримости», если ты забыл.

— Эта система никак не укладывалась в мою схему. Потому что если бы она принадлежала Мадигу, то «Покоряющий» использовал бы ее против нас — хотя бы там, в узле Простора. Но они вели себя так, словно ничего подобного у них не существовало. И с этой нестыковкой я не мог справиться. Сомнения оставались.

— Рек! Их не осталось бы уже давно, если бы ты хоть однажды нашел время выслушать меня. Потому что я давно уже хочу объяснить тебе все о себе. И сейчас сделаю это, как бы ты ни противился. Слушай...

— Говори.

— Ты почти все угадал верно, похоже, ты слишком сообразителен для солдата. Но для короля Левида в самый раз. Не перебивай. Я только начала. Я — с Рамиды, а это все равно, что сказать «из разведки». Корпус подготовки Специальных Служб — КПСС, — после того как я его окончила, направил меня на Мадиг, когда этот мир — командование его вооруженных сил — прислал заявку на разведчиков. Было известно об их серьезных притязаниях на Левид, так же, как и о намерениях Леганы. И на Мадиг направили меня. Не только потому, что Мадиг подал заявку, но и по той причине, что этот мир интересовал разведку Конфедерации очень серьезно. Я, откровенно говоря, не была в восторге: несмотря на диплом, практики у меня не было почти никакой. Но меня убедили, что для выполнения моего задания такой опыт и не нужен. Я поверила.

— В чем же заключалось это задание?

— Их было два. Первое, но второстепенное заключалось в испытании системы «Незримость» в боевой обстановке. Это — последняя разработка, и программа ее опробования еще не была закончена. Но сейчас у меня уже достаточно данных для вывода: система жизнеспособна. Правда, испытания чуть не сорвались, когда мою, вернее, мадигскую капсулу сбили над твоим городком. Но появился ты. Остальное тебе известно.

— Я безумно рад услышать, что втемную сделался участником испытания новой системы. Что ты использовала меня...

— Рек!

— Молчи! Использовала меня, тупого солдата...

— Рек, осторожно! Стоит тебе сказать лишнее слово, и я обижусь. Очень серьезно.

— Да что ты! Обидишься — и при первой возможности вернешься в свой Корпус, послав меня куда подальше? Но ведь ты в любом случае сделаешь это! Ты меня уже использовала полностью, чего же церемониться? Я для тебя больше ничего не способен сделать.

— Рек, в раздражении ты начинаешь ошибаться. Грубо. А я ожидала...

— На что же я еще способен? Чего ты могла ждать?

— Многого. Семьи. Детей. Жизни на много-много лет. Любви...

«Святой Адмирал, — подумал Рек, — у нее слезы на глазах! Значит?..»

— Она есть, Нарь, есть! И всегда будет. Но разве разведка отпустит тебя? У тебя контракт с ними?

— Да. И он будет продолжаться еще целых трое суток. Его срок истекает, Рек. А я не стану его возобновлять. Свою работу я выполнила хорошо. Аппаратуру, правда, не сохранила, зато все записи в порядке. И за это рассчитываю на хорошее вознаграждение. Признаюсь: сразу после того, как мы сели, пока ты был без сознания, я навестила базу. И по внеурочке успела переговорить с Рамидой. Рассказала о своем плане. И получила «добро». Это — ответ на твое «кто нам позволит».

— Объясни, если можно.

— Я, когда разговор зашел о вознаграждении, сказала, что не стану брать денег. Но попросила все права на заселение Левида. Оно так или иначе стоит в планах Конфедерации. И мы эти права получим.

— Звучит здорово. Но вряд ли я... У меня подготовка солдатская. А не королевская. Тут надо быть большим политиком...

Нарин усмехнулась.

— Знаешь, царствовать — несложно. Сложно — править. Но этого тебе делать не придется. И мне тоже.

— Кому же тогда?

— Да тем, кто нас сюда поставил. А мы — когда-нибудь потом. Если научимся. И если все пойдет как надо.

— А что мы вообще станем тут делать? Охотиться, пахать землю?

Нарин остановилась. Удивленно взглянула на Река.

— Ты о чем? Разве я не сказала? И ты не знаешь?

— Смотря что.

— Что у нас под ногами — крупнейшие в Конфедерации залежи протиды!

— Это... постой, это слово я слышал, нам о нем упоминали, когда говорили о галактической стратегии...

— Ох. Протид — то вещество, без которого невозможно ни выйти в Простор, ни тем более передвигаться в нем. Из-за чего, ты думаешь, так сцепились Мадиг с Леганой? И почему, по-твоему, их обоих старались удержать на расстоянии? Для любого из них эти залежи — за-

лог неограниченного господства. На этой планете Конфедерацию может устроить только такая власть, которая будет добывать, продавать, но не стремиться к господству. Такая...

— Такая, как мы с тобой.

— Это я и хотела сказать, ваше величество.

— Отставить. Я решил, что мир этот все-таки не будет управляться королем.

— Вот как? Кем же?

— Королевой. Она для этого более приспособлена.

Нарин улыbnулась:

— Рек, естественно, управлять буду я. В установленных пределах. Но официально числиться предстоит тебе. Ты красивый парень и для торговой марки подходишь куда больше моего. Конечно, если бы Левид стал производить косметику или дамское белье, то...

Они спустились по трапу. Сделали несколько шагов.

— Для всего этого понадобится куча людей, — сказал Рек. — Им придется, как я понимаю, платить. Сразу же, а не тогда, когда начнется добыча и торговля. Как мы будем выкручиваться, королева? Может, зря ты отказалась от денег?

— Пока не знаю. Их бы все равно не хватило. Но может быть...

Она остановилась, не договорив.

58.

— Нарь, получается ерунда. Смотри: транспорт с техникой уже на подходе, а корабль с завербованными, как только что сообщили, еще и не стартовал. Там у них какие-то неурядицы. Техника сядет — а кто станет ее разгружать? Мы с тобой?

— Для разгрузки запустим механизмы — из нулевого наследия. Какая идет техника?

— Машины для расчистки. Кто будет ими управлять? И еще — сборные дома. Очень хорошо — только ставить их некому и селить в них некого. Получается...

Резкий, тревожный звон не дал Реку договорить.

— Проклятье, — воскликнул он, — неизвестный корабль в ближайшем пространстве!

У экрана внешнего наблюдения Нарин оказалась первой. Всмотрелась. Всплеснула руками:

— Рек, как здорово! Еще ближе, чем транспорт — два больших корабля. Включи определитель класса. Быстрее!

— Сделано. Святой Адмирал! Он показывает ерунду! Этого быть не

может! Смотри: два боевых транспорта! Это атака, Нарь! Кто-то решил, хотя у нас все права...

— Переключи на «Принадлежность»!

— Готово. Ох!.. Знаешь, чей первый корабль? Он под флагом Мадига!

— А... постой, постой... а второй — не Леганы ли?

— Угадала.

— Запроси названия. И сразу же передай: «Посадка запрещается. Можем принять малый катер с представителем». Обоим.

— Отвечает автоматика. Назва... Ох, черт!

— «Покоряющий» и «Неодолимый», не так ли?

— Они. И оба идут на посадку. Но нет никаких враждебных маневров: вроде бы драться не собираются. Может быть, хотят сразиться тут, на тверди?

— Сигналь: «Будем вынуждены открыть огонь на поражение»!

«Экипаж недееспособен. Необходима помощь. Посадка вынужденная, отказ не допускается. Работает программа жизнеобеспечения».

— Это сигналит автоматика, Рек.

— Уловка?

— Наверное, все-таки нет. Однажды в истории уже... Но сейчас не до объяснений. Значит, это все-таки правда...

— Интересно: нас атакуют призраки. Что делаем? Уничтожаем?

— Да ни в коем случае! Пусть садятся. Места хватит. Ответь: «Посадка разрешена». Ага, вот и второй. Тот же текст.

— Как сговорились.

— Да нет — однотипные корабли, на них — серийные схемы с серийными программами. Все логично. Второму — тот же ответ.

«Просьба включить посадочный привод».

— Видишь? Значит, корабли ведут не люди. Только автоматы.

— Но ведь эти корабли погибли! У нас на глазах! Оба!

— Нет. Они исчезли — верно. Исчезнуть не всегда означает «погибнуть». У Простора — своя логика.

— Не представляю, как это могло получиться.

— Как ты думаешь, почему в твоём мире, на Редане, так и не знают названия корабля, чья посадка положила начало этому миру?

— Почему? Ну, как-то... не сохранилось.

— Сохранилось. У нас в Корпусе. Он назывался «Двуглавый тигр».

— Постой. Где-то я слышал... Да! Погоди: выходит, что...

— Вот именно. Он совершил посадку после того, как, атакованный, исчез в Просторе и был сочтен погибшим. А через полгода объявился в Нормали, и... остальное тебе понятно.

— Вот так раз! Как же это происходит, каков механизм?

— Этого пока не знаем даже мы. Предположим, какие-то действия корабля, или кораблей, несовместимы с физикой Простора. Или, может быть, с его моралью? И он принимает свои меры. Хулигана сажают в камеру. На определенный срок. Такое сравнение кажется мне уместным.

— А потом выпускают — и отправляют к нам?

— Возможно, Простор отправляет их по трассе, которая использовалась кораблями нашего пространства в последний раз. А последними были, видимо, мы. Так что их направили по нашим следам.

— Но людям полгода не продержаться. Будь там только экипажи, но ведь у них на борту — армии! Нарь, они давно умерли с голоду. Корабли привезли трупы. Мумии. Зачем они нам?

— Рек, на всех кораблях, тем более перевозящих людей — надежная телеметрия.

— Ну и что?

— Значит, люди живы. Если на борту нет живых — корабль можно посадить лишь принудительно, это заложено в полетные программы. Другое дело — люди действительно могут находиться не в лучшей форме.

— Ну, все. «Покоряющий» первым идет на посадку. Теперь мы уже ничего не можем сделать.

— Почему же? Можем встретить по всем правилам протокола. Где наша лицензия на владение? Возьмем с собой. Кстати, а где корабль с провизией?

— В сутках ходу.

— Хорошо. Нам, как хозяевам, придется заботиться о пропитании гостей. А потом — кормить работников.

— Ты думаешь?..

— Скоро увидим.

— Полагаешь, мы сможем попасть на борт?

— Для спасения жизней? Глупо было бы не впустить нас.

— Знаешь, мне немного не по себе. Снова встретиться с командующим...

— Как сказать. Это ему сделается не по себе. Вот увидишь.

59.

«Что же мне делать с армией?»

— Здравствуйте, командующий!

Юкан Маро, потирая ладонью лоб, смотрел на Нарин и Река и часто моргал. Похоже было, что он еще не проснулся как следует.

— А, это вы, разведчик Нарин? Странно. Разве вы живы? Какими судьбами? Простите, я как-то незаметно задремал. Что там за чертов шум?

— Это садится «Неодолимый», адмирал.

— Садится? Кто позволил? Надо было взорвать его в воздухе, если уж не получилось раньше. Стоп, а куда он садится? Вообще — где мы?

— В космопорте мира Левид.

— Простите, я все еще чего-то не понимаю. Мы на Левиде? Значит, мы победили? Какого же черта лезет сюда «Неодолимый»?..

— Разрешите вопрос, командующий: вы помните, когда уснули?

— М-м... Да. Собственно, тогда я решил, что умираю. Мы потеряли свои антенны, и... Значит, я просто уснул. И проспал никак не менее шести часов.

— Почти верно, адмирал. Только не часов, а месяцев.

— Бред.

— Но не сумасшедшего. Столько же проспали все ваши люди. И сейчас испытывают примерно то же, что и вы. Наверняка на «Неодолимом» — аналогичная картина.

— Но он садится позже!

— И что?

— Приоритет у нас! И проснулись мы раньше. Сейчас я скоманую тревогу, и мы разделимся с ними, еще не дав прийти в себя. Вы, угол, как вас там? Немедленно найдите капитана и...

— Командующий, — сказала Нарин, не повышая голоса. — Позвольте, как и полагается разведчику, ввести вас в ситуацию. Вы находитесь на территории независимого королевства Левид на правах потерпевших бедствие. Человек, к которому вы только что обращались — не угол, а его величество король Левида. Так что прошу вас соблюдать протокол.

— Король? Угол? Чушь.

— Будьте любезны, взгляните. Вот лицензия правительства Конфедерации, не так ли? И тут ясно сказано и о признании королевства, и о тех, кому здесь принадлежит власть. На территории независимого государства, как вам известно, не допускаются никакие военные действия. И всякое нарушение или пренебрежение лицензией Конфедерации влечет за собой серьезные неприятности для нарушителей. Стоит мне сейчас послать сигнал — и вы знаете, что Эскадра Порядка будет здесь уже через несколько часов.

— Вы хотите сказать, что я не могу воевать? Вообще-то, конечно, наш боезапас за это время — если действительно прошло полгода — мог пострадать, батареи имеют свойство терять заряд...

— Не волнуйтесь: у «Неодолимого» то же самое.

— Но у меня же армия, черт возьми! Если не драться — то что же мне с ней делать? Пять тысяч человек! А я не смогу даже отвезти их на чертов Редан: мои антенны — помню — были искалечены...

— Как и у вашего тогдашнего противника.

— И я не способен хотя бы войти в Простор. А если ползти в Нормали, надо обладать бессмертием, чтобы долететь хоть куда-нибудь.

— Знаете, адмирал, это не беда. Здесь, в этом новом мире, дело найдется всем.

— Ага, разработка протиды. Но это не подлежит оглашению.

— Ну, в узком кругу можно. Итак, командующий: мы — его величество и я — считаем, что сейчас самым уместным будет встретиться всем вместе, включая командование и старших офицеров Леганы, и выработать совместное соглашение. Потом мы обратимся с ним к личному составу обеих армий и предложим им наши условия. Нам нужны подданные, нужны рабочие руки, мы готовы хорошо платить.

— Хорошо платить, вы сказали? Если не секрет — кто вас кредитует?

— Это коммерческая тайна. Впрочем, могу назвать банк: «Кредитное товарищество Сириуса» на Шеворе. Знакомое название, не так ли?

— Гм... Э... Кажется, приходилось слышать в какой-то связи.

— Может быть, от однокашника — командующего Тустаса?

— Не понимаю вашего вопроса. И вообще...

— Хорошо, об этом мы еще успеем поговорить.

— Ну, допустим... Впрочем, ко мне лично это не имеет отношения: я не собираюсь получать у вас какие-то деньги. Кстати, и мои пять тысяч воинов тоже. Все мы раз и навсегда присягнули Мадигу. И с этим вы ничего не сможете поделать. Воспитанники Редана очень серьезно относятся к подобным вещам.

— Вы правы: мы здесь бессильны. Зато у вас, принимавшего присягу, есть полное право и освобождать от нее. Такова традиция, верно?

— Вряд ли я захочу сделать что-либо подобное.

— Конечно, вы вправе отказаться. Но в таком случае у вас возникнет, самое малое, два крупных осложнения. Первое: мы снимаем с се-

бя всякую ответственность за судьбу ваших людей. Вам самому придется, к примеру, их кормить... Нам не под силу содержать армию, а тем более — чужую.

— Но у армии может иметься другое мнение по этому поводу.

— То есть у вас.

— Ну, поскольку я ее возглавляю... И за моей спиной — вся мощь Мадига...

— Огорчу вас: это продлится недолго.

— Какие-то странные намеки.

— У нас нет соглашений с другими мирами о выдаче преступников. Но никто не обидится, если мы по своей воле осуществим, скажем, передачу вас властям Конфедерации...

— Чушь!

— Вместе с доказательствами того, что на торговой сделке с Реданом вы обманным путем присвоили пятьсот миллионов баллов из денег Мадигского казначейства. Возможно, это сошло бы вам с рук на Мадиге, но не в Конфедерации. Угодно вам ознакомиться с этими доказательствами?

— Разумеется. Хоть сейчас.

— Милости прошу на базу, командующий, — пригласил Рек.

Разговор командующего с правителями Левида не затянулся. Уже через несколько минут он вымолвил мрачно:

— Вынужден признать, ваша взяла. Я сделаю то, чего вы хотите.

— И совершенно правильно. Первое: эту сумму вы немедленно переводите на государственный счет Левида в Первом Терранском. Только эту сумму. Мы не станем раздевать вас до белья. И второе: освобождаете ваше войско от присяги.

— Ну, а вы?

— Мы, в порядке ответной любезности, сохраняем наше соглашение в секрете и даем вам возможность покинуть Левид на первом же корабле. На Мадиге вряд ли выдвинут к вам серьезные претензии: вы не выиграли войны, конечно, но ведь вы ее и не проиграли. Этим может похвалиться далеко не каждый полководец. И так — вот дальняя связь, и вы можете немедленно передать распоряжение в «Сириус».

Переговоры с банком по внеурочке заняли несколько минут.

— Ну вот, — заявил, закончив, Маро, — поздравляю: у вас в руках подлинное богатство.

— Лишь половина его. Предстоит еще разговор с Тустасом.

— Если не секрет: сколько он... заработал?

— Ровно столько же. Хотя вряд ли вы сговаривались. Просто созвучное мышление.

— М-да. Кстати, о мышлении: в ваших планах, уважаемая, я вижу колоссальную брешь. У вас нет женщин. В нашей армии только мужчины. А в такой обстановке вам не удастся...

— Вы правы, адмирал. Но стоит бросить клич, рассказать о прекрасном мире, где живут десять тысяч женихов, как наше небо потемнеет от обилия кораблей, на которых примчится пятнадцать тысяч невест. А то и все двадцать.

— Пожалуй, вы правы. Что же, разрешите мне готовиться к отъезду?

— Разумеется.

— Благодарю вас. Вынужден признать: здорово вы провели эту операцию! Вывели из игры наши армии вместе с кораблями, захватили Левид, ограбили и меня, и Тустаса, а теперь еще используете всех людей, за которых не заплатили ни гроша. Это достойно описания в учебниках!

— Благодарю за высокую оценку, адмирал!

— Нарь, это и был твой план?

Нарин улыбнулась:

— Честно говоря, не мой, а моей бабушки. Она с детства называла меня только «королевой». И я однажды задумалась: а почему бы и нет? В Галактике столько миров! И ни один из них не принадлежит мне! Вот и... А разве плохо получилось? Кстати, не забудь вызвать сюда свою сестру.

— Конечно. Ну, что делаем сейчас?

— Рек! Впереди — разговор с леганцем, на подходе транспорт с техникой, скоро придется как-то кормить армию — подчистить все запасы до последней крошки, потом... Ага, на «Неодолимом» уже проснулись. Даже выходят на грунт понемногу. Пойдем туда. Тустас на очереди.

Они приблизились к кораблю, когда Река окликнула:

— Эй, ты! Попугай крапчатый! Ты тоже здесь? Ну и дела! Я думал, тебе кранты. А ты раньше нас поспел. Здесь-то ты кем?

— Получилось так, Пул, что королем.

— Ну да. Мне всегда казалось, что толку от тебя не будет. Не зря я говорил: чурбакам нечего делать в Вольной охоте.

ДАЛИЯ
ТРУСКИНОВСКАЯ
СУССИ

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Посвящая другу Д.В.

10 мая 2013 года

Президент велел не соблюдать китайских церемоний, и кому хватило места, те впритирку сели перед мониторами, прочие стояли сзади.

— Ошибки быть не могло? — спросил президент.

Алексеев вздохнул и развел руками.

То, что висело во Вселенной, неторопливо приближаясь к матушке-Земле, было просканировано и с лунной, и с орбитальной станций. По всему выходило — враг. Оружия эта громадина тащила — на всю Солнечную систему с избытком станет. Боевых катеров одних несла шестнадцать штук. Их-то и удалось исследовать подробнее. Если верить масштабам и прочим деталям — члены экипажа были двуноги, с головами, только пониже людей. И могло их там находиться от двадцати до тридцати тысяч.

— Сколько у нас времени? — вопрос президента был жесток и конкретен до зябкости в спине.

— Месяца полтора, в лучшем случае — два, — ответил Алексеев.

* * *

10 мая 2013 года

После таких собеседований и докладов человека тянет забиться в какую-нибудь щель, да хоть в дешевую бутербродную, и надраться до полного и безупречного склероза. А не сопровождать законную супругу, которая везет никому не нужный кухонный комбайн в подарок подруге. Другого времени не нашлось — вот только сегодня!

Алексеев хотел подождать в машине, но Наташа потащила его наверх, пить чай, а то Юлия обидится. Он побрел, получил чашку и сел над ней молчать, пока подружки чирикали.

Слишком многое следовало обдумать. Прежде всего, он не мог понять, откуда эта громадина подкралась к Солнечной системе. И хотелось бы знать, где она начнет тормозить, если уже не начала. Кабы установить эту точку — то уже можно фантазировать на тему, какое горючее используют дорогие гости и какие перегрузки для них считаются нормальными...

Юля время от времени бралась за мобилку.

— Димка все никак до дому не доедет, — пожаловалась она. — Поехал на Сходненскую за компактками, от нас до Сходненской по прямой — две минуты, и там по бульвару — четыре, еще минута — между домами проехать. Взять компактмы — пять минут! Итого... итого...

— Девятнадцать минут, — подсказала Наташа.

— Ну, двадцать! Так его же полтора часа уже нет!

Алексеев отхлебнул чаю. Теперь он думал о том, где могут приземлиться эти жуткие катера, каждый — длиной метров в пятьсот. Наверняка ведь выберут безлюдные места, чтобы благополучно высадиться, скоординироваться и перейти в правильное наступление. А у нас на Севере — до черта для них посадочных площадок... А подбить такую дуру — во-первых, чем, а во-вторых, вот рухнет на Красную площадь... или на американскую Свободу...

На Земле не было такого оружия, чтобы справиться с кораблем гостей. По крайней мере, Алексеев, человек мирный и не дрожащий от азарта при виде стволов и снарядов, такого оружия не знал. Чем-то хвастались американцы, что-то было в разработке у японцев и у индусов... Если бы не его ребятишки, тяжкий крест всей Главной обсерватории, гениальные бездельники и отчаянные авантюристы, он бы и знать не знал, ведать не ведал о космическом госте. Но уж коли твои подчиненные первыми обнаружили этот подарок, изволь отдуваться.

В прихожей подала голос дверь, и на кухне возник этот самый Дима. Алексеев, соблюдая мужской ритуал, встал для рукопожатия.

Дима был высокий, крупный, черноволосый и коротко стриженный мужчина, с особой приметой: там, где у всех людей на переносице продольная морщина, а то и две, у него — поперечная, соединяющая брови. Возможно, признак большого упрямства, подумал Алексеев.

— Вот скажите, — обратилась вдруг к нему закипающая Юля, — от Планерной до Сходненской и обратно может быть полтора часа?

— Может, наверное, — проявил мужскую солидарность Алексеев. — Смотря как ехать.

— Да это как-то неожиданно получилось, я хотел на Туристскую выехать, еду, еду, смотрю — что-то долго еду, а потом смотрю — я же в Митино!

— Ты не заметил, как заехал в Митино? — изумилась Юля. — Ты МКАД не заметил?!

— Ну?! — вдруг возмутился супруг. — Потом выехал на МКАД и чесал пятнадцать километров.

— Но как? Как? — вопрошала Юленька. — Как это могло получиться? Ты что, право и лево спутал?

— Я не знаю! Ничего я не путал! Я в пространственный туннель въехал!

— Куда-а?!

— Это шутка такая, — вмешался Алексеев, которому не очень хотелось присутствовать при семейном скандале. — Ничего, главное — вернулся.

— Думаете, это в первый раз? — весьма патетически спросила Юля. — Его же никуда выпустить нельзя. Я его в круглосуточный отпущаю — план магазина рисую, где чего! Я думала — туда один поворот и обратно один поворот, где там заблудиться? А он полночи проедил!

Говоря это, маленькая хрупкая Юленька сердито наступала на огромного мужа, а он от нее пятился.

— Там между проспектом Райниса и Туристской действительно черт ногу сломит, — вступилась Наташа.

— А у людей спросить?

Поняв, что скандал все равно состоится, Алексеев заторопил Наташу.

Они уже почти приехали к себе в Бибирево, когда Алексеев вдруг резко сбросил скорость.

— Ты чего? — спросила Наташа.

— Погоди, мысль...

— Записать? — Наташа полезла в бардачок за блокнотом и авто-ручкой.

— Нет... погоди...

Он искал в памяти слово, очень важное слово из начинавшегося скандала. Не то, не то... вот оно!

Юля тогда со всем возможным в женских губках презрением прошипела на змеиный лад, но с кровожадной тигриной яростью: «С-су-с-са-нин!..»

* * *

12 мая 2013 года

Есть вещи необъяснимые. Например — на что уходит зарплата. Или, скажем, — как женщинам удается всегда быть уверенными в своей правоте. Топографический кретинизм Димы давно уже стал притчей во языцех. Он умудрялся заблудиться даже в метро, где вообще все написано большими буквами.

Сам он ничего объяснить не мог. Вроде не слишком задумывался о проблемах мироздания, шел себе и шел, ни на что не отвлекался — а выходил в шести километрах от назначенной цели. Юля наивно полагала, что вот они купят машину, он будет за рулем, она — штурманом, и эти странные блуждания кончатся. Но Дима несколько раз умудрялся заехать в невероятные тупики вместе с женой-штурманом.

Все эти подробности рассказала Алексееву Наташа, сильно удивляясь, что немногословный и далекий от суеты муж, занятый такими важными делами, что случилась даже неделя, когда дочку в школу от-

возила и привозила вооруженная охрана, вдруг сушей ерундой заинтересовался.

Алексеев встретился с Димой через день — просто позвонил и попросил пятнадцать минут. Цели не объяснил — он сам ее пока не мог сформулировать.

Дима приехал всего лишь с двухминутным опозданием.

Алексеев знал, что с первых минут лучше перейти на «ты». Тем более, он был намного старше, пятидесятилетний породистый мужик, доктор наук, в узких кругах — внушительная шишка, многие удивлялись, что он ездит без охраны. А Диме этому — тридцать два года, маркетолог с перспективами, но за пределами своей фирмы мало кому известен.

Идеально было бы сразу куда-то поехать и выпить. Но оба были за рулем. Поэтому Алексеев привел собеседника в офис двоюродного брата, где к его услугам всегда имелся кабинет с баром и кофеваркой.

— Садись, — велел он. — Мне жена о тебе рассказывала. Что, действительно можешь в трех соснах заблудиться?

— А при чем тут это? — удивился Дима.

— Раз спрашиваю — отвечай. Мне подробности нужны.

Дима пожал широченными плечищами.

— Ну, какие тут подробности... Еду, еду... Вот как я в Митино заехал? Я же должен был МКАД пересечь! А не пересекал! Уж такую магистраль я обязан был заметить. А не заметил!

— Насчет МКАДа ясно. Ты давай говори, как это с тобой раньше происходило.

Дима рассказал еще страшный случай — как вокруг часовни на перекрестке катался, и еще один — как в деревне вышел на лесную опушку набрать земляники, а обнаружили его мужики за дальними покосами. Рассказал также, как вел гостей от Тверской, от памятника Пушкину, к Театральной площади, но, сделав всего два поворота, вместе с гостями оказался на Лубянке.

— Вот это уже лучше! Так, еще, — потребовал Алексеев.

Дима, решительно не понимая, зачем солидному человеку все эти анекдоты, говорил, и говорил, и говорил, а потом Алексеев вытащил на экран смартфона карту Подмосковья. И задумчиво на нее уставился.

— Возьми завтра отгул, — вдруг сказал он. — Кое-куда съездим.

— Кто мне его даст?

— Дадут.

И точно, когда Дима наутро прибыл поработать, начальство его обрадовало: звонили сверху, с непостижимой высоты, и маркетолог Веревкин может быть свободен и сегодня, и завтра, да хоть навеки!

Найдите начальника, который пришел бы в восторг от подобных звоночков...

* * *

13 мая 2013 года

Дима в прескверном настроении прибыл на встречу с Алексеевым. Он ничего не понимал, а собеседник уворачивался от объяснений, да с таким видом, будто рискует разболтать государственную тайну.

— Поехали! — сказал наконец Алексеев.

— Куда?

— По грибы.

Дима распахнул глаза и окаменел. Время было отнюдь не грибное — середина мая.

Если бы маркетолог Веревкин не знал от жены (после отъезда гостей супруги как-то неожиданно быстро помирились), что Алексеев — лицо весьма значительное, то развернулся бы — и черта с два его удержишь. Мужики такого сложения могут запросто пройти сквозь кирпичную стенку, оставив дыру в форме своего силуэта.

Но Дима, не понимая замысла Алексеева, все же учуял, что замысел серьезный. Поэтому он оставил свою машину на стоянке у весьма почтенного учреждения и пересел к Алексееву.

— Сядь за руль, — велел Алексеев. — Так надо.

Дима пожал плечами, выполнил распоряжение, и они покатали.

Пока ехали по Москве, говорили о простых вещах — ну, о политике, об олигархах, об Америке. Выбрались на МКАД, свернули куда-то — и тут Алексеев замолчал. Молчал и Дима, глядя перед собой на летящую под колеса джипа дорогу.

А вот если бы он поглядел вверх, то увидел бы подвешенный в небе вертолетик, который ненавязчиво сопровождал алексеевский джип и на МКАДе, а когда свернули — и на узкой шоссе, и дальше, и дальше...

* * *

16 мая 2013 года

Три дня спустя Алексеев сидел на кровати с ноутбуком на коленях и, сверяясь с документами, настукивал важное письмо.

В семи случаях бортовые системы слежения теряли из виду машину на пять—десять минут», — писал он. — Еще в двух случаях машина просто визуально исчезала из поля зрения пилотов, но аппаратура показывала ее перемещения, если можно так сказать, пунктиром, однако при этом машина...

Вошел одноклассник Арсений, худой и длинный, в коротком белом халате, за ним медсестра внесла поднос со всякой дребеденью, другая — штатив с капельницей.

— Ты чего встал, ложись, — сказал недовольный Арсений.

— Отчитаться надо.

— Я девочку пришлю, продикуешь.

— Нельзя, такое дело...

— Агент ты ноль-ноль... Ложись, кому сказано!

— Не суетись, Арсюха, я жив. А как Веревкин?

— А что ему делается! Требует, чтобы отпустили.

— Все в норме?

— Все в норме, хоть в космос посылай.

— Точно?

— Точно. Там сразу все было в норме, мы его для очистки совести два дня продержали. Слушай, отпусти ты его! — взмолился Арсений. — Зря койкоместо занимает.

— Арсюха, нельзя. Ты лучше пришли его ко мне... Стой! — Алексеев, уже почти смирившийся с капельницей и убравший с колен ноутбук, снова за него схватился. — Письмо! Важное! Донесения с контрольных пунктов! Арсюха, погоди ты с этой твоей медициной, бога ради! Вот закончу доклад — и я весь твой!

Алексеевский доклад был завершен четыре часа спустя, когда автору капельница уже оказалась жизненно необходима. Текст был несколько раздерганный, со странными отступлениями, а завершался так: *Но, поскольку возвращение агента «С» из «туннеля» происходит спонтанно, независимо от его желания и волевого усилия, следует провести серию экспериментов в различных условиях и с меняющимся составом участников. Прошу утвердить меня руководителем проекта...*

Тут бы следовало дать проекту название, но ничего путного на ум не шло.

* * *

18 мая 2013 года

Арсений Джибути был мужчиной общительным — знакомых имел столько, что сам уже в них путался. Список контактов в его карманном коммуникаторе занял бы, если выгнать на принтер, метра четыре мелким шрифтом. Кроме того, Арсений только последние года два ставил в рубрике «примечание» профессию или должность нового знакомого. Он знал, что в списке есть главврач неврологического диспансера, но нашел его после долгих и бесплодных поисков.

Они встретились в восточном ресторанчике, хозяева которого полагали остроумным включить в меню «Шашлык из печени ишака Хо-

джи Насреддина». Алексеева еще покачивало, но он твердил «время поджигает, время поджигает...», и Арсений знал — так оно и есть.

Те же хозяева втолковали своему персоналу, что если в ресторан приходят посидеть трое немолодых мужчин, то главным блюдом для них должен стать танец живота в исполнении тощей блондинки.

От блондинки, подошедшей чересчур близко, мужчины, не стоваясь, принялись отмахиваться, как от осы.

— Итак, Левон Ованесович, меня интересуют пациенты, у которых имеются проблемы с ориентацией в пространстве. Скажем, уходит такой дедушка за хлебом в булочную, а приводит его через три дня откуда-нибудь из... ну, скажем, из другого города, а как сел на поезд, он, хоть убей, не помнит, — начал Алексеев. — Но при этом все остальное у него в порядке.

— Как раз дедушка у меня есть. Иваном Онуфриевичем зовут. Колоритный дедушка, Некрасова наизусть читает. У него осенью обострение, родственники его к нам кладут на месяц, на два...

— Обострение — в смысле, он исчезает? Убегает из дому?

— Да, пропадает, где-то гуляет неделю, две. Возможно, живет у добрых людей — одежда, обувь в целости, травм нет.

— А в остальном?

— В остальном очень неглупый дедушка.

— Это, кажется, наш пациент, — сказал Алексеев. — Левон Ованесович, я должен сейчас же встретиться с вашим дедушкой.

— Сейчас же это будет затруднительно, — ответил психиатр. — Нам еще не принесли ни долму, ни плов, один только голый живот, и тот совсем неаппетитный!

Психиатр был полным жизнерадостным мужчиной и женщин, очевидно, любил основательных.

— Еще кто-нибудь у тебя есть? — поинтересовался Арсений.

— Конечно, дорогой, у меня все есть — кроме Наполеона Бонапарта. Две певицы Мадонны есть, в разных палатах держу, чтобы не подрались, книжный человек есть — хочет сидеть на полке рядом с собранием сочинений Бальзака, человек-мясорубка есть — не повешишь, чистый вегетарианец...

Алексеев тыкал стилосом в экран коммуникатора, добывал телефонный номер. Ему еще нужно было этим вечером встретиться с обшей бабушкой Лидией Николаевной.

* * *

19 мая 2013 года

Лидия Николаевна, педагог с семидесятилетним стажем, бездельничать не любила, опять же — пенсия маленькая, а делать правнукам

подарки хотелось. И она охотно подряжалась сидеть с младенцами до года — после года они уже чересчур шустрые, на больных ногах не утонишься. Более того, ее любимое время было — от шести вечера и до полуночи, так что Лидия Николаевна пользовалась в своем микрорайоне большим спросом.

Алексеев приехал к ней в первом часу ночи — как договорились.

— Интересный вопрос вы задали, очень интересный вопрос, деточка, — сказала старуха, для которой и восьмидесятилетний дед был теперь неразумным подростком. — Конечно же, в каждом классе есть мальчишка, который постоянно куда-то пропадает, и его ищут по всем сараям и чердакам. И девочки такие есть. Но вот что я скажу: чем старше, тем реже они пропадают неизвестно куда. Наступает время, когда мальчика следует искать неподалеку от девочки, а девочку — неподалеку от мальчика, и все это знают.

— Через ваши руки полгорода прошло. Лидия Николаевна, не припомните ли таких исчезальщиков? — спросил Алексеев, сильно рассчитывая на профессиональную память бывшей учительницы.

— А припомню. Да только они все теперь остепенились, женатые люди, жена так просто пропасть не даст. Вот разве что Лёнечка Курчик... мама на днях приходила со мной советоваться, пошлют в супермаркет за кефиром — считай, на четыре часа, а ребенок ведь должен помогать по хозяйству...

— У вас его телефон есть? — обрадовался Алексеев.

Длинный и узкий телефонный блокнот был исписан и исчеркан вдоль и поперек. Кроме округлого и разборчивого учительского почерка там попадались и самые невнятные детские каракули. Но звонить в такое время суток Лидия Николаевна настоятельно не советовала. Зато она помогла выйти на след еще четверых бывших воспитанников, имевших эту удивительную способность — уходить за сигаретами на несколько часов и возвращаться к перепуганному семейству как ни в чем не бывало.

Понемногу обрисовывались контуры странного проекта. И чем яснее они оформлялись в слова, тем тревожнее делалось на душе...

* * *

20 мая 2013 года

— Пространственный туннель? — переспросил Корнейчук. — Впервые о таком слышу. Откуда ты это взял?

— Это веревкинская шуточка. Когда жена ругает, он не говорит — заблудился, а говорит — заехал в пространственный туннель, — объяснил Алексеев. — Шуточка шуточкой, но, похоже, эта штука и вправду существует. Какая-то труба, соединяющая пункт А с пунктом

Б, невзирая на препятствия. Она возникает и исчезает совершенно непредсказуемо.

— Вот тут у тебя еще транс, — Корнейчук сунул пальцем в распечатку доклада. — Откуда он берется?

— Мне кажется, они сами как-то наловчились вводить себя в транс и в таком полубессознательном состоянии попадают в свои туннели. Причем они самого туннеля не видят — просто у них несколько часов из жизни вылетает хрен знает куда, а потом они оказываются в самых неожиданных местах.

— И ты тоже себя ввел в транс?

— Когда с Веревкиным впервые ездил — нет, конечно. Просто было тошно — знаешь, когда кошмарный сон снится, будто тебя скалой придавило или нечисть на грудь уселась? Потом меня Арсений чуть ли не сутки с того света добывал. Так мы же часа три то нырнем, то вынырнем, мне под конец просто уже блевать хотелось, это как-то связано с вестибулярным аппаратом...

— Вот отсюда — подробнее.

Алексеев не был напрямую подчинен Корнейчуку, но положение сложилось такое, что вся субординация сместилась и поехала. И какие уж разборки между ведомствами, когда до визита космического агрессора осталось, может, меньше месяца?

И он рассказал, как колесил с Димой по проселочным дорогам, а его при этом контролировали и по маячку, и сверху визуально, как к финалу заезда провалился в кошмар и очнулся на койке.

— Съемку сверху вели? — спросил Корнейчук.

— Вели, конечно. Вот, — Алексеев достал из нагрудного кармана флеш-карту. — Вставь в ридер. Сам смотрел до обалдения. Казалось бы, вот он, джип, ползет, и вдруг — помехи, и его уже нет. А выныривает километрах в трех — и даже речку перескочил через этот туннель. И там же — донесения наземных контрольных пунктов.

— Надо же, чтобы человек с собой технику в тонну весом прихватить умудрялся...

— Так на это вся наша надежда.

— Но ведь жена этого Димы ездит вместе с ним — и ничего.

— Так в самый первый раз — действительно ничего, как-то проскакиваешь, а во второй уже башку ломит. Ты учти, нас из виду девять раз теряли. И вот тут мои выводы...

Опустив глаза, Алексеев протянул Корнейчуку коммуникатор, где на сером экране уже был выведен текст. Корнейчук читал его минут пять. Хотя и за полминуты бы управился.

— Если бы эти люди были нашими с тобой подчиненными, если бы находились на службе и приняли присягу, мы бы могли им прика-

зять. Идите, мол, дорогие товарищи, заманите врага в ловушку, или в туннель, или к черту на рога, и сгиньте там с ним вместе доблестно! Но, Сашка... это же вообще черт-те кто!.. Дед какой-то, маркетолог, пенсионерка, пацаненок...

— Так что — отставить?

Корнейчук выбрался из-за стола, опираясь руками, и помогать ему было нельзя — боже упаси. Он один уцелел, когда вертолет по его приказу опустился слишком низко и молодой пилот, не сумев возразить начальству, подвел машину чересчур близко к высоковольтным линиям. Напоминать ему об этом подчиненные не решались — даже когда видели, что каждый шаг отзывается болью.

— Отставить. Хотя... Ладно. Назначаешься руководителем проекта. Финансирование — через меня. Собирай команду. Попробуй докопаться, что это за туннели такие... под мою ответственность... все бумаги — мне на подпись...

И только теперь старый генерал посмотрел в глаза Алексееву.

«Вдруг найдется среди них один? Вдруг поймет без слов, как мы друг друга сейчас понимаем? Вдруг сам пойдет на риск? — вот что спрашивали глубоко посаженные темные глаза. — Вдруг? Вдруг успеем?»

Не так уж много народу знало об опасности. А те, что знали, сидели и старились на глазах.

* * *

30 мая 2013 года

Место для экспериментов было выбрано не самое удачное — Алексеев жаждал большого пространства, а ему дали квадрат тридцать на тридцать километров, да и квадратом полигон можно было назвать очень условно. Зато специалистов он отобрал самых лучших.

Полигон невелик, но при нем участок реки, именно — излучина и заводь. Кроме того, там с тридцатых годов сохранились рельсы узкоколейки. Заросли, правда, но руки для расчистки Алексеев получил в нужном количестве.

— Пусть еще и паровоз будет, до кучи, — распорядился Корнейчук. — Все перепробуй. Докладывать будешь каждые два часа, днем и ночью.

Что касается техники, тут ни в чем не было отказа, Алексееву доставили и большегрузную фуру, и здоровенный карьерный самосвал, и танк, и баржу с буксиром, и даже огромный экраноплан «Орленок» весом в четыреста тонн и с размахом крыла почти тридцать два метра. Паровоз нашли совсем доисторический, Алексеев увидел его портрет на мониторе и минут пять вспоминал, в каком фильме про революцию летело прямо на зрителя это чумазое сокровище.

Несколько дней обустроивали лагерь, завозили технику. Чтобы не связываться с разбитыми дорогами и хилыми мостами, все, что могли, притащили вертолетами.

Алексеев до последнего сидел в Москве, собирал «исчезальщиков», беседовал с каждым по отдельности, предлагал бешеные деньги за участие в невинном парапсихологическом эксперименте. И уговаривал себя, будто этим людям ничто не угрожает — примут участие в опытах и разведутся по домам. Ведь не все они одинаково хорошо умеют выходить в этот, как выразился Дима, пространственный туннель. У кого-то в принудительном порядке вообще не получится!

Накануне отъезда он запросил сводку информации. Это был документ такой степени секретности, пришлось использовать личный допуск Корнейчука. Оказалось, на той стороне планеты уже готовятся монтировать спешно переоснащенный ракетный комплекс. Им легче, подумал Алексеев, у них новенькая орбитальная, на которой еще прова пустого места, не то что на нашей, где лишнюю пробирку поставить — проблема. С другой стороны, если космический гость, поцарапанный ракетами, приземлится где-нибудь в Оклахоме, то мало не покажется.

Вся надежда была на то, что логика пришельцев хоть малость смахивает на земную. Земной командир корабля, изучив географию под собой, выбрал бы в такой ситуации безлюдное место.

Алексеев вывел на монитор поочередно все лица — Диму Верекина, Сергея Бережкова, Андрея Ермолина, Всеволода Мартынова, Владислава Гончаренко, Анну Петровну Залесскую, Ивана Онуфриевича Букина, безымянного Боцмана (этого и впрямь нашли в хозяйстве Джибути, был подобран на улице, о себе не знал ничего, зато обожал рассказывать морские байки и на контакт шел охотно) и, наконец, одиннадцатилетнего Лёню Курчика. Взять очень одаренную «исчезальщицу» Наташу Мазину Алексеев не смог — она была беременна.

Эти люди поверили Алексееву. И теперь он не знал, как же объяснить им правду.

Записал коммуникатор.

— Ну, с богом, — сказал незримый Корнейчук.

И ничего более.

Микроавтобус, чтобы ехать в аэропорт, уже ждал внизу. Алексеев взял дорожную сумку, спустился, попрощался в холле с охраной, вышел и немного постоял на крыльце.

Дверь микроавтобуса была открыта.

Для Алексеева оставили переднее сиденье.

Он вошел, установил сумку, сел, повернулся к своей странной команде и тут только обратил внимание на занятную особенность. Четверть часа назад, когда он тарашился на монитор, она не бросилась в глаза — возможно, потому, что люди, позируя перед фотокамерой, каменеют. А сейчас лица были живые, встревоженные, любознательные. И у всех — у кого резче, у кого слабее — поперечная морщинка, соединяющая брови. Даже у Лёнечки Курчика — и то уже завелась...

* * *

6 июня 2013 года

Алексеев стоял, запрокинув голову, и глядел на вертолет.

— Отойдите-ка, — невежливо сказал ему механик Саня.

Вертолет потихоньку опускался на расчищенную площадку.

Саня был прав: следовало отойти и дожждаться, пока зеленая машина встанет четко, вырубит мотор и распахнет дверцу.

Висящий на шее коммуникатор заголосил отвратительным скрипом. Только этот скрип и мог при необходимости разбудить Алексева — руководитель проекта ложился за полночь, вставал в шесть утра, скопился дикий недосып.

— Что еще, Карнович? — прокричал Алексеев.

— Гончаренко и Ермолин вернулись!

— Куда?

— Звонили из Успенского!

— Техника?

— И техника вернулась...

— Плохо!

Эксперименты шли по плану, но бестолково. Похоже, Алексеев желал невозможного — чтобы «исчезальщик» выбрался из своего пространственного туннеля, но технику оставил в нем навеки. Пробовали по-всякому. Профессиональный гипнотизер вводил экипаж танка или грузовика в транс, давал установку, но это направление зашло в тупик. Хорошо было хоть то, что гипнотизер разработал метод — после его сеанса «исчезальщик» обязательно уходил невесть куда в первые же четверть часа. Потом додумались до катапульты, установили ее в старом «форде» со снятой крышей и получили в серии опытов совершенно непонятные результаты. Катапульта через пять минут после исчезновения «форда» исправно отстреливалась, и ее пассажир объявлялся в самых непредсказуемых местах. К этому-то все были готовы. Зато «форд» выделялся и колобродил. Дважды буквально стугнулся из воздуха в том месте, где исчез из поля зрения приборов и наблюдателей, трижды непонятно откуда сам, без водителя, выехал к месту старта. Попахивало мистикой...

Из вертолета выбрались Корнейчук с двумя подчиненными и Наташа.

Алексеев вздохнул: еще и супруга...

— Пошли, — сказал Корнейчук. — Я вижу, ты тут не делом занимаешься.

— Что могу, то и делаю, — парировал Алексеев.

— Я знаю, что ты делаешь. Ты пытаешься спасти ребят.

Алексеев онемел. Корнейчук сказал правду, но сказал ее как-то уж слишком сердито.

— А что, я весь человеческий материал израсходовать должен? — огрызнулся он.

Корнейчук помолчал.

— Если бы ты, Саша, сам был таким «исчезальщиком» и знал, для чего тебя сюда привезли, ты бы что сделал? Вот именно — ты бы потребовал, чтобы твоей жизнью рисковали и не слишком стеснялись. А они не знают ничего.

— Я сам давно уже ничего не знаю, — соврал Алексеев.

Конечно же, он следил за событиями. Он знал, насколько приблизился к Земле космический корабль со всеми своими шестнадцатью катерами. Он знал и расчетное время выхода этой громадины на околоземную орбиту. Он даже получил кое-какую информацию об американской орбитальной с ракетным комплексом.

— Ну вот тебе последняя новость. Они расстреляли японский зонд.

— Который?

— «Ронин-шесть».

— Но зачем?!

Японцы держали над Марсом несколько больших зондов, которые через год должны были стать модулями большой орбитальной станции. Алексеев, человек мирный, действительно не понимал, для чего стрелять по безобидному техническому устройству. Если эти гости смогли построить такой корабль и так его оснастить, то уж просканировать зонд для них не составило бы труда.

— Они, эти сволочи, поступили по-своему благородно, — ответил Корнейчук. — Они торжественно объявили нам войну. У них тоже, наверное, работает принцип «предупрежден — значит, вооружен». А вот теперь веди, показывай, что ты тут понаделал.

Алексееву больше всего хотелось сейчас обнять Наташу, да она и ждала объятия с поцелуем. Но он помахал жене рукой и повел Корнейчука к дороге, где уже стоял наготове диковинный агрегат — танк с прицепленным к нему карьерным грузовиком. В кузове грузовика громоздились мешки с песком.

— Мы пускали машину с прицепом. Два раза прицеп тоже уходил, один раз — лопнул трос. Трос, между прочим, двойной был. Что это значит — не знаю, никто не понял.

— Стало быть, человек и техника ни разу не остались «там» навсегда?

— Ни разу.

— Черт...

Алексеев все понимал. Куча денег ушла, как вода в песок. Его проект оказался бездарным и нелепым.

— Сейчас ты соберешь всех своих «исчезальщиков» и скажешь им правду, — велел Корнейчук. — Может быть, все дело в том, что они настраиваются на путешествие из пункта А в пункт Б, пусть даже кружным путем, а нужно настроиться на путешествие из пункта А в никуда.

* * *

7 июня 2013 года

Наташа нашла его только потому, что ей подсказал ассистент Кудряшов. Он заметил, куда сбежал Алексеев перед собранием.

Это была вышка, вроде тех, какие ставят охотники. Их понатыкали по всему периметру полигона для визуального наблюдения, укрепили камеры, а показания считывали по беспроводной связи. Одну Алексеев облюбовал для размышлений. И сейчас он забрался на самую верхотуру, сидел на полу по-турецки, прислонившись спиной к столбу, и думал в темноте горькую думу.

Он был плохим руководителем, он берег людей там, где беречь не следовало. Он так привык в своей обсерватории, он совсем не годился командовать в условиях, приближенных к боевым. Деньги истратил, результата не получил. На собрании, которое устроил Корнейчук, наверняка кипели матерные страсти. Ну, опозорился... да еще Наташа все это видела...

Какой дурак женится на молодой и красивой девице, моложе себя на двадцать лет? Хвост распускал, по единому ее намеку машину поменял, возил по европейским столицам... дочка ни в чем отказа не знает...

Подумал было, что вот дочка подрастет — и он все ей объяснит. Вдруг осознал: нет, вряд ли подрастет. Еще недели полторы — и тут такое начнется...

Ощутил сердце. Уже не в первый раз. Придержал его сквозь ребра рукой. Окаменел. Главное было — не двигаться.

— Сашка! Где ты там? — зазвенел из темноты взволнованный голосок. Он не ответил. Только удивленно скосил глаза на свет, но удивляться как раз было нечему — кто бы отпустил Наташу ночью в лес без фонарика?

Она забралась наверх, осветила мужа и тут же опустилась рядом на колени, обняла и пристроила его сидящую голову у себя на груди.

— Все в порядке, они все поняли, они только злятся — почему ты раньше не сказал. Никто не уезжает, все остаются, слышишь? Все! Даже бабушка эта хроменькая!

Он не ответил. То, что рассказывала Наташа, было нереально. Алексеев же знал род человеческий. Все эти ребята, и Дима Веревкин, и Андрей, и Севка, и Владик, были избалованы комфортом и бесконфликтным существованием. Им никогда и ничем не приходилось жертвовать — всё, их окружающее, можно было без особого труда приобрести за деньги. А тут речь зашла о единственной жизни — и что же, они дружно сделали два шага вперед и сказали, что готовы умереть? Так не бывает, так не должно быть, не те люди...

До Алексеева дошло наконец, почему он берег ребят, — он им не верил. То есть не верил молодым амбициозным мужчинам. А почему берег дедушку Букина, бабушку Залесскую, чудака Боцмана и тем более Лёню Курчика и так ясно — тут никаких психологических изысков и не требовалось. Хотя фантазер Лёнька был самым из всех удачливым и талантливым. Он-то как раз мог затащить любой груз в пространственный туннель (другого названия так никто и не придумал) и остаться там навеки. Но — ребенок, одиннадцать лет...

Наташа не всегда понимала мужа и наловчилась самой себе объяснять, что это разница в возрасте виновата. Сейчас тоже его молчание казалось очень странным. Она вздохнула — с ним творилось что-то совсем нехорошее, а она была бессильна помочь.

Корнейчук не просто предложил ей навестить мужа — сказал об этом, как о деле решенном. Конечно, у них там свои тайны, лучше вопросов не задавать. Поэтому Наташа просто поцеловала Алексеева в висок, чтобы он понял: она с ним и будет с ним до конца. Остальное не имеет значения.

— Как Маринка? — спросил Алексеев.

— У бабушки. Привет тебе передает. Тройку по математике она исправила, послезавтра у нее концерт.

Наташа говорила так спокойно, будто не узнала на собрании о космическом агрессоре, который с каждой минутой был все ближе и ближе, висел над головой где-то рядом с тонким полумесяцем.

Вдруг до Алексеева дошло — те ужасы, которыми озадачил Корнейчук всю экспедицию, не дошли ни до ума, ни до сердца женщины, она просто знает, что муж справится с ситуацией, не может он не справиться, потому что у него есть Наташа и Маринка. Тот, кто должен защищать своих, отступать не имеет права — конечно, если он

мужчина. А в этом за десять лет совместной жизни Алексеев не дал повода усомнитьсяся.

— Пусти-ка, — сказал он. — Что это мы тут сидим? Ты как прилетела, наверное, и не поела толком.

— Страшно есть хочу, — призналась жена. — Димка там целую сковородку мяса нажарил, наверное, ребята все уже смолотили.

Алексеев, словно на экране, увидел их всех за этой сковородкой — ребят, виноватых лишь в том, что у них открылась совершенно непонятная способность, и потому обреченных первыми принять удар. Наверняка Корнейчук не сказал всей правды, а если сказал — то так, что они не поняли, и потому они жизнерадостно жуют, пьют горячий чай, травят анекдоты и подкалывают деда Букина, чтобы вспомнил первую мировую.

— У нас морозилка забита под завязку, будет тебе мясо, — пообещал Алексеев и первый начал спускаться по узкой лесенке вполоборота, чтобы подать Наташе руку.

* * *

8 июня 2013 года

До последней минуты не знали, кто полезет в танк, а кто — в кузов грузовика.

Это был довольно опасный эксперимент. В ту самую минуту, когда поплывет перед глазами наблюдателей легкая пелена и очертания танка пойдут волнами, идущий за ним, словно на буксире, грузовик должен аккуратно притормозить, удерживая танк дюжиной стальных тросов. Теоретически он вместе с грузом весит раз в восемь больше танка и не должен впустить его в туннель. А что выйдет практически — одному богу ведомо.

Механик-водитель Гена держал четыре шлема и объяснял маленькому Лёнечке, для чего танкисту этот головной убор.

— Тут же нет амортизации, как тряханет!

— А чего тряханет? — спорил Лёнечка. — Дорога, как асфальт.

— Он на то и танк, чтобы бегать по бездорожью. В общем, без шлема нельзя, и все тут.

— А можно, я туда залезу?

— Валяй.

Он посадил мальчишку на броню, и Лёнечка остановился, выбирая один из двух открытых люков. Наконец выбрал командирский, скрылся в нем и внутри завопил от восторга.

Подошли Корнейчук и Алексеев. На шее у Корнейчука висели наушники с микрофоном.

Все, кто сидел, встали, курящие избавились от сигарет.

— Пойдут Владик, Сева и я, — распорядился Алексеев. — Гена, давай сюда шлем.

— Не дури, — одернул его Корнейчук. — Грохнешься там в обморок — что с тобой делать будут?

— Не грохнусь, я стимуляторами накачался. И видишь, я весь в датчиках.

— Перестань выяснять отношения со своей совестью, — громче, чем следовало бы, приказал Корнейчук. — Пойдут Мартынов, Гончаренко и Бережков. Гена, проинструктируй их живенько...

— Нет. Мартынов, Гончаренко и я.

Корнейчук вздохнул и очень выразительно вкрутил воображаемый винтик себе в висок.

Алексеев взял у Гены шлем. В юности он служил в танковых войсках и даже сразу признал гусеничную реликвию — Т-55. Вспомнив последние полковые стрельбы, он усмехнулся: сейчас внутри куда как просторнее, нет сорока трех распиханных по креплениям снарядов...

Танк был в упряжи из тросов, расстояние между ним и грузовиком — метра четыре, не больше, рискованное расстояние, но команда специалистов, которых удалось понадергать из закрытых институтов, решила, что для эксперимента это в самый раз.

Корнейчук встал в сторонке и наблюдал, как гипнотизер Шварц проводит какой-то последний инструктаж, как Алексеев первым лезет в люк, как выставляет наружу Лёничку, как ловко исчезает в люке Гена. Потом надел наушники и выдвинул прямо к губам микрофон.

— Объявляю готовность «два». Наблюдатели на вышках?

— Есть, есть, — вразнойой ответили далекие голоса.

— Корепанов?

— Есть, — отозвался наблюдатель с зависшего над полигоном вертолета.

— Лаборатория?

— Есть, есть, есть... — откликнулись специалисты, сидящие каждый перед своим монитором.

— За рулем?

— Есть, — хором сказали шофер грузовика Витя Гайдук и Боцман.

— Готовность «один». Алексеев?

— Готов.

— Пошел!

Танк двинулся чуть раньше грузовика, тросы натянулись.

— Сейчас еще рано, — они не вошли в этот, как его, ну... — Лёнич-

ка, забыв ученое слово, смутился. — Давайте вон туда отойдем, оттуда лучше видно.

Мальчик очень обрадовался новому человеку, который еще ничего тут не знал и не понимал, поэтому был идеальным слушателем. Корнейчук же ощущал дистанцию между собой и экспедицией, это была совершенно необходимая дистанция, сокращать которую незачем, и малолетний гид пришелся кстати.

Если глядеть с косогора, было похоже, будто танк тащит по проселочной дороге огромный карьерный грузовик, и это смахивало на игру — не бывает же в действительности, чтобы танки за собой грузовики таскали. Да к тому же солнце разгулялось, вдруг весь мир провалился в лето, захлебнулся летом, ошалел от лета. Не мог он погибнуть, этот мир, где у ног цветет земляника!

Землянике-то что, подумал Корнейчук, люди вымрут, динозавры народятся, а она все так же будет цвести, и стрекозе вон тоже ничего не угрожает, кому она нужна, эта стрекоза...

За полчаса до начала эксперимента он запросил сводку. Американцы выстрелили по противнику дважды. У того была какая-то особая система защиты — ракеты не долетели до цели, взорвались в километре от рубки корабля, если там была именно рубка. Выходило, что не только незваные гости объявили Земле войну, подбив зонд, но и Земля им войну объявила. Заранее проигранную, потому что техника у этих господ знатная и с антивеществом они балуются запросто — как иначе объяснить и скорость, и стремительное по космическим масштабам торможение? При другом топливе так не выйдет. Уже всем ясно, что никакой это не дейтерид лития.

Лёначка тянул задумчивого дядьку все выше и выше по косогору — чтобы видеть, какие чудеса произойдут с танком и грузовиком за поворотом. Больные ноги Корнейчука страх как не любили подъемов. Но он вскарабкался на самый гребень и встал там рядом с Лёначкой, по пояс в кустах.

Зрелище оказалось не таким уж страшным и даже не мистическим, как выразилась Анна Петровна Залеская. Действительно, воздух вокруг танка пошел рябью, зеленое пятно рассыпалось на мельтешащие точки, точки растаяли.

— Вот, вот, смотрите! — кричал Лёначка.

— Гайдук, тормози нежненько, — приказал в микрофон Корнейчук.

— Есть тормозить.

Корнейчук не видел, как натянулись тросы. Они не могли порваться — танк с экипажем весил в восемь раз меньше огромного грузовика, а количество тросов рассчитали с таким запасом, что мама-не-го-

рой. Сейчас огромный вес карьерного грузовика противостоял загадочной воле трех членов экипажа.

Грузовик стоял — и тем не менее вплывал в пятно мельтешащих точек, в белесое пятно, по которому прошли быстрые волны. И не стало машины, которая весила более трехсот тысяч тонн. Пропала, растаяла!

— Так... — сказал Корнейчук.

Было ли это удачей? Было — в том сомнительном случае, если и танк, и грузовик исчезнут навсегда. Но даже если это чудо произойдет — как поставить причуду мироздания на службу людям? Как прицепить хоть какую консервную банку, в которой сидят оставшиеся «исчезальщики» — Дима Веревкин, Андрей Ермолин, Иван Онуфриевич, Сергей Бережков, — к космическому кораблю невообразимой величины?

Что-то придумывали японцы, что-то изобретали индусы. В прессу уже просочились сведения о космическом госте, но маститые профессора дали дружный отпор журналистам. Несколько дней выиграно, однако перед смертью не надышишься.

Вдруг на дороге, чуть дальше места, где пропали танк с грузовиком, появился человек на четвереньках. Он немного постоял так и рухнул в пыль.

— Бригада, бригада! — заорал в микрофон Корнейчук.

Лёничка продрался сквозь кусты и первым оказался возле тела.

— Это дядя Саша! Он живой!

Корнейчук не мог бежать. Он уже не умел бегать. И лезть на косогор ему тоже не следовало — сейчас он чувствовал, что без посторонней помощи не спустится.

А Лёничка, насмотревшись на работу медиков, расстегнул Алексею ворот комбинезона, стянул с него шлем и, присев на корточки, деловито искал пульс.

* * *

9 июня 2013 года

— Они нашлись? — спросил Алексеев. Наверное, в сотый раз.

— Они найдутся, — на пределе убедительности отвечал Корнейчук.

— Ну что ты, в самом деле? Попали в какую-нибудь глухомань, которую телесеть не покрывает, не могут к нам прозвониться, — успокаивала Наташа. — Лежи, лежи...

— Их надо искать!

— Их ищут. Мне каждый час докладывают.

Корнейчук за свою долгую жизнь не раз и не два видел смерть подчиненных. Что делать — есть ситуации, когда должен умереть один, иначе не спасется тысяча. Военным людям понимание этой истины

дается смолоду. А насколько знал Корнейчук, Алексеев даже в армии не служил, что-то у него было с позвоночником. Пропали пятеро — три «исчезальщика», водитель танка Гена и водитель грузовика Виктор. И Корнейчук за эти сутки уже наизусть выучил историю, как Сева Мартынов и Влад Гончаренко, словно сговорившись, стали выпроваживать Алексеева через нижний люк танка.

— Я убью этого сукина сына, — сказал Алексеев. — Что за чушь он им внушил?! Это был не транс, транс я знаю, это было другое! Они действовали как зомби! Они были запрограммированы на смерть!

И это Корнейчук тоже слышал. Когда Алексеев, придя в себя, рассказал, что его просто выпихнули из танка, Корнейчук первым делом вызвал к себе гипнозистера. Шварц только руками разводил — он готовил ребят к эксперименту как обычно.

— И они вели себя как обычно?

Испуганный гипнозистер божился, что точно так же сперва друг над дружкой подшучивали, потом обретали особое состояние духа — жизнерадостно-отрешенное. Он не сразу сказал, что Влад перед сеансом долго рассматривал в коммуникаторе фотографии маленькой дочки.

Похоже, догадка подтвердилась — до сих пор эксперименты были для взрослых и благополучных мужчин игрой, вроде сафари за государственный счет. Сейчас они только начали осознавать, какая опасность грозит им и их близким. А понять эту опасность в полной мере мог только сам Корнейчук. То, что где-нибудь в тихих местах приземлятся десантные катера, — это еще полбеды. Слишком скоро распространяется информация на планете Земля. Сразу вспыхнет паника на мировых биржах, рухнут все твердые валюты, взлетят цены, и люди начнут терять человеческий облик, бросятся на штурм оптовых складов, станут за любые деньги запасаться оружием.

Корнейчук чувствовал настроение пропавших ребят — созвучное своему собственному. Он понимал, что иначе эксперимент завершился бы обычной полуудачей — где-то часа два проболтавшись, танк и грузовик возникли бы километрах в пяти-шести от старта, как оно обычно и происходило. Следовало бы радоваться тому, что удалось затаскать в пространственный туннель карьерный грузовик, но депрессия Алексеева оказалась заразна.

К тому же пропали сразу трое «исчезальщиков». Значит, остальных следовало беречь.

— Пока ты не выздоровеешь, эксперименты отменяются, — сказал Корнейчук Алексееву. — Может, к тебе кого-нибудь позвать?

— Позовите Диму, — попросила Наташа.

Дима Веревкин, с которого началась вся эта история, своим суровым видом действовал на Алексева как-то завораживающе — невольно вселял в душу уверенность и стойкость.

— Хорошо, Наташа.

Корнейчук вышел из домика медпункта. У дверей собрались почти все — «исчезальщики», водители, повара, обслуживающий персонал, специалисты. Сказать им было нечего — прошло более суток, надежды на возвращение танка и грузовика почти не осталось.

Стараясь держаться прямо и выступать, как манекенщица, Корнейчук молча прошел через толпу. Он знал — его невзлюбили. И за то, что сказал правду — тоже. Без правды всем жилось куда лучше.

Один только Лёнечка Курчик пошел за ним следом.

Корнейчук принялся составлять в уме текст рапорта. Он еще не знал, можно ли считать эксперимент успешным, но рапорт был ему сейчас необходим — когда пишешь такие тексты, невольно чуточку приукрашиваешь действительность, и от этого может полегчать на душе.

— Чего тебе, Лёня? — спросил он забежавшего вперед мальчика.

— Вы, Денис Николаевич, не расстраивайтесь, им там не страшно.

— А как им там?

— Никак. Они там сидят, разговаривают. Я однажды в магазин за тетрадками шел. Думал про игрушку, знаете, у меня в компе такая стратегия — «Мир Тесея», и классно так думалось! А потом оказалось — меня шесть часов не было. Им там хорошо, честное слово! Сидят, разговаривают, чай пьют...

— Какой чай?

— Они же с собой термос взяли.

Корнейчук похлопал Лёнечку по плечу — дважды, уважительно. Обычно он не нуждался в помощи и всегда это показывал, но помощь от ребенка — другое дело. Они, видите ли, пьют чай. И будут пить его вечно. Столетия полетят автоматной очередью, а трое «исчезальщиков» и двое водителей преспокойно допьют термос и тогда только соберутся возвращаться — это, кстати, не самый скверный вариант... надо будет преподнести его Алексеву, чтобы не страдал...

Подав голос коммуникатор.

Корнейчук ввел дополнительный код, прогнал сводку через дешифратор и получил такую новость: от громадины отделился один из шестнадцати катеров. Судя по всему, собирается вписаться в околоземную орбиту. То есть наступление началось.

Следующее сообщение адресовалось ему лично. Корнейчуку предлагали свернуть эксперименты и возвращаться в столицу. Он так и не понял зачем. Что мог он там сделать в обстановке зарождающейся

и набирающей силу паники? Встать в строй спецназа, охраняющего госучреждения?

Толку-то! Гости, которые путешествуют на таком транспорте и используют такое горючее, оружие имеют соответствующее. И если это газ, мгновенно убивающий все на Земле, что дышит кислородом, — то человечеству, считай, крупно повезло. Хоть мучиться не будет.

* * *

Дима Веревкин и Андрей Ермолин сидели на задворках полигонного городка, приспособив пустой ящик вместо стола, и медленно пили пиво.

— А твои где живут? — спросил Дима.

— Мои в Курске. Родители, сестра, племяшки. А твои?

— Мои в Нижнем. Тоже родители, дед с бабкой, брат.

— Как же их теперь предупредить?

— А смысл?

— Из города бы хоть уехали, в глубинку, в глубинке больше шансов выжить.

— А ты уверен, что вообще останется такое понятие — «глубинка»?

Помолчали, сделали по глотку темного ароматного пива, насладились.

Они оба были успешными мужчинами, из тех решительных и безмерно работоспособных провинциальных мальчиков, что, рванув делать карьеру в Москву, сразу обогнали ленивых и не наживших настоящей хватки столичных жителей. У обоих впереди были годы приятной и полезной жизни — с десятичасовым рабочим днем, но и с отпусками на Мальдивах, с дорогими автомашинами, с собственными особнячками за городом. И оба они были достаточно умны, чтобы понять: выбора нет, «исчезальщики» не выбирают между хорошей жизнью и загадочной смертью, просто жизнь со вчерашнего дня стала невозможна. Вообще невозможна. Корнейчук довольно толково объяснил положение дел, а оба они, и Дима, и Андрей, были технарями и отдыхали на военных и космических сайтах.

— Я понимаю еще — за идею, но в эксперименте сгинуть?.. — огорченно и безнадежно спросил Андрей. — И как они это себе представляют? Как в Средние века? Ты представляешь себе: бригада инопланетян бредет по болоту и ловит аборигенского проводника? Без него они не выберутся!

— Мы можем пробраться на это судно.

— И сложем в первые пять минут.

Ответить на это было нечего. Сделали еще по глотку. Все-таки в провинции варят удивительное пиво — живое, без дурацкой химии.

— Ну и сохнем, — тихо сказал Дима. — Так или иначе. Кончай причитать. Что ты, как старая бабка...

— И ребята черт знает где... Я вот что подумал — мы ведь сами выбираем эти туннели. Можем выбрать короткий, можем — длинный...

— Можем бесконечный. Но как мы это делаем?

— Шварц меня пытал — о чем я думаю, когда вхожу в туннель. Ну, о чем я думаю?! Знал бы — записывал! А ты? Есть какая-то связь между нашими мыслями и длиной туннеля?

— Есть, вероятно. Я дольше всего проболтался, когда речь по-английски сочинял. Мы партнера из Штатов ждали, а у меня произношение... Ну, ехал в машине, сочинял и сразу репетировал. Глядь — четырех часов как не бывало.

— А думать о жене ты не пробовал?

Дима вспомнил свою Юльку.

Он не умел по ней тосковать и не знал, каково на вкус это ощущение — жена всегда была рядом, они даже на сутки еще ни разу не расставались. Вот только этот распроклятый эксперимент. Свое скверное настроение он приписывал чему угодно — только не элементарной тоске.

— Жена — не то, — подумав, сказал он. — Но что-то нужно держать в голове очень сильное, тут и Шварц прав, и ты прав.

— «Одна, но пламенная страсть», — процитировал Андрей школьный учебник литературы.

— Так где ж ее взять? Она по заказу не генерируется!

— Вот мы сейчас теоретически должны думать о том, что нам нужно спасти близких, вообще людей, страну, наверное, тоже — и что? Ни хрена же не получается! Когда я на паровозе в этот самый туннель уходил, знаешь, о чем думал? Что моя благоверная обязательно забудет рыбам бульбулятор включить! Его дважды в день включать надо. И черпашку сырым мясом кормить... У тебя был когда-нибудь аквариум?

— У меня собака была...

Допили пиво. Разом встали с лавочки. И разом же повернулись на звук шагов.

К ним так быстро, как только мог, шел Иван Онуфриевич.

— Пацаны, наши нашлись! Слышите?!

— Где? — хором спросили оба тридцатилетних пацана.

— В Туркмении где-то, в степи! С ними связались — они ничего, держатся, сайгака добыли и зажарили! Ночью, говорят, на танке грелись, у него мотор тепло дает.

— Туркмения — это сколько же километров? — спросил Андрей, а Дима насупился. Морщинка меж бровей стала совсем суровой.

Это было несомненной удачей эксперимента — перенести этакий

груз за тридевять земель. Неизвестно, о чем думали «исчезальщики», когда им удалось влезть в какой-то особенно длинный канал. Но и он вел куда-то. Требовалось же — в никуда...

* * *

В рубке имперского крейсера «Звезда Ацах-Но» собрались все командиры десанта, включая шефа медицинской службы Аэрит Мар-Деа-о-Деа.

— Докладывай, Эги, — не соблюдая титулования, велел старый командор Пореастон Мар-Ардун-о-Ардун.

— Доклад мой краток — мои бортовые даторы не могут идентифицировать эту звездную систему. Я несколько раз пытался запросить даторы столичного астрономического управления — связи нет.

— Когда последний раз была связь?

— Когда проходили малое кольцо Зеследера.

— Так, хорошо. Шеф даторной службы!

— Все машины в полном порядке, командор. Сейчас закончили очередное тестирование. Дважды обновляли матобеспечение дальней связи. Результата нет.

— Ты, Оссе.

— По данным наблюдений, на единственной обитаемой планете — техногенная цивилизация второго уровня, категории «Лако».

— Ты, Икко.

— Катер по вашему приказанию выведен на орбиту, десант готов исполнить свой долг.

— Икко, задача экипажа — не военные действия, а только наблюдение. Даже при ярко выраженной агрессии — в наступление не переходить, держать оборону. Ты понял меня, Икко? Их оружие не может причинить нам вреда.

Командир бойцов отсалютовал с демонстративной четкостью.

— Почтенный Кесси Дор Диззи, третий из Диззи-сен-Пил, отец сыновей...

Такое официальное обращение на корабле употреблялось редко и могло означать сильное недовольство командора.

— Третий из Диззи-сен-Пил здесь и слушает, — отозвался, выйдя вперед, шеф разведки.

— Ты беседовал с пленником?

— Дважды и трижды, командор.

— Ты обещал ему свободу, благосклонность правящего дома — все, что полагается?

— Да, конечно. Но, командор, он уже ничего не хочет и ничего не боится.

— Аэрит?

— Он формально здоров, но его обременяет скопившаяся усталость, — доложила единственная дама в рубке. — Он не отказывается от пищи и от циклических отправок, но его организм как будто сам себя поедает изнутри.

— Может ли быть так, что неудачно взятый пленник приносит экипажу несчастье? — спросил тогда командор. — Кто-нибудь сталкивался с подобным явлением? Слыхал о подобном?

— «Предания рода Деа» и «Кодекс ночных жрецов» содержат сведения, — тут же ответил корабельный первоначальный жрец, чье ало-бирюзовое одеяние выделялось среди голубоватых и зеленоватых командирских плащей, как гроздь соцветий прыгучей лианы, ненароком залетевшая в пруд. — Да, командор, содержат сведения о недоброжелательности пленников, которая обретает сперва духовную, затем телесную плоть. В «Молении о защите» это упоминается — коли прикажете, я могу совершить «Моление о защите».

— Давно бы пора. Кесси...

— Командор?

— Прикажи привести сюда пленника.

Шеф разведки отбил притупленным коготком сигнал на синем шарике внутрикорабельной связи.

— Аэрит, у тебя есть сейчас мужья или ты свободна?

— Свободна, командор. Это были временные мужья.

— Иче...

— Слушаю, командор.

— Освободи свою каюту для пленника.

Шеф штурманской бригады в восторг от такого приказа не пришел. Но командору было не до восторгов самолюбивого штурмана. Он готовился к разговору.

Пленника доставили очень быстро, самоходная платформа въехала прямо в рубку. Он сошел на мягкий пол и встал, глядя на выстриженные по ворсу узоры.

— Ты Сусси оз-Гир оз-Рагир? — спросил для порядка командор.

Пленник кивнул.

— Штурман патрульного борта «Буйный»?

Пленник еще раз кивнул.

— А я командор Пореастон Мар-Ардун-о-Ардун. Это — командиры. В присутствии моих офицеров я хочу сказать тебе, Сусси оз-Гир, что расследовал твое дело и не нахожу в нем преступного умысла. Идет война, и ты вправе защищать свой народ и свой отчий дом так, как умеешь, и так, как тебе приказали твои командиры. Ты понял меня?

Кивок был едва заметный.

— Когда тебя взяли в плен, тебе было предложено отвести «Звезду Ацах-Но» к базе, где скрывается верховный глава твоего рода. Ты согласился. Тебя перевели на крейсер и дали допуск к даторм штабманской бригады. Очевидно, ты не ожидал, что это произойдет столь скоро и что тебе окажут подобное доверие. Тогда ты отказался проложить маршрут. Правильно ли я излагаю события, Сусси оз-Гир оз-Рагир?

— Правильно, командор...

— Шеф разведки уговорил тебя, и ты проложил маршрут до малого кольца Зеследера. Там следовало внести поправки соответственно расположению астероидов. Ты внес поправки, после чего связь с другими кораблями эскадры пропала. Даторм штабманской бригады не имеют выхода на даторм связи. Как ты это сделал, Сусси оз-Гир?

— Я не делал этого.

— Послушай меня. Ты способен к сильнейшему сопротивлению, мы сразу не распознали этого. Возможно, ты умеешь внушать свои мысли. Посмотри на экран и скажи нам — что это за планетная система и где сейчас находится «Звезда Ацах-Но»?

— Я не знаю этой планетной системы, командор.

— Подумай хорошенько. Тебе внушили, будто наша победа будет гибельна для твоего дома и твоего рода. Хочу тебе сказать — я много воевал, я знаю. Гибельна не победа, гибельна война, если она окажется слишком долгой. Если война быстрая, твой дом и твой род не успевают почувствовать ее тягот. Меняется власть — им придется заучить новые имена, чтобы поминать в утреннем молении, и только. Не все ли равно, кому принадлежит власть? Сопротивление — вот что гибельно. Как только верховный глава твоего рода признает поражение, война закончится. Правда, он никогда больше не вернется к рощам и озерам предков.

— Потому что не останется рощ и озер, командор.

— Какой смысл уничтожать рощи и озера? — спросил старый командор, но удивленная интонация получилась фальшивой.

Вся беда была в том, что он знал правду. Лучшим средством справиться с непокорными армия считала жидкость без цвета и почти без запаха, перевозимую в баках с тройной броней. Она даже в очень слабой концентрации уничтожала в воде все живое — в том числе и садки, в которых резвились потомство до выхода на берег. Озеро или пруд становились мертвыми надолго. Средства для очистки воды имелось — отравы большими белыми хлопьями всплывала на поверхность. Но долго еще после этого пришлось бы ждать, пока в воде заведется новая жизнь и она понемногу станет опять пригодна для выведения малышей. А что такое род без по-

томства? Это — сборище смертников, не имеющих более смысла в жизни.

Пленник на вопрос не ответил.

— Давай договоримся. Я могу тебе дать очень много. Ты будешь жить не хуже меня — в просторной каюте, с молодой и красивой женщиной, которая скоро подарит тебе детей. С тобой даже ни разу не заговорят о верховном главе вашего рода — пусть прячется, где ему угодно. А ты объяснишь, куда завел «Звезду Ацах-Но», и мы попытаемся отсюда выбраться. Нам тут совершенно нечего делать. У нас теперь одна цель — вернуться на базу.

Пленник молчал.

— Послушай, Сусси оз-Гир, на крейсере нас более тридцати тысяч, и он не предназначен для долгих рейсов! Да, мы шли, чтобы усмирить твою планету, не отрицаю. Для ее же блага! Она стратегически необходима империи, ты ведь это понимаешь? И исчезновение «Звезды Ацах-Но»... Почему ты не смотришь на меня, Сусси оз-Гир?

— Потому что я уже мертв, — ответил пленник. — Был мертв с того часа, когда вы поймали мой патрульный борт и расстреляли экипаж. Мертвому нечего приобретать и нечего терять. У него есть только одно — ощущение...

— Какое ощущение?

— Что он умер не зря, командор. Это — единственное. И этого он не отдаст.

— Уведите, — распорядился командор. И, когда пленника вывели на платформе, обратился к шефу штурманской бригады: — В этой планетной системе нам делать нечего. Если мы потратим здесь горючее, то рискуем никогда не вернуться на базу. Рассчитай оптимальный курс, насколько это возможно. Приготовь три или четыре варианта. Шеф медицинской службы, нужно рассчитать новый рацион для бойцов и новые нормы стимуляторов. Шеф службы жизнеобеспечения, предоставьте медикам сведения — сколько у нас осталось провианта. Шеф даторной службы, еще раз проверить все справочники и звездные атласы. Не может быть, чтобы там не нашлось хотя бы одного указания на эту планетную систему, окажись она хоть в самом убогом уголке мира. Икко, твоя задача теперь — дисциплина. Шеф разведки...

— Командор?

— Ты понял меня?

— Да, командор. Мертвым среди живых не место.

С Е Р Г Е Й С И Н Я К И Н

МЕДНАЯ

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

ЛУНА

1.

Главный розмысл пытливого ведомства Энского княжества любомудрый Серьга Цесарев пребывал в печальной раздумчивости. Опять все шло неподобно — порох из далекого Китая завезли ниже кондиций, жерла разрывало на части сразу после начала полета, отчего пуски в небеса казались шутихами, праздничными забавами, коими жители чайной страны праздники свои отмечают. Шутка ли — два десятка изделий, любовно кованных искуснейшими мастерами ковального дела, собранными по Руси, превратились ныне в жалкие обломки, разбросанные за рекою Омон в степных просторах и предгорных районах холодных краев. Узры, жившие по берегам далекой реки Яик, говорят, об огненных змеях песни сложили, легенды рассказывают. Да что там говорить! Попугали тороватых купцов из персидских земель. Шахиншах две ноты прислал, все возмушался, что едва его личного купца Шендада-оглы вместе с кораблем ко дну не пустили. А не плавай в местах, для опытов отведенных! О нем глашатаи на лошадях второй месяц честных людей оповещают. И не надо оправдываться, что не знаешь великий и могучий русский язык! Не знаешь — научим, не хочешь понимать — заставим. Такова уж политик великого княжества русского! Разумеется, о змеях огненных шахиншаху сообщать не стали, все списали на баловство атаманское и извечный разбойный речной промысел. Что ему, басурманину, абазу бестолковому, правдивые слова говорить, все едино не поймет, угрозой воспримет.

А что до запусков огненных змеев в степи, то где же их еще запускать? Одно время пробовали близ Энска, испытательное поле так и называли — Энск-тринадцатый, несчастливое, значит, место. Не правды ради, исключительно чтобы любопытных отвадить. Только место и в самом деле оказалось несчастливое — один из огненных змеев пал наземь не ко времени, да и пожег детище. Это потом уже погорельцы врали: налетел-де огненный змей, пал на город, схватил в когтистые лапы местную княжну — и был таков. Только его под облаками и видали. Конечно, бред это был, полная брехня, не было у огненного змея хватательных приспособлений, да и сам он неодушевленным был, вроде сохи крестьянской. Княжна, скорее всего, бежала с каким-нибудь дружинником или того хлестче — смазливим пастухом. А блуд огненным змеем прикрыли.

Но неудачи неудачами, без них никуда, коли мир познаешь с усердием. Князь же замахивался на небывалое — проклятых асеев иноземных, искусных в ремеслах, обогнать, запустить в небеса на-

подобие луны шарик металлический, дабы показать, что и русские мастеровиты и вельми искусны в науках. А как их обогнать, коли сам Валька Коричневый в супротивниках ходит? Переметнулся к клятому немцу, за длинной гривной погнался! Взяти его те в крестовый поход, славу боевую обрести, так нет, сбежал, сдался в плен сарацинам и на Гроб Господень наплевал со всей своей окаянной душой. Но басовый ведь, рукокрылый мастер! Натаскался, гадина, в сарацинских землях, хриstopродавец, он ведь сарацинам боевые ракеты делал, а те их на христианских рыцарей пускали и столько невинного народу погубили.

Одну только балладу послушаешь, печалью сердце изойдется.

Самсон погиб, и граф Грандоний убит, и Ги Сентожского ракета вышибла из седла, и Асторию удача не улыбнулась, и Жерару из Русильона не повезло... Да что о них, Готфрид Бульонский, Джованни Сыроед, Антоний Салатини, Балдуин Мародер — все они стали калекками, все несли героические отметины, кто на лице, кто на теле. А этот, подлец, вернулся из арабских пустыней, спрятался в немецких землях и имя себе новое взял. Был Валька Коричневый, стал Вернер Браун, только переведи эти слова на нормальный русский язык — сморщишься и сплунешь с досадою на поганца. Но сказать по совести, лучшего мастера нет на свете, вряд ли кому под силу задуманное князем, разве что за Серьгой Цесаревым Вальке вовек не угнаться.

Но и князюшка неразумчив. Молод еще, зелен, аки майская трава, вот и замыслы дальние кидает, мир тщится поразить. Такие запуски надо обмыслить, умом попробовать, а потом лишь за дело браться. А ну луна железная хрустальный купол пробьет? Что тогда случится? И звезд на небе не станет, и Солнце по другому пути пойдет, а чем это обстоятельство жителям земным грозит, о том кто-нибудь подумал? Это ведь считать и считать надо, чтобы железная луна на излете у хрустального купола упала, не поцарапала его, не разбила. Тут одной арифметикой не обойтись, тут уж надо за арабскую алгебру приниматься. А где найти такого умача? Есть, правда, один умный жидовин, вельми искусный в любых вычислениях. Удивляться, конечно, нечему, жида всегда в вычислениях толк знали, на разных продажах в первых не зря ходят, авантаж свой никогда не упустят, хотя и пользуются при торговле всего два действия: вычитание у людей и деление меж своими. А этот жидовин, хоть и имечко носит, что не выговоришь и не запомнишь с первого разу, всей, как говорят греки, палитрою пользуется, и более того. Не зря человек астрогнозией занимается! Правда, Серьга его за гелертера почитал, за человека, который обладал обшир-

ными книжными познаниями, а в практике беспомощностью отличался.

Размышления мастера непревзойденного прервал немец со смешной фамилией Янгель.

Приблудился он к княжескому дому вместе со странником, что веру в Христа проповедовал, да так и прижился. Толковый оказался мужичина, как всякий немец или любой иной асей. Грамоте разумел, по мере сил и возможностей помогал Серьге Цесареву ладить пороховые движители для огненных змеев. Удачливость его не покидала — два последних огненных змея ушли на запад, дразня и пугая зевак со случайными степными путниками огненными языками. По расчетам, они никак не могли до небесного свода долететь. И то ладно, ни к чему судьбу всего мира испытывать!

— Здоров буди, Серьга! — сказал немец, снимая головной убор и крестясь на красный угол. — Что постным блином выставился? Или думы обуяли?

Цесарев рассказал ему о вчерашней беседе с князем.

— Вон как! — удивился Янгель. — Божий промысел на себя решил взять?

— А ты как думаешь? — спросил розмысл.

— Задача изрядная, — потер бесстыдно выбритый подбородок немец. — Арифметикой здесь не совладать, надо к греческим древним философам обратиться. Аристотеля полистать, Пифагором думы завлечь.

— Хочу, говорит, чтобы плыл в небе шарик, а из него колокольный звон до земли доносился, — пожаловался розмысл.

— Лепота! — сладостно прищурился немец.

— Ты ведь знаешь, мы огненных змеев для иного измышляли, — недовольно и хмуро сказал розмысл. — А тут... колокола в небесах!

Серьга невесело хехекнул.

— А мне нравится, — сказал немец. — Сей мыслью забавно себя озадачить, пифагорейцем всемогущим себя чувствуешь.

— Как прошел запуск последнего огненного змея? — сухо спросил розмысл.

Не нравилось ему благостное спокойствие немца, недомыслием ему казалась чужая несерьезность.

— Сказочно, — доложил немец. — Выглядело так, словно джинн из арабских сказок попытался построить рыцарский замок Зигфрида на земле. Все заволокло пылью, клубы ее вздымались в небеса и грозили застить солнце. И тут блеснуло пламя. Словно нехотя наш огненный

змея оторвался от земли, заревел страшно и унесся, все прирастая скоростью, в синеву небесную. Никто даже не успел вознести молитвы, чтобы не покарал змей свободомыслие людское прямо на испытательном поле.

— Янгель, Янгель, — укорил товарища розмысл. — Не пойму я, то ли ты песнь свою пытаешься сложить, то ли сказку рассказываешь. Установили ли место падения змея? Далеко ли пролетел он в сей раз?

— Далеко, — сказал немец деловито. — Так далеко, что конные из виду его потеряли. Но вот что привело меня, Серьга: хозяина постоялого двора, что на Ветровке, знаешь?

— Жарену? Как не знать? Не раз бывал у него, — признался розмысл. — Как говорится, мед-пиво пил, по усам текло, да все в рот попало.

— Ты его стерегись, — предупредил Янгель. — Доносы сей кабатчик на тебя князю пишет. Сам видел одну поносную грамотку, где он о твоих непотребных словах о княжестве и княжении сообщает! Ой, гляди, заваждают тебя, очернят!

Розмысл недоверчиво хмыкнул.

— То князю Землемилу без нужды, — сказал он. — Князь, свет наш, неграмотный!

— Не веришь, — вздохнул немец. — И зря! Был бы донос, а доброхот, что прочтет князю грамотку, всегда сыщется!

— Приму во внимание, — уже без прежней недоверчивости сказал Серьга. — А насчет луны металлической что скажешь? Из какого материала робить ее придется?

— Из меди, конечно, — не задумываясь, сказал немец. — Дабы, находясь в небесах, сия луна от обычного ночного светила только размерами отличалась. Только ковать ее тоненько-тоненько придется, лишний вес даже быку помеха.

2.

Ковали и подмастерья мяли медь и железа, жидовин все считал и высчитывал, справляясь, какого размера будет рукотворная луна, сколь мощны будут пороховые заряды и из какой провинции чайной страны будет тот порох доставлен. Выходило, что сила огненного змея будет недостаточной.

— Вот, смотри сам, — горячился жидовин, подсовывая розмыслу атласные китайские бумаги, исписанные цифирями и непонятными значками. — Синьцзяньский порох нужен, он у них ленточный и горит равномернее.

— Да где ж я тебе его возьму? — возражал розмысл. — Караваны из чайной страны раз в год приходят! Да и князь наш каждую копейку бережет, только терем свой за последние два года восьмой раз перестраивает!

— Серьга! Серьга! — предостерегающе сказал, оторвавшись от старинного пергамента, Янгель. Мудр немец был, знал восточные грамоты, даже те, которые справа налево читают, не приведи Господи таким манером писать!

— Да что Серьга? — авдотькой болотной раздраженно кричал розмысл. — Без ножа меня режет! Иудино племя! Христа продали, за святую Русь взялись! И считает, и считает!

— Могу и не считать, — оскорбленно сказал жидовин.

— Нет, взялся, так считай, все считай, до мельчайших подробностей!

Что ты с него возьмешь, с пытливого умом человека!

И неизвестно до чего спор бы этот дошел — возможно, на кулачках бы сошлись, только какой с жидовина боец, вся сила в мозги ушла, но тут в терем пытливого ведомства гость пришел. Вошел, брякнул массивной шипастой палицей об пол, прошелся по терему — дубовые доски под ним прогибались. Сразу видно — бранник, в битвах не раз участвовал. А ежели не участвовал — так всей душой готов был в схватках с неприятелем участие принять.

— Добрынюшка! — обрадовался старому близняку розмысл.

Братьями по кресту они были, а это родство порой посильнее кровного!

По русскому обычаю троекратно и крепко расцеловались.

— Вот, — сказал бранник. — Возвратился в родимые места, так сказать, в пенаты и сразу же — по гостям. Примите ладком, посидим, как говорится, рядом, браги пенной пригубим, медовухой усы да бороду омочим.

Розмысл уже торопливо сбрасывал со стола чертежи. Так у русских заведено: коли друг на порог, то дела — за порог. Янгель, даром что немец, был по-русски понятливым — встал, пошел в угол светлицы, прикатил дубовый бочонок с липовой пробкой. Ай, хороша у князя медовуха!

— Да где ты был, Добрынюшка? — начал расспрос розмысл, едва по чаше прошлись. — Сказывай, друг любезный, где и каким ветром тебя носило?

— В Греции был, — отвечивал бранник. — Учил тамошний люд стрельбе по-македонски, одновременно из двух луков.

— И что там, в Греции? — поинтересовался Сergyа.

— В Греции есть все, — сказал Добрыня. — Сам понимаешь, Греция! Но народ там страдает.

— А чего ж он страдает? — удивился розмысл. — Сам говоришь, все у них есть. Тут лыка хорошего на лапти надрать невозможно, все липы попилили. Князь сказал, вязы высаживать будем. А какое у вязов лыко! Видимость одна... Так какого лешего они страдают, Добрынюшка?

— Они, понимаешь, недавно от тирании к демократии перешли, — объяснил воин. — Как демократию выбрали, так и страдать начали. Некоторые горячие головы уже кричат: долой демократию, вертай тиранию!

— А в чем разница? — спросил розмысл.

— Понимаешь, тиран все решает сам и не таит этого, — объяснил бранник. — А демократ тоже все решает и делает сам, а объясняет, что поступает в соответствии с волей народной.

— Тогда понятно, — кивнул розмысл. — Кому приятно, если тебя порют и говорят, что делают это за ради Бога и по твоему хотению?!

— Лихое дело, — вздохнул Янгель. — Не тот грек пошел! Не тот!

— Нечего было под римлян ложиться, — сказал вдруг жидовин, который участия в пиршестве не принимал, а все сидел и высчитывал, сидел и высчитывал, так высчитывал, что и сомнений не было — все учтет до последнего грамма. Этот бобра не убьет, в расчетах не ошибется! Ин ведь надо же, все молчал, молчал, а тут вдруг — заговорила Вааламова ослица!

Добрыня неодобрительно глянул в его сторону. Ученые занятия он принимал лишь в опытах, а все прикидывания да приглядывания считал делом несерьезным и недостойным настоящего мужчины. Отец его, боярин в пятом поколении, все в посылках был, дела княжьи в чужих землях улаживал, самое дело сыну бы пойти по родительским стопам, но Добрыня по причине рослости своей в бранники пошел. Уступил настояниям своего кумира Ильи да поддался уговорам друга детства Алеши. В точных науках он сызмальства не силен был, так — пальцы на обеих руках посчитать, конечно, смог бы и на торжище бы его вряд ли кто-нибудь сумел объегорить, но чтобы так вот — в грамоты цифирь записывать! Добрыне это казалось сродни волшебю и чародейству.

И не Добрыня он был по записи, отец его в землях аглицких был, в честь какого-то тамошнего изрядного героя назвал сына Доберманом, но виданное ли дело, чтобы русский человек иноземным именем

назывался? Вот и переиначили имя сына посыльного на русский манер — Добрыней кликать стали.

Посмотрел Добрыня на жидовина, ожидая продолжения, чтобы в порядке спора скулу человеку можно поправить было, по усысе наглой бритой дать, да не дождался. А дождался он очередной чары, которую и осушил в два молодецких глотка.

— Этот-то чего у вас делает? — спросил он розмысла.

Выслушал рассказ о задумке князя, покрутил стриженной под горшок головой.

— Чудит князь Землемил!

— В летописях имя свое желает оставить, — вздохнул Янгель и потянулся к бочонку.

— Князья чудят, холопы головы ломают, — щура глаз, отозвался розмысл.

— Серьга! Серьга! — оборвал его немец, голосом коря за неосторожное высказывание.

— Да все свои! — фыркнул розмысл.

— Это точно! — поддержал его Добрыня. — Кто сор из избы выносить начнет, тому я самолично кишки на кол наматаю!

И так грозно поглядел в угол, где занимался вычислениями жидовин, что сразу стало ясно, кому его угрозы предназначаются.

Выпили еще самую малость.

— Слушай, Серьга, — сказал бранник, вытирая короткую бороду. — А ведь если шарик можно с помощью огненного змея в небо пустить, так и человек полететь может!

На него посмотрели с веселым недоумением.

Ишь чего пьяному Добрыне в голову пришло — на огненном змее верхом прокатиться!

— А вы не скальтесь, не скальтесь! — сказал Добрыня, недобро щурысь. — Ты, розмысл, без выкомуров, ясно скажи — возможно это или игривость мозговая?

Серьга Цесарев молчал, перекатывая слова закаленного бойца в своей голове с одной извилины на другую.

— А что ж, — вдруг сказал он. — Если шарик запустить можно, то и человека на огненном змее в небеса можно отправить. Только больно сложностей много, овчинка выделки не стоит.

— Смотри, розмысл, — сказал Добрыня, подставляя просторную свою чашу под пенную струю. — Будешь дружину собирать на огненном змее кататься, о друге Добрынюшке не забудь.

Розмысл окинул его пытливым взглядом.

— Да не подойдешь ты для того, — сказал он. — В плечах широк, слишком уж высок и весу в тебе — небось на семь пудов потянешь? Другое дело дружок твой Алешка Попович — и ростом достаточен, и складом изящен, и весом четырех пудов не добирает. Только пустое это занятие, Добрыня! Сам посуди — куда-то бранника сажать надо, потом голову ломать, как ему на землю живым опуститься. К тому же рискованное это дело — порох ненадежный, да и летит змей огненный пока не туда, куда мысль приложишь, а как в той поговорке — туда, не знаю куда.

— Да я не говорю, что сейчас, — сказал бранник, поднимая чашу. — Понимаю, что мысль эта не ко времени нашему.

— И не этому столетию, — добавил из своего угла жидовин. — По всем прикидам получается, что раньше чем в двадцатом веке ничего не получится.

— Ну, это ты загнул! — засмеялся Добрыня.

С тем беседа и угасла. И только живые огоньки в глубине глаз розмысла показывали, что разговор этот сказочный розмыслом не забыт, что сама идея оседлать огненного змея и пронестись на нем от одного края земли до другого так Сергее понравилась, что и беседа с товарищами за дружеским столом его не отвлекает. Бьется, бьется живая мысль в глазах розмысла, если прислушаться, слышно даже, как поскрипывают мозговые извилины в широколобой голове, обкатывая и углубляя идею, и даже временами причмокивают от удовольствия.

3.

Ох, беспокойно жилось на Руси!

Энское княжество занимало обширные земли — от Припятинских болот на западе до реки Омон на востоке, и от Клецких степей на юге до Комариного бора на севере. По подсчетам боярским, жило в княжестве пятьдесят тысяч мужских душ, семьдесят тысяч женских, а младенцев и отроков никто не считал по причине их временной неспособности к податям и оброкам. Вот уже пять лет после смерти прежнего князя кормило власти держал в руках Землемил. Молод был новый князь, да суров и непреклонен в суждениях. Многие его непреклонность на себе испытали. Вот и в этот год лихой князю мнился очередной заговор, и тихушники из Тайного приказа хватили бояр прямо на улице. По ночам двигались по граду Энску повозки с надписью «Харчи», только все знали, что нет там калачей или сычугов, сала домашнего или желтых головок сыра, везут в повозках взятых ночью бояр в Тайный приказ, где катом у князя новгородский выскочка Николка Еж, из

бывших новгородских житых людей, разорившихся в голодный год. Для оправдания прозвища своего он даже приказал себе шить рукавицы из шкурок двух старых ежей. Как кого нового привезут, Николка рукавицы надевает и кидается обнимать-целовать доставленного. Чтоб его бесы на том свете так обнимали! Кто не знает, что это за удовольствие, может в лес сбегать, найти в сонном овражке шумно сопящего ежика и нежность к нему, аки к девице, проявить. Кто же знает, тот даже от бритых по немецкому обычаю ежиков шараться станет.

Князь Землемил алаборщины терпеть не мог, ему государственно-го порядка хотелось и жизни спокойной. А какая тут жизнь, если каждый день в доносах сообщают, что живота тебя, и родню твою, и челядь верную хотят лишить.

Приближался праздник, день княжьего тезоименитства или ангела-охранителя, и хотел князь праздник этот великим событием встретить. Мнились ему небеса в шутихах, парад стрельцов на детинце близ терема узорчатого, гарцевание лихой кавалерии и пуск огненного змея.

— Ан не выйдет ничего? — спрашивал Серьга. — Дело-то новое, нешутейное, неведомое дотоле.

— Только спогань дело, — сжимал кулаки князь Землемил. — Только сбандай его, увидишь, какова моя воля и каков князь во гневе.

Каков князь в гневе, розмысл не единожды видел, до сей поры обходилось, слава Богу, поветрием мимо него княжий гнев пронесило.

— Казну тебе открыл, — князь Землемил насупился, смотрел сурово. — Жидовина пригрел, я к тому с великим терпением отнесся. Ты пойми, Серьга, не слава нужна, что слава — все с тобой в землю уйдет, недолго и задержится. Колокола над святой Русью хочу услышать! Колокола!

— Колокола! — с неожиданной решимостью возразил розмысл. — Да как я тебе их запихну в шар?

— Ну, колокольчики! — с нежной улыбкой на молодом курносом лице уступил князь. — Пускай колокольчики будут!

— Да кто их услышит с такой высоты?

Князь поднял палец, мгновения вглядывался в лицо розмысла, потом кивнул.

— Ухом не услышат. В душе станут звучать!

Прошелся по светлице, подошел к столу, взял в руки китайского болванчика из агальмолита, рассеянно шураясь, повертел его в руке.

Розмысл посмотрел в окно терема.

По двору расхаживала красна девица в цветастой азиатке, из-под которой выглядывали сафьяновые красные туфельки, расшитые жем-

чугами. Девка из простолюдинок была, только сладкая участь ей выпала: князю приглянулась, в челядь дворовую попала, и не простой шматкой, управительницей или сонницей взяли — пуховые подушки князю на ночь взбивать.

Перевел взгляд на курносое и оттого задиристое лицо князя.

— Не прикажи казнить, — устало сказал розмысл. — Какие ж тут колокола, ежели блуд кругом один и воровство. На днях боярин Глазищев вместо хорошего леса для устройства строения для пуска огненного змея негодный амбарник пригнал, его только на холодные строения пускать.

Молодое, едва опушенное первым волосом лицо князя Землемила исказилось. Он жадно схватил колокольчик, зазвонил неистово, и на пороге светелки показался Николка Еж в аксамитовой безрукавке и плисовых шароварах, заправленных в сапоги. Уж и глаза у ката были! Таким взглядом железо не возьмешь, а олово плавить запросто можно было. Неистово и жадно глядел кат. Глянул на князя, словно дворовый пес, вопрошающий хозяина: сразу в глотку впиться или команды подождать?

— Боярина Глазищева нынче же в железа взять вместе с челядью и домом его, — приказал князь. — Допытаться со всей строгостью: по чьему наущению нестройной лес нашему розмыслу поставлен был. Чую я, Николка, без англичан или немцев не обошлось, сам бы не додумался жадничать на таком деле!

Кат молча кивнул и исчез, ровно как не было его.

Голоса не подал. А розмыслу любопытно было услышать ката: баили люди про него, что алалыка Николка, слова правильного сказать не мог, все картавил, ровно ему дверью язык во младенчестве прищемили. И росту он оказался невеликого, а баили! — богатырь! Хорош богатырь, до загнетки русской печи не достанет! Правда, выглядел он при мелком росте своем авантажно, зазвонисто.

— Вот так, — сурово сказал князь Землемил. — И по-другому не будет, Серьга!

И понял розмысл, что в случае неудачи все ему припомнят, все речи крамольные, все высказывания неосторожные. Князь руки марать не станет, верного пса своего кликнет.

Поэтому и к себе не поехал.

Сел в повозку и отправился прямо в пытной амбар, где из кованых деталей очередного огненного змея собирали. Картина, которую увидел розмысл, грела душу, и умирительно на душе от нее становилось. Половина змея еще каркасом лишь обозначена была, но нижняя часть

уже собиралась на клепках. Грозно выглядел огненный змей, даже еще незаконченный. Трубы уширенные, через которые надлежало вылетать пороховому пламени, мастеровые усердно полировали мелким белым речным песком, а затем затирали до полного блеска кафтаным сукном, а уж до ума доводили тончайшим материалом, что последним караваном по великому шелковому пути доставлен был. И полости для размещения зарядов пузато темнели. А чуть в стороне Янгель пытливым своим умом хотел до истины добраться — жег малыми порциями пороховые пластины, жадно наблюдая за длинными языками желтого пламени, и стояли в амбаре запахи преисподней.

— Сера, — сказал Янгель, неслышимый за грохотом пламени, бьющегося в железный лист, сработанный искусными кузнецами. Лист по центру нагрелся добела, потрескивал из-за неравномерного нагрева.

— Чего? — крикнул розмысл.

— Сера, говорю, — склонился к его уху долговязый немец. — Добавил я малость серы, и гляди-тко, горение сразу стало более равномерным, не рвет!

— Ай, молодец! — сказал розмысл. — Самое что надо!

Лицо немца покраснело от удовольствия и сразу стало видно: усеяно оно красной мелкой аредью, густо усыпавшей щеки и нос Янгеля.

— Что-то ты паршой пошел, — сказал розмысл, когда они отошли в более спокойный угол амбара.

— Раздражение серное, — крикнул Янгель, оглохший за день от шума. — Ничего, чистотелом помоюсь недельку, как рукой снимет.

— Ты порох-то эконошь, — сказал розмысл. — За траты лишние у нас по головке не глядят.

Янгель оскалил длинные желтые зубы.

— Победителей не судят! — крикнул он.

— Так то победителей, — вздохнул Серьга. — Не дай Бог в побежденных оказаться.

4.

Гусяр, которого привели с улицы, одет был с вызовом.

Штаны на нем были полосатые, кафтан из атласа травчатого, рубаха алого льна. Правда, все было уже не совсем свежим, дух опрелости исходил от гусяра, но певец бродячий запах этот старался перебить арабской пахучей жидкостью, именуемой духами, что было совсем непонятно — ведь сумасшедших денег они стоили, легче было в купальню сходить к баннным рукомойникам опытным. И гусли у вошедшего были особые — коричневого индийского дерева,пряно пахнувшего при

нагревании, а струны были натянуты серебряные, хоть и потемневшие слегка от времени. Гусяр — человек особенный, из тех, кто не сеет, не жнет, а урожаем медными денешками собирает. И поет он обычно песни смутьянские, смеется над властями предержажими да денежными мешками, иной раз и всем остальным от него достается.

— Ты что же это народ смущаешь? — спросил розмысл. — Акудник, кто ж тебя бесовским песням научил?

Гусяр не подумал смущаться.

— Что ж ты, хозяин, на меня накинулся? — сказал он. — Али не знаешь, как гостя привечать надо? Что есть в печи — на стол мечи. Накорми, напои, а потом уж пытай-испытывай!

— Я б тебя испытал, — пробормотал розмысл. — Батогами мочеными! Со сладостию!

Гусяр на улице пел об огненном змее, который людей в окрестностях княжества донимал, девок сладких, сахарных воровал, данюю все окрестности обложил, и никто не знал, кому змее служил... В те времена про рэп никто не слышал, даже направления такого музыкального не было, поэтому люд относился к подобным речитативам спокойно, никто в толпе не орал, козу пальцами не изображал, на спину в падучей не бросался, жуком беспомощным на дубовых досках помоста, где гусяры выступали, не крутился. Нормально слушали, с пониманием — человек историю излагает, запомнить надо в мельчайших деталях, чтобы в зимние вечера детям рассказывать.

— Ну, спой, — сказал розмысл. — Расскажи нам новенькое о нашем славном герое!

— Да ладно тебе, — смущенно сказал Добрыня. — Это же, как говорится, предвосхищение.

— Давай, давай, — подбодрил гусяра розмысл. — Предвосхищай. Только не с самого начала, это ж тебя двое суток слушать придется. Давай сразу с того места, как он змея огненного оседлал. Играй, паскуда, пой, пока не удавили!

Певцу самодеятельному все равно перед кем петь, лишь бы слушали. Гусяр снял с головы грешневик, сел на скамью, взялся за гусли, подергал струны, подкрутил колки.

*...Бились они долго — трое дней,
И усталость каждого все видней,
В небесах носиться змей устал,
Пламенем плеваться перестал.
Слезь с меня, Добрынюшка, твоя взяла,
Выьем и обсудим все дела!*

*И зарекся змей на Русь летать,
Змею не хотелось умирать.*

— Значит, одолел супостата? — с ухмылкой спросил розмысл.

— А что делать, аще народ так все воспринимает? — развел широко руки бранник. — И потом я тебе, Серьга, так скажу, лучше в памяти народной богатырем остаться, нежели простым ратником. Согласен, слог у него неизящен, инно запоминается!

— Но ведь не было ничего подобного! — не сдавался розмысл.

Добрыня пожал плечами.

— Это сегодня не было, — раздумчиво сказал он. — А завтра только эта песня и останется. Народ огненных змеев видел? Видел! Должен был с ними кто-то драться, живота своего не щадя? А вот Добрыня и дрался — песню слышали?

— Имя себе создаешь? — догадался розмысл. — В летописи войти желаешь?

— Не самое плохое желание, — сказал Добрыня. — Об Илье и Алешке давно уже песни слагают, а чем Добрыня хуже? Я, между прочим, тридцать лет и три года калик на голбце рядом с печью не дождался, я сызмальства с воинством, если не рядом, так около. Но ведь нет ни войны какой, ни неприятеля, с коим легко в героях остаться да в летописи войти. Только и делаем, что ходим рядами стройными на площади у княжьего терема. Скучно, Серьга! Веришь, как на усмирении в Клецкие степи ходили, я там даже в ухо никому не успел дать, рыло могучим кулачком поправить. Как пришли, так все сразу и усмирились. А хочется славы бранной! Но мне-то что, я себя змееборцем вывожу, ровно святой Егор. Невинное занятие, вроде лапты! А аще про тебя кто прознает да вздумает песню сложить? Родителем змеенышвым объявят! В колдуны непотребные запишут! Ансыря гречки за твою жизнь после того никто не даст.

— Дальше-то петь? — поинтересовался гусяр, замолчавший пред-усмотрительно, едва они начали свой разговор. — Там еще под сотню куплетов. У меня способность к сложению былин, как увижу что-то занятное, уста сами начинают изливаться строчками складными. А уж когда человек щедр...

— Хватит, — сказал розмысл. — Это я увериться хотел, услышал на улице, думал померещилось, помстилось, ан нет — сложена такая песня. Садись, — и указал на дальний угол стола, — сейчас тебе вина белого домашнего принесут.

— Горькое оно, — сказал гусяр. — Я бы сладенькой медовухи выпил — она на вкус приятная и в жилах кипит.

— Не гневи ни Бога, ни хозяина, — строго указал розмысл. — Пей, что дают! Сам откуда родом будешь? Каким ветром занесло в наши края?

— Из Закамских земель, — сказал горластый прохвост, с достоинством принимая от прислуги чашу с белым хлебным вином. — Жил не тужил, да вот погнался за длинною гривной. Столицу княжества решил покорить.

Розмысл равнодушно кивнул. Знакомо это ему было — всяк, кто считал себя способностями богатым, рано или поздно отправлялся столичные земли покорять. Ровно медом им там намазано было. Из знакомых розмысла был один изрядный сказитель Иван Рядно, тоже себя равным греческим сочинителям считал, отправился Грецию покорять, с философами тамошними и умными людьми в речах решил посостязаться, все считал, что в чужих землях славу не хуже Омеровой обретет. И где он теперь, Иван Рядно? Какому греческому Фидию мраморные глыбы в мастерскую таскает?

— Значит, исстрадался в пути? — спросил розмысл, делая вид, что внимания не обращает на смущение Добрыни.

Тот сидел в китайском походном халате, вытянув ноги в домашних узорчатых бабушах.

— Всяко приходилось, — кратко отозвался гусяр, занятый хлебным вином.

— И балабанить приходилось? — спросил розмысл.

— А чего ж не сбалабанить, аще чужое, как твое лежит? — вопросом на вопрос отвечивал странник.

— Значит, и денежкам чужим глаза протереть сможешь?

— А чего ж не протереть, коли они в твою сторону смотрят, — не смутился гусяр. — Надо же им настоящего хозяина показать.

— Один до Энска добирался? — продолжал неторопливый допрос розмысл.

— Сотоварищи, — сказал гусяр, вытирая рот и бородку ладонью. — От антонова огня в нашем тяжком странствии ближник мой сгорел. Папаша, — вдруг взмолился он, — не томи ты меня расспросами, от твоего изобильного стола глазам больно делается. Дай спокойно барашку внимание уделить да соленых рыжиков отведать.

Склонился над балдашкой с грибами, пальцами самый крепенький вылавливает.

— Сытсья, — согласился розмысл.

Повернулся к хмельному Добрыне.

— Думал я над твоими словами, — сказал он. — Возможное это заня-

тие, храбрость к тому нужна отчаянная, да и голову поломать придется, как алембик для человека соорудить, как не дать ему о землю разбиться, когда у дракона разгонные силы кончатся. Но человек нужен особый, крепкий нервами и стойкий душой. Кого предложить можешь?

— Себя! — фыркнул Добрыня.

— Мы уже про то говорили, — качнул головой розмысл. — Статьями вышел, тебе на змее уже не летать. А еще с Алешею поговорить? Не возьмется ли он за сей тяжкий и опасный труд?

— Попович, — отрицательно мотнул головою Добрыня. — У него страх перед небом с молоком матери восан.

— Эй, гусяр, — вдруг спросил розмысл. — Есть в тебе отчаянность и желание что-то доброе сотворить на пользу матушке отчизне? Не все же тебе охальные песенки петь по кабакам, расхожим местам и теремам?

Гусяр приподнял зажаренную баранью ляжку, взмахнул ею укоризненно, торопливо пережевывая откусанное и всем своим видом показывая, что вот-вот будет готов к ответу.

— Оно, конечно, отчизна! — сказал наконец он, глотая полупрожеванный кус и напрягаясь шейными жилами оттого. — Только что она мне доброго сделала, чтобы заради нее расстараться хотелось? Нет, это не по мне. А охальные песни что ж, за охальные песни всегда больше платят.

— Разве не хочется видеть родину свою во славе и силе? — удивился розмысл.

— Сам посуди, — взмахнул бараниной гусяр. — Станет родина богатая да сильная, правители мудрые, воины отважные, купцы тороватые, землепашцы усердные, ремесленники умелые, женщины верные, дети разумные, попы бескорыстные — о чем тогда песни петь? Где острое слово взять, чтобы слушающих до глубин души проняло? А пока... Погляди вокруг — родина нищая да слабая, правители глупые да бездарные, воины трусливые, купцы жадные, землепашцы ленивые, ремесленники безрукие, женщины блудливые, дети... черт их делал этих детей и неизвестно чем... Тема! А мне душевно хорошо, когда я в теме. С диатрибами всегда легче выступать, им народ внимательнее словесный внимает.

— Ты про воинов трусливых... — грозно сказал Добрыня.

— Да я ж не про всех, — поднял примирительно руки гусяр. — Есть и истинные богатыри, один из них даже с нами за одним столом сидит, но в массе-то, в массе! Ты одну лишь Кантемировскую дружину возьми — алчны, глупы, безрассудны!

— Такого орла только в небо пускать, — сказал Добрыня недобро, — всех с высоты обгадит. Да, что и говорить — каждый орел свою цель на земле имеет. Сиди тихо, пока в ухо не блябнул! Нечего мне здесь кадыком трясти да горло распускать!

И по глазам отчаянным и диким видно было, что желает блябнуть, едва даже сдерживается, жаждущий кулак другой рукою удерживает.

И все же открыла, открыла немытёха певучая глаза им на жизнь!

Поэтому, провожая гусяра, розмысл жадить не стал — добро ему серебра и ходовой торговой меди отсыпал. Знать бы, где доведется упасть, соломки бы подстелил!

5.

«Жить стало лучше, жить стало веселей», — сказал князь Землемил.

Может, оно и так, скоморохи с детинцев не уходили, ложки рассыпчатые мотивы выстукивали, плясуны да плясуньи хороводы водили, крутились с отчаянным визгом и притоптыванием, иной раз из далеких земель кудесники да алыры приезжали, бесконечные ленты из черных шляп вынимали, пламенем плевались, метровые сабли заглатывали с аппетитом невероятным, гусяры то и дело выступали — Князь на зрелища денег не жалел. Успех любому правителю обеспечен, аще дал он подданным своим хлеба и зрелищ. Если же не хватает хлеба — дай водки. Тогда и на зрелища тратиться не придется, пьющий человек представления разные сам создает, и скандалов хватает. Немедленно по Энску-граду расползлись тайные и явные блудилища, где народ предавался порокам. Каждый мог найти занятие по душе. А по городам и весям толкались борцы, черную дань собирая для князя. Известное дело — без денег любое начинание кажется бесплодным.

Князь к празднику готовился по всем направлениям. И бочки выкатывать на площадь его челядь готовилась, и отборные скоморохи ждали своего часа, и гусяры струны настраивали, чтобы в унисон грянуть: «Небо, князя нашего храни...». И готовились чудесные и невероятные шутихи в небе ночном. Для этих целей специально был выписан из далекого города Шанхая толстый и вечно сонный китаец, который и в таком своем состоянии ежедневно привезенные припасы, отмеченные китайскими ванзами, перебирал, прикидывал, что и за чем в небо пускать, чтобы лепота и полное благолепие вышло.

Довелось и розмыслу с этим китайцем поручкаться.

Китаец был смышленным, по-русски неплохо говорил, только постоянно в слова ни к селу, ни к городу мягкие знаки вставлял и обожал

уменьшительные суффиксы, отчего всегда казалось, что говорит он не со взрослыми людьми, а с малолетними несмышленишками.

Звали китайца Жо Бень, так что и сомневаться не стоило, как его в народе прозвали. Да и то сказать — в наличии имелось, впечатляло и соответствовало!

— А что, Жо, — ровно бы шутя сказал как-то Серьга. — Если все твои шутихи собрать да одновременно под тронем специальным запалить, то и человека в небо поднять можно?

Китаец прищурился, хоть и казалось, что невозможно это для болванчика узкоглазого. Носик у него был маленький, глазок совсем не стало, отчего напоминало лицо китайца желтый блин, испеченный на масленицу.

— Тысячи лет назад, — наставительно сказал китаец, — в эпоху Мин во времена под девизом «Беспокойное сердце нуждается в крыльях» в провинции Хун жил мудрый человек, звали которого Дай Нам Лун. И вот однажды, имея ль тому было виной или другие причины, которых мы по своему невежеству понять не можем, решил он, что Луна не так уж и далеко и надо ему применить свою мудрость и оседлать медный серп, став, таким образом, выше всех иных мудрецов и правителей земных. Изготовил он специальный трон, под которым в специальном порядке были привязаны ракеты для праздничного украшения неба. И в назначенное время, а мудрец на него потратил не один день своих вычислений, сел он на трон и специальным факелом, укрепленным на тонком стержне из нефрита, принялся поджигать ракеты. И действительно, благословили его Небеса, дали ему мощь и невидимые крылья, благодаря которым Дай Нам Лун поднялся в небо и скоро исчез в сверкающей высоте. Завистливые чиновники объявили его мужественный поступок преступлением против управления государством и ждали возвращения мудреца, чтобы совершить над ним несправедливую казнь. Но напрасно они ждали... — китаец устало прикрыл ладонью узкие щелочки черных глаз.

— Так он что, инно с Луны не вернулся? — нетерпеливо прервал молчание розмысл.

— Нет, — сказал китаец. — Он вернулся. Дай Нам Луна нашли в соседней провинции, тело его было страшно разбито, голова имела повреждения темени, и это заставляло предположить, что он долетел до медного серпа, но по неосторожности ударился об него головой, потерял сознание, а с ним и способность к дальнейшим рассудительным действиям. С тех пор никто и никогда не повторял этого безумного поступка, быть может, еще и потому, что чиновники объявили такие полеты преступлением, заслуживающим смерти.

Потом он угощал розмысла рисовым напитком маотай, а розмысл в свою очередь угостил желтолицего китайца хлебным вином, глаза у Жо Бень стали совсем уже узкими, начал он уговаривать нового русского друга даже не пытаться пойти по гибельному пути Дай Нам Луна, а потом они вышли из терема, в котором проживал Жо Бень, смотрели в небеса, усеянные звездами, разглядывали полную смешливую луну, которая, по мнению китайца, была похожа на русскую женщину, в то время как розмысл полагал, что она вылитая китаянка, потом попытались спеть на китайском языке народную песню чайной страны «Алеет восток», но через некоторое время набежали ночные стражники, которым показалось, что у терема грабят и режут кого-то.

Искали татя, а нашли двух буслаев, смешавших хлебное вино с рисовым маотаем, а оттого не вязавших лыка.

Что и говорить, вечер удался. Так, по крайней мере, считали русский розмысл и китайский мудрец.

Между тем огненный змей обретал форму.

Грозно смотрелся огненный змей — шесть раструбов, уже готовых изрыгнуть пламя полированным зеркалом внутренней поверхности, отражали, искажая, лица розмысла и его верного помощника Янгеля. В верхней части змея был устроен алембик, который прикрывал медный шар размером с горшок для хранения зерна, припасенного на зиму. Медные пластины, из которых состоял шар, были так искусно подогнаны друг к другу, что даже самый взыскательный и наблюдательный взгляд не смог бы заметить швов. Внутри находилось хитроумное устройство, состоящее из десятка хрустально и чисто звонящих колокольчиков. По замыслу создателей хитроумная раскручивающаяся пружина должна была заставить колокольчики через некоторые промежутки времени оживать и вызванивать мелодию «Могучею Русью я в небо запущен».

— Лепота! — восторгался Янгель. — Грозен, велик, красив!

— Отстань, бубнилка, — отбивался розмысл. — Дай в тишине посидеть, подумать немного. Представить боязно, что оплошаем.

— Полетит, — кричал Янгель. — Не может не полететь! — и вворачивал в разговор уже полузабытые им самим немецкие ругательства. — Не вздыхай, майн Готт, змей себя проявит в нужный час.

Иногда, как допущенный к государевым тайнам, в амбаре появлялся бранник Добрыня, задумчиво ковырял нос змея, окрашенный кармином, ковырял желтым ногтем краску, и доброе толстогубое лицо его становилось строгим и мечтательным.

— Так, говоришь, пробовали китайцы? Дунь в Лун, говоришь? — спрашивал он, перевирая безбожно имя летавшего в небо мудреца. — Умные люди китайцы, мне нянька ихние сказки рассказывала. Как сейчас помню, у них тоже огнедышащие змеи были, только их в Китае драконами называли. Я еще подумал тогда — откуда?

Жидовин закончил свои вычисления.

— Хрустальный купол не повредим? — озабоченно поинтересовался розмысл.

— Нет там никакого хрустального купола, — неохотно сказал жидовин. — Ты на горизонт смотрел?

— И не раз, — признался розмысл. — Особенно на закате.

— Это без разницы, — поморщился жидовин. — На каком расстоянии от тебя горизонт?

— Верст шесть-семь, — прикинул розмысл.

— Ну, пройдешь ты эти семь верст, — терпеливо продолжал жидовин. — А горизонт на каком от тебя расстоянии?

— На те же семь верст.

— И так всегда, — сказал жидовин. — Сколько бы ты ни шел, горизонт к тебе не приближается. А что из этого следует?

— Изгиб! — догадался Серьга.

— Правильно, — удивился жидовин и особо уважительным взглядом глянул на собеседника. — Означает это, что Земля наша круглая, и свод небес тоже круглый, и находится он в двухстах верстах от земли. А потому и луну нашу рукотворную мы запустим, и будет она крутиться между хрустальным сводом и землей до тех пор, пока сама силу полета не потеряет.

— А что тогда?

— Тогда она просто упадет на землю. Может, пришибет кого-нито при падении. Другого греха не вижу!

— Скажешь тоже, — недоверчиво промолвил розмысл. — Сказал бы, мол, квадратная, я бы поверил. Но круглая!

Он попытался представить круглую Землю и не смог. С детства учили — плоская она, как поднос, лежит на трех китах, а сверху хрустальным куполом накрыта. А киты в Первичном океане плещутся. Хотя, если вдуматься, океан тоже на чем-то плескаться должен.

— Слушай, — попытался он найти трещинку в сказанном жидовином. — А как же люди?

— Какие?

— Те, которые внизу на шаре стоят. Они же падать должны или на головах ходить.

— Глупости, — сказал жидовин и брыли свои недовольно развесил. — В центре Земли есть шар железный, все к себе притягивает, оттого повсюду все нормально ходят, свой постоянный вес имеют.

Умно он говорил! Вот таких в иных землях на кострах и жгут за дерзостные и богопротивные речи! Некоторым для таких безумных речей обязательно надо болотные поганки жрать, чтобы разум помутился и невозможное видел, а жидовину и грибков не требовалось — с рождения безумным, наверное, был.

— Значит, можно пускать медную луну в небеса? — переспросил розмысл.

— Не можно, а нужно, — сказал жидовин. — Наука от сего запуска много новых знаний поимеет.

6.

Кому на Руси жить вольготно и хорошо?

Вот, говорят, скомороху хорошо живется, оттого он пляшет и на дудках дудит день-деньской. Нет, братцы мои, может, скоморох иной раз и пьет мед-пиво да брагу пенную, но живется ему несладко. Потому и пляшет, потому и поет, потому и на дуде день-деньской играет. А не станет он этого делать, кто же из людей скажет, что он скоморох? Кто хоть полугрошик заплатит? Людская память забывчива — сегодня в ладоши хлопают, завтра в упор не видят. Вот и приходится скомороху изгаляться, скандалы разные в обществе закатывать, а все ради одного — надо ему, чтобы помнили. Нет, плохо на белом свете живется скомороху, вся жизнь его на людской ладони, открыта каждому жадному взгляду, покоя ни за какие деньги не купишь.

И князю плохо живется.

Все ему кажется, что извести его хотят или власти лишить. Если суп соленый, то не травленный ли? Если брага горчит, не сок ли цикуты в нее добавлен? Если близкие тебе улыбаются, уж не собрались ли они тебя заколоть в полуденный сон после обильной трапезы? Так и следи, о чем воеводы говорят, уж не мятеж ли сговариваются учинить? Нет, не хорошо живется князю! Ближних своих опасайся, бояр за пищик держи, воевод рыком повелительным по стойке «смирно» ставь, а ночью проснешься, шум голосов услышишь, и потом тебя оболет — что там, не мятеж ли?

И боярам плохо живется. Плохо боярину введенному — сегодня сам судишь, а завтра тебя самого кто-то судить горазд: за мзду, за приговоры несправедные, да просто за то, что князю на глаза при его плохом настроении попался. Плохо боярину путному — сегодня тебя на корм-

ление поставили, с городов да деревенок доходы назначили, а завтра всего нажитого лишат. Как тут в бессоннице иной раз не кряхтеть, пуховую подушку под собой не ломать? Еще хуже боярину ближнему, которого за близость к княжескому телу еще комнатным называют. Тут уж любой косою взгляд, каждое лыко в строку поставят! Редко кто из ближних бояр доживает до седин. Чаще всего его раньше подручные князя за пельки берут да на плаху тянут.

Еще хуже живется воеводам. Обязанностей у них много, но главная задача — охранять государство от врагов внешних и внутренних. А каждый враг, как известно, твоей смерти алчет. И князь косо глядит: комплотиста в тебе подозревает. Да и солдаты, к которым ты с отеческой строгостью относишься, зуботычины ради их собственного блага раздаешь, тоже горазды при случае жизни тебя лишит коварным ударом в спину. Нет, воеводой быть нехорошо, хоть и живешь на всем готовом, и жалованье получаешь, и ходишь в бахтереце из серебряных блях, нашитых на полукафтаны хорошего сукна.

Плохо земледельцу — днями кружишься то в поле, то на скотном дворе, но Господь твоих стараний не замечает — то ящур на скотину найдет, то градом огурцы с помидорами в огороде выбьет, а коли совсем не в духе — засуху на поле найдет, безо ржи с пшеницей оставит. А десятину отдай, а налог заплати... Плохо крестьянину.

Еще хуже ремесленнику — ремеслом-то владеешь одним, но никто не знает, будет ли спрос в завтрашнем дне на твою работу. А иной раз куешь мечи, а надобно орало, возьмешься за орала, глядь, надобно уже ковать мечи. Трудна и неблагоприятна работа ремесленника.

Получается, нет на свете счастливых людей, кроме детей малых. Смотришь иной раз, как ботвенки или ботвята около дома резвятся, душа радуется за счастье малых сих. Впрочем, и тут не без сомнений — ребенку провиниться, как собаке с цепи сорваться. Только что играл и счастьем светился, на миг отвлечешься, а со двора уже крик обиженный — порют детишек за разные и постоянные провинности по семи раз на дню.

Вот и задумаешься, есть ли оно, счастье, вообще или миг этот настолько краток, что ему и порадоваться не успеваешь.

И все-таки в жизни человека случаются подлинно счастливые для него дни.

С утра закружилось базарное веселье, крутились ременные карусели вокруг столба, катая отважных парней и счастливо визжащих девок, которые проносились в высоте, сверкая полосатыми андораками изпод цветастых праздничных юбок. Счастливая детвора бережно обли-

зывала разноцветные сахарные петушки — у кого петушок больше других, у того и родители зажиточнее.

Изрыгали пламя заезжие кудесники, самые отчаянные алыры ходили босыми ногами по саблям, вставленным острым лезвием вверх вместо перекладин лестницы, в шатрах, установленных на детинце, показывали исчезновение девы, закрытой в семь тяжелых кованых сундуков. Состязались голосами да звонкостью гуслей певцы. Веселили людей скоморохи. Бахари, сказки сказывающие, толпы вокруг себя собирали. Ближе к вечеру глашатаи обещали загадочное теневое представление.

Базар бушевал, продавал, торговался, спорил об уступках, и несли горожане домой огромные полосатые арбузы с татарских степей, синие баклажаны, мясистые кровавые помидоры, зеленые огурцы, шматы копченого сала, зазывно пахнущие окорока и горшочки с ярким желтым медом. Бычки морские и яйца продавались на десятки, осетровые яйца — внаклад, пудовые сомы да сазаны, зубастые щуки и серебрянобокие карпы — поштучно, остальное — на вес. В других рядах отпускали атлас и ситчик, лен и рыхлый бархат, настоящее аглицкое сукно, расписные горшки и посуду, вилы и топоры, резные да расписные деревянные ложки из мягкой липы, несгораемые свечи и свечи сгораемые, жидкость для костра и жидкость от тараканов, броню и сбрую, да мало ли что может продаваться на веселой ярмарке!

В другое время и Серьга Цесарев с удовольствием пошлялся бы в рядах, порядился с торговками, попримерял бы обновы. Но сегодня был особенный день. Сегодня был счастливый день розмысла. Потому его и не видели в торговых рядах.

Сорок волов выволокли повозку, на которой покоился огненный змей, из пытного амбара и повлекли его к лесам. Красная головка огненного змея хищно смотрела вперед на лениво идущих волов, которых матерно и нетерпеливо подгоняли возницы.

— Великий день, — сказал Янгель.

Розмысл ничего не ответил немцу. Жгучее нетерпение еще с утра поселилось в его душе, оно требовало действий, но как раз сегодня делать уже ничего не надо было, следовало лишь ждать.

Подошел хмурый жидовин с пачкой желтоватой китайской бумаги в руках. Там его брульоны чернели. Такие вавилоны грамотей наворотил!

— Серьга, — сказал он розмыслу. — Я тут посчитал немного. Пошли плотника с инструментом, пусть поправит верхнюю планку на три сантиметра влево.

— Босый! — кликнул розмысл.

Хороший мастер всегда понятлив.

— Сделаем, — сказал Босый и убежал.

Видно было, как сноровисто он карабкается по лесовинам.

— Этот сделает, — спокойно сказал Янгель. — Верного человека на доделку пустил!

За полдень, в середине дня все приготовления были закончены. Осталась лишь самая опасная и отчаянная работа. Мастеровых отправили прочь, отпустили погонщиков, на малом опытном детинце остались лишь розмысл, Янгель и жидовин.

— Кому честь выйдет? — хрипло и нетерпеливо сказал Янгель. — Или сам запал подпалишь?

— Сам, — не оборачиваясь, кинул розмысл.

— А мы с тобой в ямке посидим, — сказал немцу невозмутимый жидовин. — Там сохраннее будем.

7.

Гудела площадь весельем!

Вот уже и пузатые дубовые бочки покатали на площадь, и мастеров верх у бочки вышибить приглашать на помост стали. И сыскались такие мастера! Есть в народе искусники из тех, кто вечно бас деревянный под струйку водки подставить готов. Подходи народ, черпай серебряным ковшом, черпай деревянной балдашкой, бокалом драгоценным прозрачным, хочешь в ендову или братину наливай, отказу не будет! Князь приказал — вдосыть! Не один бат выпивки подан был к праздничному столу. Некоторые артельно пили — весь бочонок залудили, пускали братину по кругу, закусывали калачами и кулебяками, вялкой мясной, солеными помидорами и огурцами, капустой моченой с брусникой.

И не сразу заметили, что вытянулись от терема крикуны, вскинули длинные трубы, поднесли к губам, и пронзительным криком трубы те возвестили, что слушать надо, важное будет говориться.

— Люди добрые! Ныне невиданное предстоит вам увидеть! В небеса поднимайте взоры!

— Ангелы что ли с неба сойдут? — пьяно захохотал перебравший гуляка.

На него шикнули.

На западе стояла яркая синяя полоса между надвигающимися тучами — анева, обещающая порывистый ветер следующим днем. Но сейчас тихо было, ветерок ветлы вокруг детинца не колыхнет.

— Ныне невиданное увидите! Представлен будет пролет огненного змея, прирученного бранником Добрынею, зрелище невероятное и грандиозное! Кто увидит, никогда того не забудет! — надрывались крикуны. — И, поднявшись в небеса, змей выпустит шар медный сияющий, что полетит над полями, лесами, степями и реками во славу Господню, а устроенные в шаре колокола будут торжественно мелодию исполнять. Слушайте! Слушайте! Князь Землемил повелел: тот, кто мелодию услышит и правильно ее напойет, получит от него в знак заслуг перед отечеством пять гривен серебром, три гривны медной деньгою, корову и телушку, лужок для кормления скота, отрез рыхлого бархата, отрез ситца веселого, отрез атласа алого...

— Точно — ангелы! — засмеялся гуляка.

На него снова шикнули — уже громче и раздраженнее. Перестала звякать посуда о края бочек, затих людской гомон, тишина наступила на площади, только слышно было далекое пение соловья, но и его уже все воспринимали со скрытой ненавистью. Видано ли дело — такие дары!

И взгляды всех устремлялись уже к небесам, шарили жадно по всем сторонам света.

А небо медленно очистилось, высыпали первые звезды, и на востоке полная луна смешливо повисла.

И тут грянуло!

Рванули в небесах разноцветные шутихи, завизжали пронзительно и восторженно девки, зашумела многоголосьем толпа. Ах, как рвались над площадью шутихи! Рассыпались искрами, как раскаленный металл, который усердно кузнец обрабатывать начал, блистали изумрудными и рубиновыми искрами, вспухали белой пивной пеной, расплозились желтыми огнями, захватывая небосвод и затемняя светом свою луну. Толпа так восторженно воспринимала каждую шутиху, что китаец в желтом шелковом одеянии, стоявший у княжьего терема со смиренно сложенными ладонями, инно и глазом пошире стал, и улыбка довольная на лице заиграла. Радовался чайнец, что его искусство так принималось людям.

И вновь возобновилось веселье, замелькали лица, рубахи да юбки, сопелкам вторили балалайки, балалайкам кимвалы, кимвалам трубы, а оброненный трубами мотив вновь подхватывали сопелки, которым вторили пастушьи дудки. Гудело веселье, и места в нем не было бубнилам с отвисшими губами, важдам брехливым, что сеять привыкли раздоры. И вот уже китаец вошел в круг и принялся отплясывать, неловко махая руками и толстыми ногами выделывая неуклюжие коленца,

все не так и вроде бы вместе с тем все к месту. Да что я старание тщусь проявить, тут и брахиограф великий не успел бы пером действие описывать!

А в самый разгар веселья вдруг взревели трубы, заставляя всех разом смолкнуть.

Где-то в южной стороне грозно заворчало, загрохотало, красно-желтое пламя блеснуло, и в сгущающихся сумраках стало видно, как медленно и неотвратно поднимается к небесам змей огненный, ревет натужно, покоряя воздушное пространство, страшной темной тенью нависая над землей, и вот уже и не видно его стало, только шесть красных глаз с высоты на землю смотрели, но вот и они слились в единое око, а там и вовсе исчезло все, только длинный белый стежок небеса прорезал.

Толпа взревела ликующе и тревожно, смолкла растерянно, а потом вдруг стало слышно, как кричит все больше и больше людей:

— Доб-ры-ня! Доб-ры-ня!

А в высоте вдруг сверкнуло, и поплыла над землей малая желтая звездочка, которая, если внимательнее приглядеться, и не точкой вовсе была, а как бы запятой или скобочкой, освещенной со стороны уже севшего солнца.

И замолкли все, вслушиваясь.

Многие говорили, что слышат, как плывущая звездочка играет, каждый свой вариант мелодии предлагал, только ближний боярин улыбался в бороду, отрицательно мотал головой, шурился и каждому незадачливому отгадчику говорил:

— Не гадай! Не гадай! Слушай сферы!

А награду получил пастух, прибежавший поутру, чтобы рассказать князю и его челяди о чуде небесном, которое наблюдал он, коней выпасая в ночном.

Плыла по небу звездочка, и дивная музыка слышалась с неба — божественные колокольцы звенели, и если прислушаться, вызванивали они явственно «Могучею Русью я в небо запущен», именно так, и других слов к той мелодии просто не подобрать...

Повезло человеку! Многие досадовали, что под утро не вышли в чистое поле. Известно же, что по утрам все куда лучше слышится — шепот человеческий за сто шагов услышать можно! Повезло немьтѣхе! Сколько добра в одни руки досталось, можно и пастушество оставить, в служки, скажем, податься или еще хлестче — команду над дворовыми мужиками в богатом доме получить.

Да и жениться можно — хозяйство сей шаг позволяет.

8.

Событие — факт исторический, ежели он отражен в летописях.

А если в летописях будет отражено для тебя непотребное? Как с таким обстоятельством смириться? Розмысл с оным оборотом мириться не хотел.

— Значит, Добрыней прирученного? — с издевкой спросил он.

Бранник смущенно улыбнулся.

— Ты не сердчай, — сказал он. — Надо ж было как-то народу сообщить? Ну, представь, сказали бы крикуны, что в княжестве нашем руками человеческими огненный змей создан. И что тогда? Соседи бы сразу войной двинулись, быстро бы сообразили, что нельзя нам времени давать. И народ бы не уразумел. Стали бы людишки говорить, так вот куда князь Землемил деньги оброчные тратит? Зачем народ волновать, зачем его будоражить?

— Сам придумал или подсказал кто? — желчно сощурился розмысл. — Не понимал, что тем самым меня доброго имени и памяти людской лишаешь?

Бранник еще пуще побагровел.

— Да что я? — нервно вскричал он. — Добрыню крайним не надо делать, Добрыня к тебе всегда со всей душой. Ближник это князя нашего по кресту, он и предложил, боярин Челомбей!

— Ах, Челомбей! — взъерепенился розмысл и хлопнул ладонью по столу. Только посуда в стороны разлетелась. — Знаешь, где я его видел, ближника княжьего?

— Серьга! Серьга! — встревоженно зашевелился на противоположной стороне стола Янгель.

— Да что Серьга! — грохнул розмысл кулаком по столу. — Как липку обдирают, каты поганые!

— Ты со словами-то поосторожней, — выпрямился бранник.

— Поздно уж осторожничать! — вскричал розмысл. — Сапогов лишили, кафтан с рубашкой с голого тела сняли, теперь к штанам тянешь? Да вот вам всем, — и показал недвусмысленно, что получит князь со своим ближником, Добрыня, бояре, их родственники до седьмого колена.

— Серьга! — пытался безуспешно урезонить розмысла немец. — И у стен бывают уши!

— Так я их оборву, уши-то со стен! — пригрозил розмысл.

— Нашел врагов, — сказал Добрыня. — А знаешь, что показал боярин Глазищев, взятый по твоему навету? Вот где враг скрывался! Показал он, что по личному указанию аглицкого короля подрядился он

вредить земле Русской всяким способом, и за то ему плата была положена в ихних шиллингах.

— Знамо дело, — усмехнулся розмысл. — Сунь тебе в задницу железа раскаленные, ты и не в том сознаешься! Будешь кричать, что персидскому шаху все земли русские запродай. А если мошонку салом раскаленным поливать станут, ты и в сожительстве с бесами признаешься!

— А еще боярин Глазишев показал, что лес тебе негодий специально подсылал, чтобы затянуть строительство. Что там строят, он, конечно, не знал, но вредить считал своим долгом. И сообщил боярин, что вместе с иными ныне взятыми под стражу боярами замышлял он князя с челядью перебить, а самим присоединиться к аглицкому королевству. Такие вот измены наши бояре вынашивали.

— Ты сам-то тому веришь, — вперил тяжелый взгляд в бранника розмысл. — Ты разговор в сторону не уводи!

— Да хватит вам! — теперь уже грохнул кулаком о стол немец. — Не знаю, как у вас на святой Руси, а в наших швабских землях за такие разговоры умные головы от туловища отделяют, чтобы руки да ноги чистому философствованию не мешали. Ты лучше, Добрыня, расскажи нам новости. Сказывают, князь Землемил вчера перед боярами говорил?

Бранник послал немцу благодарственный взгляд.

— И не просто говорил, — сказал он. — Князь предложил новые направления развития княжества. Так, речь шла о создании артельного княжества.

— Это как? — не понял немец.

— Как, как! — буркнул розмысл. — А то непонятно! Батрачить будет все княжество, а пенки собирать бояре!

— Острый язык у тебя, Серьга, — печально сказал немец. — Такой язык не только до Энска доведет, он и узилище в нем с легкостью найдет. Ума в тебе много, целая палата ума, а вот язык невожат. Через то неприятности в обязательном порядке примешь однажды.

— Типун тебе на язык, — пожелал розмысл.

Давно подмечено, если у тебя настроение испортилось, медовухи жгучей прими. Душа твоя расслабится и на мир без прежнего раздражения смотреть станет. Друзья так и поступили, а как пришло расслабление в теле и настроении, так и за девками продажными послали — коли дело не сладится, то душа отдохнет под глупые их речи. И надо сказать, немец в женском деле великим знатоком оказался. На что Добрыня мир повидал и всякого насмотрелся, но тут и он лишь

дивился, глядя на легкое и непринужденное немецкое обхождение с бабами. А от разных кунштуков немецких только и оставалось, что рот в изумлении открывать — захочешь сделать то же, так повторить не сумеешь!

9.

Взяли его утром близ собственного терема.

Умелые люди — руки за спину и в сыромятный ремень, на голову мешок кожаный, а потом повезли, но куда — только гадать и оставалось. Впрочем, когда тебя хватают на улице и сыромятю вяжут, гадать не приходится — конечно же, в Тайный приказ везут. Только за что? Пока везут, все свои большие и малые грехи вспомнишь, а увидишь глаза ката — сразу во всех грехах и покаешься.

Николка Еж встретил розмысла с приветливым уважением, пугать не стал, даже рукавички свои знаменитые не надел для ласки бессердечной. Выставил сухонькие ладошки, маленький такой сидит, благодатный. Рюмку вина выпил, просвирку съел. То же и розмыслу предложил, только тому кусок в горло не лез.

— Я так думаю, — сказал Николка, — что железа раскаленные нам без надобности, сало свиное топить тоже не станем, рассуждениями обойдемся. Так? Люди мы понятливые, чего ж зазря друг друга мучить? Так? Не на виску же тебя тянуть, мучения глупые принимать!

— Ой, полетит твоя голова, — тихо сказал розмысл. — В один прекрасный день скатится она с твоих плеч.

— Все смертны, — сказал, зевая, Еж и торопливо перекрестил рот. — А ты не пугай, пуганый я. Сколько отмеряно, столько в сладости и поживу. Так?

— А твоя жена с летописцем Никоном путается, — сказал розмысл.

— Это ты себя подбадриваешь, — понял его кат. — Молодец! А что до жены, то мне все это ведомо, конечно. Так ведь не забудет с нее, зато ко мне приставать реже станет. Так?

— Не забудет, — согласился Серьга. — А вот прибавиться может.

— Мне-то что? — снова зевнул Николка, но крестить в этот раз рот не стал. — Бодришь себя? Дух пытаешься укрепить? Значит, страшно тебе. Так? А коли боишься, зачем поносные слова про князя говорил? Зачем его ближников острым язычком костерил? Жил бы себе, так нет — артельное княжество ему не по нраву! Так?

— А ты, значит, в летопись себе дорогу торишь, — сообразил Серьга.

— Что ж, — сказал кат, — каждому хочется, чтобы помнили. Люди

смертны, память человеческая вечна. То ведь и льстит. Так? Хочется, чтобы тебя потомки именем помянули.

— В гиштории желаешь след свой оставить. А того не думаешь, что след тот кровавым будет, людей твои злодейства ужасать станут.

— А это без разницы, — сказал Еж, зачиня перышко гусиное, доставая позеленевшую чернильницу и пробуя перо на китайской бумаге. Все это он делал размеренно, не торопясь, как человек, который к долгову и тяжелому делу готовился. — Пусть ужасаются, главное — чтобы помнили. Сам-то на себя глянь, чай, не миротворец, огненные змеи твои не для забавы, для падения крепостей делались. Так? Я десяток бояр до смерти замучаю, сотню задниц раскаленными железамы испорчу, ну, с десятка два языков вырву, — так ведь все равно лишнее болтали? А ежели вглубь смотреть, настоящий кат ты, розмысл. Скольких детишек твои задумки осиротят, сколько самих детишек под развалинами крепостей останутся. Неужто ты думаешь, что тебя будут с любовью вспоминать?

Он еще раз окунул перышко в чернила, любовно оглядел перышко и поднял на розмысла пустые мышиноного цвета глаза:

— Девятого дня прошлого месяца говорил ты в кабаке постоялого двора на Ветровке, что князь наш Землемил славный щенок, инно говоря, называл ты нашего князя сукиным сыном?

— Так я к тому, что молод наш князь, — сказал он, — а тут...

— Признаешь, значит? — отстраненно и радостно сказал кат и склонился над листком.

Розмысл молчал. А что говорить, если все известно, даже слушать тебя не хотят.

— За ради тебя старался, — не поднимая головы и тщательно выписывая ижицы, сказал кат. — Даже писца-брахиографа приглашать не стал, хоть и слабо у меня с грамотейкой. Но дело тонкое, деликатное, высоки особ касается... Зачем сюда лишних свидетелей приплетать?

Долго записывал сказанное, потом поднял голову, с любопытством разглядывая розмысла. А и любопытство у него было катовское — так смотрел, словно прикидывал, с чего ему начать: ручку оторвать или ножку в клещи взять.

— А говорил ты, Серьга Цесарев, четырнадцатого дня того ж месяца, что де князья чудят, а холопам головы ломать приходится? — сно-ва тихим голосом спросил он.

— Да я ж к тому... — пустился в объяснения розмысл.

— О том разговор позже будет, — прервал его объяснения кат. — А пятнадцатого числа сего месяца приглашал к себе гусяра Бояна? Слу-

шал втайне песни его поносные? Платил ли ему щедро медью и серебром?

— Песни слушал, — сказал розмысл. — Только поносных песен не было, хорошие песни гусяр в моем тереме пел...

— Значит, понравились тебе песни Бояна? — с радостным шелестом потер сухие ладошки Николка.

Тьфу ты! Что ни скажешь — каждое слово у ката в дело идет. И ровно ничего ты страшного не сказал, а выходит, что оговорил себя с головы до ног.

— А что ты, Серьга Цесарев, говорил об артельном княжестве? — спросил он. — Зачем незрелые умы смущал, говоря-де суть артельного княжества во всеобщей работе на благо боярское?

«Знать бы, кто все докладывал! — душа розмысла заныла в тоске по недостижимому. — Знать бы!»

— Катами князя Землемила и присных его именовал? — вновь поднял усталый глаз мучитель его.

Розмысл кивнул.

— Именовал, — с тяжелым вздохом сказал он.

Николка все записал, посыпал написанное песком, аккуратно стряхнул его на пол, любовно оглядел грамотку.

— Хочется узнать, откуда все в приказе известно? — кивнул Николка, откладывая грамотку в сторону. — Дрянные людишки тебя окружали, розмысл. Сидишь небось и думаешь, что никому веры нету. Так? Страшно, когда вокруг одни половинки человеческие. А я еще в Новгороде это понял. Одного можно за медные деньги купить, другой уже серебра требует, четвертый на золото облизывается. Есть такие, что за бабу смазливую все отдадут, а иным положения хочется или гордыня заедает. А есть такие, что всем завидуют. Эти из интереса стараются — очень им хочется поглядеть, как ненавистные им люди беду примут. К каждому ключик подобрать можно — что к боярину, что к браннику, что к деревенщине стоеросовой. Главное — понять, какой ключик требуется... Так?

— Врешь, — сипло сказал розмысл. — Добрыня не таков. И немец мой на золото и другие прихоти не сменяется!

— Веришь, значит? — непонятно смотрел на него кат, с каким-то нетерпением, словно чем-то поделиться хотел, да все решиться не мог. — Может, и правильно, что веришь. Мог бы я тебя в неведении держать, только после признаний таких тебе из острога не выбраться до конца жизни. Почему ж не поделиться? Может, и ты тогда поймешь, что не только ученые головы зоревые догадки посещают. А, розмысл?

Серьга промолчал, давая кату высказаться. Может, добрее от того станет!

Николка Еж улыбался. Маленький человечек с широкой доброй улыбкой. Глядя на такого, никогда не подумаешь, что он деревянные клинья под ногти бьет, мошонки салом каленым ошпаривает, в уши укус закапывает.

— Ухо! — крикнул он звонко и пронзительно. Детский голос у ката был, нетвердый такой. — Ухо! Поди ко мне!

Из-за колонны показался карлик. Вот уж имя кому дано не зря: сам махонький, голова большая, а уши и того больше. Урод поклонился кату.

— О чем еще говорили в тереме розмысла в тот самый день? — спросил Николка.

— Бранил розмысл бранника за то, что идею тот себе присвоил. Бранник же ссылался, что все это хитрые задумки боярина Челомбея. Добрыня же рассказал розмыслу, в чем признался боярин Глазишев и в чем его челядь сознаясь. А розмысл ему сказал, что с каленым железом в заднице можно на себя все, что угодно, наговорить.

— Брысь! — сказал кат, и урод исчез. — Видал? — гордо поворотился Николка к розмыслу. — Моя придумка!

Кому придумки, а кому через них смерть на плахе, кому забава, а кому — острог бессрочный, ноздри рваные, клеймо на весь лоб. Но сейчас розмысл Серьга Цесарев о том не думал, сейчас он просто переживал облегчение, оттого что друзья его каинами да иудами не оказались. Но и то было плохо — как бы и их в приказ не потянули. За речи неблагонадежные!

10.

Только в узилище и можно почувствовать себя свободным на святой Руси.

Верна поговорка — от сумы да от тюрьмы зарекаться незачем, все едино, если судьбой отмеряно, то сегодня из серебряной чашки золотой ложкой хлебаешь, а завтра черствой горбушкой из плоской пустую похлебку черпаешь. Вчера еще на пуховых перинах спал, сегодня гнилой соломке рад. Правда, кат Николка Еж отнесся к розмыслу с уважением — не соломки гнилой, сена душистого несколько охапок в углу кельи бросил. Пахло в келье чабрецом, мятой и клевером, донником и емшаном, будили эти запахи воспоминания детства.

Серьга сел на сухую, шуршащую траву, печально оглядываясь по сторонам. Попал как кур в ощи! И ведь какое дело: никто из роз-

мысла правды клещами не вытаскивал — сам он все рассказал. Правда, не интересовали Николку Ежа объяснения о причинах, послуживших обстоятельством к сим словам. Потому получилось, как обычно на Руси бывает — сам себе яму выкопал, сам себя землей прикопал. Оставалась надежда на снисходительность князя Землемила, но розмысл в нее верил с трудом. Не мог кат сам волю свою проявить, от князя все исходило. Без повеления княжьего кто самоуправствовать станет?

Но почему? Почему?

А потому, трезво сказал голос внутри розмысла, что любому князю мало быть в числе первых. Ему всегда хочется быть единственным. Особо если дело касается покорения небес.

Это наводило на очень печальные мысли. Чтобы отвлечься, розмысл лег на сено, заложил руки за голову и, прикрыв глаза, попытался представить себе, что надо сделать, чтобы на огненном змее полетел человек. Многое надо было придумать: чем дышать летящему браннику (а иного розмысл на змее просто не представлял, мужество должно быть большое для такого путешествия, отвага!), как сделать, чтобы по окончании полета бранник вернулся назад, и не как китайский мудрец с разбитой головой и переломанными членами, где браннику сидеть при полете, и еще множество мелких, но вельми важных вопросов надо было решить, чтобы путешествие стало возможным.

Избраннику. Одному из бранников...

Он прикидывал разные возможности и понимал, что полностью уйти от своей тревоги не может. Что его ожидало дальше? Козлиная шкура и единоборство с медведем на потребу князя и присных его? Вечное заключение в остроге? Что ж, это была не худшая судьба — и в неволе люди могут думать.

Загрел мел засов, дверь отворилась, и в келью заглянул стражник, а потом, отодвинув его в сторону, ввалился толстый китаец.

— Не ждал такой беды для вас, уважаемый Серьга, — сказал Жо Бень. — Вот уж истину глаголят ваши поговорки да пословицы! Что поделать, если в вашей стране наступило время правления под девизом «Своеволие и единовластие»? Говорил я вам, грешно задумываться о покорении Небес. Мстят Небеса своевольному человеку.

— Да не небеса, Жо, — сказал розмысл. — Люди отыгрываются.

— Просил за вас князя, — сообщил китаец. — Даже слушать не захотел. Сказал: того, кто меня поносит, никакие заслуги не спасут. Нет, говорит, не поймешь ты, китаец, нет слаше удовольствия — выпить ча-

ру медовухи и раздавить своего врага. Он, говорит, над умом моим поспеялся, мою мысль об артельном княжестве грязными ногами растоптал, а такой аваниии я простить ему никак не могу.

Посидели, помолчали.

Китаец Жо достал из просторного халата изящный и вместительный серебряный кувшин, протянул розмыслу.

— Отгоним мрачные мысли, — предложил он. — Выпьем по доброй глотку маотая. Сказано мудрецами, доброе вино спасает от печалей.

Выпили по два, однако легче не стало.

— Что я для вас могу сделать? — грустно спросил китаец. — Видит Небо, я сделаю все, что в моих силах. Вы человек умный, вас бы по достоинству оценили в Китае.

— Какой уж тут Китай, — вздохнул розмысл. — Будем дома помирать.

Посидели в печали, незаметно допили маотай.

— Буду за вас бороться, многоуважаемый Серьга, — сказал китаец. — Хоть и нелегко мне преступить через воспитание, ведь нас учили быть покорными Небесам и правителю, которого назначило Небо. Но то, что происходит с вами, я считаю высшей несправедливостью.

Розмысл остался один.

Тоска, печаль тугая жила в его душе.

Что дальше? Больше всего думалось почему-то о девке Дубравке, что служила ему в тереме. Славная была девица — стан тонкий, губы нежные, нрав кроткий, хотя и чугуном с постными шами могла метнуть, коли что не по нраву придется. А каково ей теперь станется?

И ворочался розмысл Серьга Цесарев на неудобной постели своей, мял сухие незабудки, и траву топотун, и подорожник с мятой кошачьей, и лев однозевый, не спалось ему, а когда сон подкрался, то сидел в том сне, позевывая и вздыхая печально, кат Николка Еж, чесал зачиленным перышком за ухом, вопрошая любовно:

— А какие такие шашни у вас, уважаемый, с китайцем приглашенным были? И не продали ли вы ему тайны княжества, не шептались ли с оным китайцем об измене отечеству?

И хотелось кричать, что верный сын Серьга Цесарев родному княжеству, об измене никогда не помышлял, противу князя мыслей не имел, нет, не был, не состоял, и разные строки в грамотках прописанные чисты...

А будил его сонный, недовольный неожиданным пробуждением страж.

— Чего кричишь? — стучал он ключами в дверь кельи. — Чай не на допросе, подноготных не ведаешь, ртом олова жидкого не хватал. Не боярин Глазищев, чтобы совесть ночами болью выходила. Спи спокойно!

Оно бы и спалось, кто бы только сны хорошие навевал, Морфею в келье зарешеченной неуютно было, вот он и не прилетал, стражника вместо себя присылал. Ворочался розмысл на жестком лежбище узилища, вставал, ходил по келье беспокойно. Под утро он окончательно проснулся. Посидел немного, вдыхая запах сена, покусал длинную сухую травину, выбранную из кучи, потом встал и подошел к окну с толстыми вертикальными железными стержнями вместо решетки. Может, и в самом деле китаец хотел ему добра, а может, хотел завладеть секретами огненного змея. Хотелось думать о человеке хорошо.

А о будущем не хотелось думать. Не было в том будущем ничего доброго для Серьги Цесарева. Одни неприятности.

В ночном небе сияла полная луна, впрочем, уже начинающая ходить. Вокруг — в бездне небесной — помаргивали редкие звездочки. Одна из них, скорее напоминающая желтую запятую, стремительно двигалась с востока на запад.

Ну, конечно же! Конечно же!

Розмысл напряг слух. Может, ему это только казалось, ведь он не раз слышал мелодию медной луны, а может, и в самом деле она донеслась до земли и коснулась его напряженного чуткого уха, но только он явственно почувствовал, как хрустальные колокольцы отбивают мелодию, которую он узнал бы из тысяч других:

*Могучею Русью я в небо запущен,
С хрустальной музыкой плыву среди светил.
Куда не гляди — нету княжества лучше,
Не зря же Господь нашу Русь освятит!*

11.

Готовься к худшему, и тогда все хорошее, что придет на деле, будет тебе подарком.

Вот розмысл готовился к плахе и топору, в лучшем случае думал, что в узилище его ввергнут без права грамотку родным написать, а тут — нате вам, князь Землемил собственной личиной влетел в узилище, оттолкнув небрежным ударом в ухо зазевавшегося стражника. Встал на пороге, оказуя себя в силе да красе, оглядел измятое в бессоннице се- но укоризненно.

— Что ж ты, друг любезный! — сказал Землемил. — Я его по теремам ищу, с дивным успехом поздравить, к сердцу князьему прижать, а он... — князь махнул рукой. — Ох, уж этот Николка, все самостоятельности ищет! Не забивал тебя слуга мой верный? А, Сergyа?

— Душевно поговорили, — сказал розмысл, тайно снимая с кафтану прилипшие травы и отводя глаза в сторону.

— Небось все выспрашивал, какие поносные слова на меня говорил, какие замыслы тайные вынашивал? — князь залиvisto расхохотался. — Ох, уж эти тайных дел мастера! Повезло тебе, Сergyа, что мой верный пес разговорами обошелся. Сказал ему, что верный сын ты отечества?

— У него скажешь! — проворчал розмысл, слегка изумленный состоянием, в котором пребывал князь. Вздвигнутый Землемил был, весь в порывах чувственных. И редкая бородка его этим днем была неухоженной.

— Во всех грехах покаялся? — блеснул белыми зубами князь. — Николка, он такой, кого хочешь разговорить может! Ну, иди, розмысл, дай тебя твоему должное воздам!

«А может, китаец ему втолковал?» — мелькнуло в голове розмысла.

Князь Землемил долго мял его сильными жесткими руками, дышал в ухо, делая вид, что лобзает, потом несильно оттолкнул от себя.

— А ты хорош гусь! — насмешливо сказал он. — Я его противу сердца держу, а он, значит, честит меня, выражений не выбирая!

Розмысл потупился. Выходило, что князь знает. Тогда совсем уж непонятным казалось его поведение. Злых слов в отношении себя князь Землемил никогда не спускал. Были такие говоруны из Ольховского скита, так князь их призвал и спросил прилюдно — на что монахи надеются, речи поганые ведя, правителя своего законного оскорбляя? Монахи же ответствовали, что власти земные меняются, есть лишь один вечный и незыблемый — Господь наш вседержец, Он нам защитой. «Ладно, — сказал Землемил. — У Него, значит, прибежища ищите?» И выставил монахов на бой с медведем некормленным, приказав дать каждому молитвенник и пику. Оно ведь как выходило? Чтобы от медведя отмахаться, надо было обязательно пику двумя руками держать, получалось тогда, что молитвенник надо бросить. Не без умысла такое проделал князь Землемил, хотелось ему видеть — действительно ли монахи на Отца Небесного надеяться станут или же все-таки молитвенники бросят и пиками от зверя спастись попробуют. Не спасло монахов ни слово святое небесное, ни длинная пика земная.

— Котомку свою бери, — сказал князь. — Не место здесь розмыслу величайшему земли Русской!

Бедному собраться — только подпоясаться.

Шел розмысл за князем следом и ловил на себе изумленные взгляды. Было чему удивиться, никто еще своими ногами из владений ката не выходил, чаще выносили постояльцев оными конечностями вперед.

— Уж и стол накрыт, — между тем выговаривал князь Землемила герою нашему, — и бояре честь по чести за столом сидят. Добрыня весь измогутился, все тебя выглядывал, немец Янгель с жидовином себя незваными гостями чувствуют. А где Серьга? Где розмысл? А он с катом душевные беседы ведет, как на духу ему исповедуется. А ведь мог бы и промолчать, никто тебя за язык не тянул!

Вот ведь как оно бывает: с плахи — да за стол пиршественный!

Великодушие князя Землемила умиляло, хотелось броситься в ноги князю, слова благодарности прокричать. И ведь простил, простил слугу своего неразумного, все слова ему глупые простил! Кровь заиграла в жилах розмысла, бурлила в них пенной радостью, требовавшей немедленного выхода. В пляску искрометную хотелось пуститься, коленца разные и фортенбобели ногами выделявать!

А горница княжеская уже встречала их радостными криками, и чаши тянулись вверх, и веселье раздольное русское плескалось за столом, подавали уже кабанов на вертеле, утку, запеченную в зайце, каймак, вареники мясные и с вишнею, соленые огурцы и помидоры, рыжики и опята, белый гриб, жареный в масле и тушеный в сметане, другие лесные дары, севрюжку по-княжески, стерлядку по-купечески, сома по-боярски, медовуху четырех рецептов, белое хлебное вино, настоящее на рябине, настойку из терна, настойку из яблочка наливного, из малины, из лесной ягоды земляники, да мало ли яств на княжьем столе, не опишешь всего, только слюной понапрасну изойдешь.

И гремели балалаечники знакомыми с детства мотивами, изгалялись в искусстве своем непростом ложкари, пускались в непотребный пляс степенные и дородные бояре, коленца выделявая. Гудела горница от воплей молодецких! Тут и розмыслу удержаться невозможно. Что там говорить, кому из лап ката кровавого вырваться удалось, тот громче иных за мучителей своих заздравный кубок поднимает!

— С чего гульбище-то? — весело поинтересовался розмысл, обсаывая зажаренное до хруста утиное крылышко.

— Богатырей в поход отправляем, — ответил ему кто-то из пирующих. — Пора нашим бранникам себя показать в чистом поле и славы

боевой снискать! В городское рушение народ пишется — от малого до старого, никому не хочется в стороне от правого дела остаться.

— Война что ли? — совсем уже весело и бездумно спросил Серьга.

Рядом нежданно-негаданно объявился толстый унылый китаец, который ровно и не рад был освобождению розмысла из неволи лютой. А еще более казалось, что узкоглазый и участи своей не рад. Может, и в мире ничего не было, что могло бы Жо Бенья развеселить и порадовать.

— Бродники утром к князю явились, — сказал китаец горестно. — Пришли и для вас, урусов, времена печальные. Сказывают, собираются за Омон-рекою рати несметные. Гоги и магоги на вас пошли. Мунгалами называются. Берендеи уже пали, и смутичи, степняки не отбились, рязанцев пожгли... Нас-то они еще раньше завоевали, и стена великая не помогла. Ох, много горя предвижу я для русичей...

Мир тотчас прояснился.

Вон оно как!

Змеи огненные нужны были князю Землемилу для защиты Энского княжества. Оттого он и великодушие беззаветное явил. Оттого и именовал Серьгу розмыслом величайшим земли Русской! Оно ведь радостно, когда розмысл под рукой, других еще по землям искать, да неизвестно, кого найдешь — умного человека или балаболку обещающего, да не делающего. Коли война, люди знающие край как нужны. И без того кладбищенским грабарям достаточно будет работы.

— Давай, Серьга, хлебом по русскому обычаю! — возник рядом с розмыслом Добрыня.

— А ты боялся! — сказал розмысл, вытирая бороду после огненной чаши медовухи. — Вот и война подоспела. Будут тебе подвиги! Теперь-то впишешь свое имечко в повести временных лет!

— Хорошо бы не помертно! — озабоченно сказал Добрыня.

— На то и война, — резонно заметил розмысл. — Ты, я думаю, труса не спразднуешь. Такого только допусти до битвы, геройские подвиги совершит. Совершишь, Добрынюшка?

— Жизнь покажет, — поосторожничал бранник и поднял палец. — Не простые степняки ведь на нас идут, бают — гоги и магоги! Наслышаны мы о сих душегубах!

И все-таки, несмотря на известие, радостно было у Серьги на душе, как только может радостно быть у человека, уже простившегося с жизнью и вдруг обнаружившего, что никто у него эту жизнь отбирать не желает. И, как у каждого спасшегося от бедствий и угроз, в голове розмысла уже шевелились мысли, как крепость оборонить от орд за-

омонских, как неприятеля с величайшим уроном отбить. Сразу ясным становилось, что большие змеи огненные здесь не годились. Не к тому они были предназначены! А вот ежели уменьшить их размеры, обойтись одной камерой, да положить на механизм с винтом, высоту устанавливающим, да запускать скопом по нескольку «змят» разом, укусы их вельми болезненными окажутся, что для гогов, что для магогов...

— Ну что? — спросил из унылого угла чудесно трезвый для долгой гулянки жидовин. — Будем землю Русскую спасать?

— А куда мы денемся? — удивился розмысл. — Своя же земля, единственная. Не отдавать же супостатам святую Русь на поживу!

12.

Лошади у мунгалов были мохнатые и маленькие.

Не лошади, горбунки какие-то.

И воевали мунгалы не по-людски. Навалятся скопом, орут свои «кху! кху!», а потом вдруг оборотятся в бегство, ровно силы бранников испугавшись. Только пыль за копытами их мохнатых лошадак летит.

— То нам ведомо, — сказал воевода Илья, который кроме доспехов надел ерихонку, прикрепил к ней бармицу, плетеную из железа, чтобы прикрыть лицо, плечи и грудь. — В засаду заманивают! Они завсегда прежде основных сил свои летучие ертаулы рассылают.

Последняя дружина русских бранников, с трудом отбившись от наседающих со всех сторон гогов да магогов, укрылась в крепости. Многие были ранены, у иных руки на перевязях, другие — с головой израненной — щеголяли белыми повязками, сквозь которые алость проступала. Не для одного русского придется в скором времени на кладбище жальники копать!

— Махонькие они какие-то, — сокрушался воевода Илья, — дабы по такому попасть, надо палицей два дня целиться. И стреляют они не по-нашему, мы тетиву натягиваем, а они лук тянут. Одно слово — не люди! В Рязани, говорят, все золото с куполов церковных ободрали! Не зря к ним проигравшиеся и пропившиеся байгуши льнут!

С зубчатой крепостной стены казалось, что местность перед городом Энском кишит мелкими деловитыми фигурками. Казалось бы, что можно делать в чистом поле? А мунгалы дела находили! Кто шатер натягивал в отдалении, кто деревья сухие в ближайших рощах вырубал на дрова под пузатый медный котел, который уже катили по зеленой траве несколько вражеских воинов. И варить уже в том казане было —

виждали в ужасе поросята, молили блянем о пощаде овцы, прощались с жизнью жалобным мычанием телушки. Иные из неприятелей, не найдя дела хозяйственного, скакали на лошадях вдоль стен, кричали обидно, показывали защитникам непристойные знаки и пускали в сторону крепостных стен длинные свистящие стрелы из своих костяных луков.

— Много их тут собралось, — сказал розмысл.

— Боишься, что не совладаем? — спросил немец Янгель.

— Давить этих гогов, не передавить, — вздохнул розмысл. — Не зря к ним варнаки льнут!

Дни перед вторжением не прошли даром — на крепостной стене стояли станки, искусно сделанные, а на станках тех пока еще смиренно, с жалами спрятанными, лежали двухметровые «змееныши», в ожидании ратного дела.

— Харчиться собираются, — сказал Янгель. — А что это там?

Чуть в стороне от основной массы чужих воинов несколько десятков оборванных людей под рукою важного мунгала в расшитом халате собирали странные устройства с огромными ложками во главе устройства.

— Обедать они ими собираются, что ли? — недоуменно пробормотал Илья. — Так ведь в рот такая ложка не полезет!

— Сие есть великое китайское изобретение для метания камней на расстоянии, — объяснил китаец Жо Бень, которому в теремах было делать нечего, вот и выбрался он на стены, поглядеть на общих врагов. — В ложку эту кладется камень, который посредством специально устроенной тетивы из бычьих жил метает этот камень на весьма большое расстояние. Предназначено для разрушения стен и поражения врагов на оных!

— Что же вы врагам такое полезное дело в руки отдали? — сощурился Илья.

— Попробуй не отдать, — вздохнул китаец. — Тут же тебе пятки к затылку завернут, только позвонки хрустнут. А потом шакалам для удовольствия выбросят. Я так скажу, уважаемый Серьга, надо это дело как-то расстроить, если они метательные машины соберут, большой урон русскому воинству тем содеян будет.

— Что же, попробуем, — не без удовольствия, впрочем, сопряженного с тревогою, сказал розмысл и повернулся к жидовину: — Ну, мы готовы к великому делу, Лев Абрамович?

— Расчеты сделаны, — без выражения и с постным лицом сказал жидовин. — Согласно научной пытливости, мы способны накрыть ог-

нем змеев любой участок, как прилегающий к городу, так и удаленный от него.

— Так накроем! — качнул головой розмысл. — Для начала мы с вами вон по тем ложкарям ударим!

— Князь не велел, — напомнил воевода Илья. — Сказал, чтобы нишкнули без него!

— Что князь? — вспылит розмысл. — Не видишь, дело того требует! Или ты желаешь урона воинству нашему? Или тебе бранники не дороги?

Илья махнул рукой и пошел прочь, позвякивая кольчугой: делай, мол, как знаешь, а я лично руки умываю подобно Понтию римскому, который Христа разрешил распять.

Запальщики были обучены, но первые запуски змеев розмысл никому не доверил.

Лично осмотрел смирно лежащих до поры огненных «змеенышей», подождал, пока жидовин примерится и еще раз — уже окончательно — подкрутит винты.

— Готов буде, Лев Абрамович?

Жидовин выпрямился и махнул рукой: в самый раз!

Зашипели запальные шнуры, подбираясь к зарядам. Сразу десять «змеенышей», оставляя за собой дымный след и полыхая пламенем на две сажени, унеслись к мунгальскому лагерю. А заложены в них были заряды пороховые и енды черной горючей крови земной, что «нафтой» именуется, заправленные. Ударили разрывы среди врагов, осадивших крепость, полыхнуло яркое пламя. Глаз жидовину не изменил, все «змееныши» ровно в цель угораздили. Полыхали хваленые мунгальские метательные машины, метались гортанно кричащие всадники, вопили оборванные пленные. Воистину жуткими оказались укусы малых огненных змеев!

— В самый раз! — возопил розмысл. — В самый раз угодили. Дай, Лев Абрамович, расцелую твою некрещеную физию!

— Что ж, — сохраняя важный вид, сказал жидовин. — И мы ж таки что-то умеем!

Полководец Субудай сидел в шатре и отмерял на рисованной весьма искусно карте конные переходы. Получалось, что до Киева — матери земли Русской — оставалось совсем немного. А сколько конных переходов прошли от голубого Керулена? Шум да панические крики снаружи отвлекли полководца от важных военных размышлений.

— Что там такое? — спросил Субудай раздраженно.

— Урусы со стен адским пламенем плюются, — доложили ему. —

Все метательные машины пожгли, тумену хана Кублая немалый урон причинили. Десяток на месте положили и еще с полсотни обожженных мы сами прикончили, чтобы люди не мучились!

Субудай нахмурился.

Потеря метательных машин была чувствительной. Без них на крепостные стены лезть, только людей класть — там и смола кипящая заготовлена, и нечистоты, и прочие гадости, да и адское пламя смущало. А силы на город брошены не такие большие, на быструю победу рассчитывать не приходилось. Хотели стремительностью город взять, никто же не знал, что у врагов неведомое и страшное оружие имеется.

Сотники и тысячники, собравшиеся у шатра, ждали решения великого полководца.

— Что будем делать? — спросил Субудай наступившую за шелковыми стенами шатра тишину.

— Вырежем урусов всех до единого! — злобно вскричал одинокий голос.

Хан Кублай свое бесчестье переживал.

Послышалось змеиное шипение и ахнуло совсем рядом с шатром.

— Спасайте полководца! — закричали снаружи. — Спасайте Субудая!

— Сам спасусь, — сказал Субудай, откидывая полог дымящегося шатра и выбираясь наружу.

Вокруг горела земля. От крепостных стен летели со свистом и грохотом новые огненные стрелы, оставляя за собой дымные следы.

Неподалеку кто-то вскрикнул предсмертно — коротко и нехорошо.

— Что там еще? — не глядя поинтересовался полководец.

— Хана Кублая безноса я настигла, — услужливо сообщил кто-то из блюдолизов.

Осада еще не началась, а уже такие потери...

Конечно, по всем монгольским канонам за убитого хана следовало жестоко отомстить. Но задерживаться у скромного Энска, значило лишиться великой добычи, что ждала воинство в урусских городах. Каждый час промедления обещал будущие разочарования.

Свистящие огненные стрелы в очередной раз обрушились на лагерь. Вновь тревожно загалдели и завывали доблестные воины джихангира.

— Ну их, шайтанов! — сказал полководец Субудай. — Мы пойдем другим путем. Не крепости русские брать пришли, не в баранту сунулись, чтобы скот угнать, — земли разорить и под руку кагана отдать нацелились! Снимаем осаду! На Киев пойдем, багатуры!

13.

Мунгалы уходили.

Вот уже вытянулись передовые отряды, маленькие фигурки на зеленом поле печально зашевелились, закатывая медный котел в арбу, которая своими боками напоминала скелет какого-то древнего чудища. Не получилось у неприятеля постоловаться под стенами Энска. Голодными уходили гоги и магоги от крепостных стен. Над городом и его окрестностями, заслоняя небо и солнышко ясное, стояла хмарь от бестолковых пожарищ.

— Высокоуважаемый Серьга! — китаец уже спешил навстречу размыслу, вытягивая руки для объятий. — Своими глазами увидел я, что знание может переломить грубую силу! Этот день достоин занесения его в хронологические списки любых династий! Великий Конфуций обрел достойного ученика в холодных урусских землях. И ваши мощники, они тоже достойны упоминания в летописях! Вы — истинный князь науки!

— Занесло китайца, — неодобрительно сказал Янгель. — Как бы эти слова не влетели нашему Землемилу в ухо!

Ухо! Розмысл сразу же вспомнил о нем и огляделся по сторонам.

Ухо торчало из-за котла со смолой, приготовленной для неприятеля и оставшейся без дела.

Взяться за него было истинным наслаждением.

Ухо взвыло.

Маленький уродливый человечек болтался в руке размысла, вызывая гадливую жалость. Ну, что поделать, коли человек ничего иного не умеет, кроме как доносить и закладывать?

Однако поддаваться жалости не следовало, хотя и не по чину размыслу было заниматься такими пустяками.

— Илья! — позвал розмысл воеводу. — Разберись с этим дятлом стушчим!

— А я-то думаю, откуда Николка Еж все знает? — воевода бережно принял карлика в могучие руки. — А тут, значит, даже не человек, видимость одна! Я его летать научу! А еще лучше — научу дятла этого личинок из каменных стен добывать!

— Слушай, — сказал розмысл. — Добрыню не видел?

— Ранен Добрынюшка, — продолжая удерживать Ухо в руке, сказал воевода. — Третьего дни увидел он в битве с мунгалами странную лошадь с двумя горбами, кинулся, отбил ее, взялся разглядывать да заспорил с товарищами, кованая она или нет.

— И что же? — с интересом спросил Серьга.

— Кованая оказалась, — признался воевода Илья. — Теперь девки вокруг него хороводятся, говорят, что у нашего Добрыни сотрясение ума. Откуда? Нечему в голове бранника сотрясаться!

Воевода ушел, и Ухо с собой унес.

Видимо, не терпелось ему карлика премудростям птичьим обучить.

Розмысл обнялся с терпеливо ждущим своего часа китайцем.

— Ну, вот твои гоги и магоги, — сказал он. — Слаба у них кишка против ума русского!

— И китайского пороха! — добавил ревниво китаец.

— И немецкого усердия, — кивнул Янгель.

— Ой, не знаю, что бы вы делали с русским умом, китайским порохом и немецким усердием, — сказал жидовин, — если бы не мои познания в алгебре.

— Ладно, — согласился розмысл. — Все хороши. Нечего делить.

Они стали медленно спускаться с крепостной стены.

В синем небе, с которого постепенно сходила копоть ставшей прошлым битвы, сверкнула маленькая золотая точка. Если приглядеться, она более походила на запятую, несущуюся в высоту. День был слишком ветреным и шумным, чтобы услышать наигрыш небесных колокольцев, но если бы чудо стало возможным, наши герои наверняка бы услышали:

*Могучею Русью я в небо запущен,
С хрустальной музыкой плыву средь светил.
Куда не гляди — нету княжества лучше,
Не зря же Господь нашу Русь освятит!*

Розмысл проводил точку жадным взглядом. И вдруг всем телом он ощутил, ровно ожог, кто-то недобро смотрел на него со стороны. Со взгляда такого душа розмысла залубенела. Серьга медленно повернулся. От высокого светлого терема на него хмуρο и озабоченно смотрел князь Землемил. Рядом в синих штанах, красных сафьяновых сапожках и расшитой безрукавке на голое тело стоял кат Николка Еж, нетерпеливо и горячо нашептывая что-то князю на ухо.

И розмысл Серьга Цесарев вдруг понял, что ничего не завершилось, сказки просто не кончаются пресловутым пиром, с пивом-медом на губах, все только начинается, когда кажется, что беды и горе людские уже позади...

В ПОИСКАХ ЗОЛОТОГО ВЕКА

Олег ДИВОВ. «ХРАБР». ЭКСМО. Серия «Мир былин»

Лет десять назад издательство «Центрполиграф» затеяло проект славянской фэнтези о Киевской Руси под названием «Княжеский пир». Проект этот, громко заявленный и масштабный, однако, быстро заглох. Полагаю, отчасти потому, что авторы «Княжеского пира» строили свои повествования на манер «Легенд о рыцарях Круглого стола». Увы, за исключением былин, собранных в единый, целостный «литпамятник» лишь в XIX веке, свода легенд, аналогичных кельтским или саксонским, на Руси не было. Иными словами — героическая мифология Руси весьма скудна.

Причину тут надо искать в раздробленности дохристианской Руси: у каждого племени наверняка был «локальный» свод легенд, но сложиться в единое целое — в мифо-героический эпос — он не успел. Объединившее же Русь христианство закреплению старых мифов не способствовало.

Потому попытки создания славянской фэнтези особого успеха не снискали. За исключением разве что уникального в этом смысле «Волкодава» Марии Семёновой, которая поместила своего героя в мир, хотя и пол-

ный славянских реалий, но все-таки вымышленный. А поляк Анджей Сапковский в своем «Ведьмаке» вывернул наизнанку стереотипы фэнтези западной.

Зато все «исконное, посконное и домотканое» легко становится объектом пародий — подчас ярких, увлекательных и остроумных, как, например, у Михаила Успенского или Евгения Лукина...

А ведь история домонгольской Руси гораздо интереснее любых легенд. Начальная Русь во многом напоминает Англию «Полых холмов» Мэри Стюарт —

с родо-племенной структурой «низов» и феодальной пришлой «верхушкой», с насаждаемым «сверху» христианством и затаившимися по углам малыми богами, с постоянной внешней угрозой, с тягой к просвещению и культуре... Но Артурианская Англия Мэри Стюарт во многом выдуманная, а Киевская Русь — настоящая.

Об этом и пишет Олег Дивов в романе «Храбр», открывающем новую серию ЭКСМО «Мир былин».

«Храбр», обозначенный в выходных данных как фантастический роман, не только не роман в привычном представлении (скорее, две новеллы, объединенные общими героями), но и вряд ли фантастический. Единственное фантастическое допущение здесь — наличие на территории Руси и всей северной Европы реликтовых гоминидов, иначе говоря, снежных людей, по научному — неандертальцев, способных давать с людьми жизнеспособное потомство (последнее вроде бы уже серьезно подтверждено наукой, так что «Храбр» даже и совсем не фантастика). Никаких мистических видений, никаких наитий, никакой волшебной силы, никаких злобных волхвов-оборотней. Политика, экономика, генеалогия. Интриги, княже-

ские распри. Полуваряжская Киевская Русь, встающая там, где раньше были разрозненные славянские племена. А заодно и подмявшая под себя вольный Великий Новгород (и не только его). Торговые пути «из варяг в греки» там, где раньше буйствовал чудовищный соловый неандерталец-людоед со своей семьей-стаей. Шпионы, говорящие на пяти языках. Формальный и неформальный лидер княжеской дружины — воин-храбров — хороший честный человек Добрыня. И посреди всего этого — Илья Муромец из семьи варяжских беженцев, полукровка, сын человеческой женщины и вот такого лешего-гоминиды.

Иными словами, Дивов, известный возмутитель литературного спокойствия, и на сей раз оказался верен себе, сделав из прославленного русского богатыря не просто человека не русского, но до какой-то степени даже и не человека вовсе. Которому, однако, нашлось место среди самых близких поверенных князя Владимира в государственных делах: в «идеальном государстве», которое описывает Дивов, любовью, обладающий незаурядными личными достоинствами, приходится ко двору.

Перед нами проходят два эпизода из жизни Ильи Муромца — война княжеской дружины

«храбров» (что-то вроде древнерусского элитарного подразделения). В первом эпизоде еще молодой Илья с братьями-Петровичами истребляет засевших на тракте волотов — людоедов-неандертальцев; во втором, уже на закате княжения Владимира, выполняет спецзадание по устранению мятежного протоспафария Цулы, правителя Херсонеса, пожелавшего отделиться от союзных с русами (на данный исторический момент) ромеев.

Излюбленная тема Дивова — исследование отношений внутри замкнутой элитарной «мужской» группы. И дружина воинов-храбров предоставляет для этого великолепную возможность. Но, пожалуй, не Добрыня и даже не симпатичный, ужасный на лицо и добрый внутри умница Илья, а само государство Русь в эпоху его становления и расцвета — предмет дивовского исторического повествования. А «Храбр» — именно полноценное историческое повествование, основанное на источниках, да еще с обширным авторским послесловием-комментарием, не менее увлекательным, чем роман. Такая биноклярная конструкция книги позволяет читателю разглядеть в дымке отдаленного прошлого процветающее, могучее государство, встроенное в геополитическую карту тогдашней Евро-

пы, энергичное и развивающееся. Еще одна Россия, которую мы потеряли.

Идеальных государств, конечно, не бывает. Но, по Дивову, Киевская Русь — держава, позволяющая каждому человеку реализовать ЛУЧШИЕ свои качества. А что может случиться с людьми, предоставленными самим себе, видно на примере обитателей села Девятидубья, скатившихся в кризисной ситуации к человеческим жертвоприношениям.

Общественное сознание последних лет обращается к прошлому в поисках психологически комфортного времени, которым можно гордиться. В качестве претендентов фигурирует и сталинский ампир, и Россия конца XIX века, и екатерининская эпоха, и петровская, и даже, кажется, Русь времен Ивана Грозного. А ведь у Руси, говорит Дивов в послесловии, было триста лет Золотого века. Ну пусть меньше трехсот — но каких!

Проект, затеянный издательством ЭКСМО, обещает быть интересным, — при условии, что все остальные вещи будут написаны на уровне «Храбра», то есть всерьез и с полной отдачей. Но вот возьмет ли кто высокую планку, заданную Дивовым, это большой вопрос.

Мария ГАЛИНА

Рецензии

Нил ГЕЙМАН

ДЕТИ АНАНСИ

Москва: АСТ —
Хранитель,
2006. — 348 с.
Пер. с англ.
А. Комариниц.
10 000 экз.

Нил Гейман продолжает удивлять своих читателей. И вроде бы мы уже смирились с его жанровыми поисками, но вряд ли кто-нибудь мог предположить, что увлеченный психоделикой и символизмом писатель преподнесет публике водевиль.

Хотя намек был сделан уже в посвящении, где среди четырех литераторов обнаружилось и имя П.Г.Вудхауза. Однако невозможно было ожидать, что три остальных «тени» поблекнут и «готический» автор возьмется с энтузиазмом продолжать дело мастера комедии положений. Естественно, на привычном для себя материале, но с регулярным погружением в стилистику Короля Смеха, с постоянными отсылками к его произведениям — вплоть до знаменитого похмельного коктейля (правда, сгоряча приписанного Вустеру, тогда как его изобретатель — Дживс). И переводчик умело подхватывает эту игру, выписывая ключевые фразы в эпизодах и диалогах с незабываемой интонацией Пелема Гренвила Вудхауза.

Впрочем, последний никогда не ставил своих героев на грань смертельной опасности, которая в романе Геймана подстерегает всех персонажей. Однако в отличие от привычного «наполнителя», хоррора, здесь чаще всего эти кошмарные опасности выглядят опереточными.

Особенно достается детям бога-паука Ананси. Причем первый из двух братьев лишен и магической защиты, и каких-либо сверхвозможностей. Ну как тут, оставаясь неудачником, урезонить своего проказливого и на редкость эгоистичного родственничка? Как противостоять древней тупой вражде и современной хитроумной жестокости? Как избежать соблазна отдать решение своих проблем в чужие руки? Ведь он только и умеет, что петь и в песне находить себя, ибо это единственное, что досталось (осталось) Чарлзу от отца, великого «певца историй». Ну а теперь свою историю творит его сын, что получается у него, надо признать, неважно...

Вероника Ремизова

Андрей ПЛЕХАНОВ

**ЦАРЬ
МУРАВЬЕВ**

*Москва: ЭКСМО,
2006. — 576 с.*

*(Серия «Русская
фантастика»).*

10 000 экз.

Новый роман Андрея Плеханова — продолжение разговора, начатого в повести АБС «Волны гасят ветер», и выполнен он на художественном уровне, безусловно, превосходящем «средне-крепкую» норму нашей социальной НФ. Об этой книге уместнее было бы написать рецензию для мейнстримовского журнала. Фантастического в ней не больше, чем нужно интеллигенции для разговора о самой себе.

Итак, прежде всего: современный мир, что Россия, что Запад, представляет собой один глобальный тупик, из которого человечество традиционными методами выбраться не в силах. В одном из «постановочных» диалогов персонажи озвучивают авторскую позицию: состояние тупика все быстрее сдвигается в сторону полета в тартарары. Выход — появление принципиально новой авторитарно-иерархической общности, очень витальной, прагматичной и настроенной на эволюционное развитие, но при этом предельно жесткой со всем, что мешает ей направлять человечество «куда надо». У Плеханова в качестве подобной общности фигурируют некие мутанты-«фрагранты», способные играть на людской психике с помощью феромонов, да и прочные до жути: хоть их режь, хоть лупи — они выживают. Как ни крути, а люденская основа очень видна.

Сущностное отличие в другом. Устами АБС говорила та часть советской интеллигенции, которая четко видела свою роль в происходящих процессах, занимала определенную (прогрессистскую) позицию, по мере сил участвовала в драке и была чуток посвящена в смыслы высокой трансформации. Новое поколение интеллигенции, или, может, уже постинтеллигенции, анархично. Генерация АБС склонна была четко выбирать сторону баррикад и тянуться к рычагам управления; генерация «плехановская» мечется, бунтует, ценит себя выше, но в итоге склонна покоряться. Вот основной смысл романа: мир будет перевернут, и умников заставят покориться тем, кто занимается его переворачиванием.

Умная, печальная книга.

Дмитрий Володихин

Олег
ОВЧИННИКОВ

PROMETPO

Москва:
Корпорация
«Солбра»,
2006. — 480 с.
10 000 экз.

Есть мнение, что некоторые литературные произведения, помимо названия на обложке, имени автора и стандартных издательских ТТХ, необходимо снабжать предостерегающими или оповещающими фразами, типа: «Детям до шестнадцати!..», «Курение вредит вашему здоровью!» и т.д. Если указанный проект получит реализацию, то новая книга Олега Овчинникова «ProMetro» непременно обзаведется подобным «баннером». Например, таким: «Осторожно! Ваше сознание под угрозой!»

Никакого преувеличения. Один из наиболее сложных авторов новой волны написал, пожалуй, самое психоделическое свое произведение. Привычная реальность московского метрополитена в книге искажается, выгибаясь и деформируясь, чтобы приобрести новые черты спиральной «Ветви Дружбы Народов». Главному герою суждено принять участие в «одиссее» по альтернативной подземке. Он и его невольные спутники, подобно героям пелевинской «Желтой Стрелы», на время окажутся узниками вагона № 59066, движущегося не «между», а «насквозь», преодолевающего пласты творческого безумия на пути к неизбежному. «...Дальше не идет. Просьба осе-
вободить...»

Мир поезда в романе неоднороден и многослоен. Ограниченное физическими параметрами пространство расширяется за счет инсталляции небольших рассказов, продолжающих основное действие. Кроме того, герою регулярно приходится встречаться с различными обитателями спиральной ветки. Бесмертные во всех вселенных торговцы и попрошайки, «самый лучший кондуктор» и, наконец, авторское альтер эго в лице писателя Валерия Игнатова.

Виртуозное смешение рационального и сюрреалистического в романе Овчинникова дает то жутковатое и неповторимое ощущение хрупкости быденного, какое частенько можно встретить в книгах Стивена Кинга или Филипа Дика. Не случайно за Овчинниковым уже закрепилась репутация «писателя, разрушающего реальность».

Николай Калиниченко

Джон СКАЛЬЦИ

**ОБРЕЧЕННЫЕ
НА ПОБЕДУ**

*Москва — СПб.:
ЭКСМО — Домино,
2006. — 432 с.*

Пер. с англ.

А. Гришина.

(Серия

«Все звезды»).

4100 экз.

Западная критика уже поспешила сравнить роман молодого американца со «Звездным десантом» Роберта Хайнлайна. И такое сравнение вполне правомерно. В «Обреченных...» тоже описываются этапы большого пути из новобранцев в brave воины: учебка, тренировки, распределение, радость первых побед и горечь первых поражений, сопряженных с потерей боевых товарищей.

Впрочем, сам автор благоразумно не скрывает источника своего вдохновения и в послесловии благодарит Хайнлайна за все позаимствованное. Среди же эксклюзивного — усовершенствованные Умно-Кровью и компьютерной системой МозгоДруг тела солдат, мускулистые и зеленокожие, а также радикальное изменение призывного возраста.

Однако «Обреченные...» — роман не взросления, а старения. Ведь, чтобы попасть в Силы Самообороны Колоний, необходимо достичь возраста семидесяти пяти лет. Правда, эту удачную находку автор сам же и погубил, наделив своих солдат искусственно созданными телами.

Увы, попытка влить старое вино в новые мехи оказалась неубедительной, да просто неудачной. Бодренький, облегченный язык, характерный для интернет-блогов, лишенные индивидуальности персонажи, которые действуют в эпизодах, большей частью направленных не на развитие сюжета, а на провокацию эффекта узнавания... Да что там говорить, если звание заместителя командира взвода герой книги получает за сочиненный им еще на «гражданке» сценарий рекламы, так понравившейся его мастер-сержанту! Не стоит искать в книге ни военно-тактических откровений, ни правдоподобных описаний сражений, ни тем более правды характеров и глубоких мыслей.

Роман получился максимально облегченным подражанием «Звездному десанту» и едва не пережеголял жизнеописание другого галактического героя — Билла. Вот только у Скальци нет и тени сарказма.

Сергей Шикарев

Генри Лайон Олди

**ОЙКУМЕНА.
КНИГА
ПЕРВАЯ:
КУКОЛЬНИК**

*Москва: ЭКСМО,
2006. — 384 с.
(Серия «Стрела
времени»).
12 100 экз.*

Харьковский дуэт снизошел-таки до космооперы! В «Кукольнике» собраны все приметы жанра: Галактическая лига, множество межзвездных цивилизаций, гигантские космические корабли, смешение науки и магии и т.д. Мир «Ойкумены» оригинален ровно настолько, насколько это допустимо традициями жанра. Звездные корабли тут барражируют не на какой-то там фотонной тяге, а благодаря мистической энергии. У каждой расы — свои методы. Гематры используют каббалистику, брамайны — энергию страданий, вудуны впрягают в свои «двигуны» духов-покровителей, вехдены пользуются незримым Огнем... Короче, каждой мифологической традиции тут нашлось место. В итоге получилось ярко.

Но вся эта пышность фантазии, конечно же, не самоцель, а только декорации, среди которых разыгрывается драма. «Кукольник» — роман о Свободе и извечных проклятых вопросах.

В центре повествования некто Лючано Борготта. Он артист оригинального жанра — невропаст. Это значит, что экстрасенсорными методами он способен влиять на моторику и речь своих клиентов. Как бы дергает их за ниточки, управляет ими. Но насколько свободен человек, которого ведет «кукольник»? Этим вопросом задается герой книги. И вскоре находит не самый приятный ответ, когда попадает в рабство к помпилианцам. Жуткая цивилизация, срисованная с древнеримской, но обладающая особым даром. Помпилианцы не мучают своих рабов — они экстрасенсорным образом подчиняют себе их психосоматику. Человек постепенно теряет свободу воли, превращается в робота. Высшая и последняя стадия рабства. А собственно, что такое вообще свобода воли и возможно ли сохранить внутреннюю свободу, если ты лишен внешней? Эти вопросы занимают уже не столько героя, сколько авторов книги. Да, вопросы не первой свежести, однако Олди удалось найти простой, но и глубокий ответ. Самое же занимательное в романе — это лабиринт, который предстоит одолеть читателю на пути к этому ответу.

Виталий Каплан

Алексей КАЛУГИН

**ЛИНКОР
«ДАСОКУ»**

Москва: ЭКСМО,
2006. — 416 с.

(Серия
«Абсолютное
оружие»)
10 000 экз.

Все-таки любят наши фантасты вводить в свои книги восточную атрибутику. Оно и понятно: японская культура всегда была притягательна своей утонченностью и загадочностью. Вот и московский фантаст в центр повествования поставил экипаж японского звездолета.

«Линкор...» продолжает любопытную тенденцию, наметившуюся в отечественной космической НФ последних лет: социально-политические проблемы фантасты «телепортируют» в отдаленное будущее и в Дальний космос (с ходу можно вспомнить трилогию А.Зорича «Завтра война» или цикл Д.Володихина «Убить миротворца»). Здесь, в «Линкоре «Дасоку», японская Империя Пяти Солнц воюет с расой киборгов-сайтенов, а за схваткой наблюдают соседние межзвездные государства — Шенгенский союз, Восточный альянс, Русский сектор, Османский картель... Сайтены разбивают японцев в пух и прах, к финалу войны от всего флота Империи уцелел один лишь линкор «Дасоку», экипажу которого враги предлагают сдаться. Команда корабля уже готова совершить ритуальный акт коллективного самоубийства, когда случайно оказавшаяся на борту бригада русских криогенщиков находит неожиданный выход из ситуации...

Такова завязка произведения, внешне типичная для космооперы. Впрочем, задумка А.Калугина гораздо глубже, и это ощущаешь, вчитываясь в текст. Роман явно замышлялся автором в качестве эксперимента по столкновению двух разных ментальностей — русской и восточной. В результате оказывается, что в «Линкоре «Дасоку» русские и похитрей, и попрacticalней, и поталантливей японцев. Сомнение вызывает иное — сохранение современных мелочных обид и политических стереотипов после выхода человечества в Дальний космос. Создается впечатление: фантасты прошлого века, считавшие, что это событие изменит основы существования вида Homo sapiens, а не то что политику, были куда смелее своих младших братьев по перу.

Глеб Елисеев

ПОНИ БЕГАЕТ ПО КРУГУ

Александр ГРОМОВ

В конце ноября минувшего года прошла Международная ярмарка интеллектуальной литературы «NonFiction-2006». В рамках этого представительного мероприятия состоялся «круглый стол» с провокационным названием «Является ли фантастика литературой?». В центре дискуссии оказалась полемическая беседа Марии Галиной и Данилы Давыдова, опубликованная в «Если» № 11 за 2006 год, а также мнения писателей в рубрике «Экспертиза темы». За «круглым столом» посидел член Творческого совета журнала Александр Громов, и мы знакомим читателей с его взглядом на проблему.

Устроенный издательством «Форум» «круглый стол» удивил вовсе не потому, что оказался совсем не в тему выставки. «Является ли фантастика литературой?» — как вам это нравится? Опять. В который, интересно, раз фантастам было предложено поупражняться в доказательствах того, что фантастика, ну конечно же, тоже литература (а пони тоже кони)? Странную смесь эмоций вызывают во мне подобные дискуссии: чуть-чуть занята, местами весело, а по большей части противно. И правда, чего хорошего в том, что твои приятели и коллеги, которых ты знаешь как людей, по меньшей мере, неглупых, начинают вдруг юродствовать?

Сколько я увлекаюсь фантастикой, столько и слышу о «гетто». Ввели этот термин в оборот, кажется, на Западе, а у нас он пошел широко гулять с мощной подачи братьев Стругацких в 1960-е годы, когда не рынок, а Госкомиздат определял, что печатать, а что

нет. И где печатать — тоже. Кто постарше, тот прекрасно помнит: это самое «где» было очень куцым. Видимо, неспроста. Известную всему фэндому фразу некоего партийного чиновника: «Фантастика — это либо полное дерьмо, либо антисоветчина», — следовало бы высечь на камне в качестве памятника ушедшей эпохе.

Что чиновники! Несчастную фантастику с удовольствием трепали за уши и коллеги — писатели-соцреалисты. Теперь уже трудно установить, двигало ли ими что-то еще, кроме конкуренции за печатные площади, да и не в этом дело. Стоит, правда, отметить: фантастика сама подставилась. Она не могла не сделать этого, когда в борьбе за выживание начала пользоваться аргументами вроде «зовет молодежь во ВТУЗы», «развивает нестандартное техническое мышление, чем способствует изобретательству» и т. п. Фантасты просто молили: не уни-

вайте это литературное направление до конца! Угодно вам наклеить на него жанровое клеймо — клейте! Но дайте хоть чуть-чуть дышать!..

Несомненно, лучше выжить в гетто, чем не выжить совсем. Так и получилось. Слова братьев Стругацких о том, что фантастика по большому счету не является литературой для подростков, увлекающихся авиамоделизмом, слышал лишь тот, кто это и сам прекрасно знал. Берусь доказать, что в разговорах о гетто не содержалось ни малейшего практического смысла, ибо в результате этих разговоров ровным счетом ничего для фантастики не изменилось — вот вам факт и доказательство в одном флаконе.

Для фантастики — нет, но для фантастов — даже очень! Слово было сказано, и слово это — «гетто». Оно многим очень нравится. Как иначе объяснить, что мои коллеги (к счастью, не все) до сих пор цепляются за него с нездоровым упоением?

Показательный пример — состав участников «круглого стола». От фантастов наличествовало человек 25—30. От Большой Литературы — пятеро, трое из которых, пардон, «бисексуалы», сильно вляпавшиеся в фантастику и не могущие рассматриваться как противники в диспуте. Итого: численный перевес 15:1 в пользу фантастов. Что из этого следует? А вот что: Боллитра (под этим термином будем понимать суб-

культуру, сложившуюся вокруг толстых литературных журналов и нескольких премий) по сути не снисходит до спора с фантастами. Возникает ответный вопрос: а стоит ли спорить нам, «плебеям»?

Пришлось взять слово, уличить «плебеев» в бесстыдстве и попытаться доказать, что смысла в этом споре давно уже нет ни малейшего. Прежде всего, КТО отказывает вам, фантасты, в принадлежности к настоящей литературе? Копните слегка — и откроется вам. Это изнуренные самолюбованием люди, занимающие в литературной иерархии посты, которые 20 лет назад были определяющими, — ну а теперь? Смешно принимать эти кочки за доминирующие над окружающей местностью высоты. Далее, это люди, прочитавшие в детстве и юности несколько романов Жюль Верна, Уэллса и Казанцева, а ныне сунувшие брезгливый нос в девятый том двадцатикнижия фантаста Имьярек «Хроники хроников: месть Вырвиглаза», отпрянувшие в ужасе и с тех пор свято убежденные: вся фантастика — дрянь несусветная и предназначена для дебилов. А если вдруг окажется не дрянь и не для дебилов, то это уже литература, а никакая не фантастика!

То, что хроников надо лечить, сомнения не вызывает. Но позиция строгих дядей из Боллитры почему-то сильно раздражает многих фантастов. Отчего им не

приходит в голову, что над данной позицией можно беззлобно посмеяться, а еще лучшее игнорировать ее — для меня загадка. Наверное, по инерции. Братья Стругацкие выдали такой импульс, что он и посейчас не может затухнуть. Poleмический задор мешает проникнуть в голову простенькой мысли: а надо ли спорить с самодовольными типами, разложившими все по полочкам, как Вайнгартен? Можно ли хоть что-нибудь доказать снобам? И главное, нужно ли?

Есть, правда, среди писателей-реалистов целые полки «литературных рядовых», которые, в отличие от «литературных генералов», полагают фантастику недолитературой лишь потому, что слышали команду и не дали себе труд подумать. Кто как, а я не пропагандист, не миссионер и обращаться в свою веру никого не собираюсь. Зато не раз и с удовольствием провоцировал этих граждан на такие тирады: «Я фантастику не люблю! И не читаю! Фи! Это не литература!.. А сколько, вы говорите, у вас вышло книг в прошлом году? Сколько-сколько? О, и переиздания были? Что вы говорите! А скажите, если я в своем новом романе усилю фантастическую составляющую, я могу рассчитывать на...» Смех и грех. Но не об этих бедолагах речь.

Вы можете стать — если очень постараетесь — первыми из первых в любой области, и дамы будут в воздух чепчики бросать. Но при

этом ВСЕГДА, НЕИЗБЕЖНО найдется сколько-то людей, в чьих глазах вы все равно останетесь ниже плитнуса. Скажите, вы станете тратить время на то, чтобы переубедить их? А если даже да, то сколько времени вы готовы потратить? Всю жизнь? Боллитра не впервые дает вам понять — диспуты о фантастике ее не интересуют, а вы всё продолжаете скрестись в ту же дверь, как побирушки: «Возьмите нас к себе, дяденьки, мы будем хорошо себя вести, честное слово!» Противно и смешно.

Вооружась цинизмом, замечу: ладно еще, если бы было из-за чего! В Боллитре в смысле материальных благ и в самом деле давно уже «увы и ах». Или вы желаете номинироваться на «Букер» и «Большую Книгу»? Может, вас и номинируют, но премию не дадут — и правильно сделают! Фантастика, как известно, литература повышенного спроса, она сама обязана зарабатывать на свое существование. Букероподобные премии — уже говорил не раз и еще повторю — имеют в литературных джунглях тот же смысл, какой имеют в реальной экосистеме деньги, выделяемые Фондом охраны природы на спасение какого-нибудь исчезающего вида. Не примазывайтесь! — это неприлично и бесполезно.

И не возмущайтесь по поводу того, что Боллитра ведет тихой сапой наступление на фантастику — занимает ее территорию, пользуясь лукавой терминологией (ги-

перлитература и прочие чудища, оказывающиеся по отмытии физиономии стопроцентной фантастикой). Не тот это «захватчик», чтобы его бояться. В фантастике такие просторы, что о-го-го! Умейте их видеть, и никто не соскревет масло с вашего куска хлеба. А главное, от ваших филлиппик что-то изменится?

Дмитрий Скирюк напомнил мне одну фразу, сказанную на «Аэлите» Аланом Дином Фостером. У них в США, оказывается, до сих пор та же петрушка: стоит появиться литературно ценному фантастическому произведению, как со стороны субкультуры толстых литжурналов моментально раздаётся крик: «Какая же это фантастика? Это литература!» Словом, все как у нас. С той разницей, что комплекс неполноценности американские фантасты как-то не очень страдают.

Кого вы надеетесь убедить, господа неумные в самоунижении фантасты? В чем? Зачем? Где вы нашли гетто? Оно существует только в вашем воображении. А что до обвинений в дебилизации населения посредством фантастики, то, во-первых, тут и у реалистической литературы рыльце в пушку (а уж у non-fiction с ее сонниками и астроложеством — вдесятеро), а во-вторых, литература тут вообще ни при чем — все претензии к обществу потребления. Издатели тоже не виноваты — они, как тот флюгер, который не может указать, куда дуть ветру.

Примерно так я и высказался. Соображаю я, увы, не очень быстро, поэтому только после «круглого стола» до меня дошло: какой же я негодяй! Взял да и покусился беспардонно на тему, любимую целым сонмом критиков. Прямо-таки вырываю у них изо рта хлеба кус. Но что делать, если тема «гетто» надоела безмерно? Думаю, однако, что со временем эта тема должна немного подзавянуть, но она никогда не сойдет на нет. Так что мучения больной совести мне не грозят. И через год, и через десять лет в телепередаче «Порядок слов» или ей подобной ведущий изрежетка удостоит вниманием какую-нибудь — обязательно слабенькую — фантастическую новинку, чтобы показать всему свету: ну вы же видите, что собой представляет эта жанровая литература... И какой-нибудь фантаст, а вернее всего критик, охотно отобьет мяч, вместо того чтобы позволить ему улететь в белый свет как в копеечку...

Почему на ТВ до сих пор нет регулярной передачи о новинках и проблемах фантастики — для меня загадка. Не пушают? Или «некем взять»? Ну, авось появится со временем. Одно только я хочу ей пожелать уже сейчас: заниматься не выяснением отношений с Боллитрой, а исключительно вопросами НАШЕГО литературного направления. Это гораздо полезнее.

Антон ПЕРВУШИН

КОСМИЧЕСКИЕ УШЕЛЬЦЫ

Одной из самых актуальных в отечественной НФ (особенно советского периода) была тема палеоконтакта — обширная и интереснейшая. О том, как фантасты искали на Земле следы инопланетных визитеров, статья петербургского историка космонавтики и знатка космической НФ.

Достаточно даже бегло взглянуть на историю советской НФ, чтобы обнаружить: было несколько популярных идей, которые использовали в своем творчестве все авторы без исключения. Фактически, через развитие этих идей создавалась картина хотя и виртуального, но целостного мира, значительно повлиявшего на мировоззрение нескольких поколений советских читателей. Больше того, это влияние в ряде случаев предопределило государственную стратегию СССР, воздействуя уже и на мир реальный. Таким образом, проследившая эволюцию самых ходовых НФ-идей, мы начинаем лучше понимать некоторые мотивы, которые двигали творческой интеллигенцией и государственными мужами в описываемый период.

Главнейшая сюжетобразующая идея советской фантастики — построение более совершенного общества и, как следствие, формирование человека нового типа, коммуниста будущего.

Второй по значимости можно

назвать мысль о неизбежности космической экспансии, то есть расширении среды обитания человека до размеров Солнечной системы, Галактики и Вселенной.

Третья была непосредственным образом связана с первыми двумя, хотя и казалась куда более фантастической. Если мы верим, что приход коммунизма неизбежен, а построение совершенного общества приведет к космической экспансии, то можем предположить, что во Вселенной существуют древние цивилизации, которые давно построили коммунизм и давно летают к звездам. Может оказаться, что эти существа, инопланетные «коммунары», уже посещали Землю в те времена, когда по нашей планете бродили динозавры или царил рабовладельческий строй. Так в советскую НФ проникла тема палеокосмонавтики.

Учителя учителей

В 1970-е годы начала входить в моду палеокосмонавтика —

особый раздел уфологии, включающий в себя доказательства, будто бы инопланетяне посетили нашу Землю в незапамятные времена, учили людей разным премудростям, а может, и вообще были родоначальниками человеческой расы. Интерес к этим изысканиям пробудила книга швейцарского археолога-лабютеля Эриха фон Дэникена «Воспоминания о будущем» (1968), в которой описывались археологические памятники, не имеющие привязки к известным нам историческим эпохам или по своим свойствам соответствующие не древним, а современным технологиям. Пример первого случая — огромные рисунки в пустыне Наска. Кто их сделал? Зачем? Пример второго — ржавящая колонна в Дели, стоящая среди развалин старинной мечети Куватуль-Ислам. Каждый из этих артефактов может иметь и другое происхождение — без участия инопланетян, но желание чуда было столь велико, что поклонники палеокосмонавтики не обращали внимания на критику.

Однако в Советском Союзе палеокосмическая теория пользовалась успехом задолго до появления книги фон Дэникена и одноименного фильма.

Гипотезу о том, что люди произошли от пришельцев, спустившихся к нам с небес, еще в XIX веке высказала основательница

теософского учения Елена Петровна Блаватская. Однако в ее оккультном мире любые пришельцы были богами или духами, а боги или духи — пришельцами, потому считать ее основоположницей новой теории вряд ли возможно.

Тем не менее последователи Блаватской, занимавшиеся популяризацией ее теории, много писали на подобную тему. В частности, они были уверены, что атланты после гибели их мифического континента переселились в укромные районы Тибета и на Марс. Эту идею впоследствии использовал Алексей Толстой в романе «Аэлита» (1923).

В то, что Землю когда-то посетили пришельцы, верили и основоположники теоретической космонавтики: в Германии — Герман Оберт, в России — Константин Циолковский. Оба в разное время утверждали, что в космосе должны наличествовать разумные существа, которые наблюдают за развитием земной цивилизации и периодически наносят визиты. Оберт считал, что эти посещения имеют научно-исследовательский характер. Циолковский же полагал, что Земля — нечто вроде огромной оранжереи, в которой инопланетяне вырабатывают новые формы жизни; если человеческая цивилизация не сумеет избавиться от болезней, страданий и негативных явлений, «садовники» устроят то-

тальную «прополку» и начнут всё сначала.

Идею палеовизита подробно осветил ленинградский профессор Николай Рынин, собиравший и систематизировавший всё, что хотя бы мало-мальски связано с полетами в космос. В девяти-томной энциклопедии «Межпланетные сообщения» (1928—1932) он описал многочисленные мифы народов мира о богах, спускавшихся с неба и заложивших основы современного мира.

В середине 1920-х к плодотворной теме обратились писатели-фантасты. Среди наиболее заметных произведений этого периода можно назвать роман Александра Ярославского «Аргонавты вселенной» (1926), в котором оккультизм в теософском духе перемешан с представлениями о близящейся космической экспансии советского народа.

Ярославский описывает полет трех героев — Горянского, его жены Елены и мальчика Мукса — с Земли на Луну в реактивном радиовом аппарате. Во время путешествия Елена впадает в медиумический транс, а Горянский видит, как на темно-розовом лунном граните появляется отливающая золотом надпись: «Не бойся, я не дух, не призрак!.. я такой же живой, мыслящий, радующийся, как и ты! только я старше тебя, намного старше: ведь мне уже более десяти тысяч лет! Я говорю с тобой с отдален-

нейшего мира и помогаю тебе, ибо мы с тобой — одно. Но мы ушли неизмеримо, неисчислимо вперед по сравнению с вами, земные братья. Я могу делать радию сколько угодно, но это не важно! есть иные силы, неисчислимое количество сил, часть которых и вы когда-нибудь узнаете, которые неизмеримо могущественнее радия; все они — проявление одной мировой силы, которую знаем мы. С помощью этой силы я разговариваю сейчас с тобой на расстоянии, которое свет пробегает в сотни миллионов лет...» Далее «живой и мыслящий» рассказывает Горянскому о том, что жизнь в Солнечной системе зародилась из космической «рассады», которая сначала попала на Луну и в процессе эволюции породила разумных существ, а уж затем селениты колонизировали Землю: «Почти везде и всюду высокоцивилизованные пришельцы становятся во главе. Они порождают древние культуры. Почти одновременно в Атлантиде, Китае и Египте появляются пар, аэроплан и электричество. Их тогдашние цивилизации почти равняются вашей, но носили более изолированный характер. Ваша легенда о божественном происхождении власти относится к этой эпохе. Титулы фараона и богдыхана — «сын неба» тогда понимались буквально, ибо они и их ближайшие помощники были, действитель-

но, неземного, лунного происхождения, и они сами, и все окружающие еще помнили об этом...»

Попытка Ярославского реанимировать оккультное предание через идею палеоконтакта была уникальна в своем роде и продолжения не получила. Но сама по себе идея закрепилась в умах, порождая новые произведения. Так, в повести Сергея Горбатова «Последний рейс «Лунного Колумба» (1929) человекоподобные селениты, живущие в лунных пещерах, длительное время изучали Землю, после чего решили построить армаду боевых ракет, чтобы обрушить ее на головы ничего не подозревающих землян.

В качестве примера закрепления идей палеовизита и палеокосмонавтики можно привести еще и повесть Бориса Анибала «Моряки Вселенной» (1940), посвященную полету на Марс. Добравшись до Красной планеты, трое землян обнаруживают там брошенные и засыпанные песком города: здесь некогда обитала высокоразвитая цивилизация, но по неизвестной причине она погибла, и среди мертвых руин, остановившихся машин и хрупких скелетов бегают страшные падальщики. Земляне изучают руины и находят останки и дневник жителя Атлантиды (снова Атлантида!), привезенного в незапамятные времена с

Земли на Марс. На обратном пути один из членов экспедиции расшифровывает манускрипт, и межпланетные путешественники узнают, что цивилизация марсиан погибла от пандемии «синей смерти», — жители Красной планеты готовили переселение на Землю, но не успели построить эскадру кораблей для эвакуации...

«Палеокосмонавты» Ефремова и Казанцева

После войны к палеокосмонавтике обратился Иван Ефремов в повести «Звездные корабли» (1947).

Знаменитый фантаст признавал, что скорость света является предельной в нашей Вселенной и, следовательно, пилотируемые экспедиции между звездами в настоящее время невозможны или чрезвычайно затруднены. Однако современные межзвездные расстояния не являются чем-то «устаканившимся», и в отдаленные времена, когда на Земле еще не появился человек, небесная картина была совсем иной.

«...Наша солнечная система, — сообщает Ефремов, — описывает внутри Галактики огромную эллиптическую орбиту с периодом обращения в двести семьдесят миллионов лет. Эта орбита несколько наклонена относительно горизонтальной плоскости звездного «колеса» нашей Га-

лактики. Поэтому солнце с планетами в определенный период прорезает завесу черного вещества — пылевой и обломочной застывшей материи, — стелющуюся в экваториальной плоскости колеса Галактики. Тогда оно приближается к сгущенным звездным системам центральных областей, вроде, скажем, созвездия Стрельца. И в этом случае возможно сближение нашей солнечной системы с другими неведомыми системами, сближение настолько значительное, что перелет становится реальным. <...> приближение солнечной системы к центральным сгущениям Галактики произошло примерно семьдесят миллионов лет назад!..»

Персонажи повести, советские ученые, разработав методику поиска следов пришельцев, которые могли побывать на Земле в период сближения Солнца с крупными звездными скоплениями, в конце концов действительно находят скелет инопланетянина, погибшего в схватке с динозавром.

Идеи Ефремова вполне разделял другой признанный фантаст, увлекавшийся палеокосмонавтикой — Александр Казанцев. В 1946 году он опубликовал рассказ-гипотезу «Взрыв», в котором выдвинул предположение, что Тунгусский метеорит, взорвавшийся над тайгой 30 июня 1908 года, был космическим ко-

раблем инопланетян, работающим на атомной энергии.

В рассказе «Гость из космоса» (1951) Казанцев развил эту идею, доказывая, что, скорее всего, корабль создали марсиане, но прилетел он с Венеры: дата Тунгусского взрыва совпадает с датой прилета корабля, идущего по оптимальной траектории Венера—Земля. Видимо, пишет Казанцев, что-то понадобилось марсианам на второй, молодой и горячей, планете Солнечной системы.

Путаница с марсианами, которые почему-то прилетели не с Марса, а с Венеры, побудила Казанцева снабдить свою теорию дополнительными гипотезами. Их он описал в романе «Внуки Марса» (1962). Здесь земляне летят на Венеру и помимо различных доисторических тварей и пещерных людей находят следы высокоразвитой цивилизации, представители которой, по убеждению одного из членов межпланетной экспедиции, прилетели с гибнущего Марса, чтобы обрести новую родину. Но сам же автор спорит в романе с этим мнением — слишком уж предположение невероятно...

Несмотря на все противоречия, гипотеза Казанцева о том, что над Тунгусской взорвался корабль инопланетян, пользовалась немалым успехом. Известно, что Владимир Кошелев, ракетчик из бюро Сергея Королева,

организовал в 1961 году при горячей поддержке Сергея Павловича самостоятельную экспедицию в район падения Тунгусского метеорита. Однако каких-либо вещественных доказательств падения космического корабля пришельцев им обнаружить не удалось...

Жизнь и смерть десятой планеты

Предположение астрономов, что в Солнечной системе некогда произошла чудовищная катастрофа, в результате которой появился пояс астероидов и изменился климат на планетах земной группы, также нашло своих последователей.

У нас эту гипотезу одним из первых взял на вооружение Георгий Мартынов. В трилогии «Звездоплыватели» (1955—1960) он описывает, как на Марс летят две ракеты — американская и советская. Американцы высаживаются неудачно (одного из них тут же съедает местный хищник), а вот советский экипаж чувствует себя хорошо и занимается разнообразными исследованиями, и им позволяют раскрыть тайну погибшей планеты Фаэтон. Оказалось, что вся живность, которую земляне встретили на Красной планете, завезена туда фаэтонцами. Более того, представители древней цивилизации воздвигли на Марсе обелиск в память о своей родине. Причиной гибели

Фаэтона, по мнению Мартынова, стали приливные силы Солнца и Юпитера, разорвавшие планету на куски. Однако ученые Фаэтона заранее узнали о грозящей им гибели и загодя подготовили эвакуацию — свыше двухсот лет жители обреченного мира покидали его, переселяясь на планету в окрестностях Веги.

Похожей гипотезы придерживался и Анатолий Митрофанов, описавший в романе «На десятой планете» (1960) экспедицию в пояс астероидов, где смелые советские космолетчики обнаруживают остатки цивилизации фаэтов. Потомки высокоразвитой цивилизации поведали землянам, что их планета была разрушена в результате неудачной попытки воздействия на вулканическую активность, вызванную нестабильностью ядра Фаэтона (Фаэтии) под влиянием приливных сил Юпитера.

Разумеется, эту идею сразу же подхватил Александр Казанцев. В рассказе «Кусок шлака» (1963) устами пронизательного героя Феликса он пересказал гипотезу о Фаэтоне, дополнив ее предположением, что эта планета погибла в результате ядерной войны, вызвавшей «взрыв океанов». Позднее, в романе «Фаэты» (1971—1973) писатель попытался создать непротиворечивую картину эволюции Солнечной системы и контактов между ее цивилизациями, возникшими на

разных планетах. Модель Казанцева напоминает модель Мартынова, но с некоторыми отличиями. За основу принята гипотеза о том, что пояс астероидов — это осколки древней планеты Фаэны (Фаэтона), но погибшей не в результате приливного воздействия Юпитера, а разрушившейся из-за разгоревшейся на планете империалистической войны. Из всех жителей Фаэны уцелели только участники межпланетных экспедиций, закрепившиеся на Марсе (Мар) и на Земле (Зема). Но перед ними стоит непростая задача — остановить Луну, которая несется к Земле и при столкновении уничтожит на нашей планете всё живое.

Эту странную гипотезу, принятую и популяризируемую Казанцевым, разработал известный советский астроном Феликс Зигель. Он предположил, что Марс, Луна и Фаэтон когда-то составляли трехпланетную систему с общей орбитой вокруг Солнца. Катастрофа Фаэтона превратила его в астероиды и нарушила равновесие трех тел. Марс и Луна вышли на более близкие к Солнцу орбиты и стали нагреваться. При этом меньшая по размерам Луна потеряла всю атмосферу, Марс — большую ее часть. В дальнейшем Луна прошла в опасной близости от Земли и была захвачена ею.

Две оригинальные версии предложил Александр Шалимов в

повестях «Цена бессмертия» (1965) и «Поиск в Кольце» (1981). Согласно первой версии, Фаэтон не погиб сам по себе, а был дистанционно разрушен марсианскими учеными, которые таким способом добывали особые вещества для «реакторов бессмертия». Согласно второй версии, погибшая планета состояла из антивещества, и ее значительная часть аннигилировала, столкнувшись с обычным веществом...

Тайна Фобоса

В 1945 году американский астроном Шарплесс из Морской обсерватории в Вашингтоне собрал описания старых наблюдений крупнейшего марсианского спутника Фобоса, сопоставил их с более поздними наблюдениями и пришел к выводу, что в движении Фобоса вокруг Марса существует так называемое «вековое ускорение». Это означало, что спутник движется всё быстрее по очень пологой спирали, постепенно тормозя и всё ближе подходя к поверхности планеты. Подсчеты Шарплесса показали: если ничего не изменится, то за какие-нибудь 15 миллионов лет Фобос упадет на Марс и взорвется. Мало кого взволновали тогда эти пророчества, которые сбудутся неизвестно когда и относительно очень далеким объектам.

Сенсация родилась позже, и ее автором стал советский ученый Иосиф Шкловский. В 1959

году он показал, что «вековое ускорение», которое мы наблюдаем в условиях разреженной верхней атмосферы Марса, может быть объяснено, только если предположить у Фобоса очень малую плотность, которая не позволила бы спутнику развалиться на куски. Такая плотность возможна лишь при условии, что Фобос... полый. Напрашивался вывод: полых естественных спутников не бывает, значит, Фобос — искусственный объект!

Интервью с астрофизиком, посвященное этому открытию, немедленно опубликовала «Комсомольская правда». Вскоре текст перепечатали за рубежом, снабдив громким заголовком: «Фобос — искусственный спутник Марса! — заявляет известный советский ученый!»

Сенсация родилась спонтанно, но к чему-то подобному публика была уже готова. Фантасты и ранее указывали, что спутники Марса — идеальные площадки для старта межпланетных кораблей, а Шкловский придал этим предположениям научное обоснование.

Гипотеза Шкловского была обыграна в утопическом романе братьев Стругацких «Полдень, XXII век (Возвращение)», первые главы которого увидели свет в 1961 году.

Более подробно тему раскрыл Владимир Михайлов в повести «Особая необходимость»

(1962). В космос вновь отправляется советский корабль, чтобы выяснить, почему пропадают автоматические ракеты, посылаемые в сторону Марса. Однако из-за перерасхода топлива космонавты вынуждены сесть на Деймос. После чего выясняется, что спутники Марса — это звездолеты, прибывшие из созвездия Дракона. Экспедиция инопланетян сорвалась, и они были вынуждены вернуться в свою систему, бросив огромные и полностью автоматизированные корабли на орбите.

Ожидания читающей публики подогрела повесть «Путь к Марсу» (1978) летчика-космонавта Евгения Хрунова и специалиста по космической медицине Левона Хачатурьянца, позднее продолженная повестями «На астероиде» (1981, 1984) и «Здравствуй, Фобос!» (1982).

В первой части этой трилогии экипаж из шести советских космонавтов на корабле «Вихрь» отправляется на Марс, но вынужден задержаться на ареоцентрической орбите из-за глобальной песчаной бури, бушующей на Красной планете. Воспользовавшись паузой, бортинженер Сурен Акопян стартует с борта корабля на одноместной челночной ракете «Аннушка» и совершает посадку на Фобос. И, разумеется, в первые же минуты после выхода делает потрясающее открытие — туннель с перилами, уходящий в

глубь скалы, и за ним небольшой зал, вырубленный в толще породы. Без сомнения, до землян на Фобосе уже побывали разумные существа!

Можно с уверенностью сказать, что Хрунов и Хачатурьянц довольно незатейливо изложили то, о чем в глубине души мечтали все, кто тогда работал в советской космонавтике. Найти следы чужого разума. Доказать, что человечество не одиноко во Вселенной. Существует ли цель выше и задача интереснее? Потому нет ничего удивительного в том, что одной из приоритетных программ советской космонавтики в начале 1980-х годов стала программа «Фобос».

Следы «ушельцев»

Внимание широкой общественности к идее палеовизита подогрела публикация в «Литературной газете» статьи физика Агреста «Следы ведут в космос» (1960).

«Не космонавты ли принесли на Землю различные тонкие сведения о Вселенной, отдельные из которых в виде легенд хранились тысячелетиями вплоть до XVIII века? — вопрошал Маттес Агрест. — Не восходят ли к пришельцам извне истоки глубоких сведений по строительной технике, математике, астрономии и другим отраслям знаний, которые, по мнению некоторых ученых, запечатлены языком архи-

тектуры и геометрических форм в различных памятниках древности? Наконец, не связаны ли с космонавтами древнейшие наскальные изображения на плато Тассили в пустыне Сахара?»

Кстати, о фресках Тассили. Именно там Александр Казанцев, главный идеолог советской палеокосмонавтики, увидел марсианина. Собственно, увидел не он, а французский археолог Анри Лот. В 1957 году этот ученый начал исследования в местечке Тассилин-Аджер (пустыня Сахара, Алжир), где и были обнаружены наскальные изображения людей, слонов, жирафов, антилоп, быков. Особенно много было стилизованных рисунков, на которых люди изображались упрощенно, без выделенных черт лица. Лот писал: «Само по себе изображение очень примитивно. В центре круглой головы — двойной овал. Мы наделяем обычно такой внешностью марсиан. Марсиане! Какое название для сенсационного репортажа!» Предложение о «репортаже» пришлось по вкусу, и шутка была растиражирована.

На знаменитой фреске изображено некое существо в одеянии, похожем на скафандр: есть круглая, будто шлем, голова и как бы «щелевидные прорези для глаз». Однако есть и типично первобытные атрибуты: бахромчатые браслеты на руках и ногах, лук в руке, привязанный сзади

хвостик, оголенная тыльная часть тела.

Впрочем, некоторые из фресок Тассили еще необычнее. Здесь поверх «круглого шлема» высятся непонятные усы, похожие на антенны. Подобный рисунок, вырванный из контекста, действительно может произвести впечатление, однако марсиане с антеннами ведут себя слишком уж по-дикарски: пляшут, ходят гуськом, у многих имеется обнаженная женская грудь, выделенные бедра, ожерелья, браслеты, набедренные повязки. Все это указывает на то, что «марсиане» на самом деле люди, а «антенны» над их головами — элементы довольно экстравагантных причесок, которые и ныне сплетают жительницы Азии и Африки.

Однако простые объяснения не учитываются «специалистами» по палеовизитам. Чтобы придать своим рассуждениям хоть какую-то весомость, Александр Казанцев показывал «Великого Бога Марсиан» первому космонавту планеты Юрию Гагарину. Тот, ознакомившись с фотоснимком фрески, оставил на нем автограф и сказал: «Похоже и не похоже!» На основании этого замечания Казанцев сделал далеко идущие выводы.

Методология Казанцева вообще поразительна.

«Как известно, гипотеза (первое научное предположение) мо-

жет оказаться подтвержденной или опровергнутой, верной или неверной, но не антинаучной, если она строится на материалистической основе. Антинаучна лишь гипотеза, выдвинутая с враждебных нашей идеологии позиций... — пишет он в предисловии к публикации статьи Агреста «Космонавты древности». — Тема инопланетян, — поясняет Казанцев далее, — интересует меня не столько как предмет фантазии, сколько как фундамент для осмысления многочисленных странных объектов, явлений и происшествий. Чтобы увидеть существование фактов контакта, необходимо встать на принципиально новую точку зрения, позволяющую понимать происходящее на Земле в контексте эволюции разума во Вселенной».

Развивая эту, весьма спорную, концепцию, Казанцев договорился до того, что записал в число инопланетян всех сколько-нибудь значительных деятелей прошлого. Как сказали бы цензоры советской эпохи, «проявил неверие в человеческие силы».

В то же время поиск артефактов, однозначно свидетельствующих о состоявшемся палеовизите, стал основой для десятка не самых плохих сюжетов.

Например, Аркадий и Борис Стругацкие сделали этот поиск одной из сюжетных линий в романе «Стажеры» (1962). Совер-

шая инспекционный облет космических поселений, экипаж корабля «Тихмасиб» открывает руины древнего города на Марсе и чужую станцию в кольцах Сатурна. В этом и в других произведениях братья Стругацкие даже вводят новую специальность — Следопыт. Это космические археологи, которые рыщут по планетам в поисках следов, оставленных древнейшей цивилизацией Галактики, условно называемой Странниками. Вокруг одной из находок Следопытов строится и фабула романа «Жук в муравейнике» (1979).

Брошенные чужие звездолеты находят персонажи повестей Юрия Шпакова «Кратер Циолковский» (1962) и Виталия Мелентьева «Черный свет» (1970).

Необычное произведение выпустили в 1963 году Валентин Рич (Рабинович) и Михаил Черненко. Роман «Сошедшие с небес» (в другом издании — «Мушкетеры») посвящен обстоятельному рассказу о том, как группа советских ученых на чистом энтузиазме пытается расшифровать смысл, заложенный в систему артефактов, оставленных инопланетянами на Земле. Роман довольно бодро написан, а сюжет похлестче, чем в пресловутом «Код да Винчи» Дэна Брауна. После многочисленных приключений ученые вычисляют местоположение планеты загадочных пришельцев — созвездие Рыбы.

Со временем ученые и фантасты пришли к выводу, что если бы пришельцы хотели оставить восточку о себе, то, скорее всего, расположили бы заметный артефакт где-нибудь в ближнем космосе.

Так, в повести Виктора Невинского «Под одним солнцем» (1964) марсиане, прилетевшие на Землю в эпоху динозавров, оставляют обелиск с документами экспедиции в лунном кратере Тимохарес. В рассказе Михаила Грешнова «Малыш» (1971) там же, на Луне, космонавты обнаруживают рубиновый лазер, посылающий периодические сигналы на Землю. А в рассказе Павла Амнуэля и Романа Леонидова «Третья сторона медали» (1968) пришельцы устанавливают на Марсе мнемограф — устройство, генерирующее мириады с видами чужой планеты...

Так или иначе, но подлинные следы инопланетян на Земле и в ближайшем космосе пока не обнаружены. Вполне возможно, что никогда не будут обнаружены. Так неужели все повести и рассказы, о которых мы говорили сегодня, написаны зря?

Уверен, человеческая культура не создает ничего лишнего. Быть может, завтра выяснится, что эти самые следы были у нас перед глазами. Но кто нам об этом расскажет, если не фантасты?..

Еще совсем недавно палеокосмонавтика (палеоконтакт) была одной из магистральных тем фантастики, редкий автор обходил стороной сюжет о посещении Земли пришельцами в глубокой древности. Однако уже в 1980-е эта «благодатная» тема исчезла напрочь, будто ее и не было никогда. Почему так получилось?.. А все-таки прилетали они к нам?

Игорь ХАРИЧЕВ (генеральный директор и главный редактор журнала «Знание—сила»):

Идея палеоконтактов интересна сама по себе. В самом деле, разве не увлекательно допустить, что на Землю уже прилетали инопланетяне, что они оказали влияние на развитие жизни на нашей планете, что они оставили нам какие-то знаки? Еще более любопытно предположить, что палеоконтакт был вовсе не с инопланетянами, а с нашими далекими потомками, научившимися путешествовать во времени. Со всеми вытекающими последствиями. И вариантами — от простого выяснения загадок прошлого до попыток напрямую влиять на собственную историю.

Однако я думаю, что была еще одна веская причина возникновения в СССР в 1960—1970 годы интереса к теме палеоконтакта. После оттепели в стране начали «затягивать гайки». Цензура свирепствовала. Было запрещено многое, в том числе и социальная фантастика. Власть боялась параллелей. Поэтому фантасты могли находить отдушину в теме палеокосмонавтики, эксплуатируя ее по максимуму.

К 1980-м годам тема успела поднадоесть, она просто исчерпала себя. К тому же с приходом Михаила Горбачёва началась эпоха гласности. Открылись запретные ранее темы. И очень быстро первые позиции завоевала фантастика социальная — она позволяла говорить о самых актуальных для тогдашнего времени проблемах. И тотчас уверенно выдвинулись в первый ряд фантастов (теперь уже официально) братья Стругацкие. Кстати, многие из их произведений впервые печатались в нашем журнале. А публикации романа «Жук в муравейнике» даже пытались помешать из ЦК КПСС. Слишком острым оказалось это произведение.

Лично я допускаю то, что могли быть палеоконтакты. Но как бывший астрофизик, закончивший физфак, я нуждаюсь в надежных доказательствах. Стопроцентных доказательств пока нет, хотя нельзя исключить, что, например, рисунки, найденные в Андах на плоскогорье Наска, или странный отпечаток в пустыне Гоби, обнаруженный еще в 1959 году советско-китайской экспедицией, или египетские пирамиды нам «оставили на память» те, кто побывал на Земле в давние времена. Что огнен-

ные колесницы, упоминаемые в древних летописях — не плод фантазии наших предков, а точное отражение реальности. Кто знает...

Игорь ПРОНИН (писатель-фантаст):

Раньше палеоконтактом можно было удивить читателя. А теперь каждый ребенок знает: шумеров цивилизовали разумные амфибии, древних китайцев посещали смешные существа в скафандрах, египетские пирамиды построены сириусянами — об этом пишут в специальных газетах, посвященных как раз палеоконтакту, третьему глазу, масонской власти и крысам-людоедам в метро. Но я не думаю, что эта область фантастики навсегда ушла туда — в печатные СМИ с плохой полиграфией. Рано или поздно писателям про вампиров сочинять надоест. Далекое прошлое человечества как тема даст сто очков вперед далекому будущему: оно совершенно так же непредсказуемо, но имеет некоторые вещественные доказательства своего существования — те же пирамиды. То есть вроде бы и не такая разухабистая фантастика, как бороздящие межгалактические пространства звездолеты. Но придумывать можно все что угодно — один только остров Пасхи способен прокормить фантазию десятков писателей. Уверен, что пройдет время, и палеоконтакт снова станет моден. Тем более что парадоксов в археологии с годами становится не меньше, а больше, и ревизионистские книги вроде «Запрещенной археологии» выходят регулярно.

На мой взгляд, человечество все же имело учителей. Вот только откуда они взялись — из пространства, из времени, из параллельных миров? Очень может быть, что отовсюду сразу, хотя ни подтвердить этого, ни опровергнуть невозможно. И все же пирамиды Гизы действительно подозрительно точно указывают на Пояс Ориона, а племя догонов, имевших к Древнему Египту достаточно тесное отношение, знало, что Сириус не звезда, а система звезд, задолго до открытий наших астрономов. Пожалуй, великая пирамида — самый заметный указатель к звездам. Однако вопросов много, а точных ответов нет и не будет. А еще я считаю, что людей путем селекции вывели разумные динозавры — в качестве слуг и помощников. Оттого мы такие разные — разные были задачи у каждой модификации. Потом хозяева вымерли, люди одичали и если бы не сириусяне с орионцами, наверное, никогда не смогли бы построить великую пирамиду. На фоне которой теперь каждый может сфотографироваться. Так что влияние палеоконтакта невозможно переоценить.

Андрей СНИЦЫН (критик, антологист):

Почему потеряла актуальность тема палеоконтакта? Просто все, кто был заинтересован в ее развитии, либо умерли, либо убрались восвояси.

Взаимодействие человека с Чужими, несомненно, имело место в древности, имеет место в настоящее время и еще будет иметь место. Вопрос только в том, произошел первый контакт целенаправленно или же присутствовал элемент случайности. Я придерживаюсь мнения, что пришельцы попали на нашу планету в результате аварии космического аппарата. Не исключено, что это была машина времени. Однако множественные факты с большой степенью достоверности позволяют все же остановиться на первой гипотезе.

Оказавшись в неприглядной ситуации, без средств связи, Чужие (скорее всего, дети или подростки) естественным образом захотели вернуться домой и в силу своего потенциала попытались это желание осуществить. Необходимо отметить, что это им в конце концов удалось. Правда, понадобилось для этого несколько миллионов лет по земному летосчислению.

Потерпевшие крушение должны были, во-первых, связаться с метрополией и, во-вторых, попытаться дожить до появления спасательной экспедиции. Надо сказать, решение этих задач было довольно изящным. Увеличив в несколько раз объем черепной коробки самому потечильно опасному виду местных животных, пришельцы в одночасье превратили свору кровожадных каннибалов в послушную рабочую силу. Дальнейшее стало делом техники — поумневшие земляне принялись под руководством своих хозяев подавать в космос различные сигналы (расписывать пустыню Наска, строить колонны в Баальбеке, далее по списку), постепенно совершенствуясь в своих возможностях.

Помощь пришла только лишь в 1908 году и дала о себе знать грандиозным фейерверком в районе реки Подкаменная Тунгуска.

Однако к этому моменту Чужие уже рассеялись по всей планете и собирались как-то информировать о своем местоположении спасателей, которые были не в состоянии вычленив своих соплеменников из миллионов аборигенов. Именно в этот период начинают появляться первые литературные произведения, посвященные встрече первобытных людей с представителями космической цивилизации. Эти тексты на самом деле представляют собой не что иное, как скрытые послания для прибывшей экспедиции.

Трудно сказать, были все описывающие палеоконтакт пришельцами или Чужие эксплуатировали местных авторов, но факт остается фактом: подобной тематике стало уделяться все большее и большее внимание. Были подключены СМИ, возникли телевидение и кино, позволяющие глобально подойти к вопросу распространения данных. В целях уменьшения информационного шума творчество писателей, работающих в смежных областях (так называемых фантастов), различными методами всячески нивелировалось. Им не давали печататься, заполняя издательства только нужной пришельцам продукцией.

Челноки с материнского корабля сновали по планете, собирая оповестивших о себе, будоража не развитый еще разум местного населения, окрестившего дисковидные челноки летающими тарелками.

К 1980 году спасательную операцию в основном завершили. Все были найдены и доставлены на звездолет, за исключением тех, кто захотел дожить свой последний миллион лет на ставшей уже родной Земле. Корабль стартовал к родной планете Чужих, оставив, правда, кураторов для наблюдения за так неожиданно возникшей периферийной цивилизацией.

Тема палеоконтакта была закрыта сама собой. Посудите сами: кому надо разрабатывать проблему, интересную лишь Чужим, когда вокруг столько собственных земных дел.

Евгений ФИЛЕНКО (писатель-фантаст):

Не так давно я с удивлением обнаружил, что могу с полным основанием причислить себя к гонимому вероисповеданию. Верить в то, что Бога нет, вдруг стало неприличным и даже несколько опасным. Еще обвинят в непатриотизме и навешают весьма неприятных собак. Как это?! Все кругом со свечками, а ты один без нее?! Как-то так сложилось, что извечное стремление человечества взвалить — или свалить! — на кого-то более могущественного и мудрого ответственность за собственные поступки вдруг стало не только навязчивым, но и агрессивным. Ведь это очень комфортно: существовать, внушив себе идею горней предопределенности всего происходящего. Высшее существо — оно высоко, оно все видит, и на все уже загодя есть его воля... А может быть, это оттого, что где-то глубоко в подсознании каждого человеческого существа зарыт комплекс видовой неполноценности?

Было бы здорово узнать, откуда он взялся, этот несносный комплекс. Кто нас так запугал на самой заре эволюции. Каким первобытным монстром вколочен в мозги древней человекообезьяны, при каких устрашающих и ломающих самооценку событиях... Но это так... фантастические трели, сослагательное наклонение...

Во всяком случае, по каким-то малопонятным причинам человечество всю свою историю постоянно терзается сомнениями в своей полноценности и способности совершать разумные поступки. Как будто ему критически недостает веры в собственные силы. Но поскольку совершать означенные поступки все-таки нужно, двигать историю приходится, а большой уверенности в результате как не было, так и нет, да и отвечать за последствия как-то страшновато, вот и приходится изобретать себе оправдания. Мол, кто-то думает за нас.

Та же история и с палеоконтактами, те же грабли, вид сбоку. Материальных свидетельств ноль, все вещественные улики — крайне сомнительного свойства, зато разговоров, литературы и эмоционального воз-

буждения выше самой высокой крыши. Нет ни одного сколько-нибудь заслуживающего внимания божества или мифологического персонажа, который не был бы обвинен в инопланетном происхождении, о чем написаны книги, снят фильм и сколочена первичная ячейка верящих в эту лабуду. Дэникен и Казанцев ушли, но дело их живет, хотя и не побеждает, — все же традиционные религии захватили основные плацдармы. Но в том, что не бедствует, а процветает, сомнений никаких. Сошли-де на Землю длинноухие боги на виманах и не то оплодотворили глупых первобытных женщин своим светоносным семенем, не то вручили факел с прометеевым огнем... в общем, совершили акт обращения туповатых и звероватых нелюдей в организованное сообщество разумных существ, как и делали это неоднократно до того в других уголках Вселенной и намерены сей подвиг просветительства продолжать. Сеять не доброе и вечное, так хотя бы разумное. И с той поры человечество как бы даже и не виновато в том, что оно вдруг при самых темных обстоятельствах вразумилось — не очень-то и хотелось ему — и потому не слишком намерено отвечать за дела свои. Если что не так пойдет с цивилизацией — с нас и взятки гладки. Напакостишь, нагресишь, убьешь — там, наверху, простят... или, как вариант, инопланетные гены виноваты, агрессивные мы после коитуса с галактическими конкистадорами сделались...

Наверное, поэтому мы, атеисты, не склонные перекладывать собственные плюхи на чужие плечи, пускай даже и вселенски широкие, вдруг оказались в меньшинстве, никто нас не любит. И все же... Вот мое сугубое мнение атеиста и отщепенца: никто к нам в незапамятные времена со звезд не нисходил, панспермией в первичном бульоне не баловался, прометеевы факелы не преподносил и прочих безобразий не совершал. Сами собой мы произошли где-то на просторах Африки от мамы Евы и, по последним антропологическим гипотезам, целого стада безымянных пап, среди которых, возможно, было несколько Адамов, но точно не было ни одного искуителя с яблоком. Сами выстроили свою непредсказуемую историю и сами повесили на свои шеи ярмо оголтелых технологий последнего времени, которые неизвестно куда еще приведут. Мы же сами во всем и будем виноваты. Нам отмщение, и мы воздадим.

Одна моя хорошая знакомая, человек чрезвычайно занятой и востребованный, не забывает во время даже самой увлекательной беседы извлечь из сумочки сотовый телефон. И случается, что, обнаружив там полное отсутствие пропущенных звонков, она говорит с некоторой печалью в голосе: «Кому ты на фиг нужна...» Печаль, конечно, наигранна, веселье продолжается...

Так и мы, человечество. Никому на фиг не нужны — ну и ладно. Никого нет повода для огорчений.

«ЕСТЬ ТОЛЬКО ТЫ И ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ»

Дмитрий БАЙКАЛОВ

Журнал часто получает предложения стать информационным спонсором различных мероприятий — и обычно отвечает вежливым отказом, так как они не имеют прямого отношения к фантастике. Однако когда подобное предложение пришло от пресс-службы фестиваля детских театров (не тех, профессиональных, в которых играют взрослые, а любительских, где актеры — дети и подростки), нам понравилась сама идея подобного праздника. К тому же стало интересно: а как обстоят дела с литературной сказкой, столь близкой по духу фантастике, в сфере любительского театра? Наш корреспондент посетил большую часть спектаклей фестиваля и спешит поделиться своими впечатлениями.

Фестиваль «Пролог-2006» проходил с 5 по 13 ноября. Это уже третий «Пролог», и в скором будущем он предполагает не только сменить статус российского на международный, но и стать базой проведения всемирного мероприятия такого рода. Основная часть конкурсных спектаклей (а из более полусотни заявок в финал вышли всего 15 театров) шла на площадке Музыкального театра юного актера — уникального детского заведения, существующего уже почти двадцать лет в центре Москвы, в здании, соседствующем со знаменитым Ленкомом.

Надо сказать, что география участников получилась весьма представительная — Москва, Подмосковье, Соликамск, Липецк, Елец, Нижний Новгород, Воронеж... Да и подбор спектаклей удивлял разнообразием: от психоделического танцевального действия под музыку «Пинк Флойд» и французский шансон (спектакль «Голос» коллектива «Эльта» из Ельца) до жесткой реалистической драмы «Над пропастью во ржи» по мотивам повести Сэллинджера (московская студия «И там, и сям») или сатирического бурлеска из жизни тарака-

нов (спектакль «Дихлофосу — нет!», московская студия «Я сам артист»).

Объединяло же столь разные спектакли отношение юных актеров к собственной «работе». Все они, от трехлеток до старшеклассников, исполняли свои роли с такой искренней имперсонацией, что им мог бы позавидовать любой взрослый театр. И еще один повод для зависти профессионалов — атмосфера дружбы, всеобщей доброжелательности. Кто сказал, что театр — это «террариум единомышленников», что на любом театральном фестивале идет сплошная закулисная грызня? Заглянули бы вы в ноябре в МТЮА, посмотрели бы, как рыдает переполненный зал над пронзительной постановкой «Легкое дыхание» по рассказам Бунина (московский «Театр на набережной») или залиvisto хохочет над очень смешной компиляцией пушкинских сказок «На золотом крыльце сидели» (студия «Волшебники» из Воронежа). А ведь на сцене — прямые конкуренты! Да и в труппах отношения совсем иные — вот только что блестяще отыгравшему роль царя в вышеупомянутой пушкинской феерии (и впоследствии получившему за эту роль спецприз) мальчишке не достается места в зале (забыли занять!), и он спокойно, без истерик, присущих приме, пристраивается на ступеньках; а вот ма-

лыш, только что шаливший в коридоре на горе педагогам, внезапно преображается и становится потрясающим Гадким Утенком, мечтающим о полете (спектакль «Давайте летать», театр-студия «Перемена» из Соликамска); а вот театры слабослышащих (из Нижнего Новгорода) и слабовидящих (из Липецка) выступают на бис под бурные овации...

Не обошлось и без ложки дегтя. Я имею в виду сам принцип подбора материала для спектаклей. В большинстве своем это либо осовремененные адаптации классических литературных сказок (не обязательно даже осовремененные: так студия из подмосковного Юбилейного со значимым названием «Эксперимент» поставила компиляцию из сказок Андерсена «Соловей» в стилистике китайского театра), либо реалистические пьесы собственного сочинения. Создается ощущение, что современный культурный поток, мейнстрим в самом широком понимании этого слова, и детский любительский театр, главная задача которого по словам организаторов — привлекать и воспитывать юного зрителя, находятся в параллельных измерениях. Хорошую пьесу ведь можно создать и на базе компьютерной игрушки, и на нее молодежь младшего и среднего возраста пойдет с гораздо большей охотой, чем, например, на пусть и за-

мечательную переработку пусть и замечательной сказки Яна Экхольма («Никто не поверит», студия «Класс-Центр»). Неужели для пронзительного спектакля, посвященного мечте о полете, надо брать за основу историю андерсеновского Гадкого Утенка — которая ведь совсем не о том?

Не удивительно, что в результате победила классика в самом традиционном варианте. В номинации «Лучший спектакль» лауреатом стала костюмированная (хоть и с минимумом декораций) постановка «Сон в летнюю ночь». Никаких модернизаций в духе Кеннета Браны, а «нормальный» спектакль с соблюдением всех театральных традиций. По коварному замыслу ехидного Вильяма

нашего Шекспира успех пьесы серьезно зависит не от мастерства исполнителей главных ролей, а от прямого попадания в образ хулигана Пэка, что труппа колледжа музыкально-театрального искусства № 61 очень точно передала.

Но особенно радует, что в стране растет интерес к детскому театру: на закрытие и вручение многочисленных премий фестиваля приехали и артист Леонид Ярмольник, и режиссер Алла Сурикова, и неувядающая актриса Вера Васильева, и выпускник МТЮА певец Николай Басков. Да и властные структуры не остались в стороне.

Курсор

Всемирный

конвент фэнтези состоялся 2—5 ноября в Остине, штат Техас. Центральным событием фестиваля стало традиционное вручение призов World Fantasy Awards. Некоторые из результатов оказались неожиданными: так, в номинации «Роман» победила книга Харуки Мураками «Кафка на пляже». Приз за лучшую повесть получило «Добровольное обязательство» Джо Хилла, лучшим рассказом был назван «ComtComt» Джорджа Сандерса, лучшим сборником — «Опера замочной скважины» Брюса Холланда Роджерса.

Оригинальный юбилей

отметили киевские фантасты Марина и Сергей Дяченко. Супруги подсчитали, что 11 ноября им в сумме исполнилось 100 лет, если сложить годы, месяцы и дни жизни. Знаменательной дате был посвящен торжественный вечер.

Эдди Мерфи

сыграет роль... звездолета в фантастической комедии студии 20th Century Fox «Звездолет Дэйв». Кроме корабля для микроскопических инопланетян, Мерфи будет и командиром экипажа. Режиссер фильма — Брайан Роббинс. Съемки начнутся весной 2007 года.

«Завтра война»

— это уже не только космоопера Александра Зорича, это еще и компьютерная игра по мотивам трилогии с множеством сюжетных «киношных» вставок. Игроки вместе с главным героем саги кадетом Северной Военно-Космической академии Андреем Румянцевым испытают разнообразные приключения в космосе и на удаленных планетах, поучаствуют в космических битвах и повоюют с пиратами. Сценаристом космического симулятора стал сам харьковский дуэт.

На Западе

игры и книги уже создаются одновременно — например, в проекте Орсона Скотта Карда. К выходу романа «Империя», повествующего о новой Гражданской войне в США, поспеет одноименный цикл комиксов и экшн-видеоигра. А до начала съемок экранизации под руководством знаменитого продюсера Джозела Сильвера и вовсе рукой подать.

Очередной «Зиланткон»,

крупнейший ролевой конвент, участниками которого стали более двух с половиной тысяч человек, состоялся в Казани в начале ноября. Литературную премию «Большой Зилант» на этот раз получил Леонид Кудрявцев за цикл романов

о Хантере, Лиссандре и Крысином Короле. Также было вручено несколько премий «Дюрандаль» — за участие в развитии и поддержке ролевого движения, в том числе за освещение ролевых игр в СМИ.

Братьям Вачовски

предложено написать сценарий и поставить полноэкранную киноверсию хорошо знакомого российскому зрителю японского телевизионного аниме-сериала «Спиди-гонщик». Первые выпуски сериала, созданного пионером аниме Тацуо Йошида, начали выходить еще в шестидесятые годы.

Сэр Уинстон Черчилль

был тайным поклонником научной фантастики, считают британские историки. Выяснилось, например, что определение «надвигающаяся буря», которое Черчилль использовал в отношении растущей мощи фашистской Германии, было позаимствовано у Герберта Уэллса, из его романа «Война миров». Видны параллели между знаменитой речью Черчилля в Глазго в 1906 году и еще одной книгой Уэллса — «Современная утопия». Незадолго до выступления политик в письме фантасту восторженно отозвался об этой книге, а в дальнейшем пристально следил за работами писателя.

Пришельцы

захватят пионерлагерь (точнее, его американский аналог) в экранизации романа известной актрисы Джини Гершон, написанного в соавторстве с ее братом Дэнном Гершоном. «Страшное время в лагере» поведает историю, в которой 13-летний мальчишка узнает, что здесь все взрослые — инопланетяне. Права на экранизацию приобрела компания DreamWorks.

«Странник»,

известный питерский конвент, окончательно сменил формат. Он стал тематическим, и теперь премии вручаются по итогам пятилетних достижений в том или ином субжанре фантастики. На этот раз темой конгресса, проходившего в конце ноября в Санкт-Петербурге, стала фэнтези. Призы «пятилетки» получили: в категории магическая фэнтези — Роман Злотников за «Арвендейл»; историческая — Алексей Иванов за «Сердце Пармы»; юмористическая — Михаил Успенский за «Белый хрен в конопляном поле»; городская фэнтези — Елена Бычкова, Наталья Турчанинова, Алексей Пехов за «Киндрэт. Кровные братья». Также были вручены

две персональные премии Ника Перумова: «Ника» и «Звезда поколения». Их получили дамы: Вера Камша за «Лик победы» и Анастасия Парфенова за «Город и ветер».

In memoriam

10 ноября в своем доме в городе Портейлз, штат Нью-Мексико, на 99-м году жизни скончался последний из великого довоенного поколения американских фантастов — Джек Уильямсон.

Джон Стюарт Уильямсон родился 29 апреля 1908 года в Бисби, штат Аризона. Уже в 20 лет он начал печататься: в журнале «Amazing» был опубликован его рассказ «Металлический человек».

В 1934 году вышел в свет первый роман одноименного цикла «Космический легион», а в 1938-м автор, выпустив «Легион времени», начал еще один знаменитый НФ-сериял. Впоследствии Уильямсон стал одним из активных членов «могучей кучки» фантастов, группировавшихся вокруг Джона Кэмпбелла и его журналов «Astounding Science Fiction» и «Unknown». В послевоенные годы он продолжал писать фантастику — уже как «живой классик жанра», а в 1975 году вторым из писателей получил звание Grand Master. На счету фантаста также несколько премий «Хьюго», «Небьюла», Мемориальная премия имени Джона Кэмпбелла, Премия имени Брэма Стокера, Всемирная премия фэнтези.

Считается, что именно Уильямсон придумал такие термины, как андроид, терраформирование, геновая инженерия, псионика, космопорт, ионный движитель, теллурианин, нейтрониум. В дальнейшем эти термины были взяты на вооружение не только его коллегами, но и учеными.

Агентство F-прессе

Уважаемые члены Большого жюри!

Пора за работу! Возьмите, пожалуйста, лист для голосования на приз читательских симпатий «Сигма-Ф» (см. последние две страницы предыдущего номера «Если») и подумайте над тем, кого бы вы назвали лучшими. Анкеты можно высылать до 5 февраля, но мы будем весьма признательны, если вы найдете возможность сделать это сейчас.

Заранее благодарим!

Адрес: Москва, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9.

ИД «Любимая книга», журнал «Если»

Редакция

АМНУЭЛЬ Павел Рафаилович

Писатель и ученый-астроном Павел Амнуэль родился в 1944 году в Баку. Окончил физический факультет Азербайджанского государственного университета; кандидат физико-математических наук.

В течение многих лет Павел Амнуэль был сотрудником Шемахинской астрофизической обсерватории, работал в Бакинском Институте физики. Автор более 60 научных работ в области релятивистской астрофизики, а также методики развития творческого воображения, используемой как часть ТРИЗ.

Дебютировал в 1959 году в журнале «Техника—молодежи» (рассказ «Икаррия Альфа»), а в 1984-м появилась первая книга — «Сегодня, завтра и всегда». Позже вышли в свет новые книги: «Капли звездного света» (1990), «Приговоренные к высшей мере» (1990), «День последний — день первый» (1993), «Люди Кода» (1997; 2006) и «Все разумное» (2002). Научно-фантастические, а также детективные рассказы и повести Павла Амнуэля публиковались в отечественной и зарубежной периодической печати, во многих сборниках и антологиях, а рассказ «20 000 000 лет спустя» включен в антологию «Фантастика века».

Кроме того, писатель активно выступает с публицистическими и критическими материалами по различным проблемам НФ (в том числе и на страницах «Если»). С 1990 года П.Амнуэль живет в Израиле.

Лауреат приза «Великое кольцо» (1982).

КОЛОДАН Дмитрий Геннадьевич

Петербуржец Дмитрий Колодан родился в 1979 году. Высшее образование получил на биологическом факультете РГПУ им. Герцена. В настоящее время работает дизайнером в рекламном издании. Выпустил около 20 книг с описанием компьютерных игр.

Первая публикация в жанре — рассказ «Покупатель камней» («Если», 2005). С тех пор опубликовал ряд рассказов в жанровой периодике и в сборнике «Мифотворцы: Портал в Европу». В 2006 году стал победителем конкурса «Роскон — Грелка». Написанный в соавторстве с Кариной Шаинян рассказ «Затмение» («Если», 2006) вошел в антологию лучших фантастических произведений года.

МИХАЙЛОВ Владимир Дмитриевич

Мэтр отечественной фантастической прозы Владимир Михайлов родился 24 апреля 1929 года в Москве, однако после ареста родителей ему пришлось перебраться в Ригу к родственникам, где он прожил до начала 1990-х годов. Некоторое время учился на юридическом факультете Латвийского университета, но закончил филологический факультет. После учебы работал в журнале «Дадзис», а в 1963 году возглавил республиканскую газету «Литература ун максла» («Литература и искусство»). В 1980-е годы писатель редактировал литературный журнал «Даугава», на страницах которого печатались в том числе и НФ-произведения.

Публиковаться Владимир Михайлов начал в 1950-х — как поэт и журналист. Первым выступлением в жанре стала повесть «Особая необходимость», напечатанная в 1962 году в альманахе «Искатель». Такие книги, как «Люди Приземелья» (1966), «Люди и корабли» (1967), «Ручей на Япете» (1971), вывели писателя в число ведущих авторов «твердой» НФ. Однако подлинную популярность он приобрел после выхода ставших классикой романов социальной НФ — «Дверь с той стороны» (1974) и «Сторож брату моему» (1976). Последний положил начало самому известному циклу фантаста — о капитане Ульдемире (в конце 1990-х именем этого литературного героя астрономы назвали одну из звезд Солнечной системы).

Диапазон творчества писателя простирается от жесткой социальной фантастики до НФ-детектива. За более чем 40-летнюю творческую деятельность В.Михайлов выпустил более 30 книг, в том числе — «Тогда придите и рассудим» (1983), «Один на дороге» (1987), «Не возвращайтесь по своим следам» (1991), «Ночь черного хрусталя» (1991), «Посольский десант» (1996), «Приют ветеранов» (1996), «Вариант И» (1997), «Наследники Ассарта» (1998), «Кольцо Уракары» (2000), «Завет Сургана» (2002), «Решение номер три» (2005).

В премиальном списке писателя значатся все основные отечественные жанровые награды.

СИНЯКИН Сергей Николаевич

Волгоградский фантаст Сергей Синякин родился в 1953 году в семье военнослужащего в поселке Пролетарий Новгородской области, в 1965-м семья переехала в Волгоград. Вернувшись из армии, Сергей поступил на работу в органы внутренних дел, где прослужил до 1999 года, пройдя путь от рядового милиционера до подполковника, начальника «убойного отдела».

Первая повесть автора «Шагни навстречу» была опубликована в 1988-м в городской газете. Двумя годами позже увидела свет дебютная книга — сборник «Трансгалактический экспресс» (1990). Еще через год вышел новый сборник «Лебеди Кассиды» (1991), но после этого Сергей Синякин на десятилетие исчез из жанра.

Возвращение в фантастику стало весьма заметным — первая же повесть «Монах на краю Земли» («Если», 2000) получила сразу три престижные награды: «Сигму-Ф», «Бронзовую улитку» и АБС-Премия.

Перу Сергея Синякина принадлежат книги: «Владычица морей» (2000), «Вокруг света с киллерами за спиной» (2001), «Злая ласка звездной руки» (2001), «Люди Солнечной системы» (2002), «Операция прикрытия» (2003), «Пространство для человечества» (2004), «Заплыв через реку Янцзы» (2004) и другие.

ТРУСКИНОВСКАЯ Далия Мейеровна

Рижанка Далия Трускиновская родилась в 1951 году. Окончила филологический факультет Латвийского госуниверситета им. П.Стучки. С 1974-го —

профессиональный журналист. В том же году появились первые поэтические публикации, а прозаическим дебютом стала историко-приключенческая повесть «Запах янтаря», напечатанная в журнале «Даугава» (1981). В 1984 году увидел свет первый авторский сборник детективных произведений Трускиновской, название которому дала повесть-дебют. Иронические детективы писательницы объединены в нескольких сборниках — «Обнаженная в шляпе» (1990), «Умри в полночь» (1995), «Демон справедливости» (1995) и «Охота на обезьяну» (1996). Повесть «Обнаженная в шляпе» в конце 1980-х была экранизирована.

Участница семинаров ВТО МПФ, Д.Трускиновская впервые выступила в фантастике с повестью «Бессмертный Дим» (1983), однако широкую известность ей принесла повесть в жанре городской фэнтези — «Дверинда» (1990). С тех пор писательница «отработала» почти во всех направлениях фантастики, отдавая, однако, предпочтение историко-фэнтезийной ветви и городской сказке. Перу Д.Трускиновской принадлежат книги «Люс-А-Гард» (1995), «Королевская кровь» (1996), «Шайтан-звезда» (1998), «Аметистовый блин» (2000), «Жалобный маг» (2001), «Нереал» (2001), «Дайте место гневу Божию» (2003). Полная версия романа «Шайтан-звезда», изданная в 2006 году, включена в шорт-лист премии «Большая книга».

Дважды, в 2001-м и 2002-м, писательница становилась лауреатом приза читательских симпатий «Сигма-Ф» за рассказы, опубликованные в «Если». Кроме того, на ее счету премия фестиваля «Зиланткон» (2000), а также Премии ТО Союза писателей РФ.

ФРЕДЕРИК Карл (FREDERICK, Carl)

Американец Карл Фредерик (родился в 1963 году) по образованию физик-теоретик, специализировался в квантовой теории относительности. По окончании университета защитил диссертацию и работал в НАСА и Корнеллском университете, а в последнее время — в компании, занятой разработкой программного обеспечения.

Фредерик посещал курсы для молодых авторов *Odyssey* и дебютировал в научно-фантастической литературе рассказом «Исследование жуков», опубликованным в 2003 году в журнале «Analog»; там же и в том же году вышел и второй рассказ Фредерика — «Инцидент с космическими мышками». Оба эти произведения были отмечены на ежегодном конкурсе молодых фантастов «Писатели будущего». С тех пор автор опубликовал 12 рассказов. В настоящее время Карл Фредерик живет с женой, двумя детьми и домашним роботом в сельской местности в окрестностях Итаки (штат Нью-Йорк), предпочитая проводить свободное время за изучением иностранных языков и игрой на шотландской волынке.

**Подготовили
Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ**